МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт национальной культуры и межкультурной коммуникации

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ФИННО-УГОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ**

ПРОБЛЕМЫ МАРИЙСКОЙ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФИЛОЛОГИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЙОШКАР-ОЛА
2021

УДК 81.115+82.091
ББК 80(4Рос)
П781

Редакционная коллегия:

Р.А. Кудрявцева *(отв. ред.),* ***Т.Н. Беляева*** *(разделы 2 и 3),*
Е.М. Андрианова *(раздел 1),* ***М.В. Рябинина*** *(раздел 4)*

Рецензенты:

А.Ф. Мышкина, д-р филол. наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова;

Л.С. Матросова, канд. филол. наук, и.о. зав. кафедрой марийского языка и литературы Марийского государственного университета.

Утверждено Ученым советом
Марийского государственного университета

П781 **Проблемы марийской и сравнительной филологии:** сб. статей / Мар. гос. ун-т; сост. *Т.Н. Беляева*; отв. ред. *Р.А. Кудрявцева*. Йошкар-Ола, 2021. 271 с.

ISBN 978-5-6046088-4-5

Данный сборник представляет собой 8-ой выпуск научного издания кафедры финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета. Он сформирован на основе докладов и сообщений, подготовленных участниками VIII-ой заочной Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы марийской и сравнительной филологии» (29 октября 2021 года), посвященной Году науки и технологий.

Сборник адресован ученым, преподавателям вузов, докторантам, аспирантам, студентам, учителям и всем интересующимся вопросами марийской и сравнительной филологии.

Ответственность за содержание материалов, глоссирование и перевод примеров несут авторы статей.

УДК 81.115+82.091
ББК 80(4Рос)

ISBN 978-5-6046088-4-5

© Коллектив авторов, 2021
© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2021

'21
Год
науки
и технологий

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. Актуальные проблемы современного марийского и сравнительно-сопоставительного языкознания

Барцева Е.А. Тоштемше мут-влакын ышталтмышт (Ӧден Бекен «Диалектологический словарь марийского языка» пашаже негызеш) 8–10
Барцева Л.И. И.Г. Ивановын «Мутвундынам пойдарена. У мут-влак мутерыштыже» лексико-синтаксический йӧн дене лийше неологизм-влак 10–12
Горячева М.А. Республика Марий Эл: динамика функционирования «нетитульных» языков в системе школьного образования 12–17
Гусева Э.В. Лингвистические особенности стилистического приема сравнения в разносистемных языках 17–20
Кондрашкина Е.А. Языковой сдвиг: причины и влияние на витальность языка 20–23
Костина К.Г. Лингвистические основы изучения глагольной категории залога 23–26
Кузнецова М.Н. Новые издания Я. Пустаи об уральских языках и народах 26–37
Михайлова К.Е. Марий йылмыште айдемын койыш-шоктышыжым почын пуышо лексике 37–39
Пекшеева Э.И. Тематическая группа «пчеловодство» в марийском языке: особенности системных отношений 39–43
Пустаи Янош. Опыт проекта *Terminologia Scholaris *Школьная терминология* в связи с марийским языком 43–47
Сергеев О.А. Об одном устаревающем слове марийского языка 47–50
Сибатрова С.С. Об одной из моделей прономинальных словосочетаний в марийском языке 50–54
Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Этнотопонимы в марийских географических названиях 54–61
Эрцикова Г.А. Лексика левобережных говоров горного наречия с точки зрения активного и пассивного употребления (на материале озеркинского, ардинского и юринского говоров) 61–65

РАЗДЕЛ II. Опыт развития национальных литератур и перспективы сравнительного литературоведения Урало-Поволжья

Арзамазов А.А Марийская поэзия в антологии современной литературы народов России и в пространстве интернета: взгляд извне 66–69
Беляева Т.Н. Тыныш Осыпын драматургийже 69–74
Бояринова Г.Н. А. Волковын «Майрук» драмыже: поэтике йодыш 74–77
Бояринова Г.Н. Философская лирика Шабдара Осыпа 78–81
Быкова Д.И. Олык Ипайын «Янай – Аргемблатын эргыже» поэмыже: конфликт йодыш 81–85
Быкова К.В. М. Шкетанын «Эреҥер» романже: проблеме кышкар 85–88
Васильева Д.А. В. Ивановын «Тӱтан» романыштыже Елена Таныгинан образше 88–91

Гусева Н.В. В. Матвеевын «Мыйым ида коч…» ойлымашыжын поэтикыже 91–94
Зайцева Т.И., Степанова Т.С. Литературное наследие удмуртского просветителя Г.Е. Верещагина: к проблеме рецепции 94–99
Карпов И.П. Литература Республики Марий Эл в аспекте смены литературных поколений 99–104
Котова А.В. Семантическая классификация объектов и образов сравнений в речи персонажей в римском героическом эпосе 104–107
Любимов Н.И. Гражданская лирика Альберта Васильева: философский подтекст 107–110
Максимова О.М. Миниатюра в удмуртской прозе 1960–1980-х гг. 110–113
Михайлов В.Т. Ю. Артамоновын «Каза шӧр» койдарчык повестьше: теме, проблеме да жанр ойыртем 113–116
Никифорова К.Г., Кудрявцева Р.А. Авторская концепция понятий *цвести / цветущий* в лирике В. Изиляновой 117–122
Пантелеева В.Г. Удмуртская переводная детская литература первой половины XX века: статус и функции 123–127
Пендельская Е.А. Характерологическая функция интерьера в романе З. Катковой «Где ты, счастье мое?» 127–131
Петрова Е.Н. Фронтовая лирика удмуртского поэта Т.И. Шмакова 131–134
Пчелкина А.П. Лидия Иксанован «Мый шочмэлым йӧратем» сборникысе мутсаскаже-влак 135–138
Рыбаков И.Я. Жанр автобиографической повести о детстве в удмуртской литературе рубежа XX–XXI вв**.** 138–140
Рябинина М.В. Г. Алексеевын «Куку муро ойган» повестьыштыже ӱдырамашын көргӧ тӱняжым почын ончыктымаш 140–144
Самсонова Е.С. Языковые особенности повести удмуртского писателя Л.Л. Ганьковой «Кулак пиос» («Кулацкие дети») 144–147
Хайруллин Р.З. Творчество Сергея Чавайна в контексте эпохи 147–150
Хасанов Р.Ф. Характеры и обстоятельства в дилогии З. Ураксина 150–153
Шеянова С.В., Ермина Н.И. Типология женских образов в рассказах Т. Барговой 153–156
Яковлева Н.И. Драме произведенийым лончылымо ойыртем (К. Коршуновын «Кӱдырчан ӱжара» пьесыж почеш) 156–160

РАЗДЕЛ III. Вопросы изучения фольклора и фольклорно-мифологического интертекста в литературе

Абукаева Л.А. Репрезентация концепта *Юмо* ‘Бог’ в текстах марийских заговоров 161–163
Ласточкина Е.Г. Эвфемизмы в сфере устного творчества народа мари 163–166
Максимов В.Н. Марий кумалтыш мутышто обращенийын верже 167–170
Молодцова Ю.Ю. Язык танцевального фольклора удмуртов 171–173
Морозова Е.Н. Повтор как средство организации повествования в марийских сказках 174–176
Пантелеева Е.В. Символика леса в поэзии Вячеслава Ар-Серги 177–179
Тимофеева П.А. М. Ушакован «Вӱтельылан шерге шке купшо але тошто пӧртын монологшо» повестьыштыже мифологий проблеме 180–183

Юсупова Н.М., Юсупов А.Ф. Суфийская символика в татарской поэзии XIX века как завершающий элемент матрицы символизации 183–185

РАЗДЕЛ IV. Проблемы национальной культуры, образования и межкультурной коммуникации

Алгаева Е.П. Кыдалаш школышто кызытсе марий литератур йылме уроклаште причастийым тунеммаш 186–188
Алексеева Л.В. Методы изучения сложносочиненных предложений марийского языка в школе 188–190
Александрова Х.Г. Марий йылме дене урок деч örдыжысö пашам эртарыме годым квест йöным кучылтмаш 190–193
Андреева И.Н., Артёмова А.А. Развитие внимания у младших школьников на занятиях по русскому языку 193–196
Андреева И.Н., Дубовникова А.Ю. Развитие связной речи младших школьников в работе над изложением 196–199
Андреева И.Н., Емельянова Е.Р. Дидактическая игра как средство развития комуникативных УУД на уроках русского языка во втором классе 199–202
Андреева И.Н., Федорова К.А. Диагностика уровня развития регулятивных учебных действий у учащихся 2 класса 202–204
Андреева И.Н., Чурикова Ю.А. Воспитание патриотических чувств младших школьников 205–207
Андреева И.Н., Ямбаршева А.А. Диагностика уровня развития внимания младших школьников 207–210
Ведерникова Н.Д. Социально-педагогическая деятельность с детьми дошкольного возраста в музее 210–213
Гусева Е.В. Лингвострановедческое чтение как вид речевой деятельности (на материале художественных текстов А.М. Ремизова. Образ судьбы в романе «Пруд») 213–217
Замброва Т.Л., Виногорова М.С. Технология проектно-исследовательской деятельности обучающихся на уроках родного (русского) языка (из опыта работы) 217–219
Иксанова Л.Г. Марийский язык и этнокультурная образовательная среда общеобразовательной школы 220–223
Ишимова Н.О. Марий йылме дене урок деч örдыжысö пашаште диалект материалым кучылтмаш 223–225
Киткаев Е.В. Изучение имен существительных на уроках марийского языка в основной общеобразовательной школе 225–227
Куклина И.Е. Сохранение национального культурно-языкового многообразия: опыт работы Куженерского района Республики Марий Эл 228–230
Кунцева Е.В. Использование фонда «Ткани» в деятельности Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева 230–233
Лёвшина А.В. Этнокультурные компетенции в обучении ткачеству на материале Алексеевской фабрики художественного ткачества 233–236
Ложкина В.В. Особенности изучения деепричастия на уроках марийского языка в ООШ 236–238
Мальцева Е.В., Анисимова Т.М. Использование элементов краеведения и истории родного края в курсе математики 238–242

Никитина М.А. Фольклор как средство психологической коррекции личности дошкольников с задержкой психического развития 242–245
Сергеева А.А. Урок-погружение как форма патриотического воспитания школьников 245–248
Суворова Я.А. Традиции и обычаи народа мари в этнокультурном образовательном пространстве сельской школы 248–250
Фурзикова А.Р., Мальцева Е.В. Использование межпредметных связей на уроках математики в начальной школе 251–253
Шабыков В.И. Марийская традиционная религия на современном этапе (социологический ракурс) 254–263
Шкалина Г.Е. Марла мары Измаил Ефимов 263–266

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 267–270

РАЗДЕЛ I.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МАРИЙСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.511.151’373

Е.А. Барцева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Барцева Л.И., канд. филол. наук, доц.

ТОШТЕМШЕ МУТ-ВЛАКЫН ЫШТАЛТМЫШТ (ӦДЕН БЕКЕН «ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА» ПАШАЖЕ НЕГЫЗЕШ)

В статье анализируются способы словообразования устаревших слов, извлеченных из многотомного «Диалектологического словаря марийского языка» Ӧ. Беке.
***Ключевые слова**: диалект, лексикография, словообразование, сложение, суффиксация, суффиксация в сочетании со сложением.*

Ӧ. Бекен «Диалектологический словарь марийского языка» лексикографий пашаже 1997–2003-шо ийлаште Венгрийыште, Сомбатхей олаште, савыкталтын. Индеш томан марий диалект мутер Сомбатхей университетын урал филологий кафедрысе пашаен-влакын тыршымыштлан кӧра ош тӱням ужын. Ты кугу пашам профессор Янош Пустаи вуйлатен.

Мутерыште шомак-влак венгр да немыч йылмыш кусарен пуымо улыт. Кажне мутер статьям 1916–1918-ше ийлаште Икымше империалист сар жапыште немыч пленыш логалше 29 марий салтакын каласкалымыже почеш Ӧ. Бекен возен налме марий материалже негызеш умылтарыме, пенгыдемдыме.

Уникальный мутер гыч ме тоштемше мут-влакым чумыренна. Статьяштына ожнысо шомак-шамычын лиймыштым эскерена. (Мут-влакын возалтмышт, ышталтмышт оригиналысе материалым шотыш налын пуалтеш). Ондак историзм-влакым шергалына.

Историзм – тиде тоштемше, кызыт кучылталтдыме предмет ден явленийым, умылымашым ончыктышо пассивный мутвундо [1, с. 78]. Мутерыште улшо историзм-влакын чоҥалтме кышкарышт тӱрлӧ. Ме нуным тыгай тӱшкалан шелына:

1) суффиксаций: *алтенче, виктыш, вужык, шыҥалык, ялче* да т.м.: *Алтенче* торгая тыгыде сату дене [2, с. 44]; Кӧ мо дене мошта ышта *шыҥалыкым*, пазарыште налме дене ыштат и шке мынер ден ургат. *Шыҥалыкым* малме годым тӱрлӧ карме пурмо деч [6, с. 2354]; Мый ожно илышым *ялчыште* [3, с. 366].

2) мут ушалтмаш: *ворвожний → ворвож + ний*, *латшымыр → лу(ат) + шым + ыр* (ур), *мардежвакш → мардеж + вакш*, *мелгандыра → мел + кандыра*, *пӱрашвате → пӱраш + вате*, *пӱрашмари → пӱраш + марий*, *шымыр → шым + ыр* (ур), *шыҥашовыч → шыҥа + шовыч* да т.м.: *Пӱрашмари* ден *пӱрашвате* ончыч кает, сӱан тарваныме деч ончыч кает, ӱдыр деке пӱрашлан, вара сӱан мия почеш [5, с. 2071]; Ял мучаште *мардежвакш* шинча [4, с. 1410].

3) мут мужыралтмаш: *ава-гумдыр*, *ар-ний*, *карля-тоя*, *пурса-олымбал*, *сыра-корка*, *чазга-корка*, *шуар-вондо* да моло: *Сыра-коркам* пу дене ыштыме, тыртыш, кучемже уке, ведра гыч стопкаш оптат [5, с. 2199]; Кунам *ӱдыр-аракам* йӱаш тӱҥалыт, тунам пуат аважлан посна авагумдырым; Сӧрмари годым марлан кайышаш ӱдыр *чазга-горкам* йӱктен коштеш: *чазга-горкаште* арака уло: *чазга-горкам* йӱеш сӧрмари еҥ, вара тушко оксам колта, ӱдыр вара налеш ти корка гыч оксам; южо теҥгем, южо пелтеҥгем, южо шымлырым пышта; кӧлан кунаре кӱлеш, ты окса лиеш марлан кайыше ӱдырлан [7, с. 3045].

4) ушалтмаш да суффиксаций: *латшымыраш* (пятикокопеечная), *шӱдыраш* (двадцатипятикопеечная), *шымлыраш* (двадцатикопеечная), *шымыраш* (двухкопеечная): *Шӱдыраш* теҥгем кидышкем кучыктен кодыш [6, с. 2587]; *Шымлыраш* тага [6, с. 2347]; Куэ лышташ *шымыраш* гай – икияшым ӱдыман [6, с. 2347].

5) муткылдыш гыч шогышо: *вӱчан ӱштӧ*, *пота ӱштӧ*, *почкама коптак*, *пуалтыме пуч*, *шул ыштыр* да молат:

Пота ӱштӧ кумда, меж шӱртӧ дене кумо. *Пота ӱштым* меж дене куат [5, с. 1934]; *Почкама коптакым* шӱштӧ дене, суран дене ыштат, кум угылан оксам ургат, тӱрешыже шер ярымым ургат [5, с. 1951]; *Шул ыштырым* пайрем годым пидыт, марлан кайме годым пидыт, марлан кайме годым шӧрмари-вате пидеш [6, с. 2539].

Венгр шымлызын марий диалектологий мутерыштыже архаизм-влакат (кызытсе предмет ден явленийын у шомак дене алмашталтше тошто лӱмышт) кумдан палемдалтыныт. Ышталтме шотышто историзм-влак деч кугун торлен огыт шого. Тыгак утларакшым суффиксаций (*арсыр* «беспутный, непутевый», *витньызе* «докладчик, доносчик», *йормакан* «изношенный, оборванный», *пуэр* «гарь, лесная территория с древостоем, погибшим от пожара»), мут ушалтмаш (*капкыл* «быстро», *кумыр* «копейка», *мелвуй* «грудина»), мут мужыралтмаш (*асак-косак* «негодный», *мужо-водыш* «болезнь», *сыҥса-шудо* «цветок, распускающийся во время цветения ржи») йӧн-влакым ончыкташ лиеш.

Ӧ. Бекен «Диалектологический словарь марийского языка» пашаштыже мут ышталтме йӧн-влак кызытсе марий йылмысе гаяк улыт. Мутат уке, тошто шомак-влак возалтме да южышт значений шотышто ойыртемалтыт. Туге гынат, ты мутер мыланна пеш кӱлешан. Тудын полшымыж дене ме шочмо йылмынан вияҥ толмо историйжым, диалект ойыртемжым, калыкнан йӱлажым, тӱвыражым келгынрак, рашрак пален налына. Тудо мыланна шуко сай да пайдале информацийым пуа.

Литератур

1. *Барцева Л.И., Галкин И.С.* Кызытсе марий йылме. Лексикологий. Йошкар-Ола: Изд. дом, 2003. 184 с.

2. *Беке Ö.* Диалектологический словарь марийского языка. Будапешт. Т. 1. 1997. 256 с.
3. *Беке Ö.* Диалектологический словарь марийского языка. Будапешт. Т. 2. 1997. С. 257–602.
4. *Беке Ö.* Диалектологический словарь марийского языка. Будапешт. Т. 5. 2000. С. 1397–1746.
5. *Беке Ö.* Диалектологический словарь марийского языка. Будапешт. Т. 6. 2000. С.1747–2276
6. *Беке Ö.* Диалектологический словарь марийского языка. Будапешт. Т. 7. 2001. С. 2277–2639.
7. *Беке Ö.* Диалектологический словарь марийского языка. Будапешт. Т. 9. 2001. С. 3005–3332.

УДК 811.511.151’373

Л.И. Барцева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

И.Г. ИВАНОВЫН «МУТВУНДЫНАМ ПОЙДАРЕНА. У МУТ-ВЛАК МУТЕРЫШТЫЖЕ» ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ЙӦН ДЕНЕ ЛИЙШЕ НЕОЛОГИЗМ-ВЛАК

В статье анализируется лексико-синтаксический способ образования новых слов в марийском литературном языке. Теоретические положения подкреплены примерами, взятыми из лексикографической работы проф. И.Г. Иванова «Мутвундынам пойдарена. У мут-влак мутер».

***Ключевые слова**: аббревиатура, лексема, лексико-синтаксический способ словообразования, морфемный способ словообразования, семантика, языкознание.*

Марий йылмышанчыште мутым ыштымаште морфемыдыме йӧн кумдан кучылталтеш. Морфемыдыме йӧн годым мут ыштыше йӧн семын аффикс-влак огыт кучылталт. Тыгодым деривационный значенийым ончыкташ моло тӱрлӧ йӧн-влак кучылталтыт: мут ушалтмаш, мут вашталтыше парадигмын вашталтмыже да семантике вашталтмаш [2, с. 140]. Морфемыдыме йӧнышкӧ лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический да лексико-семантический йӧн-влак пурат.

Мут ыштымаште лексико-синтаксический йӧн кумда верым айла. Кок але утларак мут, иктыш ушнен, йыгырмутым ыштат, тыгодым мут ышташ моло ешартыш йӧн ок кучылталт. Ваш ушнымо коклясе кыл икгай огыл. Тидым шотыш налын, йыгырмутым кок тӱшкалан шелыт: 1) ушалтше але подчинений йӧн дене лийше; 2) мужыран але сочинений йӧн дене виянгше.

Марий йылмыште ушалтмаш йӧн утларакшым лӱм мут радамыште шарлен. Тыгодым мут-влак нимогай вашталтыш деч посна ушалт кертыт але ушалтмышт годым икте-весылан келыштаралтыт.

Нимогай молеммаш деч посна ушалтше шомаклан И.Г. Ивановын «У мут-влак мутерыштыже…» [1] 174 примерым мумо. Мутлан, *теҥызоҥ* ‘прибой’; *кундемвуй* ‘глава администрации’, *алмашъеҥ* ‘дежурный’.

Икте-весылан келыштаралт ушалтмашлан 58 шомакым верештме. Келыштаралтме годым компонент-влак коклаште тӱрлӧ вашталтыш лиеш:

1) 1-ше але 2-шо шомакын тӱҥалтыш але мучаш букваже весемеш (тыгайже И.Г. Ивановын «У мут-влак мутерыштыже…» – 46 неологизм): *кукшывер* ‘суша’, *шерывӱд* ‘напиток’, *ӱшангудо* ‘представительство’, *кылгудо* ‘посольство’, т.м.; 2) муттӱҥ але мутын тӱҥалтыш але пытартыш ужашыже «пӱчкылтмаш». Тиде йӧн полшымо дене 12 у мут шочын, мутлан: *сотармут* ‘сатира’, *порувер* ‘евангелие’, *аклыммут* ‘рецензия’ да молат.

Лексико-синтаксический йӧнын эше ик ойыртемалтше тӱшкаже семын иктаж-могай кӱчыкемдыме шомакын але муттӱҥын тичмаш мут дене ушалтмыжым шотлыман. Тыге йыгырмут але аббревиатур шочеш [2, с. 168]. Тиде йӧн полшымо дене 20-30-шо ийлаште ятыр неологизм ышталтын. Мутлан, И.Г. Ивановын мутерыштыже лач нине ийлаштак ышталтше *илтарман* ’орган’> *илыше тарман* шомакым неологизм семын пуымо.

Лексико-синтаксический йӧнын вес тӱшкаже – мужыралтмаш. Неологизм-влак тӱшкаште мужыралтмаш йӧн дене ышталтше лӱм мут моткоч шагал. Нуно тыгай значениян улыт: 1) мужыралтмек, лишыл предметым иктешлен ончыктышо шомак – 1: *увер-аҥар* ‘информация’; 2) ваштарешла значениян мут-влак мужыралтмаш – 1: *уло-уке* ‘наличие, существование чего-либо’; 3) кок значений коклосе йӧршеш у значенийым ончыктышо лексеме-влак (кок шомакым мумо): *эр-кечывалвел* ‘юго-восток’, *эр-йӱдвел* ‘северо-восток’.

Лӱм мут дене танастарымаште сложный пале мут кок шомак гыч веле шоген кертеш. Кок муттӱҥ ушалтме дене лийше сложный пале мутым визытым верештме. Мутерысе йыгыр пале мут-влакым тыгай тӱшкалан шелаш лиеш: 1) *ик* шотлымо чот мут да олмештыш мут дене лийше: *икчумыр* ‘единый, объединенный, общий’; 2) ик шомакше – пале мут, весыже – лӱм мут: *ошломыж* ‘светло-пепельный’; 3) лӱм мут да шӧрымӧ частице ушалтме дене виянше: *тӱҥогыл* ‘второстепенный’.

Мужыралтше сложный пале мутым кокытым гына палемден кертына. Иктыже лишыл значениян кок шомак мужыралтме дене ышталтын: *умыр-леве* ‘умеренный’. Весыже – тӱрлӧ кугыт палым ончыктышо мут-влакын мужыралтмышт дене лийше: *лапка-лопка* ‘плоский’.

Лексико-синтаксический йӧн полшымо дене наречият ышталтеш. Ышталтме ойыртемыштым шотыш налын, нуным тыгак икмыняр тӱшкалан шелаш келшен толеш [3, с. 121]: 1) икымше компонентше – вес ойлымаш ужаш, кокымшыжо – наречий (4): *чурийваш* ‘лично’, *чонвошт* ‘искренне’, *чонваш* ‘задушевно’; 2) кок ужашге – тӱрлӧ знаменательный ойлымаш ужаш: *шкеволя* ‘добровольно’; 3) 1-ше ден 2-шо ужаш – знаменательный ойлымаш ужаш, 3-шо – служебный (тыште: икымше да кокымшо ужаш – лӱм мут, кумшо – почеш мут): *вуйушгыч* ‘наизусть’.

Иктешлен каласаш гын, марий йылмыште лексико-синтаксический йӧн ятыр у мутым ышташ полша. Суффиксаций деч вара тудо неологизмым ыштымаште кокымшо верыште шога. Чылаже лексико-синтаксический йӧн дене 253 неологизм ышталтын. Тышеч 245 ушалтмаш, 8 мужыралтмаш йӧн дене лийше улыт. Лексико-синтаксический йӧн полшымо дене утларакше лӱм мут-влак ышталтыныт. Пале мут ден наречийым ыштымаште ты йӧн шуэн кучылталтеш, молан манаш гын мутерыште у умылымаш-влак лӱм мут дене кумданрак каласалтыныт.

Литератур

1. *Иванов И.Г.* Мутвундынам пойдарена. У мут-влак мутер. Йошкар-Ола, 2001. 176 с.

2. *Лаврентьев Г.И.* Состав слова и словообразование в современном марийском языке. Йошкар-Ола, 1984. 190 с.

3. *Сергеев О.А.* Марий йылме. Мут ышталтмаш. Йошкар-Ола, 1995. 142 с.

УДК 81 272

М.А. Горячева
Институт языкознания РАН (г. Москва)

РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ: ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ «НЕТИТУЛЬНЫХ» ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье изучается тема функционирования языков в системе школьного образования Республики Марий Эл в хронологическом срезе 1997/98 – 2020/21 учебных годов, то есть за двадцать четыре года. Статья является продолжением изучения функционирования языков в системе образования данного субъекта Федерации, начатого автором в этом издании за прошлый год [3], где показывалась специфика изучения марийских горного и лугового языков в системе школьного образования Российской Федерации за последние двадцать лет в хронологическом срезе 2000/01 – 2019/20 учебных годов. Автор на основе диахронического анализа статистического материала делает выводы о динамике изучения «нетитульных» языков в школах Республики Марий Эл: татарского, удмуртского, чувашского.

Ключевые слова*: языковая политика, языковая ситуация в Республике Марий Эл, татарский язык, удмуртский язык, чувашский язык, коммуникативная сфера образования, республиканские государственные языки, язык обучения, языки в школе.*

В статье рассматривается функционирование языков в системе школьного образования Республики Марий Эл (далее – РМЭ) в хронологическом срезе 1997/98 – 2020/21 учебных годов, то есть за двадцать четыре года.

Данная статья является логическим продолжением предыдущей статьи автора в этом издании за прошлый год [3], в которой всё внимание было сосредоточено на республиканских государственных языках региона – марийском луговом и марийском горном языках. Главное внимание уделяется «нетитульным» языкам республики – татарскому, удмуртскому, чувашскому. Термин «нетитульные языки» в настоящее время стараются по ряду причин не использовать, но мы сочли уместным к нему обратиться из-за его смысловой ёмкости. Статья делится на две части: в первой даётся краткая характеристика национального состава республики в динамике, а во второй части речь идёт о функционировании конкретных языков в системе школьного образования региона.

Итак, рассмотрим этнический состав РМЭ на основе данных переписей 2002 и 2010 годов. Начало привлеченного нами для проведения диахронического периода исследования – 1997 год, который находится ближе к 2002 году, чем к 1989 году. Следует отметить, что ближе он не только по числу отделяющих его от переписей лет, но и по специфике протекающих в этот период процессов: как показывают приведенные А.А. Столяровым статистические данные XX века, сокращение численности населения началось в республике с 1993 года [8, с. 6].

В переписи 2002 г. нашли отражение 36 этносов, в переписи 2010 г. – более 100. Помимо указанных в таблице 1, довольно велико число белорусов (1406 человек в 2002 г. и 940 человек в 2010 г.), а также мордвы, азербайджанцев и армян; повысилось число узбеков. Численность других этносов не превышает 300 человек, многие представлены двузначными и даже однозначными числами.

К огромному сожалению, переписчикам было запрещено задавать уточняющие вопросы [6, с. 52], поэтому большинство мари назвали себя именно таким образом, а часть определили себя как горные или луговые марийцы. Если бы в процессе переписи было дано соответствующее разъяснение, численность мари была бы представлена сводимыми данными.

Таблица 1

Динамика наиболее многочисленных этносов в РМЭ
по переписям 2002 и 2010 гг. [составлено по: 1; 2]

	2002	**2010**	**Динамика в %**
Всего	727979	696459	-4,3
Русские	345513	313947	-9,0
Марийцы	312178	290863	-6,8
Горные марийцы	17715	23502	+32,7
Лугово-восточные марийцы	52696	200	-99,6
Чуваши	7418	6025	-18,8
Украинцы	5097	3601	-29,4
Удмурты	2166	1932	-10,8
Татары	43377	38357	-11,6

Таким образом, в 2010 г. численность русских составляла 45 %, марийцев 42 %, представителей всех остальных этносов – 13 %. Удельный вес русских в общем числе населения республики с 2002 по 2010 гг. упал на 2 %, удельный вес марийцев не изменился. Численность русских снизилась за это время на 9 %, марийцев – на 6,8 %. Как видим, среди «нетитульных» этносов республики наблюдается отрицательная динамика численности. Этот факт важен для исследования причин динамики функционирования данных языков в системе школьного обучения региона.

Во второй части статьи обратимся к статистическим данным по школьному обучению за почти четверть века. Язык может выполнять целый ряд функций, но статистически учтенными являются две основные: функция средства обучения и функция предмета изучения. Безусловно, средство обучения не подразумевает полный цикл предметов на данном языке, ограничиваясь зачастую рядом предметов гуманитарного цикла. Понятие «предмет» не так давно усложнилось подтипом «интегрированный» с другими дисциплинами, которые раньше выступали в качестве отдельных: литература, культура, история данного народа. Ситуация осложняется также наличием нескольких типов программ. Что касается количества учебных часов, то в настоящее время оно унифицировано Министерством образования и науки РФ [4] и, судя по откликам

из регионов, в целом, соблюдается. Вариантов соотношения использования русского и нерусского языков в данных функциях множество, и это – интереснейшая тема, особенно в диахроническом аспекте и с учётом параметра юридического статуса языков в регионе. Но, безусловно, заниматься ею необходимо специалистам из регионов, на своём материале. Провести сравнительный анализ результатов таких исследований нескольких субъектов РФ было бы в дальнейшем очень полезно.

Из «нетитульных» языков в системе школьного образования РМЭ функционируют татарский и удмуртский языки.

Татарский язык.

Татары проживают в основном в Йошкар-Оле, Волжске и компактно в Звениговском, Мари-Турекском, Медведевском, Моркинском, Параньгинском районах. В РМЭ 36 населённых пунктов с преобладанием татар, есть общая граница. Имеются общество татарской культуры, Республиканский центр татарской культуры.

В 1997/98 уч. г. татарский язык использовался в функции средства обучения в одиннадцати сельских школах для 413 детей 1–4 классов. Как школьный предмет татарский язык использовался на всех ступенях обучения. Всего его изучали 1818 школьников: 950 детей в двух городских школах и 868 детей в девяти сельских школах (см. Табл. 2).

Таблица 2

Татарский язык в системе школьного обучения (1987/88 уч. г.).

	1–4 кл.	5–9 кл.	10–11 кл.	Итого
Город	376	558	16	950
Село	139	628	101	868

Обратимся теперь к концу выбранного периода: 2020/21 уч.г. В среднем школьники составляют 11,5 % населения, то есть школьников-татар в РМЭ приблизительно более 4000 человек. В функции предмета татарский язык изучают 685 школьников, из них: учеников 1–4 кл. 262 чел., 5–9 кл. 421 чел. и 10–11 кл. 2 чел. Число учеников начальной школы распределяется по классам как 33–76–73–80 детей, что указывает на сокращение за год более чем в два раза числа первоклассников, родители которых выбрали детям для изучения татарский язык. Динамика объема функционирования татарского языка в системе школьного обучения наглядно представлена на графике 1 (см. ниже). Из него видно, что функцию средства обучения он утратил в 2015/16 уч. г. (на отметке в 2014/15 уч. г. в 84 ученика). График, отражающий динамику функционирования татарского языка как школьного предмета, обращает на себя внимание своей неоднородностью. Подъем 2015/16 уч.г. с 594 до 860 учеников предсказуем и отражает типичную картину в год прекращения использования языка в функции средства обучения. Остальные «зубцы» и «провалы» графика, как нам представляется, будут более понятны специалистам из РМЭ. В целом, число школьников, изучающих татарский язык как предмет, сократилось за рассматриваемый период в три раза и, вероятно, без дополнительного внимания

к проблеме может продолжать сокращаться. Число татар, как видно из Таблицы 1, сократилось в РМЭ за этот период всего на 11,6 %.

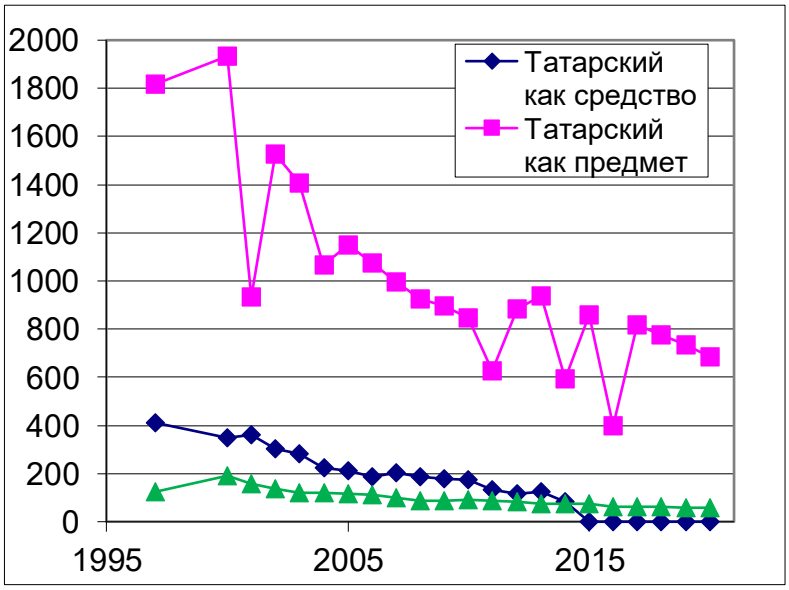
Удмуртский язык.

Удмуртов в республике приблизительно 0,3 %. Южные удмурты компактно проживают в Мари-Турекском районе (село Большой Карлыган, деревни: Малый Карлыган, Лом, Семеновка, Сизнер). В Большом Карлыгане действует Центр удмуртской культуры.

Типы расселения марийцев и удмуртов схожи: оба народа расселены дисперсно (44 % носителей марийского языка проживают за пределами РМЭ, и более 30 % удмуртов проживают за пределами Удмуртии). Поэтому, безусловно, мари могут понять проблемы носителей удмуртского языка в РМЭ.

График 1

Динамика функционирования татарского и удмуртского языков в школах РМЭ за 1997/98–2020/21 уч.г.



В среднем школьники составляют 11,5 % населения, значит, школьников-удмуртов приблизительно 200 человек. Удмуртский язык в функции средства обучения в РМЭ не используется. В 1997/98 уч. г. как школьный предмет он использовался в трёх сельских школах на первых двух ступенях обучения, то есть в 1–9 классах. Всего его изучали 125 школьников: 73 ученика 1–4 классов и 52 ученика 5–9 классов. В 2020/21 уч. г. его изучали 59 учеников. Если посмотреть на количество учеников по классам, то наблюдается следующая картина. Большинство из них учится в 5–9 кл. – 34 школьника; в 1–4 кл. учатся 25 школьников, причем, в 4 кл. – 12, в 3 – 3, во 2 – 10, а в 1 – 0. Отсутствие в первом классе желающих изучать язык является максимально тревожным показателем. Динамику функционирования удмуртского языка в течение рассматриваемого периода, которую, в целом, можно охарактеризовать как плавный спад, наглядно передаёт График 1. Число изучающих язык уменьшилось более, чем в два раза, тогда как численность удмуртов уменьшилась на 10,8 %.

Следует сказать несколько слов о чувашском языке. В 1997/98 уч.г. он даже имел функцию средства обучения, правда, в минимальном объеме – 12 детей начальных классов в одной школе. Там же 6 учеников изучали его как школьный предмет. Уже на следующий год чувашский язык утратил функцию средства обучения. В 2000/01 уч. г. его изучали как предмет 3 школьника, в 2001/02 – 2 школьника, в 2002/03 – 7 школьников. Это был последний год функционирования чувашского языка в системе школьного обучения РМЭ.

В прошлой нашей статье [3] рассматриваемые изменения были вписаны в широкий законодательный контекст, и повторяться мы не считаем целесообразным. Единственное, на что важно обратить внимание на период после 2018 года, – это то, что летом 2018 года была принята поправка к Закону об образовании: «Федеральные государственные образовательные стандарты обеспечивают возможность получения образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, изучения родного языка из числа языков народов Российской Федерации, включая русский язык, по выбору обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся» [9].

Следует отметить, что формы отчетности включают графу «Численность обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык факультативно или в кружках», но, к сожалению, без детализации по языкам. Не исключено, что какое-то число школьников имеют желание и возможности изучать татарский и удмуртский языки как факультативный предмет.

О комплексе причин создавшейся ситуации было отмечено в предыдущей статье, поэтому не будем повторяться. О необходимости для выживания языка повышать национальное самосознание его носителей также говорилось всеми и много, разрабатывались и в той или иной мере внедрялись целые комплексы направленных на решение этой проблемы мер. Отмечу только, что одной из реальных мер представляется использовать возможности, открывшиеся в эпоху цифровизации и развития дистанционного обучения. Площадки по изучению языка, встроенные как элемент системы школьного образования, оказали бы существенную помощь в расширение тех самых пределов «возможностей, предоставляемых системой образования», о которых говорится в Законе об образовании [9]. Каждый желающий мог бы выбирать уровень изучения языка, изучать его и проходить аттестации без учёта того, наберётся ли в школе класс таких желающий, имеется ли учитель, и т. п. Подобная инициатива и ее адекватная реализация была бы действенной мерой, особенно актуальной для народов, которые расселены дисперсно и находятся в ситуации «внутренней диаспоры».

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2002 г. Тт. 1, 4 (ряд таблиц). [Эл. издание на официальном диске Росстата].

2. Всероссийская перепись населения 2010 г. Тт. 1, 4. (ряд таблиц) [Эл. издание на официальном диске Росстата].

3. *Горячева М.А.* Языки России в системе школьного образования Республики Марий Эл: динамика функционирования // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2020. С. 13–18.

4. Методические рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим государственное управление в сфере образования, по вопросу изучения государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации (2017) // URL: https://docs.cntd.ru/document/550918049 (дата обращения: 30.10.2021).

5. Министерство просвещения РФ, архивные данные, собранные автором по Форме Д-7, и сводные данные по субъектам и сумма по РФ в формате формы ОО-1, раздел 3.15 // URL: https://docs.edu.gov.ru/document/c38a1f764e0c77030235de22850ae531/ (дата обращения: 30.10.2021).

6. Руководство для переписчика о порядке проведения всероссийской переписи населения 2002 года и заполнения переписных листов. Отпечатано по ГП Под. Ф-ка офс. печ. 2002. С. 52.

7. Справка об изучении родных языков по итогам 2019/20 учебного года [Электронный ресурс] http://edu.mari.ru/school/DocLib5/ (дата обращения: 30.10.2021).

8. *Столяров А.А.* Численность населения Республики Марий Эл: методические материалы. Йошкар-Ола: Мар. ин-т образования, 2016. 22 с.

9. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bf7fadb3532c712ccd28cc2599243fb8018ed869/ (дата обращения: 30.10.2021).

УДК 81’38

Э.В. Гусева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА СРАВНЕНИЯ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

В марийском языке, как и в английском, сравнение является одним из самых часто используемых средств образности, но многие вопросы до сих пор остаются открытыми.

В статье рассматриваются способы образования стилистического приема сравнения, определяются его стилистические функции, рассматриваются структурные компоненты сравнения в марийском и английском языках. Научная новизна исследования заключается в определении отличительных признаков стилистического приема сравнения в разносистемных языках.

***Ключевые слова**: стилистический прием, марийский язык, английский язык, сравнение.*

Сравнением является такое стилистическое средство, в котором различные явления действительности объясняются путем сопоставления или контраста друг с другом на основании общего у них признака [1, с. 450; 4, с. 337–338]. При этом происходит сопоставление понятия, представленного в традиционном употреблении лексической единицы, и понятия, передаваемого этой же единицей в художественной речи, выполняющей специальную стилистическую функцию. Так строятся метафора, метонимия, синекдоха, ирония, гипербола, олицетворение, перифраз, эвфемизм, сравнение.

Целью данного исследования является изучение лингвистических особенностей стилистического приема сравнения в разносистемных языках – марийском и английском.

В сравнении происходит интенсификация какой-то одной стороны понятия. Объекту одного класса может быть дана характеристика совершенно другого класса. Маркером сравнения служат особые служебные слова, оформляющие значение компаративности [3, с. 19–20]. В марийском языке это послелоги *гай, гае, семын;* показатель сравнительного падежа *-ла*, например: мар. *маска гай виян* – рус. ’сильный, как медведь’; мар. *кайык семын кочкаш* – рус. ’мало есть («клевать, словно птичка»)’; в английском – при помощи союзов: *as*, *like*, наречия: *like*, глаголов: *seem*, *resemble,remind of,* суффикса *-like*, например: англ. *She is walking like a swan* – рус. ’идет, как лебедь’; англ. *strong as a bear* – рус. ’сильный, как медведь’; англ. *to eat like a bird* – рус. ’мало есть («клевать, как птичка»)’; англ. *ape-like expression* – рус. ’обезьяноподобное выражение ’; англ. *swan-like neck* – рус. ’лебединая шея’.

Сравниваются обычно прилагательные-определения, наречия-обстоятельства, глаголы-сказуемые и другие, например: мар. *рывыж гай чоя* – англ. *sly as a fox* – рус. ’хитрая, как лиса’; англ. *as cool as cucumber* – рус. ’спокойный, как огурец’; англ. *as wise as an owl* – рус. ’мудрая, как сова’.

В анализируемых языках сравнения подразделяются на две группы: сравнения из поэзии, непосредственно относящиеся к разговорному языку, и авторские сравнения, например: англ. *as dry as bone* – рус. ’сухой, как кость’; англ. *as proud as peacock* – рус. ’гордый, как павлин’, англ. *as poor as church mouse* – рус. ’бедный, как церковная мышь’; мар. *мардеж гай писын кудалаш* – рус. ’мчаться быстро, словно ветер’; мар. *вӱрж гай шинча* – рус. ’сверлящие глаза’ [2].

Тщательный анализ сравнений показал, что чаще всего встречаются простые, ситуативные и развернутые сравнения.

В исследованном материале английского языка можно выделить следующие наиболее распространенные модели сравнений:

I. As+Adj+As+N, например: англ. *as white as snow* – рус. ’белый, как снег’; англ. *as slow as a snail* – рус. ’очень медленный (букв. медленный, как улитка)’; англ. *as blind as a bat* – рус. ’слепой, как летучая мышь’; англ. *as old as the hills* – рус. ’очень старый, древний (букв. древний, как холмы)’.

II. V+like+N, например: англ. *She is singing like a nightingale* – рус. ’Она поет, словно соловей’; англ. *to smoke like a chimney* – рус. ’дымить, как паровоз’; англ. *to fit like a glove* – рус. ’быть как раз, впору, хорошо сидеть’.

III. Adj+As+N, например: англ. *dry as paper* – рус. ’сухой, как бумага’; англ. *strong as an ox* [5, с. 63] – рус. ’сильный, как бык’.

IV. N+V+Like+N, например: англ. My *heart is like an apple-tree,* whose boughs are bent with thickset fruit [6] – рус. ’Мое сердце, как яблоня, хранит она обильный урожай в листве’; англ. My *love is like the melodie* [6] – рус. ’Моя любовь подобна музыке’.

В исследованном материале марийского языка предметные сравнения имеют следующие наиболее распространенные модели:

I. N+Posposition+Adj, например: мар. *бальзам гае яндар* юж – рус. ’воздух ароматный, как бальзам’; мар. *бетон гае пеҥгыде* – рус. ’твердый, как бетон’; мар. *умдыр гае сокыр* – рус. ’слепой, как крот’; мар. *полдыран гай полдыра* – рус. ’крупный, как борщевик’; мар. *шуар гае кӱжгӧ* – рус. ’толстая, как ступа’ [2].

II. Adj+N+Postposition+Adj, например: мар. *шем-чевер сывын гае лӱвыра* пыл [2] – рус. ’темно-красные, как кафтан, жидкие облака’; мар. *чевер шонанпыл гае мотор* тувырем – рус. ’моё красивое платье, как красивая радуга’.

III. Сравнения, выраженные именем существительным с маркером-суффиксом *-ла* сравнительного падежа, например: мар. *пирыла урмыжаш* – рус. ’как волк выть’; мар. *рывыжла келшаш тӧчаш* [2] – рус. ’стараться, как лиса, понравиться’; мар. *кайыкла чумыргаш* [2] – рус. ’как птицы слетаться’; мар. *пийла урмыжаш* [2] – рус. ’как собака выть’; мар. *пырысла удыркалаш* [2] – рус. ’как кошка царапаться’.

IV. Сравнения, образованные с помощью глаголов, лексическое значение которых указывает на сравнительные отношения*: ушештараш* – рус. ’напоминать’*, кояш* - рус. ’казаться, показаться’, (*ойыртемынак) кояш* – рус. ’казаться отличительно’*, шарныкташ* – рус. ’напоминать, напомнить, походить’, например: мар. *пеледышым шарныкташ* [2] – рус. ’походить на цветок’; мар. *маскам шарныкташ* [2] – рус. ’походить на медведя’; мар. *янлыкла кояш* [2] – рус. ’казаться зверем’.

Исходя из оценки сравнения объектов, выделяются следующие группы сравнений:

1) Мелиоративные (положительные) сравнения, например: англ. *like a rose* – рус. ’как роза’; англ. *like dewdrops* – рус. ’как капли росы (свежий)’; мар. *кайык семын* – рус. ’подобно птице’; мар. *пасма семын* – рус. ’словно лента’.

2) Пейоративные (отрицательные) сравнения, например: англ. *as mad as a March hare* – рус. ’сумасшедший, спятивший; не в своем уме (букв. безумный, как мартовский кот)’; англ. *as thin as a rake* – рус. худой, как щепка; англ. *as cuddly as a cactus* – рус. ’приятный, как кактус’; мар. *корак гай* – рус. ’как ворона’; мар. *шорык гай анҥыра* - рус. ’глупая, как овца’;

3) Нейтральные сравнения, например: англ. *as light as a feather* – рус. ’легкий, как перышко’; мар. *мызе гай нӧраш* – рус. ’промокнуть, как куропатка’.

Красочные сравнения делают речь насыщенной и богатой, стилистическая функция сравнения проявляется в художественной выразительности, которая создается в тексте. В стилистическом приеме сравнения могут сопоставляться предметы и явления, относящие к различным семантическим классам, так создается образность и информативность.

Сокращения и условные обозначения: англ. – английский; мар. – марийский; рус. – русский; Adj. – имя прилагательное; N – имя существительное; Posposition – послелог; V – глагол.

Литература

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Совет. энциклопедия, 1966. 608 с.

2. Большой марийско-русский словарь URL: https://dict.fu-lab.ru/pagesearch?word=%D0%B3%D0%B0%D0%B9&lang= (дата обращения: 26.10.2021).

3. *Мезенин С.М.* Образные средства языка. М.: МГПИ, 1984. 99 с.

4. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М., 2003. 623 с.

5. Longman dictionary of English language and culture / Ed. director Della Summers. Harlow (Essex): Longman, 2005. 1620 p.

6. POETRY FOUNDATION // URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/44992/a-birthday (дата обращения: 26.10.2021).

УДК 81’272

Е.А. Кондрашкина
Институт языкознания РАН (г. Москва)

ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ: ПРИЧИНЫ И ВЛИЯНИЕ НА ВИТАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА

Статья посвящена языковому сдвигу, т.е. смене языка, которая стала устойчивой тенденцией в последние десятилетия. Рассматриваются причины, влияющие на смену языка и негативно отражающиеся на витальности национальных языков РФ.

Ключевые слова*: языковой сдвиг, социальные факторы, русский язык, национальные языки, витальность языка.*

Языковой сдвиг в условиях многонациональной Российской Федерации характеризуется устойчивым ростом. Но, как правило, он касается не отдельной этнической общности в целом, а лишь некоторых ее представителей, чаще относящихся к молодому или среднему поколению. Формальным показателем языкового сдвига является выбор какого-то определенного языка, обычно принадлежащего мажоритарному этносу, в качестве родного и этот язык заменяет этнический. При этом смена языка может происходить с сохранением знания языка своего этноса, или с полной утратой этого знания [6, с. 276–277]. Получить статистические данные о языковом сдвиге сложно, поскольку при социологических опросах населения количество респондентов ограничено, поэтому единственными официальными сведениями о смене языка являются переписи населения, при условии, что в переписных листах имеется вопрос о родном языке. В Российской Федерации проводились две переписи населения – в 2002 и 2010 гг. В 2002 году вопроса о родном языке не было, поэтому делать выводы о динамике языкового сдвига за прошедшие между переписями годы нет возможности. Остается ждать будущей переписи 2021 года.

Обстоятельствами, влияющими на смену языка, чаще всего являются экстралингвистические факторы. Язык – явление общественное. Отсюда следует, что его состояние зависит от состояния общества. Возникающие транформации в общественных процессах могут приводить к изменениям в использовании языка. О том, что язык социально обусловлен, и это необходимо учитывать, писали многие ученые-языковеды, в частности, Е.Д. Поливанов, который считал, что лингвисты не уделяют должного внимания социальным причинам, влияющим на языковые изменения, хотя «в развитии языка сложно взаимодействуют собственно языковые, внутренние, и внешние, социальные факторы» [4, с. 211].

Российские социолингвисты Н.Б. Вахтин и Е.В. Головко считают, что основными причинами языкового сдвига являются: «1) добровольный или вынужденный выбор носителей языка, сознательно или под давлением

общественного мнения отказывающихся от использования титульного языка в пользу доминирующего; 2) принуждение со стороны государства» [1, с. 119]. Соглашаясь с мнением авторов, подчеркнем, что в современной России преобладает тенденция добровольного выбора языка, тогда как в советские времена нередко этот выбор был вынужденным.

Крайне важно, анализируя причины смены языка, учитывать следующие факторы: демографическую мощность языка, языковую политику государства, возможности воспроизводства языка в семье, роль школьного образования, престиж языка и ряд других.

Демографическая мощность языка, т. е. число носителей языка, несомненно, имеет значение, но она актуальна, если индивид, считающий себя носителем родного языка, активно пользуется им в повседневном общении. Большое или малое количество носителей еще не является гарантией сохранения или исчезновения языка. Финские ученые, изучавшие языковую ситуацию в России, отмечают, что, например, мордовские языки (мокшанский и эрзянский), имеющие сотни тысяч носителей, находятся под угрозой, поскольку язык не передается молодежи в большей части сообщества [2, с. 57]. Тем не менее, демографическая мощность языка, является одним из факторов, транслирующих значение языка в этнической идентичности населения.

Языковую среду в большинстве республик РФ в основном составляют русские и русскоязычные представители других этносов, проживающие в этих регионах. При этом, как правило, русское население не владеет титульным национальным языком, являющимся государственным в той или иной республике. Лишь малый процент русских, обычно не более 1,5–2 % знает и использует национальный язык. Доминирование русского населения неизбежно порождает и доминирование русского языка.

Воспроизводство языка играет большую роль в его витальности. Во все времена считалось, что основным средством познания языка является семья, в которой язык передается от старшего поколения младшему. Однако в последнее время эта традиция утрачивает свою актуальность.

Языковая политика государства самый мощный по воздействию на смену языка фактор, особенно в России. Объясняется это тем, что в разные годы существования нашего государства, сначала СССР, потом РФ национально-языковая политика менялась кардинально – с языкового строительства в 20-е годы XX века до полного забвения проблем с языками народов, населяющих нашу многонациональную страну, низведение их до языков бытового общения в конце 80-х гг. того же века.

Период, который принято называть языковым строительством, стал для национальных языков годами расцвета, а для их носителей годами гордости за свои языки. Были открыты национальные школы, проводилась политика «коренизации», т. е. выдвижение и использование национальных кадров в системе образования, культуре, хозяйственных и общественных органах. В Марийской автономной области в 20–30-е годы, как и в других районах СССР, в основном шла ликвидация неграмотности взрослого населения, однако, главным вопросом был вопрос о роли марийского языка в общественной жизни и школьном образовании. 23 ноября 1923 года марийский язык наряду с русским

был объявлен официальным в пределах Марийской области и все служащие должны были изучать его на курсах.

Период языкового строительства сменился периодом политических репрессий 30-х годов и борьбой с «буржуазным национализмом». Это были годы, когда говорить на родном языке считалось проявлением «национализма», что каралось осуждением и могло привести к сылке, тюремному сроку. Как писал известный марийский ученый К.Н. Сануков: «Страх после 1937 года остался в глубине массовой психологии. В результате этого этнический идентитет оказался на низком уровне. Показателем этого стало широко распространившееся чувство национального нигилизма, создалось определенное внутреннее состояние отчужденности от языка и культуры своего народа, выработалось ощущение их общественной ненужности» [5, с. 132–133].

В последующие годы языковая политика сводилась к русификации, что оправдывалось целью иметь единый язык межнационального общения, способствующий экономическому развитию страны. После того, как в конце 30-х годов было принято постановление об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик с 1-го класса, а в 50-х годах по решению ЦК КПСС родители получили право выбирать школу обучения для своих детей, национальные школы стали закрываться и, таким образом, система национального образования перестала существовать. Родители выбирали школы с русским языком обучения, так как понимали, что знание русского языка дает возможности получения высшего образования (все вузы работают на русском языке), карьерного роста, передвижения по стране в поисках работы и т. д. Фактически, это и послужило началом языкового сдвига.

Престиж национальных языков оказался на самом низком уровне. Выросли поколения людей, не знающих своих родных языков, считающие русский язык родным. Эта тенденция стала массовой и, если процент считающих родным языком русский, еще не столь велик, то процент владеющих им достигает во многих республиках 90–98 %.

Подводя итоги, обратимся к цифрам по финно-угорским республикам, которые свидетельствуют о языковом сдвиге под влиянием указанных выше факторов. По данным переписи 2010 г., в Республике Карелия признали родным языком русский 72,7 % карел, в Республике Коми – 37,1 % коми, в Республике Марий Эл – 20,2 % мари, в Республике Мордовия – 18 % мордвинов, в Удмуртской Республике – 34,9 % удмуртов. Сопоставим цифры считающих родным этнический язык: в Карелии – 27,1 %, в Республике Коми – 62,8 %, в Республике Марий Эл – 72 %, в Мордовии – 70,8 %, в Удмуртии – 65 % [3, с. 170, 172, 192, 248, 250, 270, 272]. Пока еще цифры считающих родным языком свой этнический язык достаточно высоки, кроме Карелии, но они, видимо, будут с годами уменьшаться и соответственно негативно отражаться на витальности национальных языков. Цифры языкового сдвига в 2010 году уже вызывают тревогу по поводу положения этих языков, а предстоящая перепись 2021 года может показать еще более опасную тенденцию – увеличение числа сменивших родной язык на русский и уменьшение числа владеющих этническими языками и признающих их родными.

Литература

1. *Вахтин Н.Б., Головко Е.В.* Социолингвистика и социология языка: учеб. пособие. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 335 с.

2. *Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я.* Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012. 177 с.

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Кн.1. М.: Статистика России, 2012. 2101 с.

4. *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию: избр. работы. М.: Наука, 1968. 376 с.

5. *Сануков К.Н.* Финно-угорские народы России: проблемы национальной идентификации // Финно-угроведение. 2001. № 1. С. 128–140.

6. Словарь социолингвистических терминов / Ин-т языкознания РАН: отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.

УДК 811.511.1

К.Г. Костина
Научно-исследовательский институт национального образования (г. Ижевск)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА

В статье рассматривается категория залога глагола с точки зрения изучения её на уроках удмуртского языка в школе. Акцентируется внимание на представление залога в двух учебно-методических комплексах, один из которых направлен на учащихся, владеющих языком, другой – на учащихся, не владеющих или слабо владеющих языком. Обосновывается необходимость изучения как возвратной и невозвратной, так и понудительной и непонудительной залоговых форм.

***Ключевые слова**: удмуртский язык, грамматика, глагол, категория залога.*

Обучение учащихся удмуртскому языку основано на поэтапном ознакомлении их с особенностями функционирования языка. Важное место в грамматической иерархии языка занимает морфология, направленная на решение ряда задач: расширение знаний учащихся о частях речи; формирование понятий об основных грамматических категориях частей речи; развитие представления о неразрывной связи лексического и грамматического значений в отдельных частях речи; раскрытие специфики образования именных частей речи и глагола; ознакомление с функционированием в речи различных частей речи; совершенствование орфографических навыков с учетом частеречной принадлежности слов. Определяющее и важное место в морфологической структуре удмуртского языка занимает глагол.

Глагол (*англ*. verb, *фр*. verbe, *нем*. Verb(um), *удм*. каронкыл) – это часть речи, обозначающая действие или состояние как процесс. Иначе говоря, когда говорят, что глагол обозначает действие, то имеют ввиду не только механическое движение (*ветлэ* ‘ходит’, *бызьылэ* ‘бегает’), но и состояние (*изе* ‘спит’, *шумпотэ* ‘радуется’), проявление или изменение признака (*ӵужектэ* ‘желтеет’), отношение к кому-чему-нибудь (*гажа* ‘уважает’, *яратэ* ‘любит’) и т. д. В отличие от других частей речи, глагол обозначает целую процессуальную

ситуацию, элементами которой, кроме действия, являются (могут быть) субъект, объект и другие участники. Семантической спецификой глагола и объясняется то обстоятельство, что глагол обладает максимальным набором синтаксических признаков, ввиду чего имеет в предложении самое большое число синтаксических связей. Глагол, таким образом, служит организующим центром предложения.

Вербальные единицы в удмуртском языке, функционирующие в переходной и непереходной формах, спрягаются по формам наклонения, времени, лица, числа, падежной системы, вида и залога. Уникальной является категория притворности глагола.

В рамках школьного филологического образования на уроках удмуртского языка учащиеся осваивают систему глагольной парадигмы, общие представления о которых формируются еще на уровне начального общего образования. К примеру, учащиеся, изучающие удмуртский язык по УМК «Удмурт кыл» (для владеющих родным (удмуртским) языком), знакомятся с глагольной категорией числа, времени, способами образования глагольных единиц, их синтаксической ролью, неопределенной формой глагола (инфинитивом), спряжением и морфологическим разбором глагола. В УМК «Ӟеч-а, бур-а, удмурт кыл!», направленный на учащихся, не владеющих или слабо владеющих удмуртским языком, на уровне начального общего образования изучается лишь грамматическая категория времени глагола. На уровне основного общего образования знания учащихся о морфологии глагола в удмуртском языке по УМК «Удмурт кыл» дополняются категориями залога, вида, наклонения, отдельное внимание уделяется роли вербальной единицы в тексте. Изучение глагола по УМК «Ӟеч-а, бур-а, удмурт кыл!» включает категории наклонения, времени, спряжения, способы образования и синтаксической роли. На уровне среднего общего образования по обоим учебно-методическим комплексам ранее изученный материал предлагается в формате закрепления.

Грамматическая категория залога глагола, отражающая ситуации, включающие активное взаимодействие субъекта и объекта, представляет собой одну из наиболее сложных для изучения грамматических категорий. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, учащиеся оказываются слабо подготовленными к восприятию темы, а во-вторых, на изучение возвратных глаголов по УМК «Удмурт кыл» в 6 классе выделяется лишь 1 ч. из объема учебной нагрузки. В этот же час входит изучение неопределенной формы глагола [1, с. 26]. В-третьих, грамматическая категория залога представляет собой одну из малоизученных областей.

На занятиях по морфологии удмуртского языка формирование представления о залоге начинается с практического упражнения на выявление семантических различий представленных предложений (*Педор агай садзэ выльдэ* ‘Дядя Педор обновляет свой сад’ – *Урамъёс табере выльдӥсько* ‘Улицы теперь обновляются’). Затем даётся небольшой теоретический материал по возвратным глаголам, обозначаются их формальные показатели. Далее предлагаются упражнения на закрепление теоретического материала. Особое внимание уделяется выявлению различий глаголов с аффиксами *-ськ-, -иськ- (-*

йськ-), -ск-, выражающих залоговое значение или служащих показателями настоящего времени [2, с. 195–197].

В «Морфологии удмуртского языка» (2011) залоговая система глагола удмуртского языка представлена парами возвратной – невозвратной, понудительной – непонудительной форм [4]. Возникает вопрос: нет ли необходимости при изучении категории залога глагола в удмуртском языке в школьном образовании наряду с возвратной формой давать некоторые теоретические сведения о понудительной форме глагола с грамматическим показателем *-т(ы)-*? К примеру, в УМК «Удмурт кыл» это может быть организовано в выявлении различий между двумя залоговыми формами и их семантическими значениями, примерами их использования, фактом возможности сочетания залоговых формантов в одной вербальной единице. Немаловажную роль играет умение разграничивать деривационную и формообразующую значения возвратного аффикса.

Хотя грамматическая категория залога глагола в УМК «Ӟеч-а, бур-а, удмурт кыл!» отдельно не представлена, на наш взгляд, видится актуальным умение использовать в речи учащихся, не владеющих или слабо владеющих удмуртским языком, залоговых конструкций. Это объясняется также направленностью учебника на развитие коммуникативных компетенций обучающихся. Залоговая система глагола может быть представлена в учебнике для 10-го класса при изучении раздела «Глагол но солэн формаосыз: инфинитив, причастие, деепричастие. Деепричастиослэн но причастиослэн пӧрмонзы» ‘Глагол и глагольные формы: инфинитив, причастие, деепричастие. Образование деепричастий и причастий’. По нашему мнению правильным было бы использование залогов в связи с предыдущими или последующими тематическими разделами, такими как «Музыка в моей жизни» и «Музыка и литература» [3], а именно в упражнениях, направленных на создание словосочетаний, текстов о распорядке (режиме) дня или о творческих увлечениях.

Таким образом, задача учителя удмуртского (родного) языка состоит в том, чтобы обратить внимание учащихся на обе классификации залогов, ориентировать их на сознательное использование залоговых форм. Подобный подход к изучению залога является перспективным, т.к. дает возможность шире осветить языковой статус данной морфологической категории. Некоторые проблемные вопросы, поднимаемые на уроках, позволят учащимся выйти на собственные выводы и заключения. В результате этого учащиеся смогут овладеть общими сведениями о залоговых формах глагола, адекватно использовать их в коммуникации.

Литература

1. *Вахрушева Л.В., Ермокина Н.А.* Удмурт кыл. 6 класс: методикая пособие / Огъя редакциез Л.В. Вахрушевалэн. Ижевск: Удмуртия, 2017. 56 бам.

2. *Вахрушева Л.В., Горбушина Г.В., Ермокина Н.А.* Но мукетъёсыз. Удмурт кыл. 6-тӥ класслы / огъясь редакторез Л.В. Вахрушева. Ижевск: Удмуртия, 2016. 240 бам.

3. *Байтерякова Ю.Т., Боталова Н.П., Рябина Е.С., Ямаева Н.П.* Удмурт кыл. 10-тӥ класс: учеб. пособие. Инъето уровень. Ижевск: Удмуртия, 2021. 208 бам.

4. Морфология удмуртского языка: научно-учеб. издание / А.А. Алашеева, Д.А. Ефремов, Т.М. Кибардина и др.; отв. ред. Н.Н. Тимерханова. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 408 с.

УДК 811.511(470.5)

М.Н. Кузнецова
(г. Йошкар-Ола)

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ Я. ПУСТАИ ОБ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ И НАРОДАХ

В статье представлен научно-аналитический обзор двух новых изданий известного учёного Я. Пустаи о современных проблемах в венгерском финно-угроведении, о языковой ситуации уральских народов: «Még mindig ugor-török háború» («Всё ещё угро-тюркская война», 2020), «Szabáriától Szibériáig. Útijegyzetek» («От Сабарии до Сибири. Путевые заметки», 2018).

Ключевые слова: *венгерское финно-угроведение, сравнительное изучение языков, уральские языки и народы, финно-угровед Я. Пустаи.*

Имя венгерского профессора Яноша Пустаи широко известно в финно-угорском учёном мире. О нём много написано, снято фильмов и видео, записаны многочисленные интервью о проблемах финно-угроведения, о языковой политике и языковой ситуации в российских регионах с проживанием уральских народов. Биография учёного, его творческий путь, научные исследования наиболее полно отражены в учебном пособии, составленном автором этих строк и изданном в 2018 году [1]. Отметим, что Пустаи является и остаётся одним из самых деятельных и продуктивных учёных в области уралистики и хунгарологии. В последние годы им опубликовано много книг, монографий, как, например, «Венгерско-латышский словарь» [8], самодийский эпос «Сомату» [10], в том числе рассматриваемые в данной статье книги «Всё ещё угро-тюркская война. Главы из истории сравнительного изучения венгерского языка» [9] и «От Сабарии до Сибири. Путевые заметки» [6]. Результаты исследований, новые мысли, взгляды об уральских языках и народах нашли отражение в многочисленных научных статьях на венгерском, русском, немецком и эстонском языках. Пустаи продолжает активную деятельность в области редактирования и издания сборников научных трудов, например, «Венгерский взгляд» [3], «Библия на финно-угорских языках» [7], «Безграничная венгерская литература» [4], «Положение финно-угорских языков Российской Федерации и их перспективы» [11] и т. д.; он востребован как опытный специалист по уральским языкам и в средствах массовой информации.

Первая рассматриваемая нами монография Пустаи «Még mindig ugor-török háború. Fejezetek a magyar nyelvhasonlítás történetéből» («Всё ещё угро-тюркская война. Главы из истории сравнительного изучения венгерского языка») [9] знакомит читателя с современными проблемами в венгерском финно-угроведении. В предисловии ко второму изданию книги (см. первое издание «После ’угро-тюркской войны’» [5]) автор подчёркивает, что проблема о родственных началах венгерского языка осталась актуальной по настоящее

время. Появление многих псевдонаучных теорий и изданий о происхождении венгерского языка в последнее время активизировалось. Среди венгерских финно-угроведов началась острая дискуссия вокруг новых гипотез о происхождении уральских языков и народов, которые предложили профессора-лингвисты Калеви Виик, Аго Кюннап и Янош Пустаи[1].

Пустаи отмечает, что с течением времени направление в установлении родства венгерского языка изменилось. Если в 60–70-х гг. прошлого века господствовала теория шумеро-венгерского родства, то в последние одно-два десятилетия снова доминирует установление родства с тюркскими языками, народами и культурами, в первую очередь, с гуннами. Но языковые факты явно свидетельствуют о том, что венгерский язык имеет финно-угорское происхождение и в своём развитии движется в сторону приближения с центрально-европейскими языками, не теряя при этом свои многовековые уральские корни.

Книга Пустаи состоит из 12 глав (разделов), посвящённых истории развития сравнительного языкознания и установления родства венгерского языка: 1) начальный период сравнительного языкознания; 2) от Итаки до стран востока; 3) сравнительное языкознание в фарватере политики; 4) лекарство против шумерского опиума; 5) родство латинского и венгерского языков; 6) о причинах совпадения слов; 7) «правила игры» сравнительного языкознания; 8) угро-тюркская война; 9) сравнение венгерского с тюркскими языками; 10) финно-угорские черты венгерского языка; 11) возможность контактов с дальними языками; 12) краткая история уральского сравнительного языкознания. Книга завершается примечаниями и списком использованной литературы.

Янош Пустаи подчёркивает, что сравнительно-историческое языкознание как наука развилось только в XIX веке, в первую очередь, благодаря сравнительным исследованиям индоевропейских языков. В хронологической последовательности он приводит имена исследователей, названия их произведений, затрагивающих проблемы языкового родства.

На первом этапе причину языковых различий связывали с библейским преданием о Вавилонской башне, со смешением языков. Выдвигали разные теории родства венгерского языка. Число сравниваемых языков, по подсчётам Жираи, доходило до 60 [9, с. 17]. Был сделан и такой вывод, что венгерский язык нельзя сравнивать ни с одним из существующих языков [9, с. 13], хотя в те времена родство венгерского языка с финским и саамским языками уже было доказано основоположниками венгерского финно-угроведения Шайновичем и

[1] См., например, издания под редакцией Ласло Хонти: *Honti László* (főszer.). A nyelvrokonságról. Az török, sumér és egyéb áfium ellen való orvosság. Budapest. 2010; *его же*, второе, дополненное издание. Budapest. 2010; *его же*. Anyanyelvünk atyafiságáról és a nyelvrokonság ismérveiről. Tények és vágyak. Budapest. 2012. Ср. монографию Яноша Пустаи: *Pusztay János*. Gyökereink. A magyer nyelv előtörténete * Milyen áfium ellen kell orvosság? Budapest. 2011. Перевод и обработку книги Пустаи см.: Янош Пустаи о проблемах прародины, пре- и праязыка // Кузнецова М.Н. Венгерские финно-угроведы и вопросы марийского языкознания. Часть четвертая. Янош Пустаи и проблемы современного марийского языка. Йошкар-Ола, 2018. С. 138–177.

Дьярмати [9, с. 14]. Но их труды остались вне поля зрения искателей родственных связей венгерского языка.

В своих изысканиях исследователи родства опирались на схожую лексику. Сравнивая корневые слова, имена числительные, они пришли со временем и к родству венгерского языка с китайским, японским языками [9, с. 18–27].

В годы второй мировой войны политика наложила свой отпечаток на появление новых теорий о родстве венгерского языка. Продолжились изыскания в японском направлении [9, с. 28], была выдвинута теория о происхождении венгров в Северной Америке, о кровном родстве венгров с англичанами и немцами [9, с. 29–30].

Относительно родства венгерского языка с шумерским Пустаи отмечает, что исследования, в целом, строились на сходстве слов. Для доказательства родства опирались также на гармонию гласных и агглютинативный тип двух языков. На основе примеров Пустаи показывает, что гармония гласных в двух сравниваемых языках резко отличается друг от друга. Разными являются и способы агглютинации. Шумерская агглютинация больше напоминает инкорпорацию [9, с. 35]. Ученый приводит примеры на падежные окончания, образование множественного числа, происхождение имён числительных, сравнивает личные местоимения, глагольную систему и подчёркивает, что типологическое тождество и языковое родство не взаимосвязаны, типологически одинаковые языки не обязательно состоят в языковом родстве, хотя родственные языки относятся обычно к одному типологическому типу [9, с. 42]. Но, несмотря на явные факты финно-угорского происхождения венгерского языка, находятся исследователи, пытающиеся доказать даже урало-алтайско-шумерское родство [9, с. 46–53]. В конце раздела Пустаи останавливается на рассмотрении тех слов, которые венгерские шумерологи приводят в качестве доказательства шумеро-венгерского родства, отмечает их недостатки в методике сравнения слов [9, с. 54–57].

Янош Пустаи не оставляет без внимания и теорию о родстве венгерского языка с латинским. Автор теории родом из Трансильвании (Румыния). В целях примирения венгерского и румынского народов попытался доказать, что венгерский язык, как и румынский, является родственным латинскому языку. Родственные языки – родственные народы. А родственные народы должны жить в мире и дружбе. На основе многих реконструкций слов, фонетических и морфологических явлений Пустаи прослеживает ошибки и недостатки в излагаемом материале, отмечает, что автор самовольно оперируют языковыми элементами, не учитывая при этом разработанные приёмы и методы языкознания [9, с. 69].

Рассматривая причины сходства слов, Пустаи обращает внимание на то, что их фонетическое тождество независимо от генетических связей. Исходя из количества слогов в слове и разных комбинаций слогов в языках мира, Пустаи утверждает, что языки сами создают условия для фонетического совпадения слов. Для примера он рассматривает слова с комбинацией CVC, количество которых, по математическим подсчётам, может достигнуть 4000 единиц. Если сравнить по 500 слов с этой комбинацией, то, по всей вероятности, каждое 64-е слово одного языка будет иметь эквивалент в другом языке, 7–8 слов в этих

языках совпадут фонетически. Чем длиннее слово, тем меньше вероятность совпадения. Опыт свидетельствует о том, что в коротких словах вероятность фонетического совпадения огромна, и в таких случаях необходимо искать системность, регулярность с целью убедиться в том, что речь идёт не о случайном совпадении.

Исследования о тождестве слов в разных языках положили начало сравнительно-историческому языкознанию. У сравнительного языкознания есть свои выработанные правила, приёмы, методы:

а) правило регулярного совпадения звуков. Оно основывается на том, что в этимологически родственных словах определённому звуку одного языка в той же самой фонетической позиции должен соответствовать определённый звук другого языка, а не иной или иные звуки;

б) знания исторической фонетики дают возможность сравнения и отдельных элементов, например, падежных и личных окончаний, показателей времени и т.д.;

в) синтаксические особенности сами по себе не являются как бы подтверждением родства языков, т. к. речь идёт в целом о типологических совпадениях. Но такие явления, как отсутствие согласования между определяемым словом и определителем, использование единственного числа существительных после количественных имён числительных, наличие *esse*-конструкции вместо *habeo*-конструкции могут значительно повлиять на установление языкового родства;

г) многое зависит от выбора слов двух сравниваемых языков. В первую очередь следует сравнивать слова, относящиеся к основному словарному фонду любого языка – это местоимения, простые имена числительные, слова, обозначающие части тела, родственные понятия, явления и предметы природы, названия животных и растений, глаголы, выражающие жизненно необходимые действия и явления.

В 70–80-х гг. XIX столетия в венгерском языкознании началась острая дискуссия, вошедшая в историю как «угро-тюркская война». Темой жёстких споров стало происхождение венгров и определение родства венгерского языка. Одни учёные (Буденц, Хунфалви) защищали финно-угорское происхождение венгерского языка, другие (Вамбери) – тюркско-татарское. Пустаи считает, что происхождение народа и языка вовсе не зависит от того, какая теория родства больше нравится общественности, и что всегда надо отделять происхождение народа от происхождения языка. Различающиеся с антропологической точки зрения группы народов могут разговаривать на родственных языках, например, финно-угорские народы, относящиеся к трём или четырём расам. Наблюдается и смена языков у народов. Примером служат болгары, которые сейчас разговаривают на славянском языке, хотя они первоначально были тюркоязычным народом. Пустаи прослеживает ход угро-тюркской войны на конкретных фактах, именах, трудах исследователей. В дискуссии тогда победу одержало финно-угорское языкознание, потому что оно к тому времени было хорошо разработано. Далее он отмечает, что вести дискуссию о языковом родстве трудно без наличия элементарных понятий о языкознании. Трудно ещё потому, что типологически родственные языки имеют действительно много

общего. Он приводит доводы Вамбери и Тури в поддержку тюркского происхождения венгерского языка, сравнивает их с доказательствами и выводами Буденца, Хунфалви, Синнеи [9, с. 88–98].

В следующем разделе Пустаи проводит сравнительный анализ венгерского языка с такими тюркскими языками, как турецкий, татарский, киргизский, узбекский, казахский, уйгурский языки. В отдельных случаях он использует материал чувашского и якутского языков. Детально рассматривает склонение, как абсолютное, так и притяжательное, показатели множественного числа, личные, указательные, вопросительные местоимения, количественные и порядковые имена числительные. В системе глагола Пустаи останавливается на образовании инфинитива, предикативном спряжении имени, личных окончаниях, показателях времени, наклонений. Огромное внимание им уделяется сравнению слов основного словарного фонда. Свои выводы он излагает в подразделе «О чём нам свидетельствует сравнение?» [9, с. 125–129]. Пустаи утверждает, что тюркские языки, как в отношении грамматики, так и своего лексического ядра находятся в тесном родстве. Но схожих элементов между венгерским (финно-угорскими) и тюркскими языками, как в грамматике, так и в основном лексическом фонде сравнительно мало. Отдельные одинаковые показатели, как, например, окончание *-n* генитива или *-t* локатива, притяжательный суффикс *-m*, выступающее также в функции глагольного окончания 1 л. ед. числа, или показатель *-t* прошедшего времени глагола встречаются во многих языках Северно-евразийской языковой зоны (СЕЯЗ) и в индоевропейских языках. Нет совпадений в системе имён числительных и среди слов основного словарного фонда, кроме слова *név* ’имя’. Не следует забывать, подчёркивает Я. Пустаи, что слова с этим значением служили когда-то доказательством для финно-угорского и индоевропейского родства [9, с. 127]. Он не отрицает влияния тюркских языков на развитие венгерского и других финно-угорских языков. В данной главе Пустаи посвящает специальный подраздел гуннскому вопросу [9, с. 130–132], который, по его мнению, в виду отсутствия материала гуннского языка следует просто закрыть. Приводит выводы немецкого тюрколога Дёрфера относительно гуннского языка:

– неизвестно, на каком языке говорили гунны,

– неизвестно, на каком языке говорили европейские гунны,

– язык ни азиатских, ни европейских гуннов не относился ни к одной известной или существующей в настоящее время языковой семье [9, с. 131].

В конце раздела о венгерско-тюркском языковом родстве автор отмечает, что тюркские языки не показывают родственных связей с венгерским языком и что духовное и кровное родство или стремление к подобному родству необходимо отделять от языкового родства [9, с. 132].

Значительным в монографии Пустаи является раздел, посвящённый финно-угорскому происхождению венгерского языка. Он обращает внимание на то, что самым главным грамматическим инструментарием для сравнения языков являются склонение и спряжение, показатели наклонений, времени и числа, местоимения, имена числительные и синтаксические явления [9, с. 133]. Решающее значение для определения родства имеют слова, относящиеся к лексическому ядру, основному словарному фонду. На анализе слов он

прослеживает историческое развитие согласных в финно-угорских языках, закономерности их соответствий, как в начале, так и в середине слова, останавливается на характерных для уральских языков типах корневых слов. Детально рассматриваются и объясняются им падежные окончания, притяжательные суффиксы, показатели числа, личные местоимения, личные окончания глаголов, проблемы возникновения субъектного и объектного спряжений, показатели времени, наклонений с приведением богатого фактического материала из родственных языков.

Из других финно-угорских элементов в венгерском языке Пустаи приводит: а) использование деминутивно-аугментативного суффикса *-b (-bb*) для выражения сравнительной степени имён прилагательных (венгерский, финский языки); б) ударение; в) количественные имена числительные.

Финно-угорское происхождение венгерского языка подтверждают такие синтаксические явления, как: а) отсутствие в уральских языках *habeo*-конструкции; б) использование для выражения отрицания специального глагола; в) употребление притяжательных окончаний 2-го и 3-го лица единственного числа для выражения определённости; г) употребление единственного числа имён существительных после количественных имён числительных; д) отсутствие согласования между определяемым и определяющим словами; е) использование причастных конструкций в функции союзов; ж) наличие совпадений в управлении глаголов.

Я. Пустаи отмечает и тот факт, что в венгерском языке сохранилось около 1000 слов финно-угорского происхождения [9, с. 173].

В главе о возможных контактах отдалённых языков Пустаи выделяет три гипотезы: урало-индоевропейскую, урало-алтайскую и урало-палеосибирскую. Относительно каждой из них он приводит мнения учёных-языковедов и подчёркивает, что в языкознании ещё не сказано последнее слово о языковом родстве между перечисленными языковыми семьями. Многие вопросы остались невыясненными. По мнению автора, у сравнительно-исторического языкознания нет соответствующих методов для исследования пре- и праязыкового состояния.

Вопросами возникновения уральской языковой семьи, а внутри неё венгерского языка, по словам Пустаи, он занимается давно. Исходная позиция его такова, что уральский праязык в истории общего развития языка является только отдельным этапом, и что предпосылки его возникновения идут далеко вглубь истории, как и его последующая история, длиной в 6000 лет. Исследования грамматических явлений, реконструируемых для уральского праязыка, отклонения в системе склонения и спряжения не дают возможности говорить о едином уральском праязыке. Он формировался из разных языков разных этнических групп, совпадающих типологически (агглютинация), но отличающихся своими подсистемами (наличие или отсутствие двойственного числа, одно или два типа спряжения, *tempus*- или *aspekt*-языки). Дальнейшие исследования Пустаи показали, что грамматические категории, которые встречаются в восточной группе уральских языков, но которые отсутствуют в остальных финно-угорских языках, известны во всех палеосибирских языках. Опираясь на языковой материал, он высказывает гипотезу о происхождении уральского праязыка из трех языковых блоков. К востоку от Урала из

палеосибирских языков развились современные угорские (венгерский, мансийский, хантыйский) и самодийские языки, а также мордовский. Они составляют восточный блок уральских языков. В отношении мордвы следует признать, что их предки, как и венгры, переселились с востока на запад. На современном этапе мордовский язык показывает больше сходных черт с прибалтийско-финскими языками, но не теряет свои палеосибирские черты.

В разделе о краткой истории уральского сравнительно-исторического языкознания Пустаи рассматривает становление венгерского сравнительного языкознания, начиная от первых упоминаний о языковом родстве финно-угорских народов, которые ещё не были связаны с венгерским языком. Он приводит имена многочисленных авторов, названия их произведений, останавливается подробно на трудах Шайновича и Дьярмати, внесших неоценимый вклад в становление финно-угорского сравнительного языкознания, даёт критическую оценку всем последующим поколениям венгерских финно-угроведов, выделяет корифеев венгерского и финно-угорского языкознания. Пустаи разъясняет использование таких терминов, как «финно-угорский» и «уральский», раскрывает суть понятия «уралистика», которое включает в себя языкознание, этнографию, музыку, мифологию, литературу и т.д. [9, с. 211]. Он отмечает, что общим направлением финно-угроведения является сравнение языков, для этого использовался метод сравнительно-исторического языкознания. В последние два-три десятилетия наблюдается формирование новых методов, направленных на исследование морфологии и синтаксиса, использование результатов общего языкознания, например, в фонологии, применение методов структурализма и генеративизма, математических и вычислительных приёмов и способов. В последнее время в уралистике появляются работы, посвящённые типологическим исследованиям родственных языков. Исследователи обращают внимание на социолингвистику, развитие языка и терминологии [9, с. 213].

В заключении Пустаи затрагивает ситуацию, сложившуюся вокруг новой гипотезы о происхождении уральского праязыка, авторами которой являются Виик, Пустаи и Кюннап, и о вновь вспыхнувшей в связи с этим угро-тюркской войне, которую, по его мнению, правильнее было бы назвать «угро-угорской войной» [9, с. 216]. Пустаи считает, что наука может продвигаться вперёд только на основе честных, профессиональных дискуссий, и самые опытные специалисты могут ошибаться в поисках новых путей, способов и методов. Не следует забывать, подчёркивает он, Христофора Колумба, известную историческую личность, который много раз отправлялся в путь в поисках Индии, хотя ему это не удалось, но он открыл Америку [9, с. 218].

Вторая книга профессора Яноша Пустаи называется «Szabáriától Szibériáig. Útijegyzetek» («От Сабарии до Сибири. Путевые заметки») [6].

В предисловии автор отмечает, что, как специалисту по уральским языкам, ему приходилось много ездить. Родом из небольшого венгерского города Сомбатхей с красивым латинским названием Савария (в народе долгое время называли Сабарией [см. игру слов Сабария – Сибирь. – *М. К.*]), Пустаи начал свои поездки уже в студенческие годы. В дальнейшем он продолжил их как преподаватель университета и как координатор и член Консультативного

комитета Всемирного конгресса финно-угорских народов от Венгерской национальной организации Конгресса.

Во вступительной части [6, с. 7–38] Янош Пустаи приводит полный текст доклада «Молодёжь – залог будущего», вводя читателя в круг тех проблем, которые он поднимает в своих путевых заметках. Это – положение уральских народов и их языков в Российской Федерации. Автор рассматривает политико-административные, демографические, языковые проблемы, отдельно останавливается на языковых правах и правах национальных меньшинств. Пустаи предлагает сменить этнический нигилизм на национальное самосознание и подчёркивает, что родной язык должен быть превыше всего. С сокращённым вариантом доклада[1] он выступил на пленарном заседании IV Всемирного конгресса финно-угорских народов 16 августа 2004 года в Таллинне.

Первые путевые заметки Яноша Пустаи посвящены странам Прибалтики: Литве, Латвии и Эстонии. Они называются:

– *Baltikumi napló I. (1999-2000). A feketefejűek háza* ’Балтийский дневник I. Дом Черноголовых’ [6, с. 39-56], в котором он наряду с описанием истории, культурно-исторических и фольклорных памятников останавливается на проекте «Янтарный путь», разработанном им при кафедре уральской филологии института имени Д. Бержени, с итогами различных конференций и мероприятий, проведённых в его рамках.

– *Baltikumi napló II. (1999-2000). A gyökerek* ’Балтийский дневник II. Корни’ [6, с. 57–74]. Пустаи отмечает роль и значение междисциплинарных конференций, вошедших в историю уралистики под названием *The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia* ’Корни народов и языков Северной Евразии’. Автор знакомит читателя со своими взглядами о развитии уральских языков и народов.

– *Baltikumi napló III. (1999-2000). A dalosünnep* ’Балтийский дневник III. Певческий праздник’ [6, с. 75–93]. В этой части Пустаи приводит краткую историю Эстонии в хронологической последовательности, знакомит с певческими праздниками, отмечает их важную роль в сохранении национальной культуры.

В историческом прошлом Балтику с Адриатикой соединял Янтарный путь, проходящий через Саварию ~ Сомбатхей, поэтому в разделе *Borostánykő-mozaik. Egy gondolat csírája* ’Янтарная мозаика. Зачатки одной мысли’ [6, с. 94–116] автор останавливается на истории, культуре и языке государств, прилегающих к этому пути. Чтобы эта территория не оставалась как *terra incognita*, по мнению Пустаи, необходимо издавать серию небольших монографий о литературе, истории, искусстве этих стран и, естественно, двуязычные словари. Частичным претворением этой программы занималась кафедра уральской филологии в Сомбатхее. Были интересные планы, например, по созданию региона Альпы – Адриатика с основанием Центрально-европейского университета (Австрия, Венгрия, Италия и Словения). Центр предполагалось построить вблизи города Сентготтхарда, в живописном районе на стыке трёх государств: Венгрии,

[1] *Пустаи Янош*. Молодёжь – залог будущего // Финно-угорский вестник. Йошкар-Ола, 2004. № 3 (34). С. 29–45.

Австрии, Словении, хотя Словению от венгерско-австрийской границы отделяют несколько километров. Но, как подчёркивает Пустаи, *habent sua fata (libelli),* свою судьбу имеют не только (книги)...

В разделе *Egy észtországi út és a Collegium Fenno-Ugricum* ’Одна поездка в Эстонию и Collegium Fenno-Ugricum’ [6, с. 117-118] Пустаи знакомит читателя с идеей появления, а потом создания Института «Collegium Fenno-Ugricum» и с многопрофильной деятельностью названного института.

В путевых заметках *Mariföldön* ’На марийской земле’ [6, с. 119–150] наряду с живописными описаниями посещённых мест, Янош Пустаи поднимает такие вопросы, как современная языковая политика и ситуация в Республике Марий Эл, сохранение и развитие национального языка и национальной культуры, роль СМИ и театра в этом процессе, разработка терминологии на родном языке, преподавание марийского языка как родного в школах, создание единого литературного языка. Профессор подчёркивает роль родного языка для самоидентификации народа. Если язык не приспособлен для употребления во всех жизненных сферах, то он вырождается, вместе с ним раньше или позже исчезнет культура, со временем ассимилируется и сам народ.

Не остались в стороне и проблемы дальнейшего развития марийско-венгерских связей. Во время визита в 1992 году Пустаи предложил создать лабораторию марийской филологии при кафедре уральской филологии. Целью лаборатории было бы дальнейшее расширение и углубление научных контактов, обмен специалистами, повышение квалификации молодых исследователей в области уралистики, издание серии *Bibliotheca Ceremissica* (выпущено 13 томов, в том числе, знаменитый диалектологический словарь марийского языка Эдена Беке в 9 томах) [2].

Автор поднимает вопрос о взаимосвязи литературы и идентичности для уральских народов, потому что в последнее время среди писателей и поэтов наблюдается тенденция к переходу с родного языка на русский язык. Он приводит пример с двуязычной серией *Minoritates mundi – Literatura*, издаваемой при кафедре уральской филологии, посвященной произведениям художественной литературы и фольклору финского, эстонского и других финно-угорских народов. Пустаи знакомит читателя с такими сериями при Институте «Collegium Fenno-Ugricum», как *Bibliotheca Fenno-Ugrica* (16 книг); *LiteratUral,* которая знакомит читателей с лучшими произведениями прозаиков и поэтов уральских народов. Особое внимание он уделяет проекту *Terminologia scholaris,* в рамках которого опубликовано 50 терминологических словарей по 10 предметам на эрзянском, мокшанском, марийском, удмуртском и зырянском языках.

В путевых дневниках *Mordvinföldön* ’На мордовской земле’ [6, с. 151–189] Пустаи снова поднимает вопрос о необходимости разработки и развития терминологии на финно-угорских языках. Терминология даёт 1) возможность формирования единого литературного языка; 2) предлагает оптимальные шансы для развития родного языка; 3) способствует тому, чтобы заново задуматься о положении и роли родного языка в школах. Традиционными остаются проблемы, связанные с сохранением и развитием родного языка и национальной культуры, с изданием литературы на родных языках. Ставится вопрос о

возможностях и о создании единого мордовского литературного языка. Автор при этом опирается на мнение М. Евсевьева, выдающегося мордовского учёного, лингвиста, создателя мордовской письменности, приводит точки зрения западных финно-угроведов.

Путевые заметки профессора Пустаи интересны читателю тем, что они предлагают богатый материал по истории определённого финно-угорского народа, даётся описание и социальной, и культурной, и научной жизни каждой финно-угорской республики или региона.

В отдельном разделе *Mordvin eposzok* ’Мордовские эпосы’ [6, с. 190–197] Пустаи знакомит с содержанием двух мордовских эпосов «Сияжар» и «Масторава», даёт характеристику, описывает историю создания и подчеркивает их значение в сплочении единства народа.

В разделе *Udmurtiában* ’В Удмуртии’ [6, с. 198–204, 34], как и в предыдущих разделах, предлагается богатый материал об Удмуртии, о традициях удмуртского народа. Особое внимание уделяется проблеме удмуртских деревень, так как основной носитель удмуртского, как родного языка, аналогично и других финно-угорских языков, проживает в сельской местности. Пустаи подчёркивает, что носителем языка, национальных традиций, древней культуры является старшее поколение, а, учитывая их возраст, можно предугадать продолжительность существования удмуртского языка. Необходимо обеспечивать широкое использование языка, начиная от школ до общественных сфер. Удмуртский язык и культура живут, нет необходимости рассматривать их как музейные предметы. Пустаи напоминает, что язык способен выразить любые мысли, если им пользуются. Недостатки, возникающие в ходе употребления, могут устранять специалисты.

Как известно, зырянский народ после венгров обладает самой древней письменностью, разработанной Стефаном Пермским, отмечает Пустаи в своих путевых записях *Komiföldön* ’На земле коми’ [6, с. 205–210]. Он ещё раз подчёркивает мысль, что с народной культурой не следует обращаться как с историческим памятником. В первую очередь, следует обращать внимание на дальнейшее её развитие. Целью музея не является сохранение и развитие настоящего, современного, а хранение памяти о прошлом.

Огромная и богатая информация предлагается в разделе *Szibériában* ’В Сибири’ [6, с. 211-247]. Свою первую поездку он связывает с городом Томском, где в 1990-е годы была создана лаборатория малочисленных народов благодаря трудам и богатому собранию А. Дульзона (1900–1973), исследователя языка и культуры коренных народов Сибири. Пустаи отмечает, что в Томске на конференции впервые выступил со своими новыми взглядами о прародине уральских народов.

В Сибири Пустаи занимался изучением селькупского языка. По его наблюдениям, на селькупском языке разговаривает только старшее поколение, среднее использует русский язык, но в общении со старшими, не владеющими русским языком, наблюдается пассивное употребление селькупского языка. Молодое поколение, за исключением нескольких человек, использует русский язык. Самое интересное, отмечает автор, что именно среднее поколение выступает за возрождение своего родного языка. В отношении сохранения и

развития селькупского языка Пустаи обращает внимание на учебники, по которым дети обучаются своему родному языку в школах, и которые значительно отличаются по своему содержанию у северных и южных селькупов.

Янош Пустаи останавливается на названиях отдельных этнографических групп селькупов, приводит фольклорный материал, старинные легенды, повествующие о происхождении селькупов от медведя.

Автор книги по-своему классифицирует уральские языки, и по его исследованиям, селькупский язык вместе с остальными самодийскими, угорскими и мордовским языками относится к восточному блоку, поэтому объяснимы многие языковые сходства между селькупским и венгерским языками не только в грамматике, но и в лексике.

Относительно Ханты-Мансийского национального округа – Югры Пустаи пишет, что в этом регионе расположены богатые запасы нефти, и из-за разработок нефти носители традиционного хозяйства должны перебираться на север. Он отмечает общественную деятельность писателя Юрия Вэллы, научного сотрудника НИИ обско-угорских народов, члена координационного совета общественной организации «Сохранение Югры», председателя Союза оленеводов в защиту обских угров. Пустаи приводит стихотворение «Временный город» Вэллы в собственном переводе на венгерский язык[1].

Продолжая свои мысли об угорских народах, Пустаи отмечает, что научно-исследовательский институт был создан для изучения и сохранения языка, материальной и духовной культуры, истории и хозяйства обско-угорских народов, подчёркивает активную деятельность института в издании научных трудов и монографий.

Янош Пустаи с большим уважением описывает свою встречу с писателем Еремеем Айпиным, общественным деятелем, знакомит с его романом «Божья Матерь в кровавых снегах». Он отдает также дань уважения своей венгерской коллеге Еве Шмидт (1948–2002), которая многие годы прожила среди хантыйского народа, исследовала этнографию хантов. С её помощью был открыт Фольклорный архив северных хантов. До своей трагической смерти она была как духовным, так и административным руководителем этого архива, вела постоянную научную деятельность. Пустаи приводит собственный перевод стихотворения Юрия Вэллы «Прощальная песня Евы»[2] на венгерский язык.

В заключительной части [6, с. 248–249] говорится о научной и общественной деятельности, проведённой в рамках различных научных обществ и фондов в родном городе Яноша Пустаи – Сомбатхее, о борьбе за присуждение институту им. Д. Бержени университетского статуса. Но многое из задуманного осталось не осуществлённым, потому что родной город, как пишет Пустаи, в подобных программах не нуждался. С грустью вспоминает он о своём детище – кафедре уральской филологии, за 20 лет существования которой организовано и проведено около 50 международных конференций, издано более 150 книг. Но, к сожалению, кафедру закрыли.

---

[1] См. *Юрий Вэлла.* Временный город // URL: https://stihi.ru/2020/12/17/2435 (дата обращения: 28.10.2021).

[2] См. *Юрий Вэлла*. Прощальная песня Евы // URL: https://pandia.ru/text/77/410/93405-2.php (дата обращения: 28.10. 2021).

В конце книги приводится список литературы к докладу «Молодёжь – залог будущего» [6, с. 251–252], список источников, в которых впервые были опубликованы путевые заметки [6, с. 253], а также цветные фото [6, с. 255–272].

Литература

1. *Кузнецова М.Н.* Венгерские финно-угроведы и вопросы марийского языкознания. Часть IV: Янош Пустаи и проблемы современного марийского языка. Йошкар-Ола, 2018. 227 с.

2. *Пустаи Янош.* На марийской земле. Путевые заметки (2002) (пер. с венг. М. Кузнецовой) // Венгерские финно-угроведы и вопросы марийского языкознания. Часть IV: Янош Пустаи и проблемы современного марийского языка. Йошкар-Ола, 2018. С. 206–223.

3. *Пустаи Янош* (сост.) Венгерский взгляд. Будапешт, 2018. 178 с.

4. *Пустаи Янош* (ред.) Безграничная венгерская литература. Будапешт, 2019. 191 с.

5. *Pusztay János.* Az 'ugor-törökháború' után. Budapest, 1977. 184 P.

6. *Pusztay János*. Szabáriától Szibériáig. Útijegyzetek. Budapest, 2018. 273 P.

7. *Pusztay János* (szerk.). A Biblia finnugor nyelveken. Budapest, 2019. 171 P.

8. *Pusztay János*. Magyar-lett kisszótár. Szombathely, 2020. 432 P.

9. *Pusztay János*. Még mindig 'ugor-török háború'. Fejezetek a magyar nyelvhasonlítás történetéből. Budapest, 2020. 230 P.

10. *Pusztay János*. Szomatu. Szamojéd eposz. Budapest, 2021. 133 P.

11. *Pusztay János* (szerk.) Az oroszországi finnugor nyelvek helyzete és kilátásai. Budapest – Badacsonytomaj, 2019. 160 P.

УДК 811.511.151

К.Е. Михайлова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Андрианова Е.М., канд. филол. наук, доц.

МАРИЙ ЙЫЛМЫШТЕ АЙДЕМЫН КОЙЫШ-ШОКТЫШЫЖЫМ ПОЧЫН ПУЫШО ЛЕКСИКЕ

В статье рассматривается лексико-тематическая группа, обозначающая характер человека в марийском языке.

***Ключевые слова**: марийский язык, лексика, лексико-тематическая группа, положительное качество человека, отрицательное качество человека.*

Кеч-могай калык айдемым койыш-шоктышыжым ончен акла. Кажныжын көргö чонжо тӱрлö: кӧн сай, кӧн уда. Чылт сай гына але чылт уда гына айдеме лийын огеш керт. Кажныжын тидыжат, тудыжат уло. Сайрак лияш манын, очыни, айдеме утларак поро пашам ыштышаш.

Марий йылмыште кутырымаштат, возымаштат айдемын көргö чонжым ончыкташ тӱрлö лексикым кучылтыт. Тудым кок кугу тӱшкалаш шелаш лиеш: сай да уда койышым ончыктышо.

Айдемын койыш-шоктышыжым тӱрлö йӧн дене пайдаланен почын ончыкташ лиеш. Поснак кугу рольым пале мут модеш. Тиде пашаште айдемын койыш-шоктыш ойыртемжым почын пуымо годым кучылталтше лексикым марий писатель-влакын сылнымутышт негызеш шымлен лектына. Чыла гаяк сылнымутан произведенийлаште автор-влак шке геройышт дене палымым ыштыме годым шуко положительный але отрицательный значениян пале мутым

кучылтыт. Мутлан, С. Николаевын «Салика» комедийыштыже тӱҥ герой нерген тыге возымым ончалына: *Тыште ик* ***поро*** *чонан айдеме ыле* [2, с. 51]. Ме палена, комедийыште Салика эн сай айдеме. Але ваштарешла значениян вес примерым шергалына: ***Шучко*** *айдеме! Еҥ пӱжвӱд дене илыше,* ***шакше*** *Кузи!* [2, с. 17]. Тыште автор геройын осал койышыжым ончыктымаште отрицательный сынан пале мут-влакым кучылтын.

Айдемын пашалан кумалан, але, мӧнгешла, пашам ышташ кумылдымо койышым почын пуымаштат качественный пале мут-влак кучылталтыт. Мутлан: *чулым, чолга, писе, його* да. т м. *Шкеже такше тудын деч поснат илен кертам, иктаж моло семын тудлан вуйым кудалтен толашымаш уке. Векат,* ***його*** *улам да* [5, с. 70].

М. Илибаева шке произведенийлаштыже айдемын сай могыржым почын пуаш манын, шуко пале мутым кучылтын: *– Ой, Оксина, могай тый улат...– Могае?! – Оксина кенета ала лӱдын, ала куанен тура йодын шындыш. –* ***Ныжылге... поро...*** *чон йодмым умылен моштышо*» [3, с. 38]. ***Тымык*** *ӱдыр* [3, с. 19]. *Кумло ик ий коклаште пуйто нимынярат ваштaлтын огыл. Тугаяк* ***яндар, йымыжа*** [3, с. 9]. *Ӱдыр-рвезе-влак, гармонь почеш куштен-мурен, салтакым клубыш вученна. А* ***чолгаракышт*** *мӧҥгышкыжак вашлияш каеныт* [3, с. 19].

Койыш-шоктышым почын пуаш писатель-влак тыгак причастийым кучылтыт. Мутлан: *Могай* ***темдыме*** *айдеме, йӱдшӧ-кечыже пашам ыштыкта* [2, с. 6]. *Ачий чулым,* ***лӱддымӧ*** *ыле* [4, с. 4]. ***Вожылдымо****, кузе мыйын ончылно Саликам йодаш от вожыл?* [2, с. 16]. *Теве тиде еҥ – кугуракым* ***пагалыдыме****, начальникым* ***шотлыдымо*** *учитель Григорий Петрович Веткан… Палыме лийза* [7, с. 191]. Примерла гыч коеш, причастий утларакшым айдемын уда, сай огыл койышыжым почын пуа.

Ончалына вес тӱшка пример-влакым: *Мый гына могай нечке улам улмаш! Эх,* ***межнеч!*** [1, с. 53]. *Ме, айдеме-шамыч, ушна уло гынат,* ***орадак*** *кодына* [3, с. 22]. Тыште айдемын могай улмыжым ончыкташ лӱм мутым кучылтмо. Тыгак айдемын койыш-шоктышыжым ме контекст гычат пален налын кертына, мутлан: *Вачук ойлен ыш шукто: Оксина, кенета тарай гай чеверген, чурийжым кидше дене петырыш* [3, с. 17]. Тиде примерыште автор геройжын вожылшан улмыжым ончыкта. *Мый веле кӱпен киенам. Оксина гын вужга мелнамат кӱэшт шуктен, кӱтӱш вольыкымат ужатен, эр сомылымат тӧрлен* [3, с. 26]. Оксинан пашаче улмыжо лудшо-влаклан раш палдырна. *Шешкет шуко мала, аза пелен возешат, тӱнямат монда, витне* [6, с. 186]. М. Ушакова геройжым пашам ыштен моштдымым, йолагайым, шке нерген гына шонышым сӱретла.

Иктешлен каласаш лиеш, айдемын койыш-шоктышыжым почын пуаш тӱрлӧ йӧным кучылташ лиеш. Лексикыште улшо пале мутым, лӱм мутым, причастийым, глаголым кучылтын, геройын сай але уда улмыжым, тудын койыш-шоктышыжым раш ончыктен кертына. Йылмыште кучылталтше лексике айдемын койыш-шоктышыжым, тыгак могай калык гыч улмыжым, эсогыл йылме ойыртемжымат рашемдаш полша. Тудо айдемын кӧргӧ чонжым, вес еҥ деке кумылжым, поро, сай але осал шонымаш дене илымыжым почын пуа.

Литератур

1. *Гадиатов Г.Г.* Ава шӱм: повесть-влак. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1991. 256 с.

2. *Зайниев Г.З.* Сергей Николаев. Салика: пьесе, шарнымаш, статья. Йошкар-Ола: «Марий книга издательстве» савыктыш пӧрт, 2018. 334 с.

3. *Илибаева М.К.* Кумыл: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2003. 192 с.

4. *Орай Д.* Онар калык: ойырен налме произведений-шамыч. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1951. 292 с.

5. *Соловьев Ю.И.* Тумышан леведыш: повесть, ойлымаш, пьесе. Йошкар-Ола: Марий Эл Республикысе «Марий журнал» кугыжаныш унитар казна предприятий, 2012. 240 с.

6. *Ушакова М.Т.* Шыже муро: ойлымаш ден повесть-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2009. 224 с.

7. *Чавайн С.Г.* Элнет. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 432 с.

УДК 811.511.151

Э.И. Пекшеева
МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ПЧЕЛОВОДСТВО» В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается тематическая группа «пчеловодство» в марийском языке. Проанализированы системные отношения лексем: построены синонимические, омонимические ряды слов, исследованы гипо-гиперонимические (родо-видовые) отношения между словами, отмечены некоторые многозначные слова. Слова, относящиеся к пчеловодческому промыслу, распределены по тематическим группам.

Ключевые слова: *марийский язык, тематическая группа, синонимия, полисемия, гипо-гиперонимические отношения.*

Пчеловодство – одно из древнейших занятий человечества. Как известно, деятельность неразрывно связана с речью, и, безусловно, имеет отражение в словарном составе современного марийского языка. Вместе с развитием данного промысла марийского народа обогащалась и пчеловодческая лексика, появлялись наименования представителей семейства пчелиных, продуктов пчеловодства и инвентаря. Пчеловодческая лексика составляет один из древнейших лексических пластов лексики марийского языка, которая отражает своеобразие культуры марийского народа, особенности уклада жизни в прошлом.

В качестве источника материала нами были использованы «Марий мутэр» В.М. Васильева [1], многотомный «Словарь марийского языка» [8; 9], «Словарь марийский говоров Татарстана и Удмуртии» В.И. Вершинина [2], «Марийско-русский словарь» [5], «Словарь горного наречия марийского языка» А.А. Саватковой [7], «Словарь северо-западного наречия» И.Г. Иванова и Г.М. Тужарова [3], «Словарь балтачевского говора марийского языка» А.А. Илиевой [4] и газета «Сурт-пече» за последние годы. Картотека исследования насчитывает около 200 единиц, извлеченных из вышеназванных источников путем сплошной выборки.

В парадигматике слово имеет два вида системных отношений: связь с внешними единицами языка (в данном случае слово определяется в качестве одного из членов какой-нибудь лексико-семантической группы слов) и связь между отдельными его значениями, определяющими внутреннюю структуру определенного слова.

Анализ внутренних системных отношений показывает, что словам и словосочетаниям, относящимся к пчеловодству, характерна однозначность. Многозначными являются только некоторые слова: *авалык* ‘анат. матка’ [8, Т. 1, с. 24] – *авалык* ‘биол. личинка пчеломатки’ [9, с. 6]; *айырлаш* Г. ‘расходиться, разойтись; перестать быть вместе’ [8, Т. 4, с. 277] – *айырлаш* ‘роиться (о пчелах)’ [5, с. 20]; *айырлымаш* Г. ‘расставание, прощание, развод’ [8, Т. 4, с. 279] – *айырлымаш* ‘роение (пчел)’ [5, с. 20]; *солнышо* ‘диал., с.-х. привой, прививший рой’ [8, Т. 6, 242] – *солнышо* ‘прил. от глагола *солнаш* ‘доноситься, донестись, доходить, дойти (о звуках, шуме, слухах) ’ [8, Т.6, с. 241]; *калпак* ‘мягкий конусообразный головной убор’ [6, с. 322] – *калпак* ‘специально обустроенная маленькая клетка, используется при введении новой матки’ [10]; *шыре диал.* ‘частый; густой, плотный; нередкий’ [8, Т. 9, с. 503 – *шыре* Г. ‘трутень’ [5, с. 757].

Анализ внешних системных отношений показал, что слова, относящиеся к пчеловодству, не образуют антонимические ряды, в то время как в синонимические отношения вступают многие из обнаруженных слов:

мӱкшызӧ ‘пчеловод; человек занимающийся разведением пчел’ – *мӱкш ончышо, мӱкшым кучышо, мӱкш ден шогылтшо, мӱкшым ашныше, пчеловод*;

мӱкшотар ‘пчельник, пасека; место, где расположены ульи с пчёлами’ – *мӱкш кучымо вер – мӱкшотар – че́лник* – г. *че́льньӹк – отар – мӱкш пакча – мӱкш ончымо паша – пчеловодство, мӱкш дене шогылтмаш, мӱкшым ашнымаш, мӱкш шот*;

леток ‘отверстие в улье для захода и выхода пчел’ – *кие – киероӂ – ме́лыш* – г. *леток – мелыжро́ӂ* – диал. *йоктем роӂ – йоктем* – г. *лӓктем – мӱкш пурымо-лекме роӂ*;

прополис ‘смолистое вещество от коричневого до тёмно-зелёного цвета’ – *мӱкш клей – мӱкши́ш – шеӈга́ш – чыӈга́ш*.

Лексике пчеловодства характерна омонимия: *караш* I ‘соты’ – *караш* II ‘таращить, вытаращить, пучить, выпучить (глаза)’ [8, Т. 2, с. 254] – *караш* III ‘разг. орать, заорать; громко кричать’ [8, Т. 2, с. 255]; *шолык* I ‘щёлок; раствор древесной золы, а также некоторых щелочей для стирки белья и т. п.’ – *шолык* II ‘диал. борть, улей; выдолбленный чурбан, дупло для пчёл’ [8, Т. 9, с. 211]; *калак* I ‘брусок, точило; лопатка для правки кос’ – *калак* II ‘диал. *ложка*’ – *калак* Г. ‘самодельная деревянная лопаточка (для мёда, яйца всмятку и т. п.)’ [8, Т. 2, с. 227]; *омарта* I ‘пень’ [8, Т. 4, с. 294] – *омарта* II ‘улей’ [8, Т. 4, с. 295]; *оптем* I ‘желток (в птичьем яйце)’ – *оптем* II ‘перга; цветочная пыльца, сложенная в ячейки сотов’ [8, Т. 4, с. 330]; *отар* I ‘пасека, пчельник’ – *отар* II ‘диал. загон, выгон для скота’ [8, Т. 4, с. 350]; *пош* I ‘(приспособление для нагнетания воздуха)’ – *пош* II ‘дымарь (приспособление для окуривания пчёл) ’ [8, Т. 5, с. 222] – *пош* III ‘верша (рыболовная снасть из прутьев)’ [8, Т. 5, с. 223]; *таган* I ‘пятка; задняя часть ступни; каблук; набойка на подошве обуви под пяткой’

[8, Т. 7, с. 10] – *таган* II сз. ‘подставка для ульев’ [3, с. 210]; *умдо* I ‘копьё; пика; колющее или метательное оружие на древке’ [8, Т. 8, с. 65] – *умдо* II ‘жало (насекомых и животных) [5, с. 629] – *умдо* III ‘стрелка (компаса, часов и др. измерительных приборов) [8, Т. 8, с. 65]; *лежак* I ‘род жесткой переносной кровати для лежания на открытом воздухе, на пляже; находящееся в лежащем положении бревно, брус, труба, балка, часть какого-л. или какое-л. устройства’ [6, с. 322] – *лежак* ‘широкий улей, туда входит 24 рамы’ [10]; *магазин* I ‘магазин; помещение для продажи чего-л.’ – *магазин* II ‘магазин; запасное помещение в пчелином улье’ [8, Т. 8, с. 6]; *раме* I ‘рама; оконный переплёт вместе со стеклом’ – *раме* II ‘рама; устройство для сот в улье’ – *раме* III ‘рама; несущая часть машины, какой-л. конструкции’ [8, Т. 6, с. 21].

Анализ гипо-гиперонимических (родо-видовых) отношений показал следующую картину:

1) *мӱкш* ‘пчела’ (гипероним) – *мӱкшава*, *авамӱкш* ‘пчеломатка; самка-производительница у пчел’, *оптылмӱкш* ‘трутень; самец в пчелиной семье’, *шӱремӱкш* ‘трутень; самец в пчелиной семье’, *шӱре ава* ‘пчелиная матка-трутовка’, *разведчик мӱкш* ‘пчела-разведчица’, *пашаче мӱкш* ‘рабочая пчела’ и другие (гипонимы);

2) *омарта* л., *уля* г. ‘улей; специальное приспособление для содержания пчёл’ (гипероним) – *пундыш омарта* ‘ульи-колоды из кряжа’, *краж омарта* ‘колодный улей’, *яшлык омарта* ‘рамочный улей; специально устроенный ящик для пчёл’, *тангата уля* г. ‘борть; улей, выдолбленный в чурбане’ и другие (гипоним).

В тематической группе «пчеловодство» можно выделить следующие лексико-семантические группы слов, которые представлены немалым количеством:

1) продукты жизнедеятельности пчел: *мӱй* ‘мед’, *шыште* л., *шӹштӹ* г. ‘воск’, *вощине* ‘вощина’, *урва*, *урвавӱд*, *мӱрва*, *мӱйурва*, *мӱйшорва*, *шорва* ‘медовая сыта’, *караш* л., *кӓрӓш* г. ‘соты’, *чыҥгаш*, *шеҥгаш*, *прополис*, *мӱкшкиш* ‘уза, прополис, пчелиный клей’, *оптем*, *перге*, *мӱкшкинде* ‘перга; цветочная пыльца, сложенная в ячейки сотов’, *шорвагинде* ‘лепешки на медовом сыте’, *мӱй пӱрӧ* ‘медовая брага, медовуха’ (15);

2) жилище пчел: *отар*, *мӱкш отар* ‘пасека’; *омарта*, *мӱкш омарта* ‘улей’, *пундыш омарта* ‘ульи-колоды из кряжа’, *краж омарта* ‘колодный улей’, *яшлык омарта* ‘рамочный улей; специально устроенный ящик для пчёл’, *уля* г. ‘улей; специальное приспособление для содержания пчёл’, *тангата уля* г. ‘борть; улей, выдолбленный в чурбане’, *вопш* ‘борть’, *шолык* диал. ‘борть, улей; выдолбленный чурбан, дупло для пчёл’, *мӱкш кудо* ‘омшаник; отепленное помещение для зимовки пчел’; *омартагудо* ‘омшаник; зимовник; закрытое помещение для благополучного содержания пчел в зимнюю пору’; *омшаник* л., *омшаньык* г. ‘омшаник; утеплённое помещение для зимовки пчёл’ (12);

3) составные части улья: *кие*, *киероҗ*, *мелыш*, *леток*, *мелыжроҗ*, *йоктем роҗ*, *йоктем*, *лӓктем* г., *мӱкш пурымо-лекме роҗ* ‘леток’; *раме* ‘рама; устройство для сот в улье’; *магазин* ‘магазин; запасное помещение в пчелином улье’; *капкак* ‘крышка борти’; *леток роҗ* ‘отверстие в улье, предназначенное для входа и выхода пчел; имеются верхний и нижний леток, у нижнего

устраивают прилетную доску’; *яктем уст*. ‘покрышка борти, колодного улья’ (14);

4) инвентарь: *нӱске* ‘пешня; долото для долбления ульев’, *ково* ‘род полукруглого топора, употребляемого для изготовления ульев-колод’, *васке* ‘полукруглый топор; тесло’; *куровка* диал., *спец*. ‘роевня’; *ленге* уст. ‘приспособление из двух толстых веревок для бортьевой работы’; *мӱкш комдо* ‘роевня; обтянутое холстом лукошко, в которое сажают пчелиный рой для пересадки в новый улей’; *мӱкш оптымо совла* ‘лопатка для снимания роя’; *мӱкшиге кучымо шинчалык* ‘прибор для ловли роя’; *мӱкшиге оптымо комдо* ‘роевня, лукошко для снимания роя’ *мӱкштувыр* ‘роевня; мешок для сбора пчелиного роя’; *пош* ‘дымарь (приспособление для окуривания пчёл)’; *таган* ‘подставка для ульев’; *черпак* ‘небольшой самодельный ковш, употребляемый для сгребания роев и при посадке их в улья, обычно изготовляют из свежей бересты’; *четлык* ‘клетка для пчелиной матки; прибор, служащий для временного заключения (изоляции) матки в гнезде или для пересылки ее по почте’; *чужик разг.* ‘брызгалка; опрыскиватель, пульверизатор и т. д.; приспособление для разбрызгивания жидкости’; *шикшар спец*. ‘дымарь; приспособление для окуривания, состоящее из меха и цилиндра, в который помещается тлеющий трут’; *мӱй тулымо* ‘медогонка’; *мӱй тулымо вочко* ‘медогонка’; *мӱй тулэж* ‘медогонка’ (19);

5) специализированные места разведения пчел: *мӱкшотар* ‘пчельник, пасека; пчеловодческое хозяйство, место, где расположены ульи’; *отар* ‘пасека, пчельник’; *пасек* г., *пасык* ‘пасека’; *челник* л., *чельньӹк* г., *челнык, чельнык* г. ‘пчельник, место, где расположены ульи’; *четлык* ‘клетка для пчелиной матки; прибор, служащий для временного заключения (изоляции) матки в гнезде или для пересылки ее по почте’ (5);

6) члены пчелиного сообщества: *сӱре мӱгыш* ‘самец у пчел’; *текте мӱкш* ‘дикая (лесная) пчела’; *текте*, г. *тäкты* ‘дикая (лесная) пчела’; *шӱре, шӱремӱкш* ‘трутень; самец в пчелиной семье’; *шӱре ава* ‘пчелиная матка-трутовка’; *разведчик мӱкш* ‘пчела-разведчица’; *пашаче мӱкш* ‘рабочая пчела’ (7);

7) совокупность пчел: *мӱкш еш* л., *мӱкш семня* г. ‘пчелиная семья’; *мӱкш кусат* ‘рой пчёл’; *отводко* (изи еш)’ маленькая семья пчёл’; *рой* ‘пчелиный рой; семья, совокупность пчёл или других насекомых, образующих во главе с маткой обособленную организацию’; *угыршо* ‘рой пчёл, семья пчёл, образующих во главе с маткой обособленную группу’; *нуклеус еш* ‘маленькая семейка, обычно нуклеусы устраивают на небольшое количество рамок; устраивают нуклеусы для оплодотворения выведенных маток, сохранения их в течении некоторого времени, как резервных’; *мӱкшиге* л., *мӱкш игӹ* г. ‘пчелиный рой’; *солнышо мӱкш* ‘привившийся рой’; *тулиге, мӱкшигӹ* ‘детва; личинки или молодые пчёлы в улье, пчелиный расплод ’ (11).

Некоторые слова, относящиеся к пчеловодству, не образуют отдельную лексико-семантическую группу, так как представлены единичными лексемами: *мӱ лäктӹш* ‘сбор меда’; *мӱкш пеледыш* ‘мелисса’; *авакалта* ‘маточник’ и некоторые другие.

В результате анализа тематической группы «пчеловодство» было установлено, что системность исследованных лексико-семантических групп во

многом обусловлена существованием в них таких отношений между лексическими единицами, как родо-видовые, синонимические, омонимические. Причиной возникновения синонимов является наличие в марийском языке диалектов и говоров. Проведенное исследование позволяет нам составить определенное представление о формировании лексики пчеловодства в марийском языке и о развитии отдельных лексических единиц.

Сокращения: г. – горномарийская литературная норма; диал. – диалектное слово; л. – лугово-восточная литературная норма; сз. – северо-западное наречие марийского языка; спец. – специальная лексика; разг. – разговорная лексика.

Литература

1. *Васильев В.М.* Марий мутэр. Тӱрлӧ вэре илыӹшэ марийыӊ мутшыӹм таҥастарен нэргэлыӹмэ книга. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1928. 347 с.

2. *Вершинин В.И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 794 с.

3. *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971. 304 с.

4. *Илиева А.А.* Словарь балтачевского говора марийского языка / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2009. 160 с.

5. Марийско-русский словарь. М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. языков, 1956. 863 с.

6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

7. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235 с.

8. Словарь марийского языка: В 10 т. / гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990–2005.

9. Словарь марийского языка. Дополнительный том: А–Я. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. 560 с.

10. Сурт-пече. 2003–2017.

УДК 37.001.4+811.511.151

Янош Пустаи
(Венгрия, г. Будапешт)

ОПЫТ ПРОЕКТА *TERMINOLOGIA SCHOLARIS *ШКОЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ* В СВЯЗИ С МАРИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

Статья посвящена анализу способов образования терминов марийского языка в сравнении с данными других финно-угорских языков – эрзянского, мокшанского, коми, удмуртского.

Ключевые слова*: финно-угорские языки, терминология, проект Terminologia scholaris *Школьная терминология, марийский язык.*

Резюме

По инициативе института NH-Collegium Fenno-Ugricum в 2010–2011 годах была выработана терминология десяти школьных предметов на пяти финно-угорских языках Российской Федерации (коми, марийский, мокшанский,

удмуртский и эрзянский) с целью создания возможности создания учебников и преподавания этих предметов на родном языке.

Нами был сделан анализ всех пятидесяти терминологических словариков. В настоящей статье сравниваются данные марийского языка с данными других финно-угорских языков.

Вводные замечания

В своей статье, опубликованной в сборнике *«Проблемы марийской и сравнительной филологии»* (2015), я занимался анализом способов создания терминов в марийском языке и пришел к выводу, что марийский язык вполне способен выполнять функции государственного языка и может быть языком преподавания [1].

В настоящей статье сравниваю состояние марийской терминологии с терминологией некоторых других российских финно-угорских языков. Так как я предполагаю, что выводы, сделанные в моей немецкоязычной книге о результатах проекта Terminologia scholaris *Школьная терминология [2], вряд ли доступны для российских специалистов по марийскому языку, считаю целесообразным изложить их на русском языке. Результаты базируются на подробном анализе марийскоязычной терминологии десяти школьных предметов [3] (Данные терминологических словарей 10-и школьных предметов см.: Пустаи [1]).

Сравнительные таблицы

(Сокращения: К – коми, Ма – марийский, Мо – мокшанский, У – удмуртский, Э – эрзянский)

1) *Своеязычные термины школьных предметов* (%)

Язык		Литература		История	
У	– 83,9	У	– 59,6	К	– 52,1
К	– 61,2	К	– 47,9	Ма	– 26,8
Ма	– 53,5	Ма	– 42,7	У	– 20,6
Э	– 32,6	Мо	– 18,2	Э	– 14,7
Мо	– 31,6	Э	– 11,4	Мо	– 1,3

Обществознание		География		Биология	
К	– 75	У	– 54,6	К	– 85
У	– 66,1	К	– 54,4	Ма	– 78,8
Ма	– 38,8	Ма	– 53,1	У	– 75,9
Э	– 21,2	Мо	– 26,4	Э	– 71,5
Мо	– 9,5	Э	– 21,1	Мо	– 53,8

Химия		Физика		Математика	
К	– 28	У	– 38,8	У	– 30,1
У	– 27,3	К	– 36,7	К	– 28,7
Ма	– 15,1	Ма	– 23,2	Ма	– 17,8
Мо	– 13,3	Э	– 14,7	Э	– 9
Э	– 7,8	Мо	– 10,1	Мо	– 6,6

Информатика
К – 31,2
У – 22,2
Э – 21,3
Ма – 16,7
Мо – 6,7

Абсолютный порядок языков:
К – 15 пунктов (на основе позиций языков)
У – 16
Ма – 29
Э – 42
Мо – 47

2) *Порядок предметов по одночленным терминам (%)*

Этот аспект важен, потому что, чем проще, короче термин, тем легче его встроить, например, в предложение. Идеальным является тип термина, состоящий из одного слова. В этом аспекте терминотворчество на марийском языке очень удачно.

Язык
Ма – 46,8
К – 44,7
У – 42,3
Э – 33,7
Мо – 33

Литература
К – 73,8
Э – 71,1
Ма – 70,8
Мо – 61,8
У – 56

История
Ма – 53,5
Э – 43,4
У – 40
Мо – 33,3
К – 25,3

Обществознание
У – 60,7
Ма – 57,6
Э – 56,5
Мо – 53,6
К – 41,2

География
Ма – 57,4
У – 55,4
Э – 50,1
К – 41,5
Мо – 29,5

Биология
У – 62,5
Ма – 61,2
Э – 59,4
Мо – 52,6
К – 40,1

Физика
Мо – 37,5
Ма – 28,2
У – 22,7
К – 21,1
Э – 20,8

Химия
Ма – 61,7
Мо – 54,8
К – 40,7
У – 38,1
Э – 33,3

Математика
Мо – 48
Э – 42,2
Ма – 38,3
К – 23
У – 20

Информатика
Ма – 78,7
Мо – 66,7
К – 51,2
У – 42,9
Э – 40,4

Абсолютный порядок языков:
Ма – 18 пунктов (на основе позиций языков)
У – 30
Мо – 32
Э – 34
К – 36

3) *Порядок по пропорции слово/термин* (в скобках данные соответствующих русскоязычных терминов; расхождения относительно русского языка объясняются тем, что в одном или другом финно-угорском языке употребляются свое- и русскоязычные термины параллельно).

В этом отношении марийский язык – как и по предыдущему аспекту – очень удачен.

Язык
Ма – 1,6 (1,6)
К – 1,6 (1,5)
У – 1,7 (1,6)
Мо – 1,8 (1,3)
Э – 2 (1,6)

Литература
К – 1,3 (1,2)
Ма – 1,3 (1,3)
Э – 1,4 (1,2)
Мо – 1,4 (1,1)
У – 1,6 (1,2)

История
Ма – 1,6 (1,5)
Э – 1,8 (1,4)
У – 1,8 (1,6)
Мо – 2 (1,5)
К – 2,1 (1,4)

Обществознание
У – 1,4 (1,3)
Ма – 1,5 (1,3)
Э – 1,6 (1,1)
К – 1,9 (1,3)
Мо – 2 (1,1)

География
Ма – 1,6 (1,5)
У – 1,6 (1,6)
Э – 1,7 (1,4)
К – 1,9 (1,5)
Мо – 2,3 (1,6)

Биология
Ма – 1,5 (1,3)
У – 1,5 (1,4)
Э – 1,5 (1,3)
Мо – 1,6 (1,3)
К – 1,7 (1,3)

Химия
Ма – 1,5 (1,4)
Мо – 1,6 (1,3)
К – 1,9 (1,4)
Э – 2 (1,5)
У – 2 (1,6)

Физика
Мо – 1,8 (1,5)
Ма – 1,9 (1,8)
У – 2 (1,9)
К – 2,1 (1,9)
Э – 2,1 (1,8)

Математика
Ма – 1,9 (1,7)
Э – 2 (1,7)
Мо – 2,2 (1,8)
К – 2,2 (2,2)
У – 2,3 (2,1)

Информатика
Ма – 1,3 (1,4)
Мо – 1,4 (1,2)
К – 1,6 (1,7)
У – 1,8 (1,8)
Э – 2 (1,6)

Абсолютный порядок языков:
Ма – 12 пунктов (на основе позиций языков)
У – 25
Мо – 27
К – 29
Э – 29

Заключение

Терминотворчество в марийском языке, по моему мнению, благодаря деятельности покойного профессора И.Г. Иванова, в основном, идет успешно. Настоящий анализ указывает на некоторые недостатки и возможности дальнейшего развития. В заключение приведу последнее предложение из статьи, указанной в начале данной публикации: «Общая задача политической и научной элиты – повысить престиж языка за счет полноценного введения его в школьную образовательную практику» [1, с. 58].

Литература

1. *Пустаи Я.* Состояние марийского языка (по данным школьной терминологии) // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2015. С. 52–58.

2. *Pusztay János*. Terminologie in finnisch-ugrischen Sprachen der Russischen Föderation. Ergebnisse des Projekts Terminologia scholaris. – Terminologia scholaris – Analysis VI. Badacsonytördemic. 2015.

3. *Пустаи Я.* Анализ словарей школьной терминологии марийского языка. Terminologia scholaris – Analysis / NH-Collegium Fenno-Ugricum. Badacsonytördemic, 2015.

УДК 811.511.151

О.А. Сергеев
МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

ОБ ОДНОМ УСТАРЕВАЮЩЕМ СЛОВЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается одно из исчезающих слов марийского языка – ***ланга*** **(*ланга*).** *В свое время оно было в активном запасе лексического фонда. Лексема, относящаяся к зоне редких слов, впервые нашла отражение в молитвенном тексте начала XVIII столетия. Как лексическая единица она фигурирует и в рукописном «Кратком черемисском словаре с российским переводом» 1785 года. Составителями лексикографического памятника слово дано отдельной словарной статьёй. В настоящее время лексема входит в состав редких слов.*

Ключевые слова*: диалектное слово, лексическая единица, молитва, рукописный памятник, связной текст, словообразовательный суффикс, толмач, уржумский говор, устаревающая лексика, эквивалентное слово.*

Богатство любого языка, его древность определяется наличием в словарном фонде устаревших и устаревающих слов, или т.н. редких и забытых лексических единиц. Марийский язык также богат такими лексемами. В основном глоссарии сохранены в ранних письменных памятниках (как в рукописных, так и в печатных) XVIII – XIX вв. Некоторые ценнейшие редкие слова до сегодняшнего дня сохраняются в отдельных говорах и подговорах марийского языка. Их возрождение вполне может обогатить современные литературные языки. Частое употребление поможет им перейти в активный фонд родного языка. Давая «вторую жизнь» устаревающим словам, мы можем помочь творческим работникам отойти от использования ненужных заимствований. Также они могут выступить в качестве «тормоза» для внедрения в словарный состав разных проникновений из чужих языков.

Как отметили выше, марийский язык весьма богат глоссариями. Многие из них до сих пор «лежат» в разных материалах архивов и в текстах толстых книг, которые бережно хранятся в фондах российских, зарубежных научных библиотек и хранилищ. Следует отметить, что отдельные редкие и забытые слова нами уже введены в научный оборот. К таким лексическим единицам мы относим, например: *тюрю* (совр. *тӱрӱ*) ‘виноватый, вина’, *вурдышо* ‘царствие, руководитель’, ср.: *вурдаш* ‘руководить, вести’, *йӱктӱч* (лексические варианты: *юктючь, югтиш, йӱктыч, йӱктеч*) ‘чтец (молитв)’, *мушан* ‘ворожея, гадалка, колдун’, *виче* ‘большая вода’ [более подробно о лексемах *виче, йӱктӱч, мушан* и о нек. др. см.: 7, с. 52–56; 8, с. 60–69].

В настоящей работе мы остановимся на интерпретации лексической единицы *лаӈга* (*ланга*). Данное слово входит в пассивный фонд современного языка. Лексема записана/зафиксирована в конце XVII столетия неизвестным толмачом молитвы «Отче наш». В 1705 г. этот религиозный текст наряду с описанием краткой этнографии народа мари и, включая 12 марийских слов в переводе на латинский язык, включен в книгу голландского бургомистра, географа-путешественника Н.К. Витсена «Северная и Восточная Тартария…» (Амстердам, 1705). В основе издания лежит латинская графика. Отметим, что «Отче наш» является первым связным текстом на марийском языке.

Анализируемая нами единица встречается в следующем контексте:

i tzurty memnon i langoske [14, с. 622] ‘als wy vergeven onze schuldenaren, en leit ons niet in verzockinge’ (на голландском языке), ‘und führe uns nicht in Versuchung’ (на немецком языке), досл. ‘не делай нас бессильным’ (‘не введи нас во искушение’) (на русском языке). Предложение *i tzurty memnon i langoske* мы восстановили в форме *it purty memnam (i) langaške* (*ит пурто мемнам лангашке*) [полный лингвистический анализ молитвенного текста см.: 6, с. 189–192; 10, с. 251–268]. В марийских литературных языках лексема *langoske* – неизвестная, в современных двуязычных словарях она также отсутствует. Слово *laŋγo* (*-ske, -ške* – окончание иллатива) является эквивалентом немецкого слова *(in) Versuchung* ‘(в, во) искушение’ [2, с. 534], ср.: искушение мар. ‘*алгаштарымаш*’[1]. Как видим, нет какой-либо определенной связи между словами *lanγoske* и *алгаштарымаш*. В то же время в диалектологических словарях, в частности в материалах венгерского ученого Э. Беке, зафиксирована лексема *laŋγa* (*лаӈга*), употребляемая в малмыжском и уржумском диалектах марийского языка, ср.: *laŋγa* ‘gyenge, lomha, nehézkes (ember, állat) / schwach, träge, schwerfällig (Mensch, Tier)’ [13, с. 1169–1170], ‘слабый, вялый, неуклюжий (о человеке и животных’ – *слабый* ‘начар, ӱнардыме; лушкыдо’; *вялый* ‘лывыжгыше, лывыжге (о растениях); мыз-мыз (о человеке)’; *неуклюжий* (*неловкий*) ‘кӧтырем, пӧкмӧр, лоптырий’. Лексическая единица *laŋγa* в современном литературном языке также входит в состав редких и забытых слов, в определенных говорах она хорошо сохранилась и используется в значении ‘*маленький, слабый; несильный, бессильный; ленивый*’ (мар. ‘*изи, начар, вийдыме; неле могыран; йолагай*’). Мы считаем, что словоформа *lanγoske* в переводе молитвы является лексемой *lanγa* (-

[1] В современном переводе молитвы «Отче наш» используется лексема *алгаштарымаш* [см., например: 1, с. 335; 4, с. 42].

ske, ške) в иллативной форме, что соответствует контексту (ср.: *ит пурто мемнам вийдымышке* (или *начарышке*, *йолагайышке*); ср. синонимичную форму: *ит ыште мемнам вийдымым* (*начарым*, *йолагайым*) ‘не введи нас во искушение’). Финская исследовательница Р. Бартенс, анализируя перевод молитвы «Отче наш» в книге Н.К. Витсена, оставила данную лексическую единицу под знаком вопроса [см.: 12, с. 57]. Семантика слова ей не ясна.

Лексемы *ланга* ‘притворство’, *лангазе* ‘притворный’ зафиксированы и в рукописном словаре 2-й половины XVIII века протоиерея Троицкого собора Кукарской слободы Василия Крекнина и дьякона Спасской церкви Иоанна Платунова [см.: 3, с. 90, также: 9, с. 166], ср.: *притворство* ‘ондалыме койыш’, *притворный* ‘ондален ончыктымо’ [5, с. 588].

Слово почти с аналогичной семантикой зафиксировано в многотомном словаре толкового типа, ср.: *ланҥазе* ‘ленивый, притворный’. Составитель словаря приводит для него следующий иллюстративный материал: *Епрем вате пеш ланҥазе* (В. Куликов) ‘Епремиха очень ленива’ [11, с. 302], где *-зе* является словообразовательным суффиксом. К сожалению, лексема *ланга* (*ланҥазе*) не нашла место в III томе (косараш – ляпкыме) «Словаря марийского языка» [11].

Действительно, марийский язык богат лексическими единицами, которые в настоящее время входят в фонд редких и забытых слов. Они в основном «спрятаны» в разных текстах и корпусах двуязычных словарей, считающихся ранними письменными памятниками. Наша задача – дать им «вторую жизнь».

Литература

1. Библийым лудына. Библийысе ойлымаш-влакым сӱретлен ончыктымаш. М., 1998. 542 с.

2. Большой немецко-русский словарь. Т. II (L–Z). М.: Совет. энциклопедия», 1969. 680 с.

3. Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым. 1785 года // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собрание. № 197/1.

4. Лукан поро уверже. Стокгольм–Хельсинки, 1995. 104 с.

5. Русско-марийский словарь. Около 35000 слов. М.: Совет. энциклопедия, 1966. 848 с.

6. *Сергеев О.А.* Язык перевода молитвы «Отче наш» на марийский язык // История и современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 189–192.

7. *Сергеев О.А.* К этимологии марийского слова «*виче*» // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2018. С. 52–56.

8. *Сергеев О.А.* О некоторых устаревших и устаревающих словах, связанных с традиционной религией мари // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; сост. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2020. С. 60–69.

9. *Сергеев О.А.* Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткий черемисский словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020а. 348 с.

10. *Сергеев О.А*. Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII – XVIII вв.) / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2021. 422 с.

11. Словарь марийского языка. Т. III (косараш–ляпкыме) / Л.И. Барцева, В.И. Вершинин, Л.П. Грузов и др.; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 504 с.

12. *Bartens R.* Marilaisista Isä meidän – rukouksen käännöksistä // SUST. 228. Helsinki, 1998. S. 54–59.
13. *Beke Ő.* Mari nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). IV: k (r, G), l (l'). Szombathely, 1998. 1395 h.
14. *Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen… Amsterdam, 1705. 968 S.

УДК 811.511.151

С.С. Сибатрова
МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

ОБ ОДНОЙ ИЗ МОДЕЛЕЙ ПРОНОМИНАЛЬНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются местоименные словосочетания модели с ядерными личными местоимениями и зависимым местоимением ***шке*** *'сам(а), сами'. Излагаются лексико-грамматические формы выражения их составляющих (личные местоимения и разные проявления местоимения* ***шке****). Отмечаются синтаксическое отношение (определительное) и основные грамматические значения, тип подчинительной связи (согласование) между компонентами.*

Ключевые слова*: марийский язык, прономинальные словосочетания, главный компонент, личные местоимения, зависимый компонент, определительное местоимение, смысловое отношение, грамматическая связь.*

Статья посвящена одной из ряда моделей прономинальных (лат. *pronominalis* – местоименный), т. е. местоименных, словосочетаний в марийском языке, которые до сих пор практически не подвергались исследованию. Цель работы – многосторонне проанализировать словосочетания с личными местоимениями в позиции главного компонента и определительным местоимением *шке* 'сам, сама, сами' – в позиции зависимого. Фактической базой для описания послужили материалы электронной части лексической картотеки лугово-восточного марийского литературного языка МарНИИЯЛИ объёмом примерно в одну тысячу авторских листов (иллюстрации в статье приводятся в сокращенном виде, однако достаточном для раскрытия темы; родовые, здесь половые, характеристики лиц и знаки препинания при репликах диалога не отражаются).

Модель **М**$_{\text{личн.}}$ + **М**$_{\text{опр. }\textit{шке}}$ (местоимение личное + местоимение определительное *шке* 'сам, сама, сами') является довольно распространенной в марийском языке. Местоимение *шке* функционирует при всех личных местоимениях независимо от их числовых особенностей: ед. ч. *мый шке* 'я сам(а)', *тый шке* 'ты сам(а)', *тудо шке* 'он(а) сам(а)' – мн. ч. *ме шке* 'мы сами', *те шке* 'вы сами', *нуно шке* 'они сами'. В данном случае личные местоимения, в т. ч. 3 л. ед. и мн. ч., указывают только на лицо. То, что в исследуемых словосочетаниях (несмотря на то, что задавать вопрос от одного составляющего к другому сложно) главным компонентом является личное местоимение, несомненно. Ибо именно с ним (а не с *шке*), как с субъектом, согласуется в предложениях в формах числа и лица сказуемое. Например: *Тый от келше гын,* ***мый шке*** ышт**ем** (К. Васин) 'Если ты не согласен (не согласна), **я сам(а)**

сдела**ю**’. ***Тый шке*** *кажне мут деке пижедыл**ат*** (А. Волков) ‘**Ты сам(а)** придира**ешь**ся к каждому слову’. *Вашке **тудо шке** тол**еш*** (М. Рыбаков) ‘Скоро **он(а) сам(а)** прид**ет**’. *Илышывӱдым **ме шке** лукт**ына*** (С. Чавайн) ‘Живую воду **мы сами** достан**ем**’. *Тидым **те шке** пал**еда*** (П. Корнилов) ‘Это **вы сами** зна**ете**’. *Оксам **нуно шке** пу**ышт*** (М. Шкетан) ‘Деньги пусть **они сами** да**ют**’. Кроме того, в случаях использования личного местоимения в каком-либо объектном (родительном, дательном, винительном) падеже это же личное и падежное оформление получает и местоимение *шке;* правда, такое употребление в речи наблюдается не часто: род. п. *мыйын шкемын* ‘у меня самого (самой)’, *тыйын шкендын/шкендычын* ‘у тебя самого (самой)’, *тудын шкенжын* ‘у него самого (у нее самой)’, *мемнан шкенан* ‘у нас самих’, *тендан шкендан* ‘у вас самих’, *нунын шкеныштын* ‘у них самих’; дат. п. *мылам/мыланем шканем/шкаланем* ‘мне самому (самой)’, *тылат/тыланет шканет/шкаланет* ‘тебе самому (самой)’, *тудлан шканже/шкаланже* ‘ему самому (ей самой)’, *мыланна шканна/шкаланна* ‘нам самим’, *тыланда шканда/шкаланда* ‘вам самим’, *нунылан шканышт/шкаланышт* ‘им самим’; вин. п. *мыйым шкемым* ‘меня самого (саму)’, *тыйым шкендым/шкендычым* ‘тебя самого (саму)’, *тудым шкенжым* ‘его самого (ее саму)’, *мемнам шкенам* ‘нас самих’, *тендам шкендам* ‘вас самих’, *нуным шкеныштым* ‘их самих’. Например (приводятся примеры только 1 л. ед. ч. и 3 л. мн.ч.): *Нимат огыл, икмыняр ужашыже **мыйын шкемын** уло* (В. Орлов) ‘Ничего, какая-то часть **у меня самого** (у меня самой) есть’. *Пьесе **мыланем шкаланемат** ыш келше* (М. Шкетан) ‘Пьеса не понравилась и **мне самому** (мне самой)’. ***Мыйым шкемымат*** *тыгак ача-ава кучен пуэныт* (Д. Орай) ‘И **меня саму** родители выдали так же’. ***Нунын шкеныштын*** *пашашт путырак шуко* (П. Корнилов) ‘**У них самих** работы очень много’. ***Нунылан шканыштак*** *шӱгар вынемыш возаш логалеш* (М. Казаков) ‘**Им самим** же придется лечь в могилу’. ***Нуным шкеныштым*** *козыртылаш кӱлеш. Айдеме вӱрйӱшӧ-влакым* (М. Ятман) ‘**Их самих** надо пороть. Кровопийцев’. Как видно, в описываемых словосочетаниях между частями устанавливается грамматическая связь согласования. Последующее определяющее местоимение *шке* уподобляется стержневому личному местоимению не только в числе и лице, но и в падеже. Надо заметить, что такое расположение компонентов словосочетания (когда главный компонент предшествует зависимому) и такая подчинительная связь в нем (согласование) малохарактерны для собственно марийского синтаксиса, они требуют дальнейшего сравнительно-исторического изучеия.

Полисемантичное местоимение *шке* в данной модели функционирует, прежде всего, в значениях «кто-либо лично» (производит действие или испытывает его), «не кто иной как, именно он» [см. 3, с. 154]. Сочетания же в целом передают значения: *мый шке* ‘я сам(а)’ – именно (лично, непосредственно) я, а не другие лица (а не кто-то другой); *тый шке* ‘ты сам(а)’ – именно (лично, непосредственно) ты, а не другие лица (а не кто-то другой); *ме шке* ‘мы сами’ – именно (лично, непосредственно) мы, а не другие лица (а не кто-то другой) и т. д. Следовательно, между компонентами синтаксическое отношение определительное, зависимая часть *шке* выражает признак обслуживаемого личного местоимения по отношению к другим лицам.

Слово *шке* может присоединять к себе «выделительно-усилительные», «усилительно-выделительные», «усилительные» частицы *-ак* ‘же’, *-ат* ‘и’ (о таких частицах см. [4, с. 301; 7, с. 164; 8]) и притяжательные суффиксы 3 л. ед. ч. *-же* ‘-то’ и (очень редко) 3 л. мн. ч. *-шт* ‘-то’ в функции «указательно-выделительных» и «эмфатических» частиц, «обозначения указательности» (о подобном непритяжательном употреблении посессивных суффиксов см. [4, с. 51–52; 2, с. 35–36, 44; 6, с. 45–47; 5, с. 66–67, 71]): *мый шкак/шкеак* ‘я сам(а) же’, *мый шкат/шкеат* ‘я и сам(а)’, *мый шкеже* ‘я сам(а)-то’; *тый шкак/шкеак* ‘ты сам(а) же’, *тый шкат/шкеат* ‘ты и сам(а)’, *тый шкеже* ‘ты сам(а)-то’; *тудо шкак/шкеак* ‘он(а) сам(а) же’, *тудо шкат/шкеат* ‘он(а) и сам(а)’, *тудо шкеже* ‘он(а) сам(а)-то’; *ме шкак/шкеак* ‘мы сами же’, *ме шкат/шкеат* ‘мы и сами’, *ме шкеже* ‘мы сами-то’; *те шкак/шкеак* ‘вы сами же’, *те шкат/шкеат* ‘вы и сами’, *те шкеже* ‘вы сами-то’; *нуно шкак/шкеак* ‘они сами же’, *нуно шкат/шкеат* ‘они и сами’, *нуно шкеже* ‘они сами-то’, *нуно шкешт* ‘они сами-то’. В фонетических вариантах *шкак* ‘сам(а) же’ (< *шкеак*), *шкат* ‘и сам(а)’ (< *шкеак*) имеет место выпадение конечного ударного гласного *е* [э] корня слова перед последующим гласным *а*, являющимся в марийском языке «относительно самым долгим по длительности и интенсивным, сильным», способным «перетягивать ударение на себя» [1, с. 48]. Например (приводятся примеры только 1 и 2 л. ед. ч., 3 л. мн. ч.): ***Мый шкак*** *изиш йоҥылыш лийым* (М. Ятман) ‘**Я сам(а) же** немного ошибся (ошиблась)’. ***Мый шкат*** *ваштареш омыл* (В. Юксерн) ‘**Я и сам(а)** не против’. ***Мый шкеже*** *шым уж, мыланем варажым каласышт* (А. Асаев) ‘**Я сам(а)-то** не видел(а), мне сказали позже’. ***Тый шкеак*** *ужыч, турнепс курыкла койын кия* (Н. Лекайн) ‘**Ты сам(а) же** видел(а), турнепс лежит горой ’. *Илышем мыйын але тӱҥалеш веле, тидыжым* ***тый шкат*** *ужат* (Т. Батырбаев) ‘Жизнь у меня только начинается, **ты и сам(а)** видишь это’. ***Тый шкеже*** *ават гаяк киш улат* (А. Волков) ‘**Ты сам(а)-то** приставала (букв. смола), как и твоя мать’. *Вара* ***нуно шкеак*** *Акпайыштым кучен пуат* (К. Васин) ‘Потом **они сами же** задержат и передадут своего Акпая’. *Ты йодышлан* ***нуно шкат*** *вашештен огыт керт* (П. Корнилов) ‘На этот вопрос **они и сами** не могут ответить’. ***Нуно шкеже*** *ты ялеш шочын кушкыныт* (И. Васильев) ‘**Они сами-то** родились и выросли в этой деревне’. Небезынтересно, частица *-же* (изначально показатель 3 л. ед. ч.) присоединяется к слову *шке*, как видно из вышеприведенных примеров, в случаях сочетания его с личными местоимениями всех лиц, причем не только единственного, но и множественного числа. А частица *-шт* не получила широкого обобщения, она наблюдается только при сочетании *шке* с местоимением 3 л. мн. ч. (нужно заметить, что наряду с *-же*), что тесно связано со сферой ее притяжательного употребления: ***Нуно шкешт,*** *поян-влак, пасуече воктен кашакын-кашакын шогат, шинчылтыт* (М. Шкетан) ‘**Они сами-то,** богачи, группами стоят и сидят около полевой изгороди’.

Нередко вышеназванные частицы выступают в слове *шке* совместно, еще более акцентируя внимание на выделении данного и обслуживаемых местоимений. При этом частицы, развившиеся от посессивных суффиксов, занимают характерную для таких суффиксов позицию – перед «собственно» частицами *-ак, -ат* (что является отражением исторического развития

марийского языка, а именно хронологии этих единиц): *мый шке**жак*** ‘я сам(а) же’, *мый шке**жат*** ‘я и сам(а)-то’, *тый шке**жак*** ‘ты сам(а) же’, *тый шке**жат*** ‘ты и сам(а)-то’, *тудо шке**жак*** ‘он(а) сам(а) же’, *тудо шке**жат*** ‘он(а) и сам(а)-то’, *ме шке**жак*** ‘мы сами же’, *ме шке**жат*** ‘мы и сами-то’, *те шке**жак*** ‘вы сами же’, *те шке**жат*** ‘вы и сами-то’, *нуно шке**штак*** ‘они сами же’, *нуно шке**штат*** ‘они и сами-то’. Например: *Пьесе возымо гутлаште **мый шкежат** театрыште пашам ыштышым* (М. Шкетан) ‘Во время сочинения пьесы **я и сам-то** работал в театре’. *Мыйын шӱмыштӧ йолгет **тый шкежак** кечыла* (А. Селин) ‘В моем сердце **ты сама (же)** светишься, как солнце’. ***Тудо шкежат** Писташ могырыш тӱткын ончен* (А. Березин) ‘**Он(а) и сам(а)-то** пристально смотрел(а) в сторону (деревни) Писташ’. *Тудыжо туге, только **ме шкежат** йоҥылыш ыштен улына* (С. Чавайн) ‘Так-то оно так, только **мы и сами-то** сделали неправильно’. *Шижамат, **те шкежат** нимом огыда ыште* (П. Корнилов) ‘Как чувствую, **вы и сами-то** ничего не делаете’. *Теве **нуно шкештат** койыч* (Э. Чапай) ‘Вот **они и сами** показались’.

Обращает внимание то, что в речи определительное местоимение *шке* может предшествовать личному местоимению. Понятно, подобная препозиция более отвечала бы и характеру синтаксического строя марийского языка, в котором определяющее слово, как норма, располагается перед определяемым. Однако, это явление наблюдается заметно реже, чем постпозиция. Таким способом, очевидно, актуализируется семантическая значимость атрибутивного компонента – местоимения *шке.* Например: ***Шке мый** колышо гай лийынам* (М. Шкетан) ‘**Сам(а) я** был(а) как мертвый (мертвая)’. ***Шкеже тый** осал отыл. А эргыч вот…* (И. Смирнов) ‘**Сам(а)-то ты** неплохой (неплохая). А вот сын у тебя…’ ***Шкежат тый** хуторыш лектат* (Н. Лекайн) ‘**И сам ты** выходишь на хутор’. *– Мигыта мыйым... – мугымалтыш Йыван. – **Шке тудо** чернила дене тетрадем амыртыш* (А. Юзыкайн) ‘– Никита меня… – пробормотал Йыван. – **Сам он** испачкал мою тетрадь чернилами’. ***Шкеже тудо** (генерал) иктаж витле ияш* (И. Ломберский) ‘**Сам-то он** (генерал) около пятидесяти лет’. ***Шкежак ме** сценыш лектын Муралтална, куштышна* (М. Большаков) ‘**Сами же мы**, выйдя на сцену, попели, поплясали’. ***Шкешт нуно** логарыштлан толашен киеныт* (М. Шкетан) ‘**Сами-то они** заботились о своем желудке (букв. горле)’.

Следовательно, в марийском языке модель **М**$_{\text{личн.}}$ + **М**$_{\text{опр. }шке}$ является одной из наиболее распространенных среди прономинальных словосочетаний. В роли главного компонента в ней выступают личные местоимения, о чем свидетельствуют координация сказуемого с таким местоимением-субъектом и формальное уподобление им самого местоимения *шке* (в рамках предложения). Грамматически подчиненное слово *шке* может определять любое из личных местоимений со значением лица, располагается при этом чаще всего за ними. С опорными местоимениями связывается малохарактерным для марийского синтаксиса согласованием, соответствуя им формами числа и лица, падежа. Смысловое отношение между компонентами описываемой модели словосочетаний атрибутивное, зависимое слово *шке* обозначает признак обслуживаемого лица по отношению к остальным подобным лицам. Оно может присоединять к себе некоторые постпозитивные выделительно-усилительные

частицы и притяжательные суффиксы третьего лица обоих чисел в значении указательно-выделительных частиц.

Литература

1. *Грузов Л.П.* Современный марийский язык: Фонетика. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 162 с.

2. *Кокла П.* Притяжательные суффиксы в марийском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Таллинн, 1963. 47 с.

3. Словарь марийского языка. Т. 9: Ш, Щ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 520 с.

4. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

5. *Тужаров Г.М.* Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 142 с.

6. *Учаев З.В.* Марий йылме: факульт. занятийым эртарыме учеб. пособий: туныктышо-влаклан. Икымше ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 184 с.

7. *Учаев З.В.* Марий йылме: факульт. занятийым эртарыме учеб. пособий: туныктышо-влаклан. Кокымшо ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.

8. *Эрцикова Г.А.* Функционально-семантическая характеристика усилительно-выделительной частицы *-ак/-ок* в марийском языке // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы V Всерос. тюркологической конф., посв. 80-летию Ин-та ист., яз. и лит. Уфимского НЦ РАН. Уфа, 2012. С. 118–119.

УДК 811.511.151

Ф.Я. Хабибуллина, И.Г. Иванова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЭТНОТОПОНИМЫ В МАРИЙСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ

Статья посвящена исследованию топонимов Республики Марий Эл, содержащих этнокомпонент, восходящий к языкам контактирующих народов: русских, татар, удмуртов, чувашей. По топообъекту выделены нами такие этнотопонимы, как ойконимы, гидронимы, оронимы, дримонимы, микротопонимы.

Ключевые слова: *топоним, этноним, ойконим, гидроним, ороним, дримоним, микротопоним, русский язык, чувашский язык, удмуртский язык, татарский язык, марийский язык, Республика Марий Эл.*

Исследования в области истории, этнологии, археологии, лингвистики свидетельствуют о сложных этногенетических процессах, происходивших в Среднем Поволжье и оставивших свои следы в национальном сознании и самоидентификации контактирующих народов. Взаимосвязи оказали существенное воздействие, в том числе, на топонимическую систему их языков. Еще во второй половине XX века исследователь Э. Мурзаев писал, что «Поволжье явилось местом, где встретились славянские, финно-угорские, иранские и тюркские элементы» [4, с. 104]. Марийский топонимикон не является исключением, аккумулируя в географических названиях информацию о ближайших народах, проживающих на соседних территориях: удмуртах (финно-

угорские языки), татарах и чувашах (тюркские языки), русских (славянские языки).

Этноним определяется Н.В. Подольской как «номен для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. д.), автоэтноним (эндогенный этноним) – самоназвание этноса, а аллоэтноним (экзогенный этноним) – название этноса, данное ему другим (обычно соседним) этносом» [5, с. 167–168]. В марийском языкознании этнонимы стали предметом исследования в книге «Марий ономастика» (Галкин, 2000). Теоретические вопросы топонимики, в том числе, этнонимов, исследовались в работах А.Н. Куклина (1992, 1996, 1998).

В настоящей статье изучены этнонимы, функционирующие в марийском топонимиконе и отражающие присутствие этноследов удмуртов (1–2 тыс. н.э.), тюркских народностей (XI–XII вв.) и русских (начиная с XVI в.) как оказавших наиболее сильное влияние на этнокультурный фонд марийского народа.

В силу особенностей ландшафта топонимическая система Республики Марий Эл включает достаточное количество наименований: ойконимов [8, с. 259–285; 9, с. 295–302], оронимов [7, с. 97–101], гидронимов [6, с. 40–49], микротопонимов [10, с. 288–295].

Анализ топообъектов с этнокомпонентом проведен в соответствии с географической номенклатурой, объединяющей 6 тематических групп.

1. Дримонимические (термины, обозначающие лесные участки).

Одо Салма ото – роща в Верхне-Кугенерском с/с Сернурского р-на, дримоним марийского происхождения: *Одо* – этноним «удмурт» + салма «сковорода» + ото «роща», то есть «Удмуртская роща на ровном, низменном месте, как сковорода».

Руш Кожла – лес в Мари-Куптинском с/с Мари-Турекского р-на. Дримоним марийского происхождения, где Руш «русский», кожла «лес, ельник», то есть «Лес русских». Как указывают О.П. Воронцова и И.С. Галкин, по утверждению старожилов, этот лес принадлежал русскому помещику, и марийцам не разрешалось посещать его [1, с. 287].

2. Оронимические (термины, обозначающие формы рельефа, как выпуклого, так и вогнутого).

Этноним «Русский»

Руш Корем – овраг с источником в Шудумарском с/с Куженерского р-на. Название указывает на принадлежность географического объекта, где Руш «Русский», корем «овраг», то есть «Русский овраг». С таким же названием есть овраг в Кужмаринском с/с Советского р-на.

Этноним «Удмуртский»

Одо Салма корем – овраг в Лажъяльском с/с Сернурского района. Ороним марийского образования: одо – этноним «удмурт» + салма «сковорода» + корем «овраг, речка», то есть «Овраг удмуртов, ровный, гладкий как сковорода». Топоним косвенно подтверждает мысль о былом существовании удмуртов на данной территории.

Одо Карман (курык) **–** возвышенность у дер. Кугу Пӱнчер Рушенерского с/с Сернурского р-на. Ранее здесь археологами найдено древнемарийское

городище 1–2 тыс. н.э. Топоним марийского происхождения: одо – этноним, карман «крепость, укрепление».

3. Ойконимические (термины, обозначающие населенные пункты). В структуре ойконима атрибутивный этнокомпонент (*Руш / Русский, Тат / Татар, Одо, Чуваш),* указывает на национальный состав и / или вторичность возникновения топообъекта.

Этноним «Русский»

Русская Гарь – рус. дер. в Шоруньжинском с/с Моркинского р-на, ныне не сущ. Ойконим характеризует на местность и указывает на национальный состав деревни.

Русский Кукмор – рус дер. в Русско-Кукморском с/с Медведевского р-на. Атрибут Русский указывает на национальный состав населения и вторичность возникновения деревни, ср. Кукмарий (оф. Кукмарь) – мар. дер. в Кукмаринском с/с Советского р-на, где комоним Кукмарий – сложный ойконим марийского происхождения, состоящий из двух слов: кук <курык «гора, горный» + марий «мариец, марийцы», таким образом «Горные марийцы» [2, с. 68].

Русский Кукнур – рус. дер. в Ильпанурском с/с Параньгинского р-на. Название отражает национальный состав жителей деревни. Комоним Кукнур – марийского происхождения, состоит из двух слов: Кук <курык «гора, горный» + нур «поле», то есть «Горное поле, горная полянка».

Русское Аппаково – рус. дер. в Отарском с/с Пектубаевского (ныне Оршанского) р-на. Атрибут *Русское* указывает на национальный состав жителей деревни.

Руш Вуртем (оф. Русский Уртем) – рус. село в Уртем_Варангужском с/с Моркинского р-на, в отгидронимном ойкониме атрибут Руш «Русский» указывает на национальный состав и вторичность возникновения деревни.

Руш Вӱрзымнольо (оф. Русская Уржумноля) – мар.-рус. дер. Мари-Биляморском с/с Мари-Турекского р-на. В составном ойкониме атрибут Руш «Русский» указывает на национальный состав и вторичность возникновения деревни. Букв. перевод: «Лесная быстротекущая речка на территории русских».

Руш Йошкарэнгер (оф. Русский Йошкаренер) – рус. дер. в Куженерском с/с Куженерского р-на. Комоним сложный, где йошкар «красный» + энгер «речка», то есть «Красная речка».

Руш Йыр (оф. Русский Адымаш) – мар.-рус. дер. в Кинерском с/с Моркинского р-на. Комоним Йыр отгидронимный, *йыр* первично означало «река с омутами» (пермского происхождения). Марийцы восприняли слово без изменения с добавлением своего слова *вӱд* «вода».

Руш Кодам (оф. Русский Кадам) – рус. дер. в Кадамском с/с Советского р-на. Кодам – финно-угорский гидроним, состоящий из топоосновы Код (Кад) «топь, трясина, заболоченное место» и топоформанта – ам. Таким образом, Кодам – река в заболоченном месте. Букв.: «Русская деревня на реке в заболоченном месте».

Руш Кугланур (оф. Русский Кугланур) – рус. дер. в Кугланурском с/с оршанского р-на. Типично марийское составное образование. Кугланур отантропонимный комоним, состоит из двух слов: Кугла – собственное имя

владельца+нур «поле», то есть «Поле Куглы» [3, с. 169]. Кугла от русского Кукла, в марийском языке глухой согл. –к озвончился между гласным и согл. –л.

Руш Кугунур (оф. Русский Кугунур) – рус. дер. в Шудумарском с/с Куженерского р-на. Комоним Кугунур состоит из Кугу «большой» + нур «поле», то есть «Большое поле или великое поле, великополье».

Руш Кугушен (оф. Русский Кугушен) – рус. дер. в Кугушенском с/с Сернурского р-на. Составной отгидронимный ойконим, где Кугушен – гидроним.

Руш Купто (оф. Русская Купта) – рус. дер. в Косолаповском с/с Мари-Турекского р-на. Купто – это озеро в ложбине или в яме.

Руш Лаждӱр (оф. Русский Ляждур) – рус. дер. в Юледурском с/с Куженерского р-на. Составной отгидронимный ойконим, где Лаж – гидроним «не глубокий, мелкий» + дӱр <тӱр «край, берег», то есть «край, берег реки Лаж», таким образом, «Русская деревня на берегу реки Лаж».

Русский Лажмарий (оф. Русская Ляжмарь) – рус. дер. в Русско-Ляжмаринском с/с Параньгинского р-на, составной ойконим, где руш «русский» и сложный комоним Лажмарий <Лаж гидроним+марий «мариец». Ойконим указывает на национальный состав деревни.

Руш Мосара (оф. Русская Мосара) – рус. дер. в Хлебниковском с/с Мари-Турекского р-на. Отгидронимный составной ойконим, где Руш «русский» + Мосара «ложбинная река» (от пермского варианта), на марийской почве – река Мосара.

Руш Нольдӱр (оф. Русский Ноледур) – рус. дер. в Алексеевком с/с Мари-Турекского р-на. Нольдӱр – «край, берег реки Ноли».

Руш Нужа (оф. Русская Нужа) – мар. дер. в Большешедугужском с/с Килемарского р-на. Отгидронимный ойконим, где Нужа – три реки, притоки р. Кокшаги, означает «топь, трясина, низина, топкое место».

Руш Нуръял (оф. Русский Нуръял) – рус. дер. в Нуръяльском с/с Куженерского р-на. Нуръял – нур «поле, поляна» + ял «деревня», то есть «Деревня в поле или на поляне».

Этноним «Чуваш»

Чуваш Кужер (Оф. Свободные Кужеры) – чув. дер. в Мари-Кужерском с/с Моркинского р-на, не существует. Атрибут чуваш – этноним, употреблен в целях дифференциации названия Кужер.

Чуваш починга (Оф. Рождественский) – починок в Коркатовском с/с Моркинского р-на. Отэтнонимное название: чуваш «чувашский + починга «починок».

Чуваш Отар (оф. Чуваш-Отары) – чув. дер. в Исменецком с/с Звениговского р-на, название составное чувашского происхождения, в составе которого чува – этноним, отар утар «хутор».

Этноним «Удмурт»

Одывлак (оф. Одобеляк) – мар. дер. в Тумъюмучашском с/с Куженерского р-на, отэтнонимный ойконим сложного образования, состоит из двух слов: оды <одо – так марийцы называли удмуртов + влак <беляк «участок земли, занимаемый родом, родовая группа людей», то есть «Земля, занимаемая удмуртским родом».

Этноним «Татарский»

Тат-Китне (оф. Тат-Китня) – тат. деревня в одноимённом с/с Мари-Турекском районе. Ойконим представляет собой финно-угорский гидроним с атрибутом Тат <татарский и указывает на место положение и национальный состав населения. По структуре и компоненту *Тат* сходны с Тат-Китне следующие ойконимы: Тат-Кошпай – тат. дер. в Куянковском с/с Параньгинского р-на. Второй компонент *Кошпай* является языческим именем марийцев тюркского происхождения, где компонент кош восходит к тат. кош птица, пай <бай имеет значение богач, богатый; хозяин.

Тат-Кушна (оф. Алмаметьево) – тат. дер. в Шиньшинском с/с Моркинского р-на. Тат-Шолкер – тат. дер. в Тат-Китнинском с/с Мари-Турекского р-на. Тат-Юрдур – тат. дер. в Семисолинском с/с Моркинского р-на) – тат. дер. в Семисолинском с/с Моркинского р-на.

Тат-Китне (оф. Тат-Китня) – тат. дер. в одноименном с/с Мари-Турекского р-на. Ойконим представляет собой финно-угорский гидроним с атрибутом Тат <татарский и указывает на местоположение и национальный состав деревни.

Тат-Кошпай – тат. дер. в Куянковском с/с Параньгинского р-на, ныне не существует. Отантропонимный ойконим с сокращенным атрибутом *Тат* <татарский, то есть «Татаркий Кошпай». Антропоним Кошпай – языческое имя марийцев тюркского происхождения [11, с. 238], состоит из двух слов, ср. тат. кош «птица», бай> пай «богач, богатый; хозяин».

Тат-Кушна (оф. Алмаметьево) – тат. дер. в Семисолинском с/с Моркинского района. Название составное: атрибут *Тат* указывает на национальный состав деревни, детерминант Кушна – образован от гидронима [3, с. 159].

Тат-Чодыраял – тат. дер. в Шиньшинском с/с Моркинского района. Составной комоним, где атрибут Тат «татарский» указывает на национальный состав деревни.

Тат-Шолкер – тат. дер. в Тат-Китнинском с/с Мари-Турекского р-на. Составной комоним, где атрибут Тат «татарский» указывает на национальный состав деревни.

Тат-Юрдур – тат. дер. в Семисолинском с/с Моркинского р-на, ныне не существует. Составной комоним, где атрибут *Тат* «татарский» указывает на национальный состав деревни.

4. Дромонимические (термины, обозначающие дороги).

Одо куржмо корно – дорога в Лажъяльском с/с Сернурского р-на. Ороним марийского образования: одо – этноним «удмурт» + куржмо – причастие от глагола куржаш «бежать» + корно «дорога», то есть «Дорога, по которой бежали удмурты». Топоним косвенно подтверждает о былом проживании и существовании удмуртов на данной территории.

5. Гидронимические (термины, обозначающие водные объекты).

Этноним «Русский»

Рушӓнгыр (оф. Рушенер) – речка в бассейне р. Ветлуги. Гидроним сложный, где атрибутивная часть Руш, Русский указывает на то, что эта река была на территории русских, то есть территориальную принадлежность.

Поэтому Рушӓнгыр «Русская речка». Официальный вариант – результат русской адаптации.

Рушӓнгыр куп – болото в Горномарийском р-не, гелоним составной, состоит из апеллатива куп «болото» и гидронима Рушӓнгыр, который указывает на местоположение болота на территории русских.

Руш куп – название двух болот в Волжском и Медведевском р-нах. Гелоним состоит из апеллятива куп «болото» и атрибута Руш «русский».

Этноним «Татарский»

Татарэҥер – пересохшая речка, прав. Приток р. Немды, отэтнонимный гидроним, состоит из двух слов: татар «татарин, татар» + эҥер «речка, река», то есть «Речка, на берегу которой живут татары» или «Татарова река».

6. Микротопонимы (онимы, имеющее узкую сферу употребления и функционирующие в пределах микротерритории)

Этноним «Чуваш»

Чуваш-Отарский – дом лесника в Исменецком с/с Звениговского р-на, ныне не существует. Название отойконимное, составное чувашского происхождения, в основе которого этноним *Чуваш* и отар <утар «хутор».

Этноним «Удмуртский»

Одоилем (оф. Одолем) – название местности у деревни Марий Ернур в Великопольском с/с Оршанского р-на. Здесь были городища Азелинцев – предков удмуртов. По преданию городище служило убежищем от нападений марийцев. По-марийски *одо* «удмурт», *илем* «жилище», то есть «Жилище удмуртов».

Одо нур – поляна, место близ деревень Марий Пыжай и Руш Пыжай Токтамыжского с/с Сернурского р-на. Одо – этноним, марийское название удмуртов, нур «поле, поляна» то есть «Поляна (поле) удмуртов». По преданиям старожилов известно, что раньше на этом месте была удмуртская деревня.

Таким образом, общее количество исследованных топонимов с этнокомпонентом составило 86 топообъектов, из них: с этнокомпонентом «Русский» – 67, с этнокомпонентом «Татарский» – 8, с этнокомпонентом «Удмуртский» – 7, с этнокомпонентом «Чувашский» – 4.

Этноним «Русский» в марийских топонимах представлен как атрибут в полной форме и может быть идентифицирован на двух языках: мар. *руш* и рус. *русский*. Он указывает на национальный состав населения (преимущественно русские) или вторичность возникновения объекта (преимущественно смешанное марийско-русское население).

Этноним «Татарский», функционирующий в усеченной атрибутивной форме Тат <«татарский» в препозиции, свидетельствует о местоположении и национальном составе населения исследуемых географических объектов. Исключение составляет отэтнонимный гидроним ***Татарэҥер,*** где ***Татар*** указывает на представителя нации, то есть выступает в объектной функции. Орфографически этноним *Тат* оформлен с помощью дефиса, однако в приведенном примере *Татар* пишется слитно с определяемым словом.

Этноним «Чувашский» выступает атрибутивом и имеет полную форму на марийском языке *Чуваш***.** Официальные названия объектов с данным

этнокомпонентом могут отличаться от марийских наименований географического объекта вследствие изменения политического строя, либо по религиозной мотивации.

Этноним «Удмуртский» в марийском языке имеет форму *одо* (существительное) и выступает в качестве атрибута, выполняя функцию относительного прилагательного. Данный этноним относится к наиболее древним пластам в марийской топонимике, о чем свидетельствуют сами объекты: городища, пути / дороги, места религиозных обрядов (роща), земля, занимаемая удмуртским родом, что косвенно подтверждает былое проживание удмуртов на территории современной Марий Эл.

Ведущими структурными моделями изученных топонимов с этнокомпонентом выступают: **N+N, Adj+N, N+Adj, N+Part+N, N+N+N.** Основным структурным типом сложных этнотопонимов являются определительные словосочетания, построенные преимущественно на примыкании. Для них характерно, в основном, двухсловное образование. Например, структура оронимов включает два компонента: постпозиционное указание формы рельефа – *корем* «овраг», то есть «относительно глубокая и крутосклонная ложбина и/или впадина на поверхности земли», *курык* «гора», то есть «возвышенность, изолированное поднятие местности с выраженными склонами и подножием» и антропоним или его дериват.

Проведённый анализ предоставляет возможность проследить также закономерности зонирования объектов в топонимическом пространстве Марий Эл [8, с. 259–285]. Наибольшее распространение получили ойконимы позднего образования: чувашский и татарский этнокомпоненты, которые в настоящее время встречаются в лугово-марийской зоне, в Моркинском, Звениговском, Мари-Турекском, Параньгинском районах, на территориях компактного проживания татар, а также в пограничных районах с Республикой Татарстан и Республикой Чувашия. Что касается этнонима *Русский*, фактический материал свидетельствует о его повсеместной распространенности по территории Республики Марий Эл.

Список сокращений

букв. – буквально, дер. – деревня, мар. – марийский, мар.-рус. – марийско-русский, оф. – официально, пос. – посёлок, п/с – поселковый совет, р. – река, р-н – район, РМЭ – Республика Марий Эл, рус. – русский, согл. – согласный, ср. – сравни, тат. – татарский, с/с – сельский совет, чув. – чувашский.

Литература

1. *Воронцова О.П., Галкин И.С.* Топонимика Республики Марий Эл: ист.-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002. 424 с.

2. *Галкин И.*С. Кто и почему так назвал? Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. 160 с.

3. *Куклин А.Н.* Название физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1985. С. 119–189.

4. *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.

5. Словарь русской ономастической терминологии / Ин-т языкознания АН СССР; отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1978. 198 с.

6. *Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г.* Заимствования татарского происхождения в гидронимах Республики Марий Эл // Актуальные вопросы формирования межкультурных компетенций в современном образовании: сб. статей и метод. разработок / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. С. 40–49.
7. *Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г.* Татарские антропонимы в структуре оронимов Республики Марий Эл // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. С. 97–101.
8. *Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г.* Отантропонимные географические названия Республики Марий Эл татарского происхождения: топонимические зоны // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 3. С. 259–285.
9. *Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г.* Политическая топонимия Республики Марий Эл как составная часть регионального ономастического пространства // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т. Чебоксары, 2020. С. 295–302.
10. *Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г.* Лексико-семантическая классификация микротопонимов Республики Марий Эл // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований / Чуваш. гос. пед. ун-т. Чебоксары, 2020. С. 288–295.
11. *Черных С.Я.* Словарь марийских личных имён. Йошкар-Ола, 1995. 626 с.

УДК 811.511.151

Г.А. Эрцикова
МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

ЛЕКСИКА ЛЕВОБЕРЕЖНЫХ ГОВОРОВ ГОРНОГО НАРЕЧИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ
(на материале озеркинского, ардинского и юринского говоров)

В статье на материале озеркинского, ардинского и юринского говоров горного наречия анализируются повседневно и редко употребляемые в общении слова, связанные с основными традиционными промыслами и ремеслами левобережных горных мари.

***Ключевые слова**: левобережные говоры, активный запас слов, пассивный запас слов, промыслы, ремесла.*

Словарный состав говоров в современную эпоху испытывает значительные изменения. Это связано с тем, что лексика теснее других сторон языка связана с реальной действительностью; лексическая система говоров открытая, поэтому в нее легко проникают элементы извне. Постоянные изменения в лексике говоров происходят в соответствии с внутренними законами и существующими тенденциями развития языка, а также под влиянием литературного языка, под воздействием речевого сознания носителей говора и билингвизма. В результате в лексике диалекта появляются новые слова, исчезают старые, происходят различные семантические изменения. Отражением этого является существование в говоре двух лексических пластов: слов активного запаса и слов пассивного запаса (употребления).

Лексика активного употребления – это лексика общеупотребительная, это слова повседневного использования, значение которых понятно всем говорящим на этом языке. Активная лексика составляет центральную часть всего лексического запаса языка. К ней относятся названия предметов быта и

растений, названия признаков, свойств, характеризующих человека и окружающую природу, названия процессов труда, это слова нейтральные и эмоционально-экспрессивные и т.д. К пассивному словарю языка относится все то, что не является в нем привычным и повседневно употребительным, – это устаревшие слова и неологизмы.

В настоящей работе на материале диалектологических экспедиций (материал собран автором статьи в 2019 и 2021 годах в отдельных населенных пунктах левобережной части Горномарийского, Килемарского и Юринского районов) будет рассмотрена та часть активного и пассивного словаря левобережных (озеркинского, ардинского и юринского) говоров, которая связана с основными традиционными промыслами и ремеслами жителей изучаемой местности.

Горных марийцев левобережья Волги называют *кожла мары* [1, с. 7], что в буквальном переводе означает: *кожла* ‘лес; лесной’ + *мары* ‘мариец’, т.е. лесной мариец. Это название связано с местностью их обитания – населенные пункты левобережных горных мари расположены среди густых лесов, где имеются многочисленные болота и озера; по территории их проживания протекают реки Ветлуга (*Вытлä*), Рутка (*Ӹрде*), Арда (Арде), Парат, недалеко находится река Волга (*Йыл*), что в свою очередь наложило особый отпечаток на жизнь, быт, нравы и культуру жителей.

Традиционным для местных жителей стал сбор лесных ягод и грибов, дикорастущих трав и орехов, желудей, охота, рыбалка, изготовление банных веников не только для собственных нужд, но и как дополнительный источник заработка. В ягодный и грибной сезон, как отмечают сами жители, тот или иной человек *[шӹргӹшток ӹлä]* ‘в лесу и живет’, *[шӹргӹм орола]* ‘охраняет лес’, т.е. постоянно находится в лесу – занимается сбором ягод, грибов и т.д. В этот период деревенские улицы пустеют, трудно застать людей дома.

Из наименований ягодной флоры в изучаемых говорах довольно активно используются: *[изи́мӧр, шӹргӹ́ ‿мӧр]* ‘земляника’, *[шӹргӹ́ ӹ́ӈкӹж]* ‘лесная, дикая малина’, *[му́ды]* ‘черника’, *[изи́ ‿вӧ́чӹж, трäса́к ‿пӧ́чӹж]* ‘брусника’, *[кого ‿вӧ́чӹж]* ‘клюква’, [*ша́рды му́ды*] ‘голубика’, *[пӹзӹ́лмӹ]* ‘рябина’. Большинство из названных лексем являются общегорномарийскими (используются как в горномарийском литературном языке, так и в повседневной разговорной речи горных марийцев), лишь словосочетание *[трäса́к ‿пӧ́чӹж]* ‘брусника’ ограничено в своем употреблении изучаемой территорией.

Территориально ограниченными являются также некоторые слова, обозначающие место произрастания ягод. Например, дикая малина растет среди валежников и кустарников, это место носители рассматриваемых говоров называют *[поломáн ‿вäр]* от русского слова *полом* ‘поломанное, поврежденное место’ и *вäр* ‘место’; *вäршäкä* – это сырая ложбинка, место, где произрастает черника: *[му́ды куп ‿тӹрла́шты, осóвын* ***вäршäка́влä*** *мы́чкы ку́шкеш]* ‘черника растет на окраинах болот, особенно на влажных ложбинках’.

Интересным является то, что жители изучаемой местности, когда говорят о появлении, размножении дикой малины в каком-либо месте, используют глагол *вазалаш*: *[ӹӈкӹжва́нтываза́лын]* ‘малинник появился (размножился)’.

В горномарийском литературном языке в данном случае употребляется глагол *пашаш* ‘размножаться, размножиться; разрастаться, разрастись; появляться, появиться в большом количестве’, а лексема *вазалаш* имеет значения ‘приземляться, приземлиться; садиться, сесть; останавливаться, остановиться’ (напрмер: *самолет вазалеш* ‘самолет приземляется’, *кечӹ вазалын* ‘солнце село’, *цигӓнвлӓ вазалыныт* ‘цыгане остановились’).

Среди названий грибов в исследуемой речи часто встречаются такие наименования, которые используются для обозначения съедобных грибов, регулярно употребляемых в пищу: *[пелʲӓ́ӈкӓ]* ‘волнушка белая, белянка’, *[цеверӣ́гӓ, са́нʲук, са́нʲук◡по́ӈкы]* ‘сыроежка’, *[тӹмы̆́ргӹ, тум◡по́ӈкы]* ‘белый гриб’, *[ко́ги◡калявó́ӈкы, ко́ги◡по́ӈкы]* ‘подберезовик’, *[шапкӣ́◡калявó́ӈкы, шапӣ́◡по́ӈкы]* ‘подосиновик’, *[лисӣ́чкӹ, лисӣ́чкы]* ‘лисичка’, *[йаʔлакавó́ӈкы, пистӹвó́ӈкы]* ‘моховик’, *[йӓктӹрӣ́жӹк]* ‘рыжик сосновый, рыжик боровой’, *[опо́ӈка]* ‘опенок’, *[маслёӈкы]* ‘масленок’, *[марьявó́ӈкы]* ‘сыроежка’, *[ко́гигрузы]* ‘настоящий груздь’, *пӣстӹгрузы* ‘настоящий груздь, белый груздь’, *[картавó́ӈкы]* ‘строчок обыкновенный’. Большинство из них относятся к диалектизмам, лишь слова *[шапкӣ́◡по́ӈкы]* ‘подосиновик’, *[лисӣ́чкӹ, лисӣ́чкы]* ‘лисичка’, *[йаʔлакавó́ӈкы]* ‘моховик’, *[картавó́ӈкы]* ‘строчок обыкновенный’ являются общеупотребительными. Представителей царства грибов в целом местные жители называют одним словом *[калявó́ӈкы]* ‘грибы’ (ср. лит. *понгы*).

Рыболовецкая лексика представлена следующими названиями рыб, орудий, места лова и т.д.: *[ка́рас]* ‘карась’, *[нуж, ну́жгол]* ‘щука’, *[та́ты]* ‘линь’, *[пӓ́рдӓш]* ‘язь’, *[ала́ӈкы]* ‘окунь’, *[са́зан]* ‘сазан’, *[шӓ́рӹӈкӹ̈]* ‘плотва, сорожка’, *[жэ́рэх]* ‘плотва, сорожка’, *[йакша́ршылдыр]* ‘красноперка’, *[ла́вал]* ‘лещ’, *[стэ́рлӓк]* ‘стерлядь’, *[уклэ́йкӹ̈]* ‘уклейка’, *[сом]* ‘сом’, *[су́дак]* ‘судак’, *[берш]* ‘берш’, *[толстоло́вик]* ‘толстолобик’, *[подлʲэ́щик]* ‘подлещик’, *[кычы́м◡а́дӹр]* ‘орудии лова’, *[жа́кы, жак]* ‘рыболовная снасть в виде школьной чернильницы; морда’, *[мо́рда]* ‘морда’, *[а́ӈкӹр]* ‘удочка’, *[сэ́ткӓ, вӓпш]* ‘сеть, сетка’, *[по́тпус]* ‘подпуск’, *[прэ́тнʲик]* ‘бредень’, *[пыш]* ‘лодка’, *[рыбуча́сткы]* ‘рыбучасток’, *[ло́тка]* ‘кадка (емкость, которую используют для засолки рыбы)’. В указанной тематической группе диалектными являются следующие единицы: *[шӓ́рӹӈкӹ̈]* ‘плотва, сорожка’ (ср. лит. *шӓра́нгӹ̈*); *[кычы́м◡а́дӹр]* ‘орудии лова’ (ср. лит. *кычы́мы ха́дӹр*); *[жа́кы, жак]* ‘рыболовная снасть в виде школьной чернильницы; морда’ (ср. лит. *жа́кӹ̈*), *[прэ́тнʲик]* ‘бредень’ (ср. лит. *претньӹк*); *[ло́тка]* ‘кадка’ (ср. лит. *ва́чкы*).

Способ добычи рыбы из различных водоёмов носители говора чаще всего называют заимствованным из русского языка словом *[рыба́чыйаш]* ‘рыбачить’, сочетание *[ко́л(ым)◡ло́аш]* букв. ‘рыбу ловить’ (ср. лит. *колым кычаш*) используется реже, а человека, занимающегося рыбной ловлей, – *[рыба́к]* ‘рыбак’, марийский эквивалент *[колоэ́ц]* менее частотен. Разовое закармливание места ловли в процессе рыбалки (прикормка рыбы) обозначается сочетанием *[потко́рмкым кӹ̈шкӹ̈лда́лӓш]* букв. ‘подкормку кидать, кинуть’ (ср. лит. *подкормкым шуаш*). О периоде активной ловли рыбы (о клеве рыбы) говорят *[кол ка́чкеш]* букв. ‘рыба ест’ (ср. лит. *кол йӹ̈чкӓ* букв. ‘рыба клюёт’). Метание

икры или нерест рыбы в исследуемых говорах, так же как и в литературном языке, передаётся с помощью словосочетания *[мӧ́рʾньӹм кы́шкӓш]* букв. ‘икру выбрасывать, выбросить’.

Одним из промыслов горных марийцев левобережья реки Волги является охота, которая направлена на добычу мяса и шкур животных. Для обозначения этой деятельности в говорах употребляется заимствованное из русского языка слово *[охо́тничыйаш]* ‘охотничать’ (ср. лит. *охо́тничӓйӓш*). Носители говора мясо дичи называют *«шӹргӹ пай»* букв. ‘лесное мясо’, чего не наблюдается в речи горных марийцев, живущих в правобережной стороне Волги.

На территории проживания «лесных марийцев» водятся различные виды животных и птиц. Основными объектами охоты являются: *[мо́рен]* ‘заяц’, *[рӹ́вӹж]* ‘лиса’, *[ка́бан]* ‘кабан’, *[мӧ́скӓ]* ‘медведь’, *[ша́рды]* ‘лось’, *[лый]* ‘куница’, *[но́ркы]* ‘норка’, *[бо́быр]* ‘бобр’, *[онда́тыр]* ‘ондатра’, *[ди́кий лы́ды]* ‘дикая утка’, *[мы́зы]* ‘рябчик’, *[кӹ́дӹр]* ‘тетерев’, *[су́зы]* ‘глухарь’, *[вальшнэ́п]* ‘вальдшнеп’, *[пэрэпʰо́лкы]* ‘перепелка’, *[кыпшы́льы]* ‘скоростель’, названия которых и составляют активный запас слов жителей. Из них к диалектизмам относится слово *[рӹ́вӹж]* (ср. лит. *ӹ́рвӹж* ‘лиса’).

Специалиста по организации охоты, ведению лесного хозяйства левобережные горные мари называют *[йэ́гӹр]* ‘егерь’. Литературным языком это слово заимствовано из русского (или посредством русского) языка без каких-либо фонетических изменений – *егерь*. В исследуемых говорах логово медведя передается русским заимствованием *[бэрло́гы]* ‘берлога’, в литературном языке – сочетанием *мӧскӓ пӹжӓш* букв. ‘медвежья берлога’.

Пассивная лексика является периферийной частью словарного запаса языка. Среди них выделяют историзмы, архаизмы и неологизмы. Историзмы – это наименования устаревших предметов и явлений, архаизмы – устаревшие наименования существующих предметов, явлений. Появление историзмов в говоре связано с процессом изменения условий деревенской жизни, а не влиянием литературного языка. Архаизмы возникают благодаря изменениям, происходящим, как в системе самого говора, так и в результате влияния литературного языка, просторечных слов и других диалектов. И историзмы, и архаизмы обычно сохраняются в речи старшего поколения. Они воспроизводятся в беседах-воспоминаниях о прошлом. Использование неологизмов в речи, прежде всего, обусловлено необходимостью обозначить новые понятия, явления и процессы в жизни деревни.

На данном этапе исследования нами в основном удалось зафиксировать историзмы. Анализ материала показывает, что в настоящее время в пассивном употреблении левобережных горных мари находится лексика таких ремесел, как прядение, ткачество, льноводство и т.д., например: *[му́шым шы́раш, му́шым ту́лаш]* ‘толочь, мять пеньку’, *[шанта́шаш]* ‘чесать, расчесывать, очесывать щеткой кудель’, *[кынца́лам шӹдӹ́рӓш]* ‘прясть’, *[ош‿шы́ртӹм пӹтӹ́рӓш]* ‘скручивать белую нить веретеном’, *[мӹнэ́рӹм ко́аш]* ‘ткать холст’, *[ис]* ‘бердо’, *[вурт]* ‘ниченки’, *[шу́ша]* ‘челнок в ткацком станке’, *[па́шма]* ‘пасмо, мера для счета ниток’, *[роа́лтыш мӹ́нʰэр]* ‘толстый грубый холст домашнего изготовления’, *[ӹдрӓма́шлӓ йы́дал]* ‘женские лапти’, *[пӱ́ргӹлӓ йы́дал]* ‘мужские

лапти’, *[ӹштӹ́р‿йы́дал]* ‘принадлежности для обувания лаптей: лапти, онучи, портянки’, *[йа́лым пи́дӓш]* ‘обуваться в лапти’, *[йыда́л‿гэ́рэм* ‘веревка от лаптей’, *[кынцалава́нты]* ‘прялка’ и др.

Лексика указанных ремесел в основном является общенародной, слов с локальной ограниченностью их употребления нами выявлено в небольшом количестве: *[ӓ́ргӹм вӓр]* – лит. *ӓ́ртньӹ* ‘воробы, сновальня в ткацком деле’.

Локальное распространение имеют и словосочетания *[шӱм пу́раш]* ‘выжигать древесный уголь’, *[киш‿ва́рак]* ‘барак для смолы’. В настоящее время в рассматриваемой местности люди не занимаются углежжением – переработкой древесины на уголь, и сбором смолы, поэтому и понятия *[шӱм пу́раш]*, *[киш‿ва́рак]* вышли из употребления.

Историзмом стало слово *курньык* ‘нары’ – дощатый настил для спанья на некотором возвышении от пола, и словосочетание *курньык лык* ‘часть дома, где находятся нары’.

К архаизмам – словам, которые вышли из употребления благодаря появлению их современных аналогов, относятся: *[шим‿пань, марла́‿пань]* ‘черная баня, марийская баня’ (ср. *[ош‿пань]* букв. ‘белая баня’ – современная баня; лит. *ош момоца*), *[маца́ла шӹ́рӹш]* ‘мочалка для тела’ (ср. *[маца́ла]*), *[тӹмлӓна́лʰӹ]* ‘мочалка для тела’ (ср. *[цӓрнӓлӓльӹ]*), *[тӓва́н кло́вец]* ‘колодец с журавлем’ (ср. *[кло́вец]*; лит. *вӹдсӹнзӓ*).

На стадии перехода в пассивный запас слов находится слово *[ца́рга]* ‘лучина’ – тонкая длинная щепка сухого дерева, предназначенная для растопки печи или для освещения избы. В литературном языке для наименования лучины используется слово *лӧценӓ*. Интересно то, что раньше лучину использовали также вместо вилки для накалывания и употребления в пищу грибов: *[А́тʰӓм* ***царга́влӓм*** *ӹ́штен пу́а‿лʰы‿до́ко. Пу́‿дон* ***царга́влӓм*** *ӹ́ште‿шӹ́нтӓ, пелӓнгка́этчӹм тӹ́н‿дон ка́чкына‿лʰ‿до́ко]* букв. ‘Мой отец делал лучины. Лучины делает из полена, белянки-то мы ели лучиной’.

Таким образом, слова, отражающие особенности традиционных промыслов и ремесел левобережных горных мари, являются одним из основных составляющих активного словаря изучаемых говоров. К пассивному запасу относятся лексемы, являющиеся устаревшими названиями явлений, предметов, понятий, которые вышли из употребления ввиду своей несовременности, неактуальности. Анализ представленных лексико-семантических групп показывает, что в настоящее время носители говора, несмотря на наличие марийских эквивалентов, довольно часто используют в своей речи русские заимствования.

Литература

1. *Саваткова А.А.* Горное наречие марийского языка // Bibliotheca ceremissica. T. V. Savariae, 2002. 292 с.

РАЗДЕЛ II.
ОПЫТ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

УДК 821.511.151

А.А. Арзамазов
Казанский научный центр РАН (г. Казань)

МАРИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ В АНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ И В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

В статье рассматриваются художественные особенности отдельных представителей современной марийской поэзии, оценивается этнокультурная специфика национальной литературной традиции. В фокусе прочтения оказываются стихотворные произведения, представленные в Антологии современной литературы народов России и сети Интернет.

Ключевые слова: *поэзия, художественный перевод, антология, мифология, поэтическая рефлексия, интернет-ресурсы.*

Выраженная консервативная природа современной марийской поэзии отражена в стихотворениях, вошедших в антологию «Современная литература народов России. Поэзия» (Издательство ОГИ). Подборка репрезентирующих национальную традицию текстов на фоне других представленных литератур кажется несколько «безжизненной». Складывается впечатление, что некоторые поэты-мари до сих пор находятся под сильным «инерционным» влиянием соцреалистической эстетики, советской художественной аксиологии. Можно предположить, что по иному сценарию развивается марийская проза, становясь пространством новых творческих инициатив, ориентиров, вектором нового интеллектуального движения и этнокультурного самораскрытия.

Материалы антологии свидетельствуют о том, что марийских поэтов волнует, прежде всего, тема сложной современности, требующей от человека особой социальной и психологической гибкости. Так, лирический герой в одном из стихотворений Анатолия Тимиркаева – марийский этнофор – пытается рефлексировать по поводу происходящего в стране. Он воспринимает экономические «падения» в контексте собственного жизненного опыта, богатого на потрясения:

Немало повидали мы кошмаров,
И многое еще произойдет.
Вчера за нефть давали сто долларов,
Сегодня чуть больше двухсот!

Вся жизнь от нефти сделалась дороже,
Всё дорожает, прямо нету сил… [1, с. 267] (перевод Ивана Волкова).

Переводчик хорошо уловил «неровности» авторской рифмовки, которые вряд ли появились случайно. По-видимому, это способ экспликации внешнего статуса и внутреннего состояния героя. Размышляющий о глобальном житель марийской деревни осознает всю неоднозначную сложность произошедшего, обеспокоен, уязвлен нарастающей нестабильностью своей жизни.

Анатолий Тимиркаев в своих стихотворениях, всматриваясь в наступающее новое тысячелетие, ищет ответ на вопрос, что ждет человека в XXI веке. Ему кажется, что внутреннее устройство человеческого существования не поменяется. Внешний мир будет другим, однако природа человека останется неизменной. Люди по-прежнему будут искать свое счастье:

А в новом веке – новые интриги,
Компьютеры, машины, интернет.
Придут другие песни, танцы, книги –
Но счастья не изменится секрет…

Для счастья нужно много всяких штучек.
И путь к нему длинней, чем Млечный путь… [1, с. 268] (перевод Ивана Волкова).

Стихотворения молодого марийского поэта Игоря Попова и по форме, и по содержанию традиционные. Несколько однотипная, «прозрачная» рифмовка соответствует стандартному набору образов, мотивов, тем национальной поэзии. В произведении «Скоро вернусь» («Вашке толам») [1, с. 274] лирический субъект живет ожиданием возвращения на свою малую родину – в деревню. Этот «метасценарий» встречается почти во всех литературно-художественных традициях народов России. Современный этнофор – представитель творческих, гуманитарных профессий – вынужден жить, работать в городе. Возвращение в деревню не только становится знаменательным долгожданным событием, оно может быть рассмотрено и как важный психотерапевтический прием, позволяющий поддерживать относительную внутреннюю гармонию. Родная деревня – не столько конкретный топос, сколько символ своего этноса, языка, мировоззрения, понятного уклада жизни. В тексте «Кузница» [1, с. 274–275] конкретное ремесло ассоциируется с марийским народом. Кузнец воплощает собой силу этноса – марийцам никто, ничто не угрожает, пока в деревнях не перевелись кузнецы. Следует заметить, что переводы стихов И. Попова на русский язык в целом получились не очень удачными.

В антологии национальных литератур «марийский блок» представлен двумя поэтами-женщинами – Татьяной Соловьевой и Валентиной Изиляновой. Их стихотворные произведения отличаются большей художественной самобытностью, образной выразительностью, чем «мужские» поэтические тексты.

Один из центральных мотивов в поэзии Т. Соловьевой – быстротечность времени, «давление» возраста. Лирическую героиню внезапно одолевают бессонница, тоска, апатия:

Лежу в постели – мне не спится,
Сидеть без дела – сил уж нет.
Вчера хотелось шить, трудиться,
А нынче вдруг пропал и след.

Как будто в грудь вошло старенье,
И боль меня повсюду ждет… [1, с. 272] (перевод Николая Переяслова).

Случившаяся «остановка», экзистенциальная «передышка» нужны лирическому «Я» для того, чтобы лучше услышать, понять себя. Делается вывод, что самое верное – спешить не спеша. Стихотворение Т. Соловьевой «Яблоня», прекрасно переведенное на русский Ириной Ермаковой, – образец любовной лирики, «усиленной» вкраплением флористической символики. В данном случае яблоня, посаженная, выращенная, защищаемая от мужского посягательства, – прочитывается как символ женского счастья, «внутреннего цветения» любви, молодости. Переводчик привлекает в структуру произведения будущее время (при этом футуральность в марийском языке обычно выражается при помощи времени настоящего), тем самым подчеркивая ирреальность ситуации, ее желательно-мечтательный характер, мифологическую иллюзорность:

Яблоню под окном
Я посажу, чтоб нам
Яблоки есть вместе с тобой.
Можешь ругаться, но
Ветки ломать не дам,
Яблоню губить не позволю… [1, с. 272] (перевод Ирины Ермаковой).

Срубить / согнуть / сломать дерево / ветви – довольно распространенный в традиционной культуре мотив, проецирующийся на жизнь этнофора. Любая форма деформации дерева трактуется как угроза жизни / здоровью / счастью человека. Однако «мерцающий» мифологический контекст стихотворения переводится в лирическую плоскость, становится частью специфической любовной риторики.

Исследовательское обращение к творчеству Валентины Изиляновой стало возможным, благодаря размещению на российском поэтическом портале stihi.ru переводов с марийского на русский Татьяны Смертиной. При минимальном количестве работающих механизмов репрезентации национального автора по-русски пространство интернета оказывается всё более востребованной ресурсной площадкой как у писателей, так и у переводчиков.

Центральное место в образной галерее поэзии Валентины Изиляновой занимает черемуха, которая цветет / отцветает / лирическая героиня ее сажает / призывает ею любоваться / приходит к дереву / черемуху срывают / ломают. Сам образ, связанные с ним перечисленные мотивы неоднократно используются и другими национальными авторами. Черемуха семантически «инкорпорирована» в контекст взаимоотношений мужчины и женщины. Посаженное под окно дерево должно напоминать ему о ней, возлюбленному предлагается любоваться цветущей красотой черемухи:

Тебе под окно непременно
Черёмуху посажу.
Пусть пышно цветёт белой пеной.
Любуйся, родной, – попрошу [2] (перевод Татьяны Смертиной).

Сорванная черемуха – контекстуально прочитываемый символ разлада, крушения надежд. Ломать ветки черемухи – не к добру, к потерям, боли:

Зачем черёмуху ломала я
И белоцвет тебе дарила...
Не знала – соловья сгубила.
Не знала я [2] (перевод Татьяны Смертиной).

Примечательно, что у В. Изиляновой с черемухой взаимодействует именно женщина. Между ними существует прочная эмоционально-экзистенциальная связь.

Марийская поэтесса относится к когорте авторов, для творчества которых характерно наличие цепочек устойчивых образов и мотивов. Повторяющиеся символические коды, ситуации в значительной степени определяют своеобразие ее художественного мировосприятия, придают ее поэтической картине мира индивидуально-авторскую узнаваемость. При этом Изилянова использует проверенные средства выразительности. У нее почти нет экзотических нюансов.

Проанализированные художественные источники мари могут быть интересны в стадиально-типологическом аспекте, привлечены в ходе системного сравнительно-сопоставительного исследования разнородных национальных литератур.

Литература

1. Современная литература народов России: Поэзия. Антология. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2017. 568 с.

2. *Изиянова В*. Как дальше быть, как поступать? Стихи // URL: http://www.stihi.ru/2020/03/25/1934 l (дата обращения: 25.03.2020).

УДК 821.511.151

Т.Н. Беляева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ТЫНЫШ ОСЫПЫН ДРАМАТУРГИЙЖЕ

В статье рассматриваются драматургические произведения марийского писателя Тыныша Осыпа (Иосифа Алексеевича Борисова), а именно, их тематика, проблематика, система персонажей, художественные особенности.

Ключевые слова: *марийская драматургия, Тыныш Осып (Иосиф Алексеевич Борисов), тематика, проблематика, персонаж, поэтика.*

Тыныш Осып (Иосиф Алексеевич Борисов, 1893–1971) – марий писатель, кусарыше, туныктышо, тале мер пашаеҥ.

1919 ийыште Коммунист партийын, Совет правительствын пунчаллажым марий калык коклаште умылтарымаш пашам виктарен колташ агитбригаде пелен драмкружок-влак чумыралтыныт. Сотнур волостьышто ик тыгай кружокым верысе туныктышо Иосиф Алексеевич Борисов вуйлатен. А 1919 ий 29 ноябрьыште Чарла воктенысе Сенькан ялеш икымше марий театр почылтын: туныктышо И. Беляевын (Ошламучаш Йыван) вуйлатымыж почеш И. Борисовын (Тыныш Осыпын) «Закон шумлык» пьесыжым ончыктымо. Тӱвыра историйыш тиде дате марий театрын шочмо кечыже семын пурен.

Тылеч вара марийын илыш пӧрдемжым, койыш-шоктышыжым сайын палыше Тыныш Осып документально-публицистический сынан да пӱсӧ политике шӱлышан произведенийым утларак возаш тӱҥалын. Тиде марий драмылан кушкашыже веле огыл сай негыз лийын, лудын-возен моштыдымо пычкемыш кресаньык-влаклан у совет илыш нерген вургыжтарыше йодышыштлан раш вашмут семынат лийын. Писательын рукопись почешыжак пьесым клуб ден школлаште, ялт чара верешат модын ончыктеныт. 1920-шо ийла гыч Тыныш Осып «Кок поп», «Кӱтӱчӧ Когой», «Корно ӱмбалне», «Войнашке», «Энҥыремыш», «Ончык лийшашлык илыш», «Эрык верч кучедалшылан чап», «Через газету» пьесылам, ятыр ойлымаш да почеламутым, «Лочо илыш» повесть ден «Анук акай» романым возен; руш писатель-влакын коло наре произведенийыштым кусарен (В. Ивановын «Бронепоезд № 14-69», М. Горькийын «Первый май», «Пепе», «Дедушка Архип и Ленька» да т.м.).

Религий ваштареш виктаралтше ***«Корно ӱмбалне»*** пьесыже атеист лияш ӱжеш. Авторын шонымыж почеш, кажне айдемын чоныштыжо поро сандалык да осал шотдымылык ила. Произведенийысе персонаж-влакат ваштарешла (антитезе йӧн дене) чоҥалтыт. Нунын лӱмышт абстрактный, посна тӱняумылымашым иктешлыше: Ончыл мари – чолга коммунист, поп – христиан веран черкысе пашаеҥ, юмылден коштшо шонго кугыза – ондак Христос юмылан ӱшаныше, вара религий кнагам (евангелийым, библийым) намыслыше, каргыше да т.м. Пьесысе поп – осалым тыланыше, темдыме (венчаяш, тынеш пурташ, языкым касараш, юмылташ, молебенлан, эсогыл колышыланат эреак тӱлаш йодеш), ондалыше да опкын койышан. Тиде, мутлан, Апсат ден вашмутланымаштыже тӱрыс палдырна:

*«**Апсат**. Тый чылт торгайышэ купэч гайэ улат: йумын погыжо дэнэ торгайэт… «Тылэч шулдо ок лий» – манат. Шэргыжэ гын, кэч мыньарэ пу: от шӱкал…*

Чумыр калыкым вес тӱньасэ райыш поктэт, а шкаланэт тыжакын мландэ ӱмбалан райым йамдылэт… Тэмдымэ логар! Кугу мӱшкыр! Пундашдымэ кӱсэн! Ырэс дэнэ коштмэт годым лавра гай руштат. Арака пэчкэ. Энҥырэмышвод кармым куктымыла, пӱтынь калыкым куктэн налнэт! Кужу ӱпӧ ийа тукым!.. Тылэч вара йолэт мыйын омса лодэмыш ынжэ тошкал!.. Ӧрдыж луэтым тодыштам! Вуйэтым шалатэм! Онтальчык улметым ындэ пэш сайын палэн нальым… (Шӱргышкыжӧ шӱвалэш). На тыланэт пашатар! Тьфу! Пирэ логар! (Оҥ гычшо шӱкал колда, поп йӧрлын кайа. Апсат лэктэш).

***Поп**. Ирод! Кайын! Иуда Искариот! Йумын ончылно шогышо батьышкам мыскылыш. (Кӱшкӧ ончалын ыресла) Эй, чылажымат кучэ шогышо, мэмнан йумо ача! Тый чыла вэрэ улат, чыла ужат, чыла кэртат… Тый ожно ик шомак*

дэнэ чумыр тӱням пӱрэнат… Тачат тидэ осал апсатын ыштымыжым ушышкэт нал. Тудын ӱмбакыжэ нэлэ дэч нэлэ ойгым колто. Тый шке каласэат вет: «сватой шӱлышым мыскылмэ эн кугу сулык. Тугай сулык огэш кудалталт. Мый тыйын свэшэникэт улам… Тидэ Апсатлан тӱкнӧ. Вуй ушыжым, кап тазалыкшэ дэн чон тазалыкшым тудын дэч шупшын нал. Тудын кидшэ дэн йолжо кошкышт, шӱргэшыжэ осал котыр пижшэ…» [2, с. 35].

Лач тиде жапыште нунын мутланымашыштым юмылан ӱшаныше, коло ий утла юмылтымо верлаш йолын коштшо кугыза эскерен: *«**Кугыза.** Ужым, кольым… нимо ойлашат ӧрынам. Кузэ тый, Батьышка, йыҥым тынар сырымашкэ шуктэнат? Адак батьышкалан тыгай шомакым ойлаш келша мо? Тый, еванглийым монденат. Йэванглийыште тыгэ каласымэ вэт: «Кӧ тыйым пурла шӱргэт гыч сова гын, тудлан шола шӱргэтымат савыре. Тушман-влакэтым йӧратэ, тыйым каргышылан ваштарэшыжэ благословэнийым пу. Шорташ огыл, шыдэшкаш огыл тыланэт куанаш кӱлеш… Тӱрлӧ ойгым ужмо гоч веле ме юмын кугыжаныш, райышкэ вэрэштын кэртына…»* [2, с. 36].

Тиде атеистический пропагандым вараже вес герой, Демьян Потапыч, шуя: черке пашаеҥын пудий семын капыш пызнен шинчын да вӱрым йӱын илымыжым койдара, попын шкежын христиан йӱлам шотлыдымыжым, калык кӱшеш пойдаралтмыжым мыскыла. Тыгай сценыла гоч писатель батюшкан «лавыран йырнык» чонжым, тӱрлӧ семын ондалымыжым умылтара. Нине диалог-влак самырыкынат илышумылымашыштым вашталтат. Произведенийысе кумда ремарке тидын нерген шижтара: *«Мари дэн шоҥго кугыза лектыныт. Поп шкетын кодеш. Пэш шона. Вуйжым шэҥгек-ончык, шола-пурла могырыш ышта; кидшым саҥгаш, нэрыш, оҥлашыш, мӱшкырыш, тупыш пышта. Йужгунам куанымыла койэш. Вара адак угыч шона. Кугыза дэн мари кайымэке, шукеш огыл кок рвэзэ ик ӱдыр мӧрым поген толыт. Попын кагыргылмыжым ужын шэҥгэчше йышт гына шогалыт. Иктыжэ шэҥгэлнэ шогэн попым мыскыла. Поп кузэ могыржо дэн кидшэ дэн ыштылэш, тудат тугак ышта. Йужгунам попын йол йӱмачше кнагам йышт налын, почын онча, шӱвалэш да эркын пышта. Поп нуным ок уж»* [2, с. 37].

Революций деч ончычсо марий калыкын неле, орлыкан илышыжым сӱретлыше **«Кӱтӱчӧ Когой»** йоча пьесыже автобиографий сынан. Тыныш Осып шкежат 8–9 ияш йоча улмыж годым ачаж дене пырля вольыкым кӱтен коштын. Когойын ик кечаш илышыже 19 курым мучаш – 20 курым тӱҥалтышысе марийын илыш пӧрдемжым йоча илыш гычак тӱҥалын лончылен аклаш полша. Тудо изинекак неле пашаш «кычкалтын»: тамле йӱд омым лугыч ыштен, ачажым жаплен, кӱтӱш коштеш. Кеч ачаже тудым моткоч чамана, но илышым вашталтен кертдымыже шыде кумылым луктеш:

*«**Когой**. «Йора, ачай, кынелам… Шӱргым мушмэшкэт вэлэ малэм.*

***Ачажэ**. Ну, йора, уке гын, йол пидмэшкэм малэ… Икшывэ гын, икшывэ вэт: омыжо пызыра. Икшывэ годым омыжо тамлэ лийман (йолжым пидэш). Эй, илышыжат! Изиньэк орланэн кушкаш вэрэштэш… Пойан йыҥын икшывышт кызыт тамлэ омо дэнэ малат. Омо пытымэк ижэ кынэлыт. Мэмнан икшывэ изыньэк пашаш кычкалдэш… Кунам тыгай орлык гыч лэкман?»* Але *«Ачажэ (сырэн). Кунам кыньэлат? Кызытак кыньэл! (Эргыжэ кыньэл шогалэш, нэрэн шога, шинчажым кок кидшэ дэнэ туржэш. Ачажэ лэктэш.*

Когой изиш лиймэке угыч возэш). <…> (Пура, шӱргыжым мэшак дэнэ ӱштэш). Тый альат кыньэлын от ул? (воштырым налын шэлэш). Кыньэлын моштэт мо? (Когой «полт» кыньэл шогалэш да кидшэ дэнэ шинчам туржын шорташ тӱҥалэш). Ит шорт! (Эргыжэ ок чарнэ). Чарнэ! Чарнэн от мошто гын, уна тыланэт! (Пэра, эргыжэ куатлырак магырэн шортэш). Айда, ошкыл! Икшывэ койышым ончыман огыл. (Эргыжым кид гычшэ кучэн сола дэнэ кырэн луктэш)» [3, с. 37].

Произведений лудшыеҥым, познак самырык тукымым, шемерын илыме корныж дене палдарен, тусо саманысе у сынан илышым кӱкшын аклаш, жаплаш ӱжеш.

Рекрут йӱлан радамжым сӱретлыше **«Войнашке»** пьесе писательын мастарлыкше вияҥме нерген ойла. Тыште дидактический диалог ден монолог-влакым психологизм алмашта. Рекрутын тургыжланымашыже, сар да тыныс илыш нерген шокалымашыже көргӧ психологий монологышто, мурышто почылтеш: *«Йоратымэ мландэм, шочмо-кушмо мландэм! Кӧжӧ мыйым тый дэчэт ончэнжэ кэртэш гын? Кӧжӧ тыйым мландэм мондыктарэн кэртэш гын? Кайэм мыйэ мӱндыркӧ, ӧрдыж калык коклашкэ, тыйым шонэм мый эрэ, нигунамат чарнымдэ. ЫЖап толын шуэш дыр, адак мыйэ тый дэкэт тошто гайак мийэм дыр ӧрдыж мӱндыр вэр гычын… Шукыланна орлыкшо логал кодэш сай пашан. Шагал толэш суртышко таза чонан кид-йолан. Кӧлан йӧрыш мый вийэм? Ой пеш кошта мый чонэм! Кызыт шонэн ончэмат, шӱмэм шолэш тулдэ гэч. Вуйэм сакэн шогэмат, утлаш ок лий ойго дэч»* [1, с. 10–11].

Салтакын шӱм-чонжо шочмо кундемже да калыкше, йӧратыме пелашыже да ешыже верч коржеш. Мурышто тиде шижмашым (ойырлымаш дене кылдалтше чон йӧсылык, палыдыме шучко ончыкылык) вияҥдаш, келгемдаш писатель нине строкалам пачаш-пачаш каласен кода. Тиде йӧратымаш дене варналтше тургыжланымаш аралымаш кумылым шочыкта: *«Йӱдшын кужужым мо пала? Шэм агытанет пала. Корныжын кужужым мо пала? Шэм алашат пала. Кӱртньӧ корныжын кужужым мо пала? Салдак-шамычэт палат. Чарла олат шинчавӱд лукшэт, Озаҥ олат чон коштарышэт, Варшавэ олат вуй йомдарышэт, Вуйэм йомэш ыжал огыл, Самырык ватэм кодэш ыжал (2 гана)»* [1, с. 3–4].

Палемдыман, писатель кажне социальный тӱшкасе представитель-влакын (ава-ача, йӧратыме пелаш, иза-шольыжо, йолташ-влак, родо-тукым, пошкудо) көргӧ чоншижмашыштым муро да тыланымашышт гоч почын пуа.

Действийын кушто, кунам эртымыжым почаш, саманын сынжым (историй жап, тӱвыра, познак этнографий ойыртемым) ончыкташ (характерологический функций), лудшо еҥым тиде атмосферышке пурташ ремаркысе интерьерым сӱретлымаш, деталь-подробность полшат: *«Мари пӧрт. Ӱстӧл ӱмбалнэ тӱрлӧ кочкыш: мелна, туара, муно, пӧрӧмӧч, пура. Йэш шамыч ӱстӧл йыр шинчат. Икмагал кутырат, вара салтак кыньэл шогалын мура»* [1, с. 3–4]. *«Кочкаш-йӱаш шинчыт, кутырат, вара кушташ тӱҥалыт, куштэн чарнымеҥгышт, салдак эркын тарванаш тӱҥалэш: котомкам йамдыла, шиньэльым чийа, шӱшт-ӱштым ӱшталэш, кидэш тойам налэш. Ватыжэ, изажэ полшат. Кайаш тугэ йамдылымэ годым салдак мура»* [1, с. 9].

Южо вере произведенийысе сюжет тӱрыснек драматизироватлыме этнографий сӱретыш савырна, садланак пьесыште персонаж-влакын лӱмыштат уке. Нуно марий рекрут йӱла радам почешак кӱлеш жапыште пелештат, мурым мурат. Персонаж-влакын образыштым, драмысе идей ден проблематикым почын пуымаште пӱсӧ конфликт ок кой.

Кугыжан Россий курымысо мер проблеме-влакым (арака йӱмашын амалже, лектышыже; нужна ден поян коклосе социальный тӧрсырын виянгмыже; ешын шаланымыже, шелалтмыже) **«Энгыремыш»** пьесыште тарватыме. Произведенийысе типизированный персонаж иктаж мер классым иктешла. Мутлан, Танила, Проки – ялысе поян ең-влак. Иктыже кабакым куча, весыже торгая, кевытым почын. *«Чылт кӱртньӧ чонан айдеме… Кабакыште торгайэн илымыже дэнэ тӱнямат мондэн. Ужат могай койышыжо, шкэнжым ала мош ужэш… Огэш пурто вэт… Калык вӱр йӱшӧ. Кӧ тыйым пойдарыш? Калык огыл мо? Кугу мӱшкыр! Ончыза могай тырлэн: сӧсна гайэ. Шӱргыжӧ! Шӱргыжӧ! Тул-шол!»* [4, с. 20].

Тӱжвалтӱсым сӱретлымаш характерологический сынан: геройын көргӧ сынжым почын пуаш полша. Танилан шойыштын пойымыжым, весым шотлыдымыжым (пытартыш тувырым кудаш налын, кабак гычше луктын колтен кертеш), мутлан, тул-шол шӱргыжӧ ден кугу мӱшкыржӧ палдарат. Тыгай ең «пойымаш» корныштыжо намысым йомдара, но чоя койышыжлан кӧра вес еҥын кидше дене осалым ышта, шакше пашаш йӱшӧ Игнатым тарата: шочмо ачажым (Проким) пуштыкта: *«Бройагэ! Тыгай пашалан вэлэ йӧрэт. Тачэ-эрла шкат кабаршашлык улат. Кэч ик пайдам тый дэчэт ужын кодам…»* [4, с. 30].

Игнат, чынжымак, нужнаҥше: поян Проки ачаже суртшо гыч поктен луктын, вара йӧратыме пелашыжат икшывышт дене шуэн коден. Йӱдшӧ-кечыже шкем чаманыде, «вуйым нӧлтыде» пашам ыштыше незер марий тудо саманыште ни икмарда лийын, ни поен кертын огыл – шижтара драматург. Тыгай неле орлыкан илыш корно Игнатымат ондак чон луштараш кабакыш шупшеш, вара арка йӱмаш уш-акылжым вашталта, айдемым пуштшыш савыра.

Тыге писатель арка йӱмашын аламжым нергела, тудын лектышыже (последствийже) нергенат пример дене пенгыдемден ойла: *«...Теле йӱд. Илыш жап: кугыжа годсо, 30–50 ий ожнысо, тунам аракам шкэ вуйа торгайышэ ужала ыльэ. Пойанлан пойаш, калык аҥыртараш пэш йӧнло улмаш. Кызытат калык вӱр йӱшӧ кулак уло»* [4, с. 19].

«Теле йӱд» – действийын кушто каен шогымыжо дене веле огыл палдара, саманысе тӧрсыр илыш нерген шижтара, тыглай шемер калыкын орланымыжым, ондалалтмыжым символизироватла, «пычкемыш йӱд» айдемым осал корныш «шупшылын кертеш», манын шижтара.

Икманаш, Тыныш Осыпын «Закон шумлык» пьесыже – Марий драме театрын икымше шындыме спектакльже. Писательын тӱрыс драме произведенийлажым аклаш гын, нуно тӱҥ шотышто социалистический реализмын саскаже улыт. 1920-шо ийласе коммунист партийын йодмашыже, пунчаллаже пьесылажын рӱдышкыжӧ лектыныт. Автор социализмын идеалжым диалог, монолог, посна деталь-влак полшымо дене, ремаркысе описанийыште умылтараш тыршен. Но натурализм направленийынат тенденцийже повествованийыште палдырна: этнографий сӱретлаште, мутлан, кугу тӱткышым

тӱрлӧ деталь-влакым сӱретлымашлан ойыра; пӱртӱсын вийжылан ӱшаныше, энертыше марий енгын койыш-шоктышыжым объективно, чын сӱретла.

Литератур

1. *Тыныш Осып.* Войнашке: ик кыдежан мурен ончыктымаш. Казань, 1920. 32 с.
2. *Тыныш Осып.* Корно ӱмбалне: ик кыдежан пьесе // У вий. 1929. № 5. С. 34–40.
3. *Тыныш Осып.* Кӱтӱчӧ Когой: кум кыдежан ончыктымаш // У вий. 1928. № 1. С. 37–40.
4. *Тыныш Осып.* Энгыремыш: рушла гыч келыштарыме ик кыдежан пьесе // У вий. 1929. № 3. С. 19–31.

УДК 821.511.151

Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

А. ВОЛКОВЫН «МАЙРУК» ДРАМЫЖЕ: ПОЭТИКЕ ЙОДЫШ

В статье рассматривается поэтика драмы марийского писателя Арсия Волкова «Майрук». Отмечена художественная роль ремарок, контраста, эпистолы, деталей, вещей, персонажей, песенного материала, а также речевые особенности действующих лиц.

Ключевые слова: *А. Волков, драма, поэтика, контраст, психологизм, язык, песня, письмо, война.*

Арсий Волков «Майрук» драмым 1975 ийыште возен, тудым Сенгымашлан 30 ий теммылан пӧлеклен. Сылнымутышто действий кайыме жап палемдалтын, тиде 1943 ий, неле сар пагыт. Тудын кочыжым драматург ял илыш дене кылден почын, фронтын тӱсшымат ончыктен, тидланже келшыше йӧным муын моштен. Драме кум кыдежан да кандаш сӱретан. Тудо кӧргӧ да тӱжвал конфликтан, келге психологизман, сылнылык шотыштат онай: тӱрлӧ йӧн дене пойдаралтын. Тидыжак тудым ойыртемалтшым ышта.

Пьесын арвер тӱняже марий ял илыш дене кылдалтын. Обстановкым ончыктышо ремаркылаште автор действий кайыме пӧртым сӱретла, тыгодым кугу конгам, малыме верым, конгамбак кӱзымӧ тошкалтышым, ӱстелым, тушто шогышо самоварым, вынер шовыч дене леведме киндеркым, ӱстел тура воштырышто кечыше керосин лампым, олымбалым палемда [1, с. 147]. Монча ончылно кайыме сӱретыште ош монча палемдалтеш, тудо улан илымым ончыкта, тыгак понар тул, олымбал, изирак окна, печке, вараште кечыше вургем, олымбал шке ӱмбакышт тӱткышым налыт [1, с. 174]. Нартас урем дене кылдалтше тыгай деталь-влакым ончыктыман: почто яшлык, менге вуйышто репродуктор [1, с. 180]. Нуно авторлан кӱлешан улыт, тусо жапын ойыртемжым почын пуат. А теве Санькам фронтышто ончыктымо сӱрет тыгай сылнымут деталь-влаклан поян: йӧрлшӧ пушенге, Санькан кушкедалт пытыше шинельже, автомат, кӱзанӱштыштыжӧ противотанковый гранат-влак [1, с. 181]. Нунат «ойлышо» улыт.

Марий калыкын ойыртемжым тыгак вургем деталь гочат почмо: мыжер, ужга. Эшеже жап вашталтмым ончыктышо вургем нергенат каласен кодыман. Тыгайжылан пинчакым, упшым, пальтом, шарфым, салтак бушлатым шотлыман.

Марий йӱла дене кылдалтше материалланат драме поян. Теве Оксинян Юмылан пелештыме шомакшымак налаш: «*Юмо-пӱрышӧ, вачӱмбал суксо! Эргымым коштмо корныштыжо тул-вӱд дечат, кӱртньӧ-вулно, тар-ядра дечат арале, кӱчан-пӱян дечат, осал шикш-кочо дечат переге. Шочмо суртышкыжо таза пӧртыл савырнаш йӧным ыште*» [1, с. 163]. Ужатыме годым тыге кумалыныт тунам кажне суртышто. Сортам чӱктен, Юмылан пелештыме йӱла пенгыде лийын. Тидымак драмыште ужына. Салтак радамыш шогалше мӧнгыжӧ таза-эсен толын шужо манын, авагаштам ниялтеныт. Тыгай йӱлам герой-влакат шуктат. Мончаш пурымо эпизодышто Начий ден Майрук монча водыж нерген мутым луктыт. Тудат марий тӱнян мифологийже гыч налме персонаж лиеш.

Геройын чоныштыжо кайыше «пашам» психологий сынан палемдыш-влак ончыктат. Теве Поликар дене кылдалтшыжым ончыктен кодена: шыдын ончалын [1, с. 154], пӱйжым пурлын [1, с. 155], шкенжым пыкше кучен, мушкындыжым кормыжта [1, с. 160], ватыжым шӧрын ончалын [1, с. 161], ылыж кая [1, с. 183], шыдын [1, с. 184, 187], ватыжым тура ончалын, ӧкым воштылалын [1, с. 192, 204], пӱйжым шотр-р пурлын [1, с. 195], пӱйжым пурлын [1, с. 205], янлыкла урмыжын [1, с. 206], шинча шӧрынжӧ дене калыкым ончалеш, вуйжым кумык сака, пӱй кокла гыч [1, с. 211], шыдын [1, с. 211, 212]. Ужына, южыштым уэш-пачаш каласыме. Тыге автор персонажын койышыжым ремарке полшымо дене ончыкта, могай улмыжым палемда.

Поликарын фронт гыч шылын куржмыжо ватыжым чот азапландара. Майрукын чоныштыжо конфликт илана, тудо тӱжвал да кӧргӧ сынан. Чоныштыжо мо кайымым тыгай рашемдыш-влак полшымо дене ончыктымо: Романым ужын ырен кая, йӱштын [1, с. 159], лӱдын [1, с. 173, 205], чон йӧсын [1, с. 174], кугун шӱлалтен [1, с. 187], нелын шӱлалтен [1, с. 190], ӧрын [1, с. 191], чытамсырын [1, с. 194, 196], шинчавӱдшым ӱштылын [1, с. 204], йӱштын [1, с. 205], кӧргӧ шыдыж дене [1, с. 214].

Роман ден Майрукым шуко икгай койыш уша: коктынат пашам йӧратат, калык верч тыршат, шкешт нерген кугун огыт шоно, адакшым чоныштышт йӧратымаш тул йӧршынлан йӧрен огыл. Роман дене кылдалтше ремарке-влак Майрукын гайракак улыт: нелын шӱлалтен [1, с. 195, 209], ӧрын кынел шинчеш [1, с. 204], шыдын [1, с. 209], шокшын [1, с. 214]. Ужына, автор кӱчык да раш ончыктышо ремаркым кучылтеш, нуно чонышто кайыше кумылым почын пуат.

Марий калыкын чоным почшо эше вес йӧным ушештарыман. Тиде муро. Текстыште тудо шке веран, сылнымут сомылан. Армийыш ужатыме сӱретыште муро гоч рекрут теме почылтеш. Мурышто кучылтмо тыгай образ-влакым каласен кодыман: шочмо вер, ача-ава сурт-пече, самырык ӱмыр, война. Салтакыш кайыше-влак ава, ял, сурт, ӱдыр-рвезе, йӧратыме йолташ дене чеверласыме нерген мурат [1, с. 164].

Шке шӱмжым Майрукат муро гоч вошт почеш. Тудын мурыштыжо тыгай образ-влак палдырнат: олмапу, покшым, салтак вате [1, с. 200]. Тудо шкенжым турий гай эрыкан кайык дене таҥастара. А вот Эленын мурыштыжо чевер роза, памаш вӱд, мӧрын лирике тӱсышт коеш, самырык ӱдыр нуным йӧратыме таҥ теме дене кылда [1, с. 182].

Роман Майрукым монден ок керт, ончычсо чоншижмашыже угыч ылыжеш. Тидыже мурыж гочат шижалтеш. Тусо «йӱксӧ мужыр пелаш», «шӱм ок мондо», «юалге мардеж», «ужар садер чарањын», «шӱмеш покшым возын», «йӧратымаш кодын» [1, с. 199] ойсавыртыш-влак мо нерген шонымым вигак ончыктат, геройын лирике кумылан улмыжым палемдат.

Сар пагытын ик ойыртемже тыгай: чыланат фронтлан полшынешт. Тидым жап йодеш. Начийын мурыжат тидын нергенак: врема – военный, чылан военный улына [1, с. 178].

Драмысе герой-влакын шке йылмышт. Тудо койыш-шоктышлан келыштаралтын, илышужмашымат ончыкта. Теве Оксиня кувам налаш. Тудын ойлаштыже маркер семын юмо дене кылдалтше савыртыш-влак койыт. Икмыняржым ончыктен кодена: «Ой, юмашне!» (шуко гана ойла); «ой, юмо-пӱрышӧ» [1, с. 148], «юмылан тау» [1, с. 152]. Йылмыже поян улмым кӱэмалтше ойсавыртыш-влак пенгыдемдат: «Чурийже гыч вӱдым йӱат мо? Чонжо сай лийже» (с. 166); «Корак умша гыч чывиге вочмым вучо!» [1, с. 171]. Тура оян ӱдырамаш Начилан тыге манеш: «Лач мужыр лийыда. Пуле окна ден омса гай» [1, с. 173]. Але эргыжлан тыге ушештара: «Ӱдырамашым амал деч посна шыдештарет гын – юмет-пӱрышет…» [1, с. 185]. Тудынак Юмым мондымо нерген, черкым пытарыме шотышто [1, с. 175] ойжо-влак актуальный улыт.

Начин койыш-шоктышыжым йылме гоч раш ужаш лиеш. Тудын йылмыже кӱзӧ гай пӱчшӧ, тура. Икмыняр пример дене тидым пенгыдемдена: «Апшат ик гана чӧгыт дене пера – тенге оксам луктеш, маныт» [1, с. 149]; «Чапи Анан умшаже идым капка гай – кылта орва денат петырен от керт» [1, с. 189]; «Осал енлан кӧгӧнат көген огыл, чыла рожген кая» [1, с. 196]; «Кӧлан поро, а кӧлан пурыс гай кочо» [1, с. 196]; «В тихом озере черти водятся» [1, с. 197]. Арам огыл Майрук йолташыж нерген пеш чын тыге манеш: «Лӱмегож гай. Тулым лишкыже ит намий, когаргет» [1, с. 197].

Поликар шкеж нерген гына шона, молым кугун шотыш ок нал, тидыже йылмыж гочат коеш: «Мом тынаре урмыжыда! Мыйым шӱгарыш ужатеда мо?» [1, с. 154]; «Чарне эре ик кол вуйым нулташ» [1, с. 190] да м.

Ава чон эре шочшо пелен. Эрге гына тидым кугун ок акле. Теве Поликар дене туткар лийшашым Оксиня омыж гоч шижеш. Тудын сюжетше тыгай: ояр кече шога, пасушто кынем кӱрыт, вучыдымын шем пыл кӱзаш тӱњалеш, кӱдырчӧ рашкалта, тумо йӧрлеш [1, с. 171–172]. Омо символ образан, мо лийшашым шижтарыше.

Поликарлан ваштарешла кок образ почылтеш. Тиде Муси Роман ден Санька. Сар гыч сусырген толшо Романын онгыштыжо «За отвагу» медаль кеча. Тудо тыгак эше йӧратымаш йодыш дене кылдалт почылтеш, весыже, Санькаже, айдеме семын тудлан ваштарешла сӱретлалтеш, героизм койышыж дене ваштарешлалтеш. Санькан онгыштыжо арам огыл Йошкар шӱдыр орден волгалтеш, тудо 4 танкым, 2 самоходный орудийым йӱлалтен.

Санька пелен тыгак тудын изажым палемдыман. Тудо действийыште ок почылт гынат, койышыжым ончыктышо ятыр уверым шынгдарыме. Мутлан, Санька Венян силос вынемыш пурен кайыше тунам утарымыж нерген ойла [1, с. 158], айдеме семын пеш поро ыле манеш.

Эше ик ойыртем нерген палемдыман: тиде сцене деч ӧрдыжтӧ улшо персонаж-влак улмо. Веня деч посна тыгайлан Начин Миклай чӱчӱжым ушештарыман, тудын серышыж гыч тыгай ойым Начий каласа: «Вӱр энгерла йога» [1, с. 148]. Тиддене сарын кочыжо эше ик гана пенгыдемдалтеш. Чапи Ана нерген икмыняр гана ойлен кодымо, тудын манеш-манешым нумалмыжым каласыме. Сарыш кайыше апшат Йыван нерген Майрук ойла, тудо, апшат, яра ышта ыле манме. Корембал Серге вате нерген увер уло, тудо куд йочан, марийже сареш колен, еш нелын ила, Майрук нуным чамана. Кости Йыван ватын шорыкшым Поликар шолыштын. Ондрий кугызам ушештарыме, Поликар тудын клатшым толен. Тыгай йӧн дене пойдарыме калыкын тӱшка образшым почаш полша, тыгак Поликарын осал тӱсшым ончыкта, неле илышым пенгыдемда.

Сарын шучкыжо нерген Руэм почингаш ик кечыштак кум похорон толмо, ялсоветыш эвакуированный-влакым кондымо, нунын моткоч явыгыше улмышт нерген [1, с. 148] увер ойлат. Тыгак марий калыкын сарлан полшымыжо нерген радио гоч уверым шотлыман: «Марий калык 30 миллион тенгем «Марий колхозник» эскадрильым чоҥаш пуэн. Кызыт танковый колонным ышташ оксам погат» [1, с. 180].

Война жапым почын пуышо вес йӧн – серыш. Серыш гыч ужаш-влакым пуртымо, повестке гыч корно палемдалтеш. Тиде, мутлан, Санькан, Виноградов Александр Степановичын. Елен Оксиня лӱм дене серышым воза. Уляна Санькан серышыжым конда, ужашыжым лудыт.

А. Волков драмыштыже ончыч лийшым ушештарымым моштен кучылтын. Мутлан, Роман Поликар нерген тыге шарнен ойла: «Тудо моткоч кредалаш йӧрата ыле. Мыйым шуко гана шортарен»; «Изиж годымат тудо маска гай виян ыле. Мушкындыжо чӧгыт гай неле…» [1, с. 161].

Драматург тыгак сценым волгатарыме ден пычкемыш ыштыме йӧным кучылтын. Пример семын 1-ше сӱрет мучашым ончалына: Елен поездым ужата, вара семын сар йӱк талышна [1, с. 164]. 4-ше сӱрет оҥай ышталтын: Еленын Санька дене мутланымыжым йӱк полшымо дене чоҥымо.

Сцене шенгелне кучылтмо йӱк-йӱанат кӱлешан функцийым шукта. Теве ик вере тораште пий-влак урмыжыт [1, с. 174]. Тудо сайлан огыл, арам огыл сарыш ужатыме эпизодышто кучылталтеш. Вес вереат пий оптымо йӱк шокта [1, с. 179]. Тыште тудо фоновый улеш.

Иктешлен, тыге палемдыман: драматург жанрлан келшыше сылнымут йӧным кучылтеш, марий тӱням почын ончыкта, йылме, психологизм йӧн-влак койыш-шоктыш ойыртемым палемдат, контраст семын чоҥымаш конфликтым почаш полша.

Литературт

1. *Волков А.* Посана: пьесе-влак. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1981. 216 с.

УДК 821.511.151

Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА ШАБДАРА ОСЫПА

В статье рассматривается философская лирика марийского поэта Иосифа Шабдара. Делается вывод о том, что поэт тему счастья и судьбы тесно связывает с судьбой родного народа, с его жизнью в будущем. Для лирического героя мотив судьбы переплетается с творчеством, с новыми художественными открытиями.

Ключевые слова: *О. Шабдар, лирика, лирический герой, тема, идея, поэтика.*

Шабдар Осып – известный марийский поэт и прозаик, педагог-просветитель, литературовед. Его творчество значительно обогатило марийскую литературу. Свою творческую деятельность О. Шабдар начал как поэт. Его лирика весьма богата, в жанрово-тематическом плане разнообразна. В лирике О. Шабдара особо следует выделить стихи философского направления.

Исследователь творчества О. Шабдара С. Черных правильно заметил, что в философской лирике поэта выделяются две темы, это стихи о счастье и о судьбе. Размышляя о счастье, автор говорит о жизненном богатстве. Счастье он связывает с широтой взглядов человека на жизнь, с тесной взаимосвязью его с природой, с богатством душевного мира:

Кумда тӱня суртем уло,
Вольык кӱтӱ – сай ешем,
Изи шӱвыр – таҥем уло,
Ужар олык – тӧр вакшышет [1, с. 55. Здесь и далее перевод с марийского наш – *Г.Б.*]
(Мой дом – это широкий мир,
Стадо животных – моя хорошая семья,
Маленькая волынка – моя подруга,
Зеленый луг – ровная постель).

Для поэта дом представляется целым миром, семья связывается с домашними животными, подруга сравнивается с волынкой, зеленый луг – с семейной ложей. По словам Шабдара Осыпа, счастье заключается в силе человека, а она зиждется в жизненной энергии. Понятие силы поэт связывает не только с физическим состоянием человека, но и с разумом.

Тему судьбы Шабдар Осып поднимает в стихотворении «Волгыдышко» («В светлое будущее») (1920). Автор счастье и судьбу рассматривает воедино. Раздумья о судьбе человека Шабдар Осып связывает с понятием счастья. Вспоминая свой жизненный путь, подытоживая его, поэт пишет:

Волгыдышко, родем! Волгыдышко
Теве тӧрзат почылтын!
Ужат, кумда пасушко
Корнет кая вияшын!..
Тӱжваке, родем, тӱжваке!
Теве омсат почылтын.
Ужат, кумда пасушко
Корнет кая вияшын! [1, с. 32]

(В светлое будущее, родич!
В светлое будущее открыто окно!
Видишь, как прямо идет
Дорога в широкое поле!..
Выходи на улицу, родич, выйди!
Вот и дверь открыта.
Видишь, как прямо идет
Дорога в широкое поле!..)

В данном отрывке обращают на себя внимание образы окна и двери, поля. Они связываются с такими понятиями, как свет, простор, широта, дорога. Это путь в светлое будущее, прямая дорога вперед. Неслучайно автор обращается к приему риторического обращения, причем собеседника называет родственником, родичем. В данном произведении автор связывает гражданские и философские мотивы. Так он призывает сородичей взглянуть на жизнь глубже, шире. Чтобы раскрыть главную идею текста, поэт обращается к образам из растительного мира, таким как деревья, трава, цветы. Пафос стихотворения – чувство открытой радости. Чтобы читатель почувствовал это, поэт обращается к риторическим восклицаниям: «Эрык дене куане!» («Радуйся свободе!»), «Корнет кия вияшын!..» («Дорога лежит прямая!..), «Волгыдышко, родем!» («К свету, родич!»), «Теве тӧрзат почылтын!» («Вот и окно открыто!»), «Тӱжваке, родем, тӱжваке!» («На улицу, родич, на улицу!»).

Соплеменника поэт призывает идти вперед, он хочет видеть свой родной народ просветленным, образованным. Неслучайно обращается к нему со словом «родственник», такое послание усиливает поэтическую мысль, повтор также выступает в этой художественной роли. Жизнь в прошлом и настоящем противопоставляются. Антитеза «тюрьма – свобода» выражают идею стихотворения. Образ дороги выступает в символическом ключе.

Размышляя о счастье и судьбе, Шабдар Осып подчеркивает, что у каждого человека своя жизнь, свое место в ней, своя судьба, свои взгляды на понятие счастья; и это надо брать во внимание, уважать его выбор.

В лирических произведениях Шабдар Осып также затрагивает другие философские темы. Это человек, жизнь, трудности, свобода и др. Но таких стихотворений не так много. Раскрывая образ жизненного пути, поэт чаще всего обращается к образу воды, водной стихии. И это неслучайно. Марийцы издревле обращались к образу Вӱдава (Матери воды). Жизнь всегда ассоциировалась с образом воды, чистоту помыслов символизировала родниковая вода. Образ реки связывался с жизненной судьбой.

Теме жизни и человека поэт посвящает стихотворение «Пеледыш» («Цветок»). Оно состоит из двух частей. В первой части дана такая картина: на обочине дороги вырос одинокий цветок, глядя на него, лирический герой размышляет о будущем этого растения, жалеет его, сопереживает. Ведь его судьба может оборваться в любую минуту, вдруг прохожий наступит на него, может проехать телега, цветок может попасть в беду.

Чувство жалости к цветку подчеркивается приемом риторического обращения: «Ала-кузе тудо шочын?» («Каким образом он вырос?»), «Эрден молан шочынат?» («Почему ты вырос утром»), «Молан мыйым ончалат?»

(«Почему ты поглядываешь на меня?»), «Тошкалам гын, мом ыштет?» («Если наступлю, что будет с тобой?»). Чтобы подчеркнуть настроение лирического героя, автор использует глагольные формы: эртем (прохожу), ончалам (посмотрю), чаманем (жалею), шоналам (размышляю), эрталын (проходя). Внутренний монолог также играет важную роль в раскрытии идеи стихотворения. Образ цветка автор раскрывает при помощи следующих троп: эпитета «красивый», «хороший», «светлый» («мотор тӱсет», «сай тӱсет», «ош ошма»); сравнения («эр кава гай шинчат» / «глаза как утреннее небо»); олицетворения («ончалат» / «взглянешь»; «вожет вийым огеш му» / «корень твой не найдет сил»; «орлыкым чытет» / «испытываешь страдания»).

Вторая часть стихотворения выступает в качестве антитезы первой. Здесь дается совсем другая картина, возникает образ цветов, выросших рядом с рощей. Там один цветок растет рядом с другими, подобными себе, он радуется жизни: «эр лупс дене вӱдыжген, чевер кечым шып вуча» («облившись утренней росой, тихо ждет красное солнышко») [1, с. 35]. Так, используя образ цветка, поэт размышляет о человеческой жизни. Мысль стихотворения заключается в следующем: человеку одному в жизни сложно, трудно, только в коллективе человек может раскрыть весь свой внутренний потенциал. Поэт доносит мысль о том, что сила человека в коллективном труде.

Стихотворение «Кандывуй пеледыш» («Василек») (1919) также посвящено теме человека и его назначения, характера. Здесь раскрывается следующий сюжет: посреди ржаного поля вырос роскошный василек, он хвастается своей красотой, при этом, вступив в диалог с ржаным колосом, принижает его. Монолог Василька раскрывает его эгоистическую сущность:

Мый могай чевер улам,
Кузе кертын шочынам?
Ынде кӧ мыйым ок ончал?
Могай йылме ок моктал?
Чевер кече воштылта,
Эр лупс сайын вӱдыжта… [1, с. 30]
(Какой я красивый, как смог таким уродиться?
Кто только не смотрит на меня?
Какой только язык не хвалит?
Красное солнце заставляет улыбаться,
Утренняя роса хорошо увлажняет).

Полевой цветок называет себя красивым, удивляется тому, как он смог стать таким чудесным, говорит, что все восхищаются им, он живет весело, радуясь жизни. Ржаной колос отвечает так:

Кызыт, чынак, мотор улат.
Южо енлан пеш келшалат,
Йоген кайыже пеледышет,
Тунам кӧлан тый йӧрет? [1, с. 30]
(Сейчас правда ты красив.
Некоторым людям ты очень нравишься.
Но когда высохнут твои цветы,
Кому ты будешь нужен?)

Вскоре красивый василек поблек, высох, ветер разбросал лепестки по всему полю. Картина из мира природы ассоциируется с человеческой жизнью. В народе правильно говорят, что дело не во внешности человека, а в красоте его души. Главное в том, чем ты можешь удивить других, какая польза для других от тебя. Чтобы выразить идею, автор обращается к контрастным образам.

В стихотворении «Мемнан илыш» (Наша жизнь») (1918) тема жизни человека раскрыта при помощи образа длинной дороги. По утверждению поэта, дорога может иметь разный вид, она может быть длинной, прямой, кривой, с крутыми поворотами и т.п. Этот символический образ поэт ассоциирует с судьбой.

Судьба может преподнести человеку всякие испытания. У кого-то жизнь удачливая, прямая, без изъяна, у другого совсем иная, полосатая. В тексте стихотворения слово «дорога» повторяется шесть раз. Образ пути раскрывается с разных сторон, при помощи различных троп. Следует выделить эпитет («кужу корно» («длинная дорога»), олицетворения («кадыргылын каялеш» (идет, изгибаясь»), «тӱрлӧ верыш шулдалеш» («доходит до разных мест»), «кӱза» («поднимается»), «волалеш» («спускается»), «миен тӱкна» («доходит»), «вончалеш» («переходит»), «каялеш» («идет дальше»), сравнение («ший ока гай» («словно серебряный позумент»).

Во второй части стихотворения выражена идея о счастливом будущем: путники, идущие тяжелым, трудным путем, прошагавшие через темный лес, выходят на прямую, широкую дорогу. Они прибавляют свой шаг, идут быстрее, зная, что трудности позади.

Подводя итоги, можно сказать, что в лирике поэта-философа Шабдара Осыпа особо выделяется тема счастья и судьбы. Для лирического героя эти понятия тесно связаны с судьбой родного народа, с его счастливой жизнью в будущем. Сам поэт свою судьбу тесно связывал с творчеством, новыми художественными открытиями. При этом он всегда оставался верен своему народу, служил ему.

Литература

1. *Шабдар О.* Мурпого: почеламут, поэма, повесть, статья-влак. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1988. 415 с.

УДК 821.511.151

Д.И. Быкова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.

ОЛЫК ИПАЙЫН «ЯНАЙ – АРГЕМБЛАТЫН ЭРГЫЖЕ» ПОЭМЫЖЕ: КОНФЛИКТ ЙОДЫШ

В статье рассматривается своеобразие конфликта в поэме марийского писателя Олыка Ипая «Янай – сын Аргемблата». Делается вывод о том, что идеологический конфликт между отцом и сыном приводит к семейной драме, что данный спор носит не только

семейный характер, он был типичным в годы Гражданской войны. Автор работы выделяет художественные средства раскрытия конфликта.

Ключевые слова: *Олык Ипай, поэма, конфликт, терцина, гражданская война, средства изобразительности.*

Олык Ипай марий сылнымутым шуко оҥай произведений, тӱрлӧ семын возымо йӧн дене пойдарен. Поснак поэме жанрыште чот тыршен. Пӱсӧ конфликтан ик тыгай поэмыжлан «Янай – Аргемблатын эргыже» сылнымутшо шотлалтеш. Тудым поэт 1935 ийыште возен. Серен у возымо формо дене, терциным кучылтын. Тиде йӧнын ойыртемже тыгай: кум строкан почеламут формо, тыгодым икымше стихын покшел строкаже рифме шотышто кокымшо стихын икымше ден кумшо строкаж дене келшен толыт.

Поэмыште ончыктымо жап палым каласен кодыман, тиде Граждан сар пагыт. Кугыжанышын историйыштыже тудо келге драматизман. Совет властым ыштыме деч вара кучем дене келшыдыме шукын лийыныт. Тыге сар тӱҥалын. Тошто кучем могырым пеҥгыдемдаш шонышо-влак у власть могырышто улшо-шамыч ваштареш тавадаҥ шогалыныт. Тидыже посна ешымат тӱкен кертын. Тыге ача ден эрге, иза ден шольо ваштареш лийыныт, политике йодышлан кӧра икте-весылан тушманыш лектыныт. Тыгай кончышым писатель-влак шке произведенийлаштышт почын пуэныт. Пример шотеш Я. Ялкайнын «Эрге» поэмыжым (эрге ден ача) кондаш лиеш. А. Юзыкайнын «Кугызан вуй» (иза ден шольо) романыштыжат тыгай вашшогалмаш почылтеш. Мутат уке, Совет пагытыште тиде темым утларакшым ик семын почыныт: Совет власть могырышто улшыжым моктеныт, чын ыштымылан шотленыт. Тунам тыгай идеологий лийын.

Олык Ипайын возымыштыжат ме тидымак ужына. Ончалына, могай амал дене ача ден эрге коклаште вашумылыдымаш лектеш. Конфликтын негызыштыже мо лиймым умылтарена.

Илыш ик верыште ок шого. Совет кучем куштылгын ок тол. Элыште Граждан сар гӱжла. Тудо калык ушым пудырата, кок вий ваш шогалеш: ик тӱшкаже кугыжа могырыш шогалын, тушко поян-влак, уланрак-шамыч ушненыт, нуным «ошо-влак» манын лӱмденыт, вес тӱшкаже тыглай кресаньык-влак, «йошкар» отрядым погеи, шке эрыкше верч лӱддымын шоген. Иктышт у илышым моктат, тыглай калыклан эрыкым кондаш шонат гын, весышт тошто кучемымак кодынешт. Кугу кучедалмаш каен шога. Тудо поэмысе герой-влакымат авалта.

Тиде событий еш илыш радамымат пужа: тыге эрге ача ваштареш шогалын, ӱдыр, аважым коден, тушман могырыш каен кертын, иза ден шольо политике амал дене икте-весыштлан тушман лийыт. Поэмысе Аргемблатын ешыжымат тиде илыш савыртыш чотак тӱкалтен. Неле жап толын шуын. Аргемблат Уржумыш каяш шонен пышта. Тудын уланрак веҥыже Уржум олаште шоген, ончычсо урядник Степанов атаманын ӱшанле енже улмаш. Тудо Аргемблатлан сукна ден шӱрашым пуаш лийын, сандене шкеж деке толын налаш ӱжын. Аргемблат шуко шонен огыл, Янай эргыжым пырля налын, корныш тарванен.

Янайлан тиде келшен огыл, тудо мом да кузе лиймым пален огыл, но ачам колыштде огеш лий. Тыге ача ден эрге тора корныш тарвана. Но ик йодыш уш гыч ок лек:

Кунам Уржумыш Аманай курскай логалын?
Вара кунам курскай поен шуктен?
Кушеч сукнам да ситцым тудо налын?
Шыдаҥ шӱрашым я кушеч конден?
Ӧрат, курскаже вет купеч мойн огыл,
Кумыжсолаште лач урядниклан шоген… [1, с. 215].

Аргемблат, тидым колын, чот сыра, эргыжлан кӱлеш-оккӱлым кутыраш огеш кӱл манын, шыпланаш кӱшта: *Шыплане! Шӱмым кочшо эрге-ойго!* [1, с. 215].

Янайын ачаже илалшырак, неле койышан, йӧным муын моштышо марий. Курымжо мучко ешыж верч толашен да кызытат лишыл еҥже пиалан, темше лийышт манын шона. Тыште тудым вурсаш ок лий, тудо тошто семынак илынеже. У илышыже мом кондымым ок пале, сандене тыгай корным ойырен налын, ошо-влак велыш шогалын. Нунышт гын шонгым огыт чамане, йошкарге-влаклан полша, шонат, сандене Уржумышто тюрьмаш петырен шындат. Веҥыжат шке коваштыж верч чытырен, ачалийшыжым пыдал ок нал, тыгай еҥым ом пале манеш. Аргемблатым йошкар салтак-влак утарат, эрыкыш колтат. Тидат геройым ок ваштальте. Тудо шке шонымашанак кодеш.

Аргемблат молан толмыжым умылтараш тӧча, но тудлан нигӧат ок ӱшане. Степанов, Аргемблатын веҥыжым ӱжын, тудын деч йодеш:

Палет мо, Аманай, тый Аргемблатым?
Шоналте сайын, я палет, шинчет? [1, с. 219].

Веҥыже лӱдеш, ондалыме, вор шарлыме пашаже тӱжвак лектеш манын, тудо шоям каласа: *Тыгай лӱман айдемым мый ом шарне...* [1, с. 219].

Атаман Степанов, тидым колын, чот шыдешка да Аргемблатым лӱаш приказым пуа. Янайын ачажым колымо деч Сормахын вийже утара. Йошкар отряд, олаш пурен, бандит кашакым кучен кырен, олам шке кидышкыже налын. Йошкарге-шамыч тюрьмаште шинчыше-влакым эрыкыш колтат. Тыге Аргемблат утаралтеш.

Янай ачажым чодыраште, полат воктен, кум кече вучен шинчен. Аргемблатын толын лекмек, тудо эргыжлан курскаж деке каяш кӱшта. Ойла, кузе йошкарге-влак курскажым чот кыреныт. Ачаже ойгырен, вет ни сукнат, ни шӱрашет тудлан логалын огыл, сандене йошкар салтак-влакым титаклен. Аргемблатын шонымыж почеш, Янай ачажын могырыш шогалеш да ошо-влак дене кылым кучаш келша. Но Янай пенгыде рвезе, шке шонымашыж деч огеш кораҥ.

Имньыжым мӧнгӧ, шочмо-кушмо велыш покта. Ачаже тидлан пудешт кайыше гай чот сыра, товарым эргыж вуй ӱмбак нӧлталын, каласа:

Тышанак тыйым мый пуштам руалын,
Ойлет гын ойло раш – пыта вует.

Колет гын коло тый – пукшем товарым.
Адак йодам, ложаш налаш миет?
Миет – кодат илыш тый атаман ден?
Разбойник ең Махалов дек кает? [1, с. 223].

Тыгайрак условийым ачаже эргыжлан шынден. Тудо эргыжым ала лӱдыктынеже веле улмаш, шке могырышкыжо шупшылнеже ыле, но Янайым сеҥаш огеш лий. Ачажын тыгай койышыжо Янайым лӱдыктен. Тудо товарым погең налын, ваштареш тыге пелештен:

Мылам ок кӱл сукна, каем мый ялыш,
Колем, ом кай полшаш бандит еҥлан [1, с. 224].

Эрге ден ача коклаште вучыдымын кугу гына кучедалмаш лийын кая. Тиде конфликт трагический сынан, тудо ик геройжын колымыж дене пыта. Эрге ачажым пуштеш. Аргемблатын пытартыш мутшо тыгай лиеш:

Йӧршеш каем мый веҥе деке, код тый,
Молан ончен-куштальым ты иям?! [1, с. 224].

Аргемблатым тойымеке, Янай Сормахын отрядышкыже кая да умбакыже эрык верчын кучедалаш тӱҥалеш.

Поэмысе вашшогалмаш ачаж ден эргын илышым тӱрлӧ семын ужмышт гыч лектеш. Тиде конфликт еш коклясе гына огыл, тудо кумда авалтышан, социальный значениян, тунамсе илыш трагедийым почын ончыктышо.

Поэме контраст йӧн дене чоҥалтын. Ме тыште кок вийым ужына. Ошо-влак могырышто атаман Степанов, Аманай, Аргемблат улыт гын, у кучем могырышто Сормахын йошкар отрядше, Янай шогат. Тиде кок вийым ончыкташ манын, автор таҥастарымаш йӧным кучылтеш («шолем йӱрла пуляже велын» [1, с. 220]); гиперболлан энгерта («ола, управе налме, налме элым», «тӧрштен-чымен, кугу кожла вуй гочын, йошкарге-шамыч деч бандит куржеш» [1, с. 220]). Ача ден эргын вашшогалмыштым тӱҥ шотышто диалог йӧн гоч почын ончыктымо. Тыгак моло тропымат ончыкташ лиеш, мутлан:

Ача пудешт кайшаш гай чот сырен;
Кап вошт шӱтен лекшаш гай вик ончалын [1, с. 223].

Тыныс илышым пӱртӱс сӱрет гоч почмо:

Чолка-кандалге южым йырваш шерын,
Коштеш ал шулдыран сай кайык – эр.
Энгер ӱмбач шӧр гай тӱтыра кынелын.
Муреныт кайык-влак, помыжалтын ер [1, с. 216].

Тудлан ваштареш кредалме эпизод пуалтеш:

Бандит кашакын вуй руалтын, шелын.
Вӱржат йога – куп пӧчыж вӱд йӧршеш [1, с. 220].

Иктешлен, тыге палемдаш лиеш: конфликт социальный тӱсан, тудо ик еш кышкар гоч почылтеш, еш драме илышым тӱрлӧ семын ужмо дене кыдалтын, тудо тыгак чумыр Россий калыкын пӱрымашыжым ончыкта; вашпижмашым контраст йӧн полшымо дене почмо.

Литературӧ

Олык Ипай Почеламут ден поэме-влак. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1972. 320 с.

УДК 821.511.151

К.В. Быкова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.

М. ШКЕТАНЫН «ЭРЕҥЕР» РОМАНЖЕ: ПРОБЛЕМЕ КЫШКАР

В статье рассматривается проблематика романа «Эреҥер» марийского писателя М. Шкетана. Выделяются такие типы, как социокультурный, романный, его идейно-нравственный подтип. Делается вывод о том, что социокультурная проблематика затрагивает политическую и экономическую жизнь марийской деревни в начале 1920-х годов, связывается с новой экономической политикой, культурной революцией в деревне; романная проблематика затрагивает такие вопросы, как любовь, семейные отношения.

Ключевые слова: *М. Шкетан, роман, тема, проблема, герой, конфликт, экономическая политика, культурная революция.*

Яков Павлович Майоров-Шкетанын марий сылнымутым вияндымаште надырже моткоч кугу. Арам огыл тудым марий литературын классикшылан шотлат. Ӱмыржӧ кӱчык лийын гынат, марий литератур аланыште тудын лӱмжӧ кумдан палыме. М. Шкетан тӱрлӧ да тыгодымак моткоч оҥай произведений-влакым серен. Тудо мыскара ойлымаш-влакымат, пьесе-влакымат, романымат тӱрлӧ сылнымут йӧным кучылтын возен. Утларакшым юмор ден сатир дене моштен пайдаланен. Тудын произведений-влакше кумда шонымашан, илышлан туныктышо, герой-влакын чоншижмашыштым келгын почын пуышо, сылне марий йылме дене возымо улыт.

Лач тыгай тудын «Эреҥер» романже. Тиде роман писательын творчествыштыже ик эн кугу произведений. Сылнымутышто писатель тӱрлӧ йодышым шынден да нунылан вашмутым сылнымутын тӱрлӧ йӧнжым, чияжым кучылтын пуэн. Роман кышкарыште автор элнан историйже дене кылдалтше жапым авалтен ончыктен, марий калыкын илышыштыже лийше кугу социальный ден тӱвыраште шинчалан койшо вашталтышым ончыктен.

Произведенийыште икмыняр проблемым шындыме. Жанр дене роман социально-психологическийлан шотлалтеш, санденак рӱдыжым социокультурный проблематике ышта. «Эреҥер» романыште ме марий ялыште Совет властьын эртарыме политикыжым эскерена. Марий-влакын кооперативыш ушнымыштым сӱретлыме, коммунист-влакын тӱрлӧ семын коймыштым ончыктымо, нунын кок тӱрлӧ сыныштым почын пуымо. Тыгак ончычсо улан

илыше-влакын тошто годсо илышым пӧртылташ тӧчымыштым ужына, НЭП-ын виянгмыжым ончыктымо.

Нине йодышлам почын пуышо герой-влакым кок тӱшкалан шелаш лиеш, нуно контраст йӧн почеш сӱретлалтыт. Эвай Пӧтыр, Катырган Сакар коммунист радамыште улыт, нуно ял илышым сай могырыш виктараш шонат, калык коклаште умылтарымаш пашам вӱдат. Нунылан ваштарешла Комиссар Ванька шога. Тудат такшым коммунист, но шонышыжо шке могырыш виктаралтын. Калыкын ушыжым волгалтарыме олмеш, тудо шке кӱсенжым гына оварташ шона, кооператив пашамат шканже келыштарен виктара. Марий яллаште кооператив-влак ышталтыныт гынат, нуно кӱлеш семын пашам ыштен огыт сенге, калык нимом огеш умыло, ондалалтеш, а ончычсо поян-влак, тидын дене пайдаланен, шкаланышт гына сайым ыштат: «*Ванька пашам ыштен ок мошто манаш ок лий, тудын моштымылыкшо гына калык шонымаш корно дене ок кае, шуко пашаште тудо, коммунист гынат, шке илышыжым эн ончык шында*» [1, с. 41].

Тыге ме чын да шояк коммунист-влакым ужына. Шоя да чын коммунист-влакын тӱняончалтышышт икгай огыллан кӧра, нунын коклаште вашпижмаш талышна. Пӧтыр заводышто пашам ыштен, Граждан сарым эртен, илышын чынжым умылен налын. Ялыш пӧртылмеке, тудо, Шамрай да Вачай полшымо дене, чыла тӧрлаш пижыт, калыклан умылтарыме пашам эртарат. Ванькамытлан тиде огеш келше, нуно Пӧтырмытлан кертмышт семын мешает. Эвай Пӧтыр шукыж годым ялысе калыкым завод пашазе-влак дене таңастара, нуным пырля пашам ышташ туныктынеже: «*Пашазе-влакын ӱшанымышт Эренгер марийын гай огыл. Эренгерыште кажне суртын посна шонымаш, а пашазе-влакын посна шонымашышт уке*» [1, с. 76]. Шонымаш онай такшым, но герой ял илыш койышым, кресаньык психологийым шотыш налын огыл, сандене тыге шона.

Вачи Вачай, Шамрай, Сакар да Пӧтыр куп коштымо пашалан пижыт, мелиораций ушемым почыт. Тыштат йӧсылыкым вашлийыт: ең-влак купым кошташ лиймылан огыт ӱшане, сандене ынешт полшо. Нунылан чылажымат умылтараш кӱлын. А калыкын полшаш лекмекыже, шояк коммунист-влак нуным лугаш тӱңалыт. Нунын дене адакат туныктымо, умылтарыме пашам эртараш логалеш. Чыла йӧсым сенген, Пӧтыр Эренгер ялын илышышкыже у шӱлышым пурта.

У шӱлыш пурымо дене ӱдырамашынат илышыже вашталтеш. Ончыч нуно марийышт деч лӱдын иленыт, ваштареш ик мутымат пелешташ тоштын огытыл гын, кызыт пӧрьең ден тӧр праван лийыныт. Ӱдырымаш-влак дене умылтарымаш пашам Алгаева Клавий эртарен. Школышто погынен, ӱдырамаш-влак мураш тунемыныт, спектакльыште модыныт. Ялысе марий-влак у туныктышым йӧратен огытыл, шенгечынже вурсеныт: «*Ӱдырамаш король! Киямат! – манын, полмезе марий-влак тудым шудалын улыт*» [1, с. 94]. Вет вате-влак ынде шке правштым паленыт, марийыштлан шкеныштым орландараш пуэн огытыл.

Идейно-нравственный, але романный, проблеме нерген ойлаш гын, эн ончычак романыште ача-ава да икшыве коклосе кыл йодышым ончыктыман. Эвай да эргыже-влак икте-весыштым умылен огыт керт: Эвай шке ешыже верч гына ойгыра, эргыже-влакымат шкеж гайым онченкуштынеже. Кугурак эргыже

ачажын шомакшым ок колышт, тудын дене огеш келше, ачажлан сырен, лектын кая. Пӧтырланат ачажын тӱняончалтышыже келшен огыл гынат, чытен, сарыште лийын. Сусырген толмекше, тудат ачажлан йӧрен огыл, сандене икмыняр жап гыч Пӧтырат ачаж деч заводыш пашам ышташ лектын кая. Тиде умылыдымаш, ик семынже, илышым тӱрлӧ семын ужмо дене кылдалтын, политик йодышым тарватыме дене, вес могырымжо – койыш-шоктыш денат, эшеже – кок поколенийын кок семын умылымашыж дене.

Орина ден Серге вате кокла йодыш гочат тиде проблеме почылтеш. Серге вате куштылгын илаш тунемын, тидланак ӱдыржымат тунықта. Орина, аважым ончен, каче-влакын шӱмыштым шке веке савыраш тунемеш, нуным кузе кӱлеш, туге кучылтеш. Тыгодым тудо вес еҥын чонышто мо кайымым ок уж, шкеж нерген веле шона. Еш нерген ойлаш гын, ешым йӧратымаш шижмаш почеш чоҥыман. Тыге гына тудо пиалан лиеш. Йӧратымаш – ешын пенгыде негызше.

Романыште йӧратымаш темыланат кугу вер ойыралтын. Йӧратымаш йодышым нӧлталме годым, эн ончычак Эвай Пӧтырын ешыжым ончыктыман. Эвай, мемнан шонымаште, ватыжым йӧратен огыл. Тудо ватыж дене торжан кутыра, мутшым огеш колышт. Ачаж семынак Пӧтырат йӧратен ок мошто, лач ӱдыр чоным гына шалата. Пӧтыр Веруклан моткоч келшен, тудо Пӧтырым кужу жап вучен гынат, Комиссар Ванькалан марлан каен. Пӧтырын Верук деке нимогай шижмаш лийын огыл. Эвай Пӧтыр йӧратымашым ала-могай кӱлдымашлан шотлен.

Романыште ме Верукын образше дене кумдан палыме лийына. Тиде геройын илыш пӱрымашыже курымашлык темым почмаште кӱлешан. Самырык ӱдыр йӧратымаш деч посна марлан кая. Комиссар Ванька тудым такшым шке семынже йӧрата, чамана. Тудын чапле пӧртыштыжӧ героиня удан огыл ила, неле пашамат ок пале, сайын кочкеш-йӱэш. Но тудым пиалан манаш ок лий. Эркын дене тиде герой кушкеш, илышым шке семын вискалаш тунемеш. Арам огыл вараже тудо марийжым коден кая, эрыкан ӱдырамаш лиеш, чон кӱштымӧ почеш кая. Тиде персонажын образше еш илыш радамым да чоншижмаш йодышым рашемдаш полша, тыгак тудо марий ӱдырамашын ваштальт толмыжым ончыкта.

Эвай Пӧтыр ик Верукын гына огыл чонжым йӱлатен. Рвезе Оринан шӱмжыланат лишыл лийын улмаш. Орина Пӧтырлан шке ӱдырлыкшым пӧлеклен, тудым пеш чот йӧратен. Но Пӧтырлан иктыжат келшен огыл. Орина гын Анан Пагуллан моткочак келшен, Анан Пагул тудым уло чон дене чот йӧратен. Тудо Орина верч преступленийышкат кая: кевытым тола, растратыш пура. Тидлан верчын Анан Пагулым комсомол радам гыч лукташ шонат. Пагул тыгай намысым чытен огеш керт, тудо шкенжым шке пытара. Орина шкенжым титаклаш тӱҥалеш, шкаланже верым ок му, аважымат вурса: «*Пагулым тудо ондален, тудын лывырге кумылжым Орина умылен огыл да чаманыде тодыштын, Пагулым пикталтмашке шуктен. Аважланат Орина ӧпкелаш тӧчен…*» [1, с. 200].

Чоншижмаш кумылым тыгак Катырган Сакар ден Окси коклаште ужына. Виян койыш-шоктышан Сакар шке йӧратыме ӱдыржым пыдал налаш манын, чылажымат ышташ ямде. Тудо Оксим уло чон дене йӧрата. Каласыман, тиде йӧратымаш иктыштланат пиалым ок кондо. Туге гынат, тудо айдеме илышыште чон кумыл озаланымым эше ик гана пенгыдемда.

Йӧратымаш темым иктешлен каласаш гын, ме тиде произведенийыште тудым шукыж годым пиалдымым ужына. Йӧратымаш кумыл, пиалым кондымо олмеш, шукыштлан ойгым гына конда, айдеме илышым пужа.

Идейым почмаште проблеме кышкар кугу рольым модеш. «Эренгер» романыште автор шындыме проблеме-влакым моткоч келгын почын ончыктен. Писатель шке произведенийыштыже 1920-шо ийласе ялысе илышым, Граждан сар жапым, посна геройын образшым келгын почын пуэн. М. Шкетан марий ялыш у сескемын шынгымыжым, ты пагытысе айдемын пӱрымашыжым иктешлен.

Литературт

1. Шкетан М.: роман, повесть, ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2001. 368 с.

УДК 821.511.151

Д.А. Васильева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.

В. ИВАНОВЫН «ТӸТАН» РОМАНЫШТЫЖЕ ЕЛЕНА ТАНЫГИНАН ОБРАЗШЕ

В статье рассматривается характер одной из героинь – Елены Таныгиной – в романе марийского писателя Вениамина Иванова «Тӱтан». Определяются такие черты, как доброта, трудолюбие, профессионализм, патриотизм, умение любить, героизм. Делается вывод о том, что героиня олицетворяет положительные качества марийской девушки и является одной из любимых автором.

Ключевые слова: *В. Иванов, роман, тема, образ, герой, характер.*

«Тӱтан» роман – Вениамин Ивановын сар жапым ончыктышо ик эн тӱҥ произведенийже. «Тӱтаныште» шуко онай герой-влак ончыкталтыныт, тӱрлӧ койыш-шоктышан персонаж-влакым сӱретлыме. Нуным тӱҥ шотышто ваштарешлен ончыктымо. Тиде чыла шотыштат пример семын сӱретлыме Эрик Мурашов, тӱран кӱзӧ гай Марина Вараксина, шуко нелылык гоч эртен лекше, яндар лӱмжым арален кодышо Сергей Кожлаев, эре шке нерген гына шонышо, чыла вере пайдам кычалше Альберт Орлов, эреак чын верч шогышо Светлана Айдарова да моткоч лӱддымӧ, шке пашажым кӱлынак шуктен шогышо Елена Таныгина. Нуно чыланат ик танашырак улыт, ик тунемме тӧнежым пытареныт, ик кундемын шочшыжо улыт. Автор кажне персонажлан келшыше чиям муын моштен, шкешотан койышаным сӱретлен, тыге онай образ-влак дене лудшым куандарен.

Нунын кокла гыч чумыраш, лапкатарак кап-кылан ӱдыр – тиде Елуш. Елена Таныгина шке ныжылге йӱкшӧ, весела койышыжо дене моло деч ойыртемалтын. Тыгак палемдыман: тудо илыш дене тӧр каен, газетым лудын шоген, молан манаш гын, мо тӱняште ышталтмым чыла пален. Арам огыл моло-влаклан англо-герман фронтышто немыч самолёт-влакын Английым

бомбитлыме нерген ойла, Англий авиацийын Германийыш, Францийыш налетым ыштымыштым каласкала.

Елена педучилищыште немыч йылмым тунемын, садлан кусарыше лийын кертме нерген шона. Тыгак педучилищыште ГСО кружокым вуйлатен, икымше медицине полышым пуэн моштен. Тудын «Ворошиловский стрелок» значокшо лийын, ӱдыр тура лӱен кертын. Тиде амалланак кӧра сарыш каяш кумылан лийын шоген. Сар пагытыште кажне ончыл шонымашан самырык еҥ эллан полшаш шонен. Елуат тыгаяк лийын.

Еленан эше ик оҥай мастарлыкше уло – тиде йыдалым пидын моштымыжо. Йочаж годым олымбалне тудын шке модыш пӧртшӧ лийын. Ӱдыр тушто тӱрлым ыштылын: мотор пеледышым поген конден да лопшудым шымакш семын сылнештарен, вара сӱан вате семын муро почеш мурым мурен, чӱчкен да молат [1, с. 245]. Елуш тӱрлӧ модышым пален: «Утышо» [1, с. 28] да «Телефон» [1, с. 156].

Елена чылт пӧръеҥ йоча гаяк чолга, лӱддымӧ. Теве ик погынымаште танк нерген мут лектешат, тудо вигак келгын шӱлалта. Молан пӧръеҥ омыл, манын шоналта. Ушыж дене «Чолпан» танкыш шинчын, кызытак фронтыш, тушман ваштареш кайымыже шуын.

Таныгина Елена Михайловна сай туныктышо лийын. Тудо Чолпан кыдалаш школышто пашам ыштен. Марий йылме ден литературым туныктен, шымше классыште класс вуйлатыше лийын. Шке пашажым кӱлынак ыштен, тура йылман лийын, нимом шылтен огыл, мо ок келше гын, вигак луктын каласен пуэн кертын. Мутлан, Колюшым налаш. Тудо тунеммыжым кудалтынеже, тыге уло школым шеҥгек шупшеш манын, Елена Михайловна Васлича аваж дене сайын кутырен налын. Тудо пален: тыгай шот дене Колюш лу классым ок пытаре. Таныгина Васличалан нимо деч аптыраныде тыге ойлен: «*Колюшетым йогыш колтенат, кокай, да шкак аралет. Эргычым йӧршеш локтыл пытарет*» [1, с. 99]. Еленан Колюшын начар отметкыже ваштареш кучедалаш пижмыже – тиде икте. Весе – кунам школын пакча-саскаже пытен, тудо «Чолпан» колхоз председатель дек паренге йодаш ошкылын. Тыгак «Талман» колхозат ӧрдыжтӧ кодын огыл. Тудат школлан пундыштӱҥ поҥгым пуэн.

Кумшо пример семын Васличан Елуш деке эргыжлан справкым йодаш толмыжым шотлыман. Аважын шонымыж почеш, Колюш моло йоча-влак семын колхозышто пашам ыштышаш огыл, а шыжымсе экзаменлан ямдылалтшаш. Тыштат Елуш шкенжым ушан туныктышо семын ончыкта. Тудо Васличалан тыгай справкым кучыктен пуэн огыл. Елена чын каласен: «*Моло-влак тунемме годым эргыда йогыланен. Кызыт тунемше-влак колхозлан полшат. Колюш адак йогыланынеже? Тыге ок лий. Тудо шыже экзаменланат ямдылалтшаш, колхозыштат пашам ыштышаш, арам йомдарыме жапшым пӧртылтышаш*» [1, с. 230].

Чыла тидым шотыш налын, каласыман, Таныгина Елена Михайловна – шке пашажым йӧратыше айдеме, чын туныктышо. Тудо кажне йӧсылык гыч лектын моштен. Елуш – поро, ушан айдеме, арам огыл калык тудым пагала, шотан туныктышо семын акла.

Еленам ял калыкын шотлымо айдемыж семын ужмыжым умылтарыше ик сӱретым ушештарыман. Кунам Елуш фронтыш каяш тарвана, ужаташ погынышо калык, ик йӱк лукде, вуйжым сакен шӱлыканеш, шукыштын шинчашт вӱдыжга. Тиде эпизод шуко мо нерген ойла. Тыште ме ӱдырым чаманыме кумыл нерген ойлен кертына.

Калык Таныгинан ойлымыжымат эреак шотыш налын. Мутлан, кунам Елуш чодырам ямдылыме шотышто ударный тылзым увертараш йодеш, «Чолпан» колхоз тидын дене келша. Тиде теве мо нерген ойла: калык Еленалан ӱшана, ушан-шотан айдемеш ужеш.

Елуш шонымашкыже шуэш: фронтыш кая, тушто телефонистке лиеш. Уло вийжым пуэн кредалеш. Но икана тудо туткарыш логалеш. Тыште Альберт Орловынат титакше кугу, рвезе арамак Елун лӱмжым волташ шона. Кунам Елена связь кӱрлмӧ верым кычалын кая, тудо осал немыч кидыш верештеш. Немыч салтак пызырен пышта да логарже гыч пикташ тӱҥалеш. Тиде йӧсӧ жапыште Елена шке семынже шонен: «*Уке! Пленыш логалме деч колаш сайрак!*» [1, с. 269]. Тидым шканже шке каласенат, гранат колчам шупшылын. Тыге коло ияш самырык ӱдыр шке элже верч колен.

Елушын йӧратыме айдемыжат лийын – тиде Эрик Мурашов. Эрикын фронтыш кайымыж деч варат Елена тудым монден огыл. Эре серышым возен шоген, тудым шонен коштын. Елуш Эрикым ласкан гына мурызем, йӧратымем манын серышыштыже возен. Сарыш ужатымыж годымат Елуш ялыште мут лектеш манын лӱдын огыл, танжым селаш шумеш ужатен. Фронтыштат тудо шкенжым ӱлыкӧ волтен огыл: Альбертлан шке капшым пуэн огыл. Чыла тидыже Елена ден Эрикын яндар, волгыдо чон кумылан улмышытм ончыкта, нунын коклосе шерге йӧратымашыштым умылтара.

Елена – марий йылмым сай палыше ӱдыр, тудын кумылжо поро, чонжо яндар, шӱмжӧ лирикылан келшыше. Тиде герой йылме могырымат почылтеш. Тидыже серышыштыже поснак сай коеш. Теве Эриклан тудо тыге воза: «*Марий мланде. Йолван ош куэр, кава пундашым чараклен шогышо пӱнчер, мамык лышташан пистер, арама серан энгер, колан ер, марий тӱр гай олык, шӱшпык йӱкан ял, шаршудан урем… Кумда элем – патыр тумо. Тудын ик лышташыже – Чолпан ял*» [1, с. 251].

Икманаш, Таныгина Елена Михайловна – поро кумылан, поян уш-акылан, пашаче, лӱддымӧ, йӧратыме да йӧратыше героине. Тудо Вениамин Ивановын ик эн йӧратыме геройжо, арам огыл тудын нерген прозаик тыге чаманен каласен: «*Тудын илышыже могай мотор, сылне, пиалан лийшаш улмаш! Шучко сар чыла пытарыш – шокшо шӱмым йӱкшыктарыш, ончыкылык рвезе илышым лугыч ыштыш. Кӧ, могай вий дене тудым угыч ылыжтен кертеш?! Вет ӱдыр илышаш ыле, тудо але кӱчык ӱмырыштыжӧ пешак шагал ужын. Мо верч Елуш шем рокышто кийышаш? Тыге лийшаш огыл! Тудо кынел шогалшаш, моло дене пырля эр ӱжарам ончалшаш, шӱшпык мурым колыштшаш, уло шӱмын йӧратышаш!*» [1, с. 276].

Автор тиде персонажыш марий калыкын эн сай койышыжым пыштен. Тиде поро кумыл, пошкудым пагалымаш, шочмо калык дене пырля лиймаш, тудын дене пырля куанымаш, ойго годым полыш кидым шуялтымаш,

ныжылгылык, чын верч шогымаш, чоным почын пуымаш, тура каласымаш, ваш келшен илымаш да молат.

Литературт

1. *Иванов В.* Тӱтан: роман. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1991. 368 с.

УДК 821.511.151

Н.В. Гусева
Марийский институт образования (г. Йошкар-Ола)

В. МАТВЕЕВЫН «МЫЙЫМ ИДА КОЧ…» ОЙЛЫМАШЫЖЫН ПОЭТИКЫЖЕ

Статья посвящена изучению поэтики рассказа молодого марийского поэта, журналиста, радиоведущего В. Матвеева «Мыйым ида коч…». Выявляются тематика и проблематика рассказа, особенности композиции, художественные средства изобразительности, а также в соответствии с авторской аксиологией – их ценностные ориентации.

Ключевые слова: *Володя Матвеев, марийский рассказ о Великой Отечественной войне, блокадный Ленинград, поэтика, психологизм, духовно-нравственные ценности.*

Володя Матвеевым марий калык мурызо, радиовӱдышӧ, журналист семын пала. Сылнымутыштат тудо шке вийжым тӱрлӧ жанрлаште терга: почеламутлам воза; 2011 ийыште тудын «Марпа» пьесыже «Кызытсе марий драматургий» конкурсышто сеҥен, шукерте огыл лекше «Мыйым ида коч…» ойлымашыжат «Кеҥеж сылнымутчо – 2020» семинарыште кугу ӱчашымашым луктын. Чынжымак, произведенийыште сар жапысе самырык ӱдыр-влакын лӱддымӧ, чолга улмышт куан ден кугешнымаш кумылла дене икверешчон корштымашым шочыкта, орлыкан илышышт кочо чаманымашан шинчавӱдым луктеш.

«Мыйым ида коч…» ойлымаш Кугу Ачамланде сар жапыште Ленинград блокадыште лийше самырык марий ӱдырын да йолташыже-влакын илышышт, шужен орланымышт нерген (темыже). Кугу тӱткылыкым автор нравственный проблематикым почын пуашлан ойыра (колышо айдемым капшым шужен шинчышылан кочкаш лиеш мо, тудын дене мом ыштыман, мутлан) да тыныслыкым лишемдымаште, Кугу Ачамланде сарым чактарымаште айдеме илышын акше, тудын нимучашдымын шерге улмыжо нерген шонкала.

Жанр шот дене ончалаш гын, тиде – документ негызеш возалтше ойлымаш (документальный рассказ). Тӱҥ героинян прототипше – Звенигово район Кугу Шигак ялын ӱдыржӧ Татьяна Новикова. Посна еҥын илыш пӱрымашыжын ик йыжыҥжым пеш келгын, аклен ончыктымаште публицистика стиль палдырна. Ик еҥын илышыж гоч Ленинградысе блокадыште илыше чумыр калыкын орланымыжым, шужен илымыжым автор чын илыш сӱрет гоч моштен почын пуэн. Возымаште шужымаш, айдеме колымаш сӱрет утларакат нелын ончыкталтын. Южо вере автор колышо айдемым пургед кочмымат ончыктен. Вет Ленинград олам немыч-влакын йырваш авырен налмекышт, олашке пураш-лекташ, кочкышым кондаш йӧн лийын огыл. Садлан «калыкым шужымаш тыгайышке шуктен» – шонымаш повествований мучко палдырна.

Тыге писатель, мыйын шонымаште самырык тукымымат элнан историйын кочо, неле йыжыҥже (сар пагыт, блокадный Ленинград), сеҥымашын акше дене веле огыл палдара, тыныс илыш верч тавадаҥ шогаш ӱжеш. Сандене повествований южгунам кугу эпический произведенийын ик изи ужашыже семын чучеш, а лудшыеҥ кузе да молан самырык марий ӱдыр да йолташышт Ленинградыш логалыныт?, тыныс илыш жапыште кузе иленыт, кушто тунемыныт? да ятыр моло йодыш-влаклан вашмутым кычалеш, нунын умбакысе пӱрымашышт нерген шонкала.

Палемден кодыман, тӱрлӧ композиционный йӧн-влакым моштен кучылтмаш ойлымашын идейжым, герой-влакын кӧргӧ шонымашыштым, произведенийын проблематикыжым почын пуаш полша. Мутлан, ретроспекций полшымо дене тӱҥ герой, Таня Новикован, йоча годсо пагытше, Ониса коваже нерген пален налына. Ожнысат тудын илышыже «шӱртӧ мучаште» лийын: «*Шоҥго Ониса йӱд мучко черле уныкаж пелен шинчен, ӱмбакыже вӱдым пӱрген юмылтен. А эрвелеш Кугу Тумо аркашке лектын ошкылын…*» [1, с. 107]. Онисан Кугу Тумо аркашке кайымыже, предложений мучаште шукыточкым шындымаш лудшыеҥым адакат шонаш таратен кода. Вет марий калык ожнысек пӱртӱсын ю вийжылан энгерта, санденак кӱсотыш юмылташ коштеш, илыш перкем, вийым, тазалыкым йодеш. Тидыже героинян умбакысе пиалан илышыжланат ӱшаным пуа, тошто марий илыш-йӱла дене палдара.

Кован моткоч мунло улмыжым оҥайын ончыктымо: тудо уныкажын «Павай, тамакшым молан шупшат?» йодмыжлан чоян «Вара шинчавӱдем ок його…» манын вашешта. Ониса кова чон йӧсыжым, чон ойгыжым тамак шикш дене луштарен, але мурым муралтен:

– Хындагари-хындагари,
Шым шорыклан – ик тага.
Нуно каят кӱшкыла,
Кандашынат почела… [1, с. 105].

Произведенийысе вес сылнымутан деталь – серыш – Танян аважын коргӧ чоншижмашыже, сар жапысе марий ял илыш пӧрдем нерген пален налаш полша: *«Ялыште илыш пеш йӧсӧ. Чияш уке, кочкаш уке. Икте колен манме увер толеш, весе йомын, кумшо сусырген…»* [1, с. 108].

Психологизм ойлымашыште стилевой доминант семын палдырна. Геройын кӧргӧ чон тургыжланымашыжым почын ончыкташ, мутлан, психологизмын ик приемжым – кӧргӧ монологым – кучылтмо: «*Вера колыш, витне… Вера колыш… Вера колыш… Аважлан ынде кузе возен колтем?..*» [1, с. 103]*; «Тунам, черланымекем, молан колен омыл гын? Молан павайже мыйым паремдыш гын? Тыгайым ужмешке, лучо тунамак тӱнчыгаш ыле…*» [1, с. 108]. Ойлымаш мучко ятыр психологически виян описаний (сӱрет)-влак палдырнат: «*Таня гын пытартыш жапыште пеш шагал мутлана. Кумылжат уке, вийжат шагал, ӱшанжат шулен… Ӱмбакет онча, но пуйто нимомат ок уж, ок кол. Кызыт гына толшо Колыгиналан тудо кӱэмалтше, чондымо айдеме моклака гай чучын. Коло ияш самырык ӱдыр тыгай лийын кертеш манын отат ӱшане. Тыгай ийготышто вет чон йӧратымаш дене, яндар да волгыдо кумыл*

дене, ӱшан дене темше лийшаш. А Таня ӱмбак ончалат да… Теве вуйвичкыж тураште ӱпшат чалемын…» [1, с. 104] але весе, чоным корштарен ишыше: «*Шӱргыначкаже чытырналте, шкежат тайныме гай лие, но шинчаончалтышыже тугаяк йӱштӧ кодо. Лена гын пылышыжым кок кидше дене петырен, мланде ӱмбаке йӧрльӧ. Шортеш, кычкыра, чыра гай чара кидше дене мландым кырен варгыжеш*» [1, с. 106].

Лач тышеч аксиологический аспектын ик йыжынже семын материальный да духовный (нравственный) ценность-влак ончыко лектыт, тиде – илышым йӧратымаш, тудын нимучашдымын шерге улмыжо, колымашым ужмышудымаш да изи кинде катышын акше (илыш, илыш вий) («*Малаш вочмо деч ончыч чылалан ик катык блокаде киндым пуышт. Кастен икана пурлалаш да эрла эрлан кодаш. Таня пелыжым пурлале, вес пелыжым кӱпчык йымак чыкыш, шинчажым кумыш* [1, с. 106]. <…> *…кӱпчык йымачше кодшо кинде катыкым лукто да шытыртатен кочкын колтыш. А Лена мланде гай шем кинде катышлан эше тунем шуын огыл: шужен гынат, вигак кочкын колтен ок керт. Пурлеш, умшаштыже пӧрдыктыл ньымыртылеш. Вара, шӱвылвӱдшӧ дене нӧртен, шинчажым кумен, нелын колта…*» [1, с. 108]).

Марийын менталитетше, акрет йӱлам аклен да шуктен толмаш рекрутым ужатымаште палдырна. Ониса кова Таням фронтыш ужатымыж годым шке сӱанлык ший аршашыж гыч тошто николаевский оксам рончен, уныкажлан шуялтен: шкем «перегаш, тичмаш кап-кыл дене шочмо сурт гыч лектын каен, тичмаш кап-кыл денак пӧртыл толаш» тыланен. А Чачук, шочмо суртыш пӧртыл толаш манын, ший оксам авагашташ шуралтен коден. Марий калык сарыш але салтакыш кайыше еҥ пӧртысӧ авагашташке оксам керын кода гын, илыше пӧртыл толеш манын ӱшанен. Танят, шужымашым, лӱйкалымашым, ятыр колымашым ужшо да чытыше самырык ӱдыр, шочмо мландышкыже илышак пӧртылеш, кеч икымше гана бомбежкыш логалмеке, тудым, ушым йомдарышым, йолташыже-влак, колышылан шотлен, корно ӧрдыжкӧ налын пыштеныт. Но ӱдыр помыжалтын, да уэш стройыш шогалын. Варажым тыгай лӱйкалымашыш тудо ик гана веле огыл логалын. А йолташ ӱдыржӧ-влакын (Вера, Лиза Васильева, Нина Смоленцева, Елена Колыгина) колымекышт, Таня марий йӱлан ю вийжылан шкежат инанаш тӱҥалын.

Мутобраз (троп)-влак шуко огытыл гынат, шке верыштыже улыт, кӱлешан сомылым шуктат. Мутлан, (танастарымаш) кӱртньӧ зонтыш логалше пуля, осколок, снаряд йӱкым автор музык йӱк дене танастара, ты йӱк-влак геройлан шочмо Провой вел куштымо семым шарныктат: *мланде гай шем кинде катыш, чыра гай кидше*; чондымо предметым чонан семын ончыктымаш: *вурс йӱр йӱреш, ӱмылка куржеш*; кугемдыш (гипербол): «*Йӱр-лавыраште, лум-пуракыште, тул-шикш лоҥгаште чӱчалтше шинчавӱдшӧ (Танян) Сандалыкысе вӱдыжгыш савырнен да Кугу сарым йӧрташ полшен*» [1, с.103].

Палемден кодыман: сюжет негызыш онган композиций (кольцевая композиция) прием возын. Произведений лӱйкалымаш сӱрет дене тӱҥалеш да тыгак мучашлалтеш: *«…Адак обстрел». <…> «Адак лӱйкалымаш. Куржман»*.

Произведений мучаште Танян йолташ ӱдыржӧ эрлашыжым огеш помыжалт, кеч малаш вочмо деч ончыч пуымо ик катык киндыжым, Таня семын эрлан кодыде, йӱдымак кочкеш («Моткоч чот шуженам» умылтара).

Пытартышлан, пуйто колышашыжым шижын, «Таня, колем гын, мыйым ида коч, йӧра?» манын йодеш. Тиде кочо йодмаш ойлымашын вуймутышкыжо лектын. Шке жапыштыже, ойлымашлан рецензийым возымо годым, мый авторлан тудым «Пытартыш кинде катыш» але «Колымаш деч ончыч» манаш темленам.

Иктешлен каласаш гын, очерк сынан изи ойлымашыш пеш келге шонымаш шыҥдаралтын: сар нигӧн илышыжым чаманен огыл, сеҥымашын кочо акшым тачысе тукымат мондышаш огыл. А лудшыеҥ-влак умбакыжат автор деч сылне, виян сюжетан произведений-влакым вучаш тӱҥалына.

Литератур

1. *Матвеев В.* Мыйым ида коч… // Самырык ме улына: «Кеҥеж сылнымутчо» семинарысе автор-влакын почеламутышт, ойлымашышт, очерк. Йошкар-Ола: Марий Эл Республикысе тӱвыра да келшымаш кыл шотышто регионысо «ВийАр» мэр ушем, 2021. С. 102–108.

УДК 821.511.131.09

Т.И. Зайцева
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)
Т.С. Степанова
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (г. Ижевск)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УДМУРТСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ Г.Е. ВЕРЕЩАГИНА: К ПРОБЛЕМЕ РЕЦЕПЦИИ

Рассматриваются основные тенденции восприятия литературного творчества известного просветителя, первого удмуртского ученого и писателя Г.Е. Верещагина (1851–1930) его современниками и исследователями-филологами во второй половине XX – начале XXI века. Особое внимание обращено на неоднозначную рецепцию его художественных произведений.

***Ключевые слова**: рецепция, восприятие, удмуртский просветитель Г.Е. Верещагин, творческое наследие, текст.*

Несмотря на относительно недавнее включение Г.Е. Верещагина в научно-критический оборот, степень изученности его творчества достаточно солидна. В статье сделана попытка систематизации имеющегося научно-критического материала; описаны динамика и актуальные проблемы интерпретации его литературного наследия.

Художественный дар Г.Е. Верещагина был отмечен еще венгерским профессором Бернатом Мункачи. Ученый так писал про Г.Е. Верещагина, обладателя серебряной медали Петербургского этнографического общества: «…художник и поэт. За его стихи предлагали 2000 рублей, и он их не продал» [16, с. 48].

Высокую оценку литературной деятельности Г.Е. Верещагина дал классик удмуртской советской литературы Кедра Митрей. В 1929 г. он писал, что основы национальной художественной литературы заложил именно Г.Е. Верещагин:

«Стихотворение "Чагыр, чагыр дыдыке…", опубликованное в 1889 году, является первым оригинальным печатным художественным произведением на удмуртском языке и принадлежит перу Г.Е. Верещагина» [14] (удмуртский текст приводится в дословном переводе авторов статьи – *Т.З., Т.С.*). Потом история удмуртской литературы дооктябрьского периода долгие годы замалчивалась. Ни в учебниках А.С. Бутолина [1] и М.В. Горбушина [12], ни в «Очерках истории удмуртской советской литературы» [17] литературное творчество Г.Е. Верещагина не представлено.

В эпоху «хрущевской оттепели» в архивах Удмуртского НИИ при СМ УАССР были обнаружены рукописи Г.Е. Верещагина, которые находились в хаотичном состоянии и не были нигде зарегистрированы [4, с. 3]. Сотрудники института – П.К. Поздеев, А.Н. Уваров, В.М. Ванюшев, позже Л.Д. Айтуганова – взялись за изучение и публикацию рукописных текстов Г.Е. Верещагина. Началась работа над систематизацией материала, его датировкой и изучением верещагинского наследия в целом. В 1966 г. П. Поздеев в газете «Комсомолец Удмуртии» впервые представил информацию о найденных рукописях Г.Е. Верещагина и опубликовал небольшой отрывок (36 поэтических строк) из русскоязычной поэмы «Скоробогат-Кащей» под названием «Люблю я север…» [19]. Также исследователь включил стихотворение Г.Е. Верещагина «Шакырес луэ сюрес…»…» («Шершавой становится дорога…») в учебник «Удмурт литература» [26]. Здесь Г.Е. Верещагин представлен как писатель, в том числе как автор первого оригинального стихотворения на удмуртском языке.

Постепенно имя Г.Е. Верещагина включается в научно-критический оборот – появляются статьи, ему посвящаются доклады на конференциях [18; 24]. Безусловно, разрозненные публикации еще не могли создать целостного образа Верещагина как писателя, ученого, просветителя, духовного деятеля. В 1967 г. в журнале «Молот» была напечатана поэма-сказка «Батыр дӥсь» («Богатырская одежда») с предпосланием П. Поздеева о том, что произведение печатается впервые по обнаруженной рукописи и без значительных изменений [20]. Другая верещагинская поэма-сказка «Зарни чорыг» («Золотая рыбка») напечатана в 1973 г. в сборнике «Об удмуртском фольклоре и литературе» [21]. Автором подготовки текста к публикации и вступительной статьи к ней вновь является П. Поздеев. Ученым дана ценнейшая информация о том, что в полном виде сохранилось около 30 оригинальных произведений Г.Е. Верещагина, среди которых на удмуртском языке – 15 поэтических, 7 драматических и несколько прозаических произведений, на русском языке – две большие поэмы «Скоробогат-Кащей» и «Загубленная жизнь». Примечательно, что «Зарни чорыг» опубликована, в отличие от поэмы-сказки «Батыр дӥсь», с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Шаг за шагом научные коллективы предлагали читателям все новые и новые сведения и тексты произведений Г.Е. Верещагина. Интересно, что в статье «Русская песня в дореволюционной удмуртской деревне» [22] говорится и о неопубликованных пьесах писателя: «Калтыртӥсь» («Ловелас»), «Капчи шедьтэм уксё» («Легко доставшиеся деньги»), «Удморт юон» («Удмуртское пиршество»), «Мӧйы дыръя кузъяськем» («Женитьба в немолодые годы»). Поэма «Скоробогат-Кащей» в полном объеме была опубликована в 1983 г. в

сборнике «Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора». Публикацию «сопровождает» статья А. Уварова, в которой сообщается, что произведение было набрано еще в 1966 г. по черновым записям автора. Текстологическая работа велась П. Поздеевым, но «из-за неразборчивости чернового варианта <…> осталось немало “темных мест”, которые требовали продолжения работы над текстом» [25, с. 98]. Лишь в конце 1982 г. ученым советом института было принято решение о подготовке рукописи Г.Е. Верещагина к публикации. Любопытно то, что к этому времени нашелся чистовой вариант рукописи, хранящийся в личном архиве внучки писателя – Натальи Ивановны Верещагиной. Расшифровка поэмы с рукописи Г.Е. Верещагина осуществлялась Л. Айтугановой [5, с. 12]. Опираясь на систему письма, содержание произведения, биографические факты, авторские сведения, дневниковые записи Б. Мункачи, А. Уваров предположил две версии даты написания поэмы: до 1895 г. и после 1900 г.

Явлением в литературной жизни республики стал выход поэтического сборника Г.Е. Верещагина «Чагыр, чагыр дыдыке…» («Сизый, сизый голубок…», 1984) [7]. Это первое отдельное издание художественных текстов великого просветителя. В книге глубоко и интересно представлены жизнь и творчество Г.Е. Верещагина ее составителем П. Поздеевым. Послесловие о просветительской деятельности Г.Е. Верещагина написано И.П. Тукаевым.

В контексте статьи следует назвать работы, в которых дискутируется проблема авторства известной удмуртской колыбельной песни «Чагыр, чагыр дыдыке…» («Сизый, сизый голубок…») [9; 15; 23; 27 и др.]. Вопрос, связанный с оригинальностью текста этого произведения, нуждается в отдельном изучении.

Начать выпуск верещагинских текстов, разбросанных по различным изданиям и остававшихся в рукописных материалах, одним из первых предложил В. Ванюшев [2, с. 58; 66]. Собрание сочинений Г.Е. Верещагина стало осуществляться с 1995 г. в серии «Памятники культуры» с необходимыми предисловиями и комментариями. Вехой в осмыслении творческого наследия Г.Е. Верещагина и его жизненного пути явилась монография В. Ванюшева [3]. Литературоведом впервые проведен анализ рукописей художественных произведений Г.Е. Верещагина, его фольклорных материалов, этнографических трудов, черновиков, писем и др. документов. В приложении к монографии опубликованы два рассказа Г.Е. Верещагина «Таинственный нищий» и «Язык животных и растений», пьеса «Мӧйы дыръя кузъяськем» в сокращенном виде.

Поэма «Загубленная жизнь», которая выверена и обработана по единственно сохранившейся черновой рукописи, опубликована В. Ванюшевым в литературно-художественном в журнале «Луч» в 2001 г. [4] Впоследствии поэмы «Загубленная жизнь» и «Скоробогат Кащей» были включены им в учебное пособие «Поэтическая дилогия Г.Е. Верещагина» [5], рассматривались как единое произведение – как дилогия, объединенная «общим образом повествователя и лирического героя, сквозной художественной системой, в которой значительную роль играют библейские мотивы и образы» [5, с. 32].

Особенного внимания заслуживает пятый том «Собрания сочинений Г.Е. Верещагина», опубликованный в 2004 г. [8]. Сюда включены литературно-художественные произведения, созданные на русском и удмуртском языках. При

подготовке тома к изданию перед редколлегией наиболее остро стоял вопрос, связанный с систематизацией верещагинских текстов и выбором лингвистических правил. Произведения Г.Е. Верещагина написаны по правилам орфографии, пунктуации и т.д., характерным для конца XIX – начала XX в. В качестве источника основного текста в большинстве случаев был выбран беловик, при его отсутствии – наиболее завершенный вариант текста. Поскольку большинство произведений не было опубликовано при жизни автора, а рукописи не были подготовлены к печати самим автором, в них отсутствует унификация в оформлении. Приводить их в единообразие редколлегия сочла некорректным. В рамках возможного были сохранены «не только стиль, но и правописание автора, особенно в репликах и текстах повествования персонажей» [6, с. 9]. Поэмы «Батыр дйсь», «Зарни чорыг», «Скоробогат-Кащей», «Загубленная жизнь», стихотворения, взятые из книги «Руководство к изучению вотского языка» (1924), опубликованы в этом томе в современном правописании.

Принципы подготовки текстов, положенные в основу издания «Литературных сочинений» Г.Е. Верещагина (Т. 5), подвергнуты серьезной критике профессором-языковедом В.К. Кельмаковым. Сравнив предшествующие два тома – фольклорный (2001) и лингвистический (2002), – ученый пишет об отсутствии единой системы текстологической обработки материала [13, с. 235]; указывает на «нечеткость (скорее, полное отсутствие) критериев, которыми руководствовалась “редколлегия” при подборе материала для издания в данном томе» [13, с. 234]. Мнение профессора – редколлегия не имела права «исправлять, подправлять, подновлять, изменять» [13, с. 236] тексты Г.Е. Верещагина как автора эпохи конца XIX – начала XX в. с позиции норм современного удмуртского литературного языка. Такой подход к материалу, считает лингвист, полностью вырывает тексты Г.Е. Верещагина «из сферы филологических исследований (по диалектологии, истории литературного языка, стилистике и т.д.) в качестве источника» [13, с. 253]. С его точки зрения, произведения Г.Е. Верещагина должны быть опубликованы в неизменном виде, т.е. в оригинале. Для обоснования своей позиции ученым приведены конкретные примеры. Например: «Из двух вариантов деепричастной формы на *-кы ~ -ку* Г.Е. Верещагин употреблял, как правило, южноудмуртскую форму на *–кы»* [13, с. 240]. В. Кельмаков пишет, что ему не удалось найти ни одной формы на «*-ку*» ни в грамматике «Руководство…», ни в поэме «Батыр дйсь», ни в поэме «Зарни чорыг» [см.: 13]. Диалектные особенности авторского словоупотребления следовало оставить без изменения, считает ученый.

Проблема издания литературных сочинений Г.Е. Верещагина в качестве исторического и лингвистического источника остается открытой. Действительно, текстологически грамотное издание произведений Г.Е. Верещагина сделало бы их препарированным источником для научных исследований; такие издания активно используются в научно-исследовательской сфере и в какой-то мере даже заменяют собой труднодоступные первоисточники, т.е. рукописи. Речь идет об академическом издании, характеризующемся точностью текста, полным сводом редакций и вариантов, научным комментарием и научно-справочным аппаратом. Таким образом, подготовка оригинальных текстов Г.Е. Верещагина к изданию остается

актуальной проблемой. В заключение статьи необходимо выразить благодарность исследователям, прежде всего, П. Поздееву и В. Ванюшеву, благодаря кропотливому труду которых сегодня осмыслена роль большого просветителя-мыслителя в истории удмуртской литературы и культуры в целом. Заявленная тема является перспективной для дальнейшего исследования и издания трудов Г.Е. Верещагина. О продуктивных результатах на этом пути свидетельствуют книги [10; 11].

Литература

1. *Бутолин А.С.* Удмурт литература: средней школалы учебник: 6 но 7 классъёслы. Ижевск: Удгиз, 1935. 167 с.
2. *Ванюшев В.М.* О творческом наследии Г.Е. Верещагина // Об истоках удмуртской литературы: сб. ст. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 52–86.
3. *Ванюшев В.М.* Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья: монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 296 с.
4. *Ванюшев В.М.* Из кладовых творческого наследия. Поэтическая дилогия Г.Е. Верещагина // Луч. 2001. № 9–10. С. 2–18; 19–74.
5. *Ванюшев В.М.* Поэтическая дилогия Г.Е. Верещагина: учеб. пособие. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. 194 с.
6. *Ванюшев В.М.* Предисловие. Об особенностях творческого наследия Г.Е. Верещагина и о данном томе Собрания его сочинений» // Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. *В.М. Ванюшева.* Т. 5: Литературные сочинения. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 5–9.
7. *Верещагин Г.Е.* Чагыр, чагыр дыдыке…: кылбуръёс, поэмаос, статьяос. Ижевск: Удмуртия, 1984. 92 с.
8. *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: в 6 т. / Под ред. *В.М. Ванюшева*. Т. 5: Литературные сочинения. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 416 с.
9. *Владыкина Т.Г.* «Чагыр, чагыр дыдыке...»: опыт фольклористического прочтения // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: сб. ст. / сост. и отв. ред. *В.М. Ванюшев*. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 135–141.
10. Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей / сост. *В.М. Ванюшев, Т.С. Зыкина*. Ижевск: УИИЯЛ, 2004. 328 с.
11. Г.Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: сб. статей / сост. и отв. *В.М. Ванюшев*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 336 с.
12. *Горбушин М.В.* Удмурт литература: средней школаослы но педучилищеослы пособие. Ижевск: Удгиз, 1945. 184 с.
13. *Кельмаков В.К.* О томе с «искалеченными» литературными сочинениями Г.Е. Верещагина, или ностальгия по настоящей текстологии в удмуртской филологии // Кельмаков В.К. Очерки истории удмуртского литературного языка: учеб. пособие. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. С. 242–255.
14. *Корепанов Д.И.* Кылбур-верос гожъян сюресмы // Выль гурт. 1929. 4 мая.
15. *Красильников А.Г.* Малые жанры в удмуртской литературе первых десятилетий XX в. и фольклор // Малые жанры прозы в литературах народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1989. С. 161–165.
16. Мункачилэн кузьымез = Подарок Мункачи: песни и сказания / пер. с венг., сост. и авт. предисл. *А.Н. Уваров*. Ижевск: Удмуртия, 1983. С. 48.
17. Очерки истории удмуртской советской литературы. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. С. 184.
18. *Поздеев П.К.* Фольклорные источники произведений Г.Е. Верещагина // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 154–155.
19. *Поздеев П.К.* Неизвестная поэма // Комсомолец Удмуртии. 1966. 19 марта.
20. *Поздеев П.К.* Дышетћсь, этнограф, кылбурчи // Молот. 1967. № 12. С. 41–43.

21. *Поздеев П.К.* Из творческого наследия Г.Е. Верещагина // Об удмуртском фольклоре и литературе: сб. ст. Ижевск: УдНИИ при СМ УАССР, 1973. С. 114–116.
22. *Поздеев П.К.* Русская песня в дореволюционной удмуртской деревне // Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора: сб. ст. Ижевск: НИИ при СМ УР, 1978. С. 109–112.
23. *Сахарных Д.М.* Об авторстве «первого удмуртского стихотворения // Живая старина: журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. № 2 (66). М., 2010. С. 52–55.
24. *Тамаркина Э.А.* О русском фольклоре Удмуртии (По записям Г.Е. Верещагина в Сарапульском уезде Вятской губернии) // Вопросы русской и удмуртской литературы. История и методика преподавания. Ижевск: Удмуртия, 1967. С. 142–155.
25. *Уваров А.Н.* К публикации поэмы Г.Е. Верещагина «Скоробогат-Кащей» // Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора: сб. ст. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1983. С. 97–99.
26. Удмурт литература. Ижевск: Удмуртская книга, 1966. С. 12–13.
27. *Шкляев А.Г.* В начале начал. Где истоки удмуртской литературы? // Времена литературы – времена жизни: статьи об удмуртской литературе. Ижевск: Удмуртия, 1992. С. 9–22.

УДК 821.511.151

И.П. Карпов
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЛИТЕРАТУРА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ В АСПЕКТЕ СМЕНЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

В статье рассматриваются проблемы периодизации русской и марийской литератур Республики Марий Эл. Автор приходит к выводу, что исследование литературной процессологии должно учитывать движение литературных поколений.

Ключевые слова: *русская литература Республики Марий Эл, марийская национальная литература, литературное поколение, литературная процессология.*

Классифицировать литературный процесс можно по разным основаниям [см. дискуссионные материалы: 5; 11]: по времени (века, разделённые на трети), по политическим событиям (дореволюционный период, революционный…), по политическим лидерам эпох (периоды Ленина, Сталина, Хрущёва…), – но необходимо учитывать и факт литературных поколений. Литературное поколение: 1) выступает основной единицей литературного процесса, 2) аккумулирует в себе особенности того или иного этапа в развитии республики (шире – страны), 3) а также является определённой идейно-стилистической общностью, при всём разнообразии творческих индивидуальностей [первые подходы автора к проблеме – см.: 1].

Главный показатель литературного поколения – возраст его участников, не превышающий максимального возрастного разрыва между младшими и старшими братьями (обычно – десять-пятнадцать лет). Любой человек формируется как личность в первые десять лет своей жизни. На него влияют семья, социальная среда и природа (кормящий и вмещающий ландшафт). Писатель всё это объективирует в своих произведениях. Возрастное единство – основной критерий многих людских объединений.

Обычно в едином литературном пространстве и времени существуют три поколения: среднее – господствующее, от старшего остаются наиболее верные литературе, младшее – входит в литературу и через 10–20 лет вытесняет предыдущее.

Конечно, относя писателя к тому или иному поколению, нужно учитывать и временные сдвиги в развитии страны (революции, войны, когда разница буквально в 3–5 лет относит людей к разным поколениям), и время вступления писателя в литературу, и ощущение писателем своего идейно-политического единства с другими писателями.

Первым поколением писателей земли марийской – и русских, и мари, но при очень большом различии их судеб и творчества – можно считать тех, кто родился в 1880–1990-е годы.

Марийские писатели этого поколения начали свой творческий путь ещё до революции, они были неразрывно связаны с судьбой своего народа, со своей малой деревенской родиной.

Первые и самые талантливые из этого поколения со временем были причислены в истории марийской литературы к основателям, классикам: Сергей Чавайн (С.Г. Григорьев) (1888–1937), М. Шкетан (Я.П. Майоров) (1898–1937), Н.В. Игнатьев (1895–1941) и другие. Думаю, мы не ошибёмся, если назовём это поколением – поколением *Сергея Григорьевича Чавайна*.

Первыми русскими поэтами мы по праву можем признать уроженца села Савино, что недалеко от г. Царёвококшайска, участника Белого движения, эмигранта *А.Е. Котомкина-Савинского* (1885–1964) и уроженца посёлка Юрино, пролетарского поэта *Семёна Окова* (С.П. Овсянникова) (1888–1939).

В основном после революции вошли в литературу русские писатели-самоучки: автор двух книжек стихов Н.И. Бирюков (1886–1956), автор небольшого сборника стихов «Всплески» (1922) А.А. Болодурин (Волжанин) (1894–1928) и другие.

Понятие «поколение» по отношению к этим писателям употребляется, конечно, в условном смысле – как обозначение нескольких авторов.

Следующее – ***второе поколение*** – писателей – те, кто родился в самом начале XX-го века, чьё творчество пришлось на первые послереволюционные десятилетия. В марийской литературе это было уже именно писательское поколение, которое вместе с предыдущим и литературной молодёжью создало полноценную разножанровую национальную литературу.

Яныш Ялкайн (Я.Я. Ялкаев) (1906–1938), Йыван Кырля (К.И. Иванов) (1909–1943), Никандр Лекайн (Н.С. Еремеев) (1907–1960), Олык Ипай (И.С. Степанов) (1912–1937), Александр Ток (А.И. Крылов) (1907–1970), С.Н. Николаев (1908–1993), Шадт Булат (Ш.М. Булатов) (1909–1943), Георгий Ефруш (Г.З. Ефремов) (1916–1941), Н.Ф. Ильяков (1913–1967) и другие.

В русской литературы мы по-прежнему имеем дело только с отдельными именами, русская литература как литературный процесс оформится только в послевоенное время. Главным русским поэтом этого поколения обычно называют *Н.А. Заболоцкого* (1903–1958), уроженца г. Казани, семь детских и подростковых лет которого прошли в с. Сернуре, на полпути из Казани в Вятку.

Но всё-таки это столичный поэт, в литературной жизни Марийской республики он никакого участия не принимал.

Многие известные советские писатели родились на марийской земле: Н.И. Попов (1910–1984), Л.В. Решетников (1920–1990), И.С. Чемеков (1916–1998), Л.Н. Смоленцев (1926–2004).

Определённый след в литературной жизни марийского края 1920–1930-х годов оставил поэт *А.С. Жадаев* (1903–1938), член Марийской ассоциации писателей (1926), автор первой книги стихов «Между городом и деревней» (1925), выпущенной только что организованным Марийским книжным издательством.

В 1920–1930-е годы публиковались в местной прессе Дм. Лесь (Сергеев) (стихи, проза), Ив. Немченко (рассказы, очерки), А. Овчинников (стихи), И. Устинов (пьеса «Иван Шуст»), ещё несколько авторов, преимущественно журналистов.

Многие из марийских и русских писателей первых двух поколений были репрессированы во второй половине 1930-х годов, погибли на фронтах с германским фашизмом.

Великая Отечественная война – главное событие в жизни писателей ***третьего*** поколения (1920-х годов рождения, плюс-минус несколько лет, в зависимости от времени вступления в литературу).

В марийской литературе: А. Мичурин-Азмекей (А.С. Ятманов) (1912–1985), Йыван Осмин (И.И. Логинов) (1915–1997), Анатолий Бик (А.И. Бикмурзин) (1915–1980), Макс Майн (М.С. Степанов) (1914–1988), Василий Чалай (В.Ф. Чегаев) (1917–1979), В.Я. Рожкин (1914–1983), Миклай Казаков (Н.И. Казаков) (1918–1989), Василий Юксерн (В.С. Столяров) (1918–1998), С.А. Вишневский (1920–1990), Арсий Волков (А.А. Волков) (1923–1994), Геннадий Матюковский (Г.И. Матюков) (1926–1994), В.И. Бояринова (1924–1996), Ким Васин (К.К. Васин) (1924–2004), В.И. Иванов (1923–1971), З.Ф. Каткова (1922–2004) и другие. Многие из них стали лауреатами Государственных премий, *Николай Иванович Казаков*, один ведущих марийских писателей – лауреат Сталинской премии третьей степени (1950) за книгу стихов «Поэзия – любимая подруга».

Первый из русских писателей этого поколения – по значимости творческого наследия – *Аркадий Степанович Крупняков* (1919–1994), автор известной исторической трилогии «Гусляры», посвящённой периоду завоевания Казанского ханства и вхождению марийского края в состав России. Поэтому и поколение это можно назвать *поколением Аркадия Крупнякова*.

В одно время с ним активно работали А.Ф. Краснопёров (1921–2006) (две книги романа «Страда» и др.), а также С.И. Захаров (1919–1986) (книги рассказов, очерков, повестей), С.Я. Беленков (1929–1997), Ю.Н. Русов (1929–1994), О.В. Чубарев (1923–2005), поэты Н.З. Анциферов (1911–1980) (баснописец), А.А. Дождиков (1914–1998), Ю.Д. Петров (1920–2005), А.И. Мосунов (1925–1988).

На российский уровень из русских писателей этого поколения вышли только Аркадий Крупняков (трилогия «Гусляры», роман «Раскол») и авторы книги для детей «Приключения Петрушки» М.А. Фадеева (1927) и А.И. Смирнов (1922–1971).

Русская литература в Марий Эл как литературный процесс начинается именно в пределах этого, довольно уже многочисленного, и последующего поколений. Развитие литературы как литературного процесса подразумевает наличие печатных органов, для профессиональных писателей – гонораров. В 1940–1950-е годы выходят альманахи на русском языке («Счастливая жизнь», «За Родину», «Молодость», «Родная земля», «Дружба»). В 1960-е годы – пять коллективных сборников поэзии. Начинается «мода» на поэзию, спор «физиков» и «лириков». С 1975 года издаётся литературно-художественный сборник «Дружба».

Четвёртое поколение писателей – родившиеся во второй половине 1930-х и в 1940-е годы. Марийский поэт В.Х. Колумб (1935–1974) об этом поколении сказал: *«В суровое время средь огненных лет / Росли мы под сенью великих побед»* [2, с. 12].

Поколение *Валентина Христофоровича Колумба*: С.В. Николаев (1936–2014), Миклай Рыбаков (Н.Ф. Рыбаков) (1932–2004), Александр Юзыкайн (А.М. Михайлов) (1929–1996), Ю.М. Артамонов (1938–2002), Иван Горный (И.И. Тарьянов) (1933–2014), Ю.И. Галютин-Ялзак (1940–2021) и многие другие.

В русской литературе – прозаики В.В. Ведерников (1940–1993), Е.С. Стариков (1936–2007), Е.И. Романов (1942–2013), Л.И. Ятманов (1936–2018), Г.Л. Егошин (1927–2000), В.И. Охотин (1932–2010), Е.М. Журавлёв (1946–2002).

Поэты – Н.И. Карташёв (1928–1983), А.В. Васинов (1938–1982), А.Ф. Сычёв (1946–1977), Н.И. Жибрик (1933–2012), И.И. Смоленцев (1935–1993), В.Н. Карташов (1930–2008), М.Г. Смоленцев (1934–2005), В.М. Панов (1935), А.Ф. Смоликов (1937), Г.Г. Калинкин (1934–2020), В.Г. Попов (1936–2015), Ю.В. Цветкова,

Александр Фёдорович Сычёв – самый молодой из этого поколения и самый талантливый, поэтому мы вправе назвать это поколение его именем.

Пятое поколение – писатели 1950–1960-х годов рождения.

Марийские литераторы – прозаики: В.Н. Бердинский (1950), Юрий Байгуза (Ю.В. Байгузин, 1959–2004), Г.Ф. Гордеев (1960), В.В. Крылов (1953–2010), М.И. Кудряшов (1959–2013), Ю.И. Соловьёв (1962), А.А. Петров (1967), Э.А. Петров (1960), В.А. Петухов (1954–2016), В.Ф. Сапаев (1963–2009).

Марийские поэты – Альбертина Иванова (А.П. Аптуллина) (1954), В.А. Абукаев-Эмгак (1959–2008), Зоя Дудина (З.М. Глушкова, 1962), А.Т. Тимиркаев (1952), Геннадий Ояр (Г.Л. Сабанцев, 1958), С.Н. Эсаулова (Танерова, 1954–2011), Зоя Висвис (З.А. Тимофеева, 1966), Светлана Григорьева (С.Д. Архипова, 1967), В.М. Изилянова (1959), Л.Г. Иксанова (1966) и многие другие.

Русские прозаики – А.Я. Спиридонов (1950), С.Е. Шелепов (1955), А.А. Бакуменко (1949–2019), С.И. Сурков (1962), В.В. Николаев (1953), В.А. Снигирев (1954), Анатолий Скала (А.А. Смышляев, 1951), А.В. Токарев (1959), А.А. Подольский (1953), В.М. Марышев (1961), И.П. Карпов (1952), М.Л. Копылова (1959), С.И. Коробейников (1953), В.Н. Шкалин (1951), Г.Г. Ямбаршев (1950), Н.А. Кропинов (1950).

Поэты – Н.И. Михеев (1959–2001), А.И. Бахтин (1959–2003), А.А. Сагирова (1954), Г.Н. Смирнов (1953), Герман Пирогов (Георгий Прохорович Пирогов, 1951), С.А. Щеглов (1960), Е.В. Добролюбова (1949–2005), А.Г. Васильева (1952), В.И. Чистополов (1953), Т.В. Иштрикова (1960–2001), Е.В. Уланова (1969), И.Р. Петров (1969) (живёт в Германии).

Это поколение *Николая Ивановича Михеева,* многогранного поэта, организатора литературной жизни республики на протяжении 1990-х годов, руководителя литературного объединения «Поиск».

Это последнее поколение, которое выступило в начале 1980-х годов именно как поколение, как единство, заполнив своими произведениями и литературные страницы газет, и сборники «Дружба», и сегодня – журнал «Литера». Прижизненными (а кому, к сожалению, и посмертными) памятниками этому поколению стали антологии, изданные героическими усилиями поэта и прозаика В.В. Николаева [см.: 3, 9].

Шестое поколение – 1970–1980-е годы. В конце XX – начале XXI века представители этого поколения всё более обособляются друг от друга (прежде всего русские авторы), литературный процесс замирает, тиражи падают до условных 100-300 экземпляров.

В первые десятилетия XXI века в марийскую литературу входят Татьяна Пчёлкина (Т.А. Иванова, 1970), С.А. Бессонова (1983), И.Г. Попов (1990), Р.Б. Сунгурова (1987) и др.

Шестое поколение русских писателей выросло в атмосфере литературного клуба «Поиск», под крылом предыдущего поколения. В настоящее время пришли к своей возрастной зрелости поэты А.М. Коковихин (1967), К.И. Ситников (1971), Т.Р. Сазонова (1969), Е.Ф. Хисамутдинова (1979).

Членами Союза писателей России стали К.Э. Бурнашев (1976), Е.М. Клюжева (1984), О.В. Ребко (1983).

Литературно-художественный журнал «Литера» выводит на республиканский уровень пишущих прозу А.В. Баева (1970), О.В. Морозюка (1966), П.М. Шулепова (1975), А.В. Черепанова (1969).

Седьмое поколение – рождённые в 1990-е годы. В марийской литературе поэт И.Г. Попов (1990) (главный редактор журнала «Ончыко»), в русской литературе – прозаики и поэты А.С. Ардова (1992), Я.С. Павлова (1993), О.В. Чайникова (1995).

Каким будет это поколение, что оно внесёт в историю русской литературы Марий Эл – пока на эти вопросы нет ответа.

Современное состояние марийской литературы представлено в многотомной антологии, посвящённой 100-летию Республики Марий Эл [см.: 4; 7; 8. См. также новый справочник «Писатели Марий Эл»: 6].

Наиболее полной антологией русской литературы Марий Эл является сборник старейшего поэта республики, долгое время работавшего литконсультантом в Союзе писателей – Владимира Панова «Русское слово Марий Эл» (2004) [см.: 9].

Итак, при исследовании литературной процессологии необходимо учитывать движение и взаимодействие литературных поколений. Это углубляет

и обогащает наши знания как литературы в целом, так и отдельных персоналий. Данный материал даёт только общий абрис проблемы.

Литература

1. *Карпов И.П.* Русская поэзия Республики Марий Эл. Советский период: монография / Мар. гос. ун-т; Лаборатория аналит. и прикл. филологии. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «СТРИНГ», 2018. 320 с.

2. *Колумб В.Х.* Хлеб на ладони: стихи, поэмы / пер. с марийского. М.: Сов. Россия, 1977. 160 с.

3. Короткие встречи: антология русской прозы Марий Эл / сост. В.В. Николаев, Н.И. Михеев. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2001. 468 с.

4. Край соловьиный: Поэзия марийских авторов: антология: В 2 т. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2020. Т. 1. 318 с.; Т. 2. 318 с.

5. *Кудрявцева Р.А.* Художественная словесность марийского народа в контексте научных дискуссий о принципах периодизации истории национальной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). Ч. 3. С. 98–100.

6. Писатели Марий Эл: биобиблиогр. справочник / сост. Г.Л. Сабанцев, Ю.И. Соловьев, Г.И. Байкова, С.Д. Архипова, Г.З. Зайниев. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2020. 423 с.

7. После третьего звонка. Современная марийская драматургия: антология / пер. с марийского. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2019. 390 с.

8. Рассвет над Кокшагой. Марийская проза: антология: В 2 т. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2020. Т. 1. 447 с.; Т. 2. 480 с.

9. Русское слово Марий Эл. Произведения русских писателей Марийского края / сост. В.М. Панов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2004. 384 с.

10. Сотовый мёд. Страницы современной лирики / ред.-сост. В.В. Николаев. Йошкар-Ола: Мар. полиграф.-изд. комбинат, 2000. 224 с.

11. *Шеянова С.В.* К проблеме периодизации истории мордовской литературы // Вестник угроведения. 2017. № 2. С. 93–99.

УДК 821’124; 82’13; 811’124

А.В. Котова

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины (г. Санкт-Петербург)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ И ОБРАЗОВ СРАВНЕНИЙ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РИМСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

В статье приводится семантическая классификация сравнений в речи персонажей в «Энеиде» Вергилия, «Аргонавтике» Валерия Флакка и «Фиваиде» Стация. Демонстрируется, что основными категориями объектов сравнений, общими для всех авторов, выступают Люди и Герои. Образами сравнений к указанным объектам являются Явления природы, Боги, Люди, Животные. Делается вывод о том, что выявленное сходство семантических пар объектов и образов сравнений у Вергилия, Валерия Флакка и Стация определяется эпической традицией. Различия обусловлены тематикой, контекстом произведений, индивидуальным мировосприятием авторов, а также временным фактором в развитии римской литературы I в. до н.э. – I в. н.э.

Ключевые слова: *эпос, античная литература, римская литература, Вергилий, Валерий Флакк, Стаций, сравнения*

Римские эпические поэмы имеют общие черты, что объясняется как законами жанра, так и тем, что литературная традиция формировалась на основе сознательной ориентации авторов на тексты предшественников. Характерной особенностью античных эпических поэм являются сравнения, которые несут смысловую нагрузку, принципиальную для понимания текста.

В научной литературе, посвященной изучению художественного приема сравнения в античном эпосе, предметом рассмотрения является содержательная сторона сравнений [4], их источники [5; 7; 1], способы ввода в текст [3], функции сравнений [2; 6]. При всей широте и глубине исследований эпической техники вопрос об особенностях функционирования сравнений в субъектной организации речи недостаточно освещен до сих пор. Вместе с тем эта проблема имеет важное самостоятельное значение в изучении поэтической выразительности эпического произведения.

Задачей данного исследования является определение семантической типологии объектов и образов сравнений в речи персонажей в «Энеиде» Вергилия, «Аргонавтике» Валерия Флакка и «Фиваиде» Стация.

Следует отметить, что в эпической традиции в целом сравнения являются отличительной чертой речи повествователя, в речи персонажей они встречаются значительно реже. Так, в «Энеиде» сравнения в речи персонажей составляют 16 % от общего числа сравнений в поэме, в «Аргонавтике» Валерия Флакка – 8 %, в «Фиваиде» – 14%.

С целью установления связей и отношений между объектами и образами сравнений мы распределили их по следующим семантическим категориям: *Боги*, *Люди*, *Герои*, *Хтонические существа и явления*, *Мифологические существа*, *Животные*, *Птицы*, *Растения*, *Неживая природа*, *Явления природы*. При подсчетах нами учитывались все объекты и все образы сравнений, использованные авторами. Каждый объект и образ сравнения был отнесен в категорию, соответствующую его семантике. Если одному объекту соответствует несколько образов, то каждый из них учитывался в категории согласно его семантике.

Результаты исследования показывают, что в «Энеиде» объекты сравнения представлены в четырех семантических категориях: *Люди* (52 %), *Мифологические существа* (19 %), *Герои* (14 %), *Хтонические существа и явления* (14 %). Образы сравнения представлены в девяти категориях, среди которых преобладают *Явления природы* (25 %), *Боги* и *Люди* (по 14 %). В 11 % случаев образом сравнения являются *Хтонические существа и явления*, *Животные* и *Растения*, в 7 % – *Птицы*, 4 % – *Неживая природа* и *Герои*.

В «Аргонавтике» объекты сравнения представлены в пяти категориях, среди которых преобладают три: *Люди*, *Герои* и *Мифологические существа* (по 27 %). По 9 % занимают сравнения, где объектом выступают *Боги* и *Неживая природа*. Образы сравнения представлены в девяти категориях, среди которых преобладают *Боги*, *Люди* и *Неживая природа* (по 17 %). По 8 % случаев приходится на категории образов сравнений *Герои*, *Хтонические существа и явления*, *Мифологические существа*, *Животные*, *Растения* и *Явления природы*.

В «Фиваиде» объекты сравнения представлены в шести категориях: *Люди* (45 %), *Герои* (37 %), *Боги* (11 %); по 3 % случаев приходится на сравнения, где

объекты относятся к семантическим группам *Хтонические существа и явления*, *Птицы*, *Неживая природа*. Образы сравнения представлены в восьми категориях, среди которых преобладают *Люди* (35 %), *Боги* (18 %), *Животные* (12 %). На категории *Птицы* и *Неживая природа* приходится по 10 % случаев, *Хтонические существа и явления* и *Явления природы* – по 6 %, *Мифологические существа* – 2 %.

Говоря о наиболее часто встречающихся в речи персонажей парах объект–образ, отметим, что в «Энеиде» чаще всего используется тип *Люди–Явления природы* (18 %). Эти сравнения представлены в речи Энея, повествующего на пиру у карфагенской царицы о падении Трои, в которой он характеризует натиск данайцев сопоставлением со стихийными силами природы – ветрами и водными потоками.

В «Аргонавтике» преобладает тип *Люди–Боги* (17 %), эти сравнения звучат в предсказании Финея, у которого аргонавты сделали остановку на своем пути.

В «Фиваиде» лидирующих типов несколько: *Герои–Люди* (18 %), *Герои–Боги* и *Люди–Люди* (14 %), *Люди–Животные* (12 %). Эти сравнения представлены в речи разных персонажей – богов, героев, людей, а их концентрация наблюдается в рассказе Гипсипиллы. Можно было бы ожидать, что в силу своей подражательности Стаций должен был бы обнаруживать значительное сходство с Вергилием в создании сравнений, данные же, полученные в результате анализа, говорят о довольно заметном своеобразии поэта.

Таким образом, в качестве объектов сравнений в речи персонажей основными категориями, общими для всех авторов, выступают *Люди* и *Герои*. Образами сравнений, составляющими семантическую пару к указанным объектам, являются *Явления природы*, *Боги*, *Люди*, *Животные*. Такие сравнения являются традиционными для эпоса, в котором подвиги героев и воинов, участвующих в сражениях, сопоставляются со стихийными явлениями природы, деяниями богов, животным миром и бытом людей мирных профессий. Различия в составе семантических пар у Вергилия, Валерия Флакка и Стация обусловлены тематикой, контекстом произведений, индивидуальным мировосприятием авторов, а также временным фактором в развитии римской литературы I в. до н.э. – I в. н.э.

В дальнейшем представляется перспективным расширить экспериментальный материал произведениями Гомера, Аполлония Родосского, Лукана и Силия Италика и проанализировать семантические группы объектов и образов сравнений как в речи автора, так и в речи персонажей внутри произведения и между произведениями с целью получения цельной картины по данному вопросу в античной традиции героического эпоса.

Литература

1. *Котова А.В.* Об источниках одного сравнения у Валерия Флакка (V. Fl. 7. 121–126) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. № 23–1. С. 580–586.

2. *Мостовая В.Г.* Функции сравнений в речи персонажей «Илиады» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2007. № 1. С. 95–104.

3. *Beck D.* Simile Structure in Homeric Epic and Vergil's Aeneid // Between Orality and Literacy: Communication and Adaptation in Antiquity. Orality and Literacy in the Ancient World, vol. 10 / ed. by R. Scodel. Leiden, Boston: Brill, 2014. P. 244–266.

4. *Coffey M.* The Subject Matter of Vergil's Similes // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1961. Vol. 8. P. 63–75.

5. *Knauer G.N.* Die Aeneis und Homer: Studien zur poetischen Technik Vergils mit Listen der Homerzitate in der Aeneis. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. 549 S.

6. *McNelis Ch.* Similes and Gender in the Achilleid // Brill's Companion to Statius / ed. by W.J. Dominik, C.E. Newlands, and K. Gervais. Leiden, Boston: Brill, 2015. P. 189–204.

7. *Sfyroeras P.* Like Purple on Ivory: A Homeric Simile in Statius' Achilleid // Flavian Poetry and its Greek Past / ed. by A. Augoustakis. Leiden, Boston: Brill, 2014. P. 235–248.

УДК 821.511.151

Н.И. Любимов
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Кудрявцева Р.А., д-р филол. наук, проф.

ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА АЛЬБЕРТА ВАСИЛЬЕВА: ФИЛОСОФСКИЙ ПОДТЕКСТ

Статья посвящена анализу гражданской лирики марийского поэта Альберта Васильева, представленной в его сборнике «Ӱшаныза» («Верьте», 2007), в контексте философских размышлений автора. В ней выявлены признаки ее философизации на уровне проблематики и характера лирического героя.

***Ключевые слова**: марийская поэзия, Альберт Васильев, гражданская лирика, проблематика, философизация, лирический герой.*

Предметом размышлений современного марийского поэта Альберта Васильева в его гражданской лирике являются страна и время, страна и народ, страна и судьба отдельного человека. Данная проблематика вставлена в контекст философских размышлений автора о мире, человеке, ипостасях его личностного существования. Много внимания автор уделяет изменениям, которые происходят в его стране, в современном человеке, осмысляет их глубоко и порой очень экспрессивно.

Цель данной статьи – на материале произведений, вошедших в сборник «Ӱшаныза» («Верьте», 2007), выявить проблематику гражданской лирики А. Васильева, признаки ее философизации и особенности характера его лирического героя.

Каждое стихотворение А. Васильева начинается почти публицистически, как это часто бывает в произведении с гражданской темой, – с конкретных картин или «штрихов» современности, характеризующих особенности жизни того государства, региона, гражданином которого является автор. Поэт глубоко переживает по поводу хаоса, который утверждается в мире, и представляет его в виде войн, беспорядков, в частности, он вспоминает о войнах в Афганистане и Чечне:

А ынде сар. Эл кӧргыштӧ пуламыр.
А кӧ тушман, ок пале нигӧат.

Да кӧн титакшым адакат тӧрлашлан
Ужар салтакым тулышко колтат? [1, с. 116. Подстрочный перевод на русский язык здесь и далее. – *Н.Л.*].
(А теперь война. Беспорядки внутри страны.
А кто враг, никто не знает.
И чтобы вновь исправить чью-то вину
В огонь зелёного солдата отправляют?).

Обычному человеку все это кажется хаосом, потому что он вряд ли понимает, кто враг (*А кӧ тушман, ок пале нигӧат* – А кто враг, никто не знает), кто прав, кто виноват в этом хаосе. Но лирический герой А. Васильева пытается «докопаться» до сути проблемы и затрагивает вопрос об ответственности государства за людей, невольно ставших жертвой чьих-то политических амбиций, прямо говорит о «чьей-то вине», из-за чего страдают ни в чем не повинные люди – молодые, не подготовленные к войне («зеленые») солдаты. Гражданскую проблематику автор постепенно переводит на уровень философского ее осмысления. Вводя в стихотворение проблему государственных амбиций и безразличия к человеку, он затрагивает общегуманистические вопросы, в частности, вопрос о ценности человеческой жизни.

Эпиграф к стихотворению, фрагмент которого уже был приведен нами выше, – это строчки Расула Гамзатова из его знаменитых «Журавлей», они создают некий эмоциональный контекст для конкретно-исторических и философских рассуждений лирического героя, предваряют атмосферу горечи и потерь в основном тексте произведения.

А. Васильев часто и с большой тревогой размышляет о будущем своей страны, параллельно затрагивая философские вопросы добра и зла, радости и горя, счастья и несчастья. Особенно сильно все это волновало автора в его произведениях 1990-х годов, написанных в постсоветскую эпоху. Он постоянно сравнивает прошлое (советское) и новое, которое вырастало на руинах разрушенного СССР. В авторских строках перемешаны разные чувства: страсть к новому, вызванная пониманием того, что в прошлом было мало радости, и одновременно обида и боль потери чего-то дорогого и близкого:

Эртышым садиктак ом орло,
Кеч куанже лийын пеш шагал
(Не буду сторожить прошедшее,
Хоть и было очень мало радости) [1, с. 108].
Адак чылан салтак гыч огыт пӧртыл...
Пӧрдеш турня, чон йӧсын кычкырен.
Кӧлан гын ойго, а кӧлан гын – шӧртньӧ,
Кузе тыгайыш шуынат, элем?! [1, с. 117].
(И вновь не все солдаты вернуться…
Журавль кружится, крича от душевного горя.
Кому-то горе, а кому-то – золото,
Как до такого докатилась, страна?!).

И опять это не просто осмысление автором пережитого им конкретного времени, перед нами – тревога и боль за судьбы людей и обвинение тех, кто в

смутные времена не ценил обычные человеческие жизни, думал только о власти и материальном обогащении. Символом последнего становится в стихотворении образ золота, представленного в оппозиционном ряду с образом горя – человеческого, народного. В эпоху слома (революций, хаоса) жизнь человеческая ничто, она растворена в общем, глобальном, «соскочивший, несущийся мир» (Е.И. Замятин) груб и безжалостен по отношению к человеку.

Лирический герой А. Васильева пытается убедить себя в невечности этой переломной эпохи, и это свое мироощущение представляет как ожидание зари. Одновременно он подмечает, что сам готов участвовать в «исправлении эпохи», которая не совсем ему нравится:

...Вучем мый кызыт нӧлталалтмым
Пӧртем ӱмбалне ӱжаран.
Да, вучыде саман ваштaлтмым,
Шке тудым тӧрлаташ пижам... [1, с. 192].
(...Сейчас я жду поднятия
Зари над домом моим.
Да, не ожидая смены эпохи,
Начну исправлять её я сам...).

Так, начав с осмысления своей эпохи, А. Васильев приходит к философской теме «эпоха и личность» и доказывает, что человек может и должен вносить свою лепту в исправление мира, что сила личности – в ее жизнестойкости и активности (*Шке тудым тӧрлаташ пижам* – Начну исправлять её я сам...).

Наблюдая за тем, что происходит в стране, в его родной республике, А. Васильев с горечью отмечает, что общие процессы разрушения пагубным образом влияют на взаимоотношения людей – идет процесс духовно-нравственного оскудения человека. А. Васильев в целом ряде своих гражданских стихотворений выходит к утверждению универсальных ценностей (доброта, сострадание, взаимопомощь, справедливость, уважение и т.д.).

Поэта глубоко тревожит дисбаланс в отношениях людей:

Пошкудо ден пошкудо, ваш вурседыл,
Нелшашла койын, ынде толашат.
А вет иленыт лишыл родо семын,
Рӱж погынен ыштеныт пашамат [1, с. 110].
(Соседи, бранясь друг с другом,
Теперь шумят, готовы проглотить.
А ведь жили, как близкие родственники,
И трудились, собиравшись вместе).

На место традиционных ценностей приходит лицемерие, которое А. Васильев представляет с помощью такой образной картинки:

Миет –
Вашлийыт, пӱй вошт шыргыжалын,
Саҥга йымач ончалын ужатат [1, с. 110].

(Придёшь –
Встречают, улыбаясь во все зубы,
Провожают взглядом из-под лба).

Лицемерие (ложь и неискренность) дано через антитезу: с одной стороны, улыбка во все зубы, а с другой, взгляд из-под лба.

А. Васильев провозглашает свою связь со страной, со своим народом. Казалось бы, это типичная для гражданской лирики ситуация и идейно-художественная стратегия. Однако, марийский поэт решает их по-своему, в философском ключе:

Калык дечын нигунам шым торло,
Шеҥгечем ышт кычкыре – шогал!
Эртышым садланак мый ом орло,
Кеч куанже лийын пеш шагал [1, с. 108].
(Никогда не отдалялся от народа,
Сзади не кричали – остановись!
Я поэтому не охаиваю прошедшее,
Хоть и радости было очень мало).

Единство с народом и в безрадостном прошлом, и в непростом настоящем, – это источник счастья поэта; его питательная, живительная среда – это люди.

Итак, в стихотворениях А. Васильева, наряду с собственно гражданской проблематикой (современная эпоха, ситуация в стране, война и беспорядки переломного времени, положение народа, человека), бессменно присутствует философский подтекст, который связан с важнейшими для автора ценностными понятиями и категориями: человеческая жизнь, жизнестойкость и активность личности, счастье, уважение, ответственность государства и отдельного человека, доброта, сострадание и взаимопомощь, справедливость. Лирический герой А. Васильева глубоко и эмоционально переживает пылающий в мире «огонь войны», затронувший в постсоветскую эпоху не только общественные, но человеческие отношения.

Литература

1. *Васильев А.А.* Ӱшаныза: ойырымо почеламут-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2007. 296 с.

УДК 821.511.131

О.М. Максимова
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

МИНИАТЮРА В УДМУРТСКОЙ ПРОЗЕ 1960–1980-Х ГГ.

Рассматриваются особенности жанра миниатюры в удмуртской прозе «шестидесятых-восьмидесятых» на примере творчества В.Г. Широбокова (1919–1991). Проанализированы его очерки-миниатюры, описан процесс модификации традиционного очерка в связи с разработкой этим автором проблемы «человек и природа».

Ключевые слова: *удмуртская проза, жанр, миниатюра, очерк, художественность.*

Жанр миниатюры в удмуртской литературе не столь сильно развит, как, например, рассказ или очерк. В творчестве прозаика-«шестидесятника» В. Широбокова происходит своеобразная эволюция очерка в жанр миниатюры. Этот автор модифицирует жанр удмуртского очерка, насыщая его, прежде всего, лирическим началом, обусловленным обращением писателя к разработке темы «человек и природа». Следует отметить, что единого определения жанра миниатюры в отечественном литературоведении нет. В литературных словарях и энциклопедиях миниатюра определяется как маленькое по объему, композиционно и содержательно завершенное произведение, заключающее в себе мысль широкого обобщения [1; 3].

Во второй половине XX века в удмуртской читательской среде обрели популярность книги В. Широбокова «Бадзым сюрес» («Большая дорога», 1950), «Мынам республикае» («Моя республика», 1960), «Зечбур, чукна!» («Здравствуй, утро!», 1968), «Ошмес жильыртэ ваньмызлы» («Родник журчит для всех», 1980). К сожалению, большинство произведений этого автора, написанных в разных жанрах, до сих пор остаются не введенными ни в научный, ни в критический оборот.

Широбоковская очеркистика отражает тенденцию актуализации в удмуртской прозе лирического начала, ее постепенный отход от изображения «чисто» производственной проблематики к более широким обобщениям. Многие публицистические произведения В. Широбокова написаны в жанре «безадресного» очерка, дающего автору возможность свободы выбора художественно-изобразительных средств и приемов. Поэтому жанр произведений В. Широбокова сложно четко определить и обозначить.

Лирико-публицистическая специфика прозы В. Широбокова не всегда находила объективную оценку в критике тех лет. Например, А. Писаревым был дан негативный отзыв очерку «Мынам родинае» («Моя родина»), включенному в книгу «Бадзым сюрес». «Автор (В. Широбоков – *О.М.*) ни слова не сказал о руководящей роли большевистской партии в жизни нашей страны <…>. В очерке нет даже упоминания о послевоенной сталинской пятилетке, о великих стройках <…>. Изображение конкретных примет времени подменено в этом очерке напыщенной риторикой и декларативными фразами» [4].

Важнейшее значение для развития удмуртской публицистической прозы 1960–1980-х гг., как отмечалось выше, имело художественное осмысление В. Широбоковым связи человека и природы. Отличие его проблемных очерков в том, что автором в качестве экспозиции используется пейзаж. Именно пейзаж является в широбоковской публицистике художественным приемом, выступающим в роли связующего элемента, объединяющего текст в единое целое. Общественно-социальные явления, производственные конфликты, бытовые ситуации в его произведениях осмысляют через аналогии с природным миром. Ряд очерков В. Широбокова можно назвать своеобразными «природными зарисовками», в которых изображен «кусочек» реальности в ее фактическом проявлении. Очерк «Беризь арама» («Липовая роща») посвящен мастерству пчеловода, работа которого требует от человека максимальной самоотдачи, глубоких знаний, широкого кругозора. Произведение характеризуется замедленным ритмом повествования, оттеняющим мысль о том,

что главным во взаимодействии пчеловода с природой является труд. Изображая человека в любви к природе и труду, автор совершенно ненавязчиво передает связь пчеловодческого труда с традициями народа, с древними национальными обычаями. Все это напоминает читателю о вечных ценностях жизни.

Совмещение поэтичности повествования и публицистического авторского самовыражения характерно для очерков, вошедших в сборник «Мынам республикае». После выхода этой книги известный критик Ф. Ермаков писал, что В. Широбоков «открывает в удмуртской литературе новые жанровые образования, близкие стихотворной прозе» [2. Здесь и далее удмуртский текст приводится в дословном переводе автора статьи – *О.М.*]. И далее: «Широбоков может воспеть узнаваемый и известный факт, доводя до глубины души. Каждая его строка удивляет читателя поэтическим звучанием» [2]. Мир природы писатель объясняет с точки зрения народной философии. Эти природные зарисовки – не просто описания прогулок автора по лесу или деревенским окраинам, но обсуждение социальных, исторических проблем с позиции рядового человека.

В основе очерка-миниатюры «Шыпырто кызьпуос» («Шепчутся березы») – знания автора об истории Сибирского тракта, прозванного в народе «дорогой слез», поскольку построен на костях крестьян. Свидетели этому – старые притрактовые березы. Из небольшого произведения читатель узнает ценные факты об удмуртском «участке» Сибирского тракта: по этой дороге отправлены в ссылку Радищев и декабристы; в пересыльном пункте села Дебесы переночевал Чернышевский.

Любовь к родине, по мысли писателя, начинается как с глубоких исторических знаний, так и с понимания, ощущения малых бытовых явлений. Например, с умения слышать и слушать весеннюю песню жаворонка. Утонченным созерцанием утренней трели жаворонка наполнен очерк-миниатюра «Тюрагай» («Жаворонок»). Перевести этот текст, впрочем, как и другие произведения В. Широбокова, очень сложно. Попробуем привести цитату в оригинале и дать ей буквальный перевод: «*Чукна нырысети тылсиос чильырало ке, тюрагай но карысьтыз вырзе, тюак жутске, воринъяськись омырез портыса, чагыр инме тубе, кыче ке адзонтэм вотэс нюжа борды думиськыса музэн зечыра но зечыра, чипчирган куараеныз тюргетэ но тюргетэ. Ачиз умой-умой уг но адскы ни, нош тюргетэмез музъем вылэ жильдиське но жильдиське»* [6, с. 150] (Жаворонок покидает гнездо, как только забрезжут первые утренние лучи солнца. Просверлив перламутровый воздух, он стремглав взмывается в небесную синь, раскачивается и раскачивается, как будто привязан к невидимой паутине, и заливается трелью чипчиргана. Самого не видно, а трель все сыплется и сыплется на землю).

Такого плана очерки-миниатюры несут читателю много познавательного, будят в нем добрые переживания. Широбоковские произведения отличаются единством документального и эстетического начал. Показательна миниатюра «Сюрес» («Дорога»), вошедшая в книгу «Зечбур, чукна!». Повествование наполнено авторским восхищением обычной пешеходной тропой, представленной как яркий зрительный образ: *«Сюрес шулдыръяське но соин чош ик туж трос ужа. Ойтод, дунне вылын со мында ужась вань-а меда. Уй но*

нунал, тол но гужем – со ялан гуретэ, шитыртэ, зикыртэ, кырза но маде» [5, с. 49] (Тропинка веселится, но, вместе с тем, и работает много. Не знаю, трудится ли столько кто-нибудь на свете. Днем и ночью, зимой и летом – она рокочет, звучит, скрипит, поет, рассказывает). Особенно виртуозно выписаны природные этюды удмуртского края в миниатюрах «Ворекъян» («Мерцание») и «Юос» («Хлеба»), которые также вошли в сборник «Зечбур, чукна!». Образно, языком живописца-художника писатель рассказывает о постижении человеком глубинных тайн природы, ее секретов и богатств, воспевает трудовые будни хлебопашца-крестьянина.

Миниатюры-очерки В. Широбокова воссоздают живой портрет удмуртского края, продуцируют в себе жанровые признаки новеллистического очерка, эссе, этюда, путевого, проблемного и портретного видов очерка. Обогащение прозаиком содержательных и структурных элементов традиционного удмуртского очерка, безусловно, требует дальнейшего изучения.

Литература

1. *Дынник В.* Миниатюра // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: В 2 т. Т. 1 / ред. Н. Бродский, А. Лаврецкий, Э. Лунин и др. М.–Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. С. 443–445. // URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_007557524?page=236&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.10.2021).

2. *Ермаков Ф.К.* Шаермес данъясь книга // Советской Удмуртия. 1961. 14 апр.

3. *Левицкий Л.А.* Миниатюра // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Совет. энциклопедия, 1962–1978. Т. 4: Лакшин – Мураново, 1967. 844 с.

4. *Писарев А.И.* Очерки Василия Широбокова // Удмуртская правда. 1951. 16 сент.

5. *Широбоков В.Г.* Зечбур, чукна! Очеркъёс но веросъёс. Ижевск: Удмуртия, 1968. 96 б.

6. *Широбоков В.Г.* Мынам республикае. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1960. 152 б.

УДК 821.511.151

В.Т. Михайлов
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Ю. АРТАМОНОВЫН «КАЗА ШӦР» КОЙДАРЧЫК ПОВЕСТЬШЕ: ТЕМЕ, ПРОБЛЕМЕ ДА ЖАНР ОЙЫРТЕМ

Статья посвящена анализу сатирической повести Ю. Артамонова «Каза шӧр» («Козье молоко»). В ней рассматривается ее проблематика и выявляются особенности характеров персонажей.

Ключевые слова: *марийская литература, Ю. Артамонов, сатирическая повесть, нравственная проблематика, жизненные принципы, персонаж.*

Ю. Артамонов шке усталыкшым эше ик жанрыште – «койдарчык повестьыште» – терген ончен. Тышке эн ондак «Ончыко» журналын 1987-ше ийысе 3–4 номерлаштыже савыкталтше «Каза шӧр» повестьшым пуртыман. А. Алексндров-Арсак «Каза шӧр» повестьым Никон Игнатьевын «Савик» романже дене танастарен да тудым марий сылнымутын историйыштыже кокымшо кугурак сатирический произведений семын аклен: «Савикыште»

кугыжан власть жапысе марий ял илышым пешакат мастарын воштыл койдарыме гын, «Каза шӧрыштӧ» мемнан илышнан жапысе «застой», «верыште тошкыштмо» манме илыш ончыкталтеш. «Савикыште» кажне лаштык еда воштылчык лыңак гын, тыштыже воштылташ йӧрышӧ ик шомакат уке, кажне эпизодшо, чыла каласкалымыжат чон йӧсӧ шӱлышан. Илышнан тугай шотдымо лийын шуктымыжо авторым чон шортын, шыргыжде воштылаш туныктен» [1, с. 84].

Чын, повестьым мыскара сынан манашат келшен толеш: лудшым воштылаш таратыше ятыр вер уло, казам кычалме дене кылдалтше событий-влак шыргыжмашым луктыт. Автор нуным ялысе илыш тӧрсырым, йӧрдымӧ койыш-шоктышым, тӱжвак луктын койдарен ончыкташлан оңай йӧн семын кучылтеш. Садлан лудышым писатель «койдарчык повесть» манын палемден.

Койдарчык шотан произведенийыште илышыште улшо ситыдымаш-влак, йӧрдымӧ койыш шыдын, койдарен, игылт-воштылын ончыкталтыт. Тыгодым гиперболо йӧн кумдан кучылталтеш. Койдарен воштылмаште писательын позицийже, умылымашыже шыңдаралтеш.

Автор ялысе илышым тӱрлӧ могырым лончыла: участковый милиционерын, озанлык вуйлатышын, кевыт оза, самырык ӱдырамашын, илышыштышт да пашаштышт улшо ятыр шылтыкым тӱжваке луктеш, ялысе южо еҥын йӧрдымӧ койышыжым ужын шукта. Персонаж-влакын тӱссӱретышт мыскара сынан улыт гынат, лудшыеҥым воштылаш веле огыл, а утларакшым шонкалаш таратат, ончыкылык верч тургыжланымашым луктыт. Тыге, герой да ончыктымо событий-влак деке лудшын отношенийже палдырна.

Повестьыште тӱҥ верым илалше ӱдырамашын, ***Василиса Петровна Чевероңован*** тӱссӱретшылан ойырымо. Тидын негызеш автор марий ӱдырамашын илыш-пӱрымашыжын тӱрлӧ йыжыңжым сӱретла. Пенсийыш лекмешкыже, Васлича лым лийде пашам ыштен, тӱрлӧ сомылым шуктен. Ура чонан ӱдырамаш паша деч посна илен ок мошто: тышкат куржын колта, тушкат миен шуэш, чылажымат ыштен шукташ тырша. Тидлан кӧра, очыни, чылт ярнен пытен. Автор тудын лач мотор, канде шинчажак веле вашталтде кодын манын палемда: *«Чулым, уждымыжымат ужын мошта... Кызыт тӱсыжӧ шапалген. Канде тугай шинча ыле»* [2, с. 9].

Васличан эше ик ойыртемалтше койышыжо – моткочак возкалаш йӧрата, кидышкыже карандаш ден кагаз логалеш гын, чыла монда. Шкенжын ойлымыжо почеш, *«Лиеш гын, йӧршешлан кутырымем чарнем ыле, мом кутыраш шонымемым оранек возен пуэм ыле»* [2, с. 9]. Тудо кажне кечын могай сомылым шукта, кугызаже мом ыштылеш – чыла сера. Кевытысе «Вуйшиймаш» книгашат шке палыжым кода. Чыла возымыжо эре ик семын мучашлалтеш: «*мерым принять ышташ*». Ик вуйшиймаште тыге возен коден: *«Таче толмем годым лапке кӧргӧ нимончат йытыра огыл ыле. Веселова туге сырен шогылтеш, пуйто аршым нелын – ни тарвана, ни уке, лишкыже мияшат аптранет. Векат, шола йол дене кынелын. Нечыве тушто! Калык дене пашам ыштет гын, эртак пурла йол дене кынелман. Мерым принять ышташ»* [2, с. 36]. Мутат уке, Васличан тыгай койышыжо кевытчын экшыкшым чарашке лукташ полша, эсогыл кевытым мыняр минутлан варашырак почмымат эскерен шукта.

Василиса Петровна ӱмыржӧ мучко лым лийде пашам ыштен гынат,

кызытат тудо яра ок шинче, каза деч посна моло вольыкымат онча: совхозлан ныл сӧснам ӧрдыктара, кок пырыс, ик агытан да латныл чывыже уло. Но эн «кугу логарлан» шке марийжым, Енатийым, шотла.

Игнатий Ипатович Пашкаровлан (Енатийлан) шымлу кандаш ий. Тудо ӱмыржӧ мучко склад вуйлатышылан ыштен, неле пашаште орланен огыл. Садлан капкылже денат пелашыж деч ойыртемалтеш: «*Тудын чылажат йыргешке, вес семын манаш гын, чумыраш…*» [2, с. 10]. Пенсийыш лекмекыжат, Енатий склад вуйлатышын пашажым монден ок керт: пеленже эреак кылдыме сравоч орам куча. Шонгыеҥ шкенжым пешак чамана, переген ила, уто ошкылым ышташ лӱдеш: лопка теҥгылыш возын, йӱдшӧ-кечыже мала, кочкаш кынелашат ӧркана, верышкыжак намиен пуаш йодеш. Да эше ватыжым «локтен пыштем» манын лӱдыктылеш.

Автор геройын койышыжым йыштак игылтын воштылеш, тудым тоштерысе шуэн вашлиялтше арвер дене таҥастара: *«…чыла могырымат шоҥго, тошто еҥ: ийгот денат, койыш-шоктыш денат. Тыгай еҥым ала-мо семын переген ашнаш кӱлеш. Вет тудо – мемнан эртарыме корнына, илыш историйна. Шергакан ате-ӱзгар семын музейышкат пуэн кодаш кӱлеш улнеже да… ок лий, калтак, – айдеме тудо»* [2, с. 10].

Писатель моло персонаж-влакынат тӱссӱретыштым койдарчык сынаным чоҥа. Мутлан, ***Кокытов Аркадий Аркадиевич*** телыже-кеҥежше ик вургем денак коштеш, тудын чиемже – когыльген пытыше, лыжгайше фуфайке, пел пылышан, йогышо пунан малакай, шӧрын тошкен пытарыме таганан кирза кем. *«Мыйын мучко – кокыт… Кок кид, кок йол, кок пылыш, кок шинча, кок вате, кажныж деч – кок икшыве. Лӱмемат, фамилиемат кок пачашан: Кокытов Аркадий Аркадиевич»* [2, с. 28], – манын, моктаненат налеш.

Коеш: Аркадий – куштылго койышан айдеме, ончыкылык нерген ок шоно, тачысе кече дене ила, умбакыже кузе лияш манын вуйым ок пудыратыл. Шкет кодмекыже, чыла сурт погыжым, пел акеш ужален, йӱын пытарен. Малыме вержат – яра кӱртньӧ кровать веле.

Кокытов подылаш йӧрата гынат, чон яндарлыкшым йӧршешак йӱын амыртен огыл. Каза дене кылдалтше событий-влаклан кӧра самырык пӧръеҥын чоныштыжо пуламыр тарвана, шонымашыже вашталтеш, илышыжым вес могыр гыч ончалеш да шке йоҥылышыжым тӧрлаш пижеш.

Произведенийыште тыгак кевыт оза – ***Вероника Васильевнан Веселован*** – тӱссӱретшымат койдарен-воштылын сӱретлыме. Автор тудын тӱжвалтӱсшым тыге палемден кода: *«Курчак гай чатка капкылан, чурийже свежа, чевер, шинчаже канде-канде…»* [2, с. 12].

Вероникан шкенжым йӧратыше, койышланен кучымыжо, кычалтылше улмыжо тушечынат коеш: марлан лекмекыже, моторын йоҥгалтше Веселова фамилийжым марийжын Агытановалан вашталташ тореш лиеш, шкенжынымак коден сеҥа.

Самырык ӱдырамаш паша верыштыжат шкенжым чыла годым сай могыр гыч огеш ончыкто. Тидын нерген «Вуйшиймаш» книгаште Васличан возымыжо гыч пален налаш лиеш.

Мутат уке, ***Эрик Агытанов*** – сай ача да пелаш, поро айдеме. Но, южгунам шонымаш лектеш: утыждене пушкыдо кумылан, ватыж ончылно шке

пеҥгыдылыкшым ончыкташ ок тошт, чыла йодмыжым, нечке кумылжым шукташ тырша. Произведений мучаште Эрикын суртпогым пелыгыч пайлымыже кочо шыргыжмашым луктеш. Верникан ойырлаш да погым кокыте шелаш темлымыж деч вара тудо, бензопилам налын, чыла пӧрт көргӧ ӱзгарым: кроватым, диваным, шкафым, телевизорым – кокыте пӱчкеден опта. Вара чон йӧсыж дене шортын колта. Тиде эпизодышто автор еш илышын шолдыргаш тӱҥалме татыште Эрикын чон орлыкшым, тидлан кӧра шоналтыде ыштымыжым сӱретлен. Пелашыжын суртыш толын пурымекыже, нуно уэш сӧрасат.

Казам кычалме событий-влак денак участковый милиционерын – ***Ипполит Филиппович Яранцевын*** – тӱссӱретше кылдалтын. Прозаик тиде образым чоҥымыж годым пӱсӧ умдыжым «кӱшнӧ» шинчыше-влакын пашам шотдымын ыштымышт ваштареш виктарен.

Ипполит Филипповичын чумыр сомылжо – лач кастене Культур пӧртыш мийылдал толаш да тушто ачывийланаш тӧчышӧ рвезе-шамычым сорлыклаш. Да эше *«йӱдым урем покшеке чӱчкыдын лектын шогалаш йӧрата. Вуйым савыркален, тӱрлӧ веч шоктышо йӱкым колыштеш»* [2, с. 39]. Йӱк-йӱан ок шокто, тымык да – пеш чот куана: чыла сай.

Произведенийыште тыгак «Чевернур» озанлыкым вуйлатыше ***Ефим Матвеевич Евдокимовынат*** тӱссӱретше койдарчык сынан. Тудлан автор кугу тӱткышым ойырен огыл, но койыш-шоктышыжын ойыртемжым раш ончыктен: *«Ефим Матвеевич утларакшым ӱстел коклаште шинчылташ йӧрата, шуко озанлык сомылжьш полышкалышыже-влаклан ӱшанен кучыктен пуэн. Иктаж-кӧлан совхоз директор кӱлеш лиеш гын, кеч-кунамат тудым шке кабинетыштыже кучен кертеш»* [3, с. 18].

Тидлан кӧра Ефим Матвеевич совхозышто мо ышталтеш – ок уж, ок пале, чыла озанлык вуйлатыме пашам полышкалышыже-влаклан кудалтен.

Повестьыште персонаж-влакын сай могырыш ваштaлтмыштым эскераш лиеш. Нуным тӱрлӧ семын койдарен ончыктымо гынат, кажныже жап эртыме семын уда койышыжым сорлыклаш тырша. Туге гынат южо персонажын тыге вашке ваштaлт кертмылан ӱшан пешыжак огеш шоч. Тиде илыш чынлан тӱрысынек ок келше манме шонымашымат луктеш.

Ю. Артамоновынат шкенжын йылме ойыртемже, лач тудлан гына келшен толшо тӱсшӧ, стильже уло. «Каза шӧр» повестьын йылмыжым ончалаш гын, тудо койдарчык жанрлан келшыше.

Писатель «Каза шӧр» повестьыштыже илышын ятыр тӧрсыржым, йӧрдымӧ койыш-шоктышым койдарен сӱретлен, тидын дене произведений шке акшым тачат волтен огыл. Тыгодым автор возымаштыже лывырге калык йылмылан энерта, тидыже, мутат уке, лудшыеҥын чонжым сымыстара, илыш сӱретым шинчаончылно раш да келгын почын пуаш полша. Произведений шкешотан содержанийже дене лудшын кумылжым савыра, тудым илыш нерген шонаш тарата.

Литературт

1. *Александров-Арсак А.* Мемнан жапысе прозын ик лончыжо. Писатель Юрий Артамоновын творчествыж йыр шонкалымаш // Ончыко. 1998. № 3. С. 76–92.
2. *Артамонов Ю.М.* Каза шӧр: койдарчык повесть // Ончыко. 1987. № 3. С. 7–45.
3. *Артамонов Ю.М.* Каза шӧр: койдарчык повесть // Ончыко. 1987. № 4. С. 8–48.

УДК 821.511.151

К.Г. Никифорова, Р.А. Кудрявцева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

АВТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОНЯТИЙ *ЦВЕСТИ / ЦВЕТУЩИЙ* В ЛИРИКЕ В. ИЗИЛЯНОВОЙ

В статье анализируется авторская аксиология понятий ***цвести / цветущий****, представленных в поэтическом сборнике В. Изиляновой «Письмо в небо» («Кавашке серыш»). Выявлены особенности художественного решения этих понятий-образов, их семантика и поэтика, роль в раскрытии поэтической концепции мира и человека.*

Ключевые слова: *современная марийская лирика, В. Изилянова, сборник «Письмо в небо», поэтическая структура текста, понятия-образы «цвести / цветущий», художественные функции.*

Сборник В. Изиляновой «Письмо в небо» («Кавашке серыш», 2009) открывается стихотворением «Я здесь родилась…» («Мый тышан шочынам…»), в котором в качестве определяющего понятия-образа сразу заявляется слово *цветет*. Заметим, что это не простой поэтический фон, а смысл авторской аксиологии, определяющей концепцию всего сборника. В процессе разворачивания лирической канвы книги глагол *цвести* и его причастная (*цветущий)* и деепричастная (*расцветая*) формы «разворачиваются» в философию жизни, через них раскрываются грани человеческого (физического и духовного) существования и наиболее важные для В. Изиляновой ценностные ориентиры.

Цель данной статьи – на материале стихотворений сборника, содержащих данные понятия-образы, выявить особенности их художественного решения, их семантику и поэтику, роль в раскрытии авторской поэтической концепции мира и человека. Исследование продолжает работы авторов о цветочно-цветовой системе В. Изиляновой в сборнике «Письмо в небо» [2; 3].

Поэтическая словоформа *цветет* и ее причастно-деепричастные вариации встречаются во многих стихотворениях сборника «Письмо в небо»: «Липа» (***пеледе*** *– цвела),* «Может, кукушка пропела…» (*ломбо* ***пеледеш*** *– черемуха цветет),* «Весенним утром…» (*пеледыш* ***пеледеш*** *– цветы цветут),* «Черемуха» (***пеледе*** *– цвела*), «Пожелание» (***пеледеш*** *сирень – цветет сирень),* «Белую занавесь открывает новая зима…» (***пеледше*** *омылчам – цветущий цикорий*) и др.

Зачастую, как видим, цветение соотносится в лирике В. Изиляновой с конкретными цветами и цветущими растениями, кустарниками, деревьями (липой, черемухой, сиренью, цикорием и др.). При этом смысл самого понятия *цвести* открывается именно сквозь призму этих конкретных образов, каждый из которых имеет у автора свою «философию». Так, с сиренью и цветением сирени (стихотворение «Люблю…» – «Йӧратем…») соотносится у автора любовь – непоказная, искренняя, на уровне общения не тел, а глаз и взглядов, а также гордая и свободная; цветение сирени в стихотворении вставлено в контекст синего цвета, который означает для автора не только природную силу, но и независимость и свободу самовыражения человека, в том числе в быту и в любви:

Шкемын –
канде олыкем,
Шкемын –
канде солыкем [1, с. 20].

Липа в одноименном стихотворении – это центр Вселенной, средоточие жизненного ядра (*илыш том*), ее цветение – это живительная сила и источник радости для всего природного и человеческого мира, выражение стойкости и самоотверженной жизни.

Цветение черемухи (стихотворение «Может, кукушка пропела…» – «Ала куку муралтен…») вставлено в контекст противоречивых чувств и размышлений лирической героини о своих любовных чувствах, о нелегком выборе между двумя возлюбленными, о разных гранях поведения, которые не всегда поддаются разумному осмыслению.

Традиционно цветение черемухи ассоциировано со снегопадом, но и то, и другое облачены в ноты неопределенности и сомнений (*Ала ломбо* ***пеледеш****, / Ала лум тыге велеш?*), что соответствует общему содержательному тону стихотворения «Может, кукушка пропела…».

В другом стихотворении («Черемуха» – «Ломбо») обильное цветение черемухи также сравнивается с зимним снегопадом, но «схвачено» автором в момент конца, что, собственно, и создает содержательную линию образа:

Кудыр вуйжым рӱзалтыш да веле,
Шыпланалын, савар дек пызнен [1, с. 45].

Цветение черемухи представлено как запоминающиеся (важные), но временные радости в жизни человека, и нет такого «времени-лекарства», которое смогло бы их удержать, а человек, пытаясь понять, почему так мощно цветет черемуха, подвластен общему закону жизни. Эта смысловая линия образа (вспыхнуть и быстро погаснуть) продолжена в стихотворении «Пожелание» («Тыланымаш») и дана в сравнении с долгим и радующим глаз цветением сирени:

Тек ***пеледеш*** *кужун*
сирень,
Эрталшылан ончен ӧраш.
А ломбылан тыге пӱрен:
Эр покшымеш йӱлен йӧраш… [1, с. 67].

По мнению автора, есть глубокий смысл как в цветении, так и в увядании (умирании) мира.

Цветение в целом ряде стихотворений ассоциировано с обобщенными природными явлениями, например: *олыкна* ***пеледе*** *– луг цвел (*«Была я думающей» – «Шонышо мый лийым»); ***пеледше*** *олык – расцветший луг* («Астра» – «Шӱдырпеледыш»). В стихотворении «Я здесь родилась…» («Мый тыште шочынам…») нарисовано цветущее льняное поле:

Тыште снеге кӱэш,
Тыште йӱксӧ модеш,

Кава ден ушнымеш
Йытын нур ***пеледеш*** [1, с. 7].

В стихотворении «Не видишь проходящего рядом…» («Воктен кайышым от уж…») дан образ зацветшего сада:

…Мланде там –
Пеледалтше *садвече* [1, с. 136].

В стихотворении «Если идешь, не трогай тростинку…» («Кает гын, ит тарвате вондым…») лирическая героиня предупреждает о том, что нельзя ломать цветущую ветвь: ***Пеледше*** *укшламат ит тодыл* [1, с. 173].

Все эти явления прямо или косвенно соотносятся с философски осмысленным временем цветения (***Пеледме*** *жап*), обобщенным в стихотворении «Вечером в деревне» («Ялыште кастене»). Цветение – это естественное и закономерное состояние природы и человека, это всеобщее пробуждение, это активность во всех жизненных проявлениях:

Шкетын, коктын я тӱшкан
Ялын кок мучашке,
Модын, воштылын, лӱшкен,
Тавалтен ӱчашын,
Рвезе калык шалана
Мӧнган-мӧнгӧ велке:
Каналтен, у пашалан
Кынелаш эрдене [1, с. 41].

У каждого в этом процессе цветения мира есть свое место и свой выбор: бурно слиться с ним в едином потоке, либо в ночной бессоннице просто тихо, незаметно радоваться общему процессу, либо вовсе не поддаваться времени цветения, но при этом знать, что одиночество и бездействие в условиях общего восторга и предложений (ожиданий) счастья лишает претензий на это счастье:

Ала-кӧлан семже ден
Каласа гармоньчо:
«Пеленем шыч кай гын шке,
Почешем
ит ончо!» [1, с. 41].

В такой художественно-философской парадигме текста активно востребованы символика, абстракция и аллегория. С цветением начинают соотноситься обобщенные (улица, кустарники) и абстрактные образы (песня, слово, имя), приобретая антропоморфность; появляются метафорические психологические детали, относящиеся к ним, но соотносимые с человеческим состоянием: *вондер-влак <…> ноят* ***пеледын*** *– кустарники <…> устают, расцветая* («Люблю свой огород…» – «Йӧратем шкенан тошкемым…»).

Например, в стихотворении «Жизнь не закроешь в бездне…» («Илышым от петыре поргемыш…») создана яркая образная картинка, в основе которой сравнение майской шумной и сочно разукрашенной (расцветшей) улицы с

девичьими губами; при этом расцветшая улица в данном произведении – это выражение полноты и радости жизни, яркости и возвышенности эмоций:

Ӱдыр тӱрвӧ ден
урем ***пеледын*** [1, с. 149].
(Девичьими губами
улица зацвела).

В стихотворении «Песня – самая мощная» («Муро – эн куатан») цветение упоминается в контексте образа песни, с которой оно сравнивается (песня, в отличие от цветка, не осыпается, отцветая):

…А *муро* ***пеледын*** *ок вел…*
Вет муро лышташ –
ӱжара.
Сай мурышто тӱҥ – шочмо вер,
А молыжо…
Моло – вара [1, с. 47].

Живучесть песни – в ее народных истоках, родовом духе; песня рождена родной природой; главное в песне – родные просторы, «песенный лист» – это заря.

«Время цветения слов» – это тоже особенный (сложный, но счастливый) процесс, ибо это реализация судьбы, которую предоставляет человеку природа (человек обязан в полной мере использовать эту возможность):

Кавагорным куэр ямдыла тылат ӱштын,
Толкыналтше шыма шӱлыкем-шулыкем,
Шошо – шыже коклаш,
мут ***пеледме*** *жапем* [1, с. 172].
Пеледалт, пеледалт,
чинче-вунчын шерлалт,
Кумыл тич ловыкталт,
йӱкшымеш энерла [1, с. 172].

В стихотворении «Имя» («Лӱм») представлена такая аллегорическая картина: имя летом буйно [*букв.* очертя голову. – *К.Н., Р.К.*] *цвело (Кенежым вуйвустыкын / Тудо* ***пеледын*** [1, с. 184]). Автор размышляет об ошибках, которые неизбежны у человека на пути поисков счастья, истины. Имя, как любой другой образ-понятие в лирике В. Изиляновой, традиционно вплетено в природную картинку: имя и человек, его носитель, охватили все вокруг, имя было везде – и в жизни лирической героини, и в вороньем крике, оно то мило манило, то душило в блестящем кольце. Лирическая героиня поняла, что она оступилась, что цветение слов было обманом, что поступки человека часто вообще необъяснимы:

Лӱм ты –
шала,
Камвозыктенам,
Лишемдышыла [1, с. 184].

В стихотворении «Родной язык» («Шочмо йылме») «зацвел» язык:

Йомартле тӱняште
Саклен кӱкшӧ арым,
*Ӧрчен-**пеледалтын**,*
Илаш пу ӱнарым! [1, с. 202].

Лирическая героиня рассуждает об уникальной природе родного языка, о том, что именно родной язык подпитывает человека своей внутренней силой (цветением), придает ему силы для жизни и творчества, для сохранения стержня культуры и духа. Она обращается к ней как некой мифической силе и просит помочь спасти в противоречивом времени современности родную землю, традиции предков и человеческую душу:

Ит пу савыраш шӱгарыш,
Лулеге орашке,
ЫIрес чодырашке;
Ит лий,
Шып рӱзен,
Кӧргӧ кылдышым луштышо… [1, с. 203].

В лирике В. Изиляновой мы находим также образ жизни, расцветшей за счет звуков золотых колокольчиков:

*Ший онгыр гай йӱк дене **пеледалтшым**,*
Корнет ӱмбач йӱр мушкын илышем –
Йоча жапемым – ночко лакылаште
Сескемалтеш тунамсе пагыт сем [1, с. 201]
(«Не дождалась ни дочь, ни сына…» – «Вучен шым шукто ӱдыр эргым…»).

Данное стихотворение построено на ностальгических воспоминаниях о деревенском детстве и юности; цветение, как и человеческая жизнь, ее самые приятные этапы, не бесконечно, оно преходяще, утверждает автор (*Корнет ӱмбач йӱр мушкын илышем).*

Есть и образ «зацветшего в небо» солнца:

Умбалне ӱмыл печыла
Шӱгарым тыланет.
*Каваш **пеледше** кечыла*
Тый шинчаштем илет [1, с. 108]
(«Смерть цветка» – «Пеледышын колымыжо»).

Цветение в этом стихотворении представлено в очень неожиданном для читателя контексте. С одной стороны, казалось бы, оно просто соотнесено по смыслу с цветком, помещенным лирической героиней утром в вазу и неожиданно увядшим ночью; с другой стороны, образ «зацветший в небо» говорит совсем о другом масштабе авторских размышлений. Речь идет о сильном, ярком и чистом чувстве, которое охватило лирическую героиню и которое, к сожалению, оказалось очень коротким. Но, видимо, именно для усиления значимости этого чувства и человека, к которому оно было обращено,

В. Изилянова многогранно обыгрывает мотив смерти, представляя ее в разных поэтических ситуациях и оксюморонных по смыслу образах, например:

Ужар капет
йӱкшен. –
Мый тыйым муро ***колоткаш***
Шепкаштыла
рӱпшем! [1, с. 108].

Из философских стихотворений В. Изиляновой, в которых представлено понятие-образ *цветение / цветущий*, особо выделяется стихотворение «Скажу тебе только это…» («Каласем тидым веле тылат…»):

Ош орланге –
ик ныжыл шижмаш
Шкенжын шошыжым йӧршын ок мондо:
Пеледеш,
мо ***пеледын*** *кодшаш, –*
Ӱмыр укш гычын кӱрлын от кодо… [1, с. 83].

Это некий философский манифест автора, мудро принимающего закономерность, уникальность и сложность природной и человеческой жизни, благодарного как за счастливые подарки, так и за удары судьбы: то, что должно зацвести, обязательно зацветет, но от «ветки судьбы» вряд ли что-то оторвешь и оставишь себе как очень важное и дорогое.

Таким образом, в стихотворениях В. Изиляновой высвечивает образ лирической героини, независимой в чувствах и мыслях, желающей и ищущей счастья, ошибающейся, понимающей противоречивость мира, но доверяющей судьбе. Цветение в этой системе ценностей – это возможность кратковременного, но яркого ее самовыражения, проявления активности природы и человека, это путь к нравственно-этической саморефлексии автора.

Литература

1. *Изилянова В.* Кавашке серыш: почеламут-влак. Йошкар-Ола: ОАО «МПИК» савыктыш, 2009. 288 с.

2. Кудрявцева Р.А., Никифорова К.Г. Цветы / цветок в лирике В. Изиляновой (классификация по цвету) // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук: сб. материалов VII Межд. науч.-практ. конф. / Мар. гос. ун-т, АНО «Центр научных и социальных инициатив». Йошкар-Ола, 2021. С. 110–118.

3. *Никифорова К.Г., Кудрявцева Р.А*. Цветы в поэтической структуре лирического цикла В. Изиляновой «Венок» // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. С. 152–157.

УДК 821.511.131

В.Г. Пантелеева
Литературный институт им. А.М. Горького (г. Москва)

УДМУРТСКАЯ ПЕРЕВОДНАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: СТАТУС И ФУНКЦИИ

Статья посвящена изучению переводческого дискурса удмуртской детской литературы первой половины XX в. Особое внимание уделено выбору произведений и персоналий для перевода и определению статуса и функций переводческой деятельности указанного периода.

Ключевые слова: *переводная детская литература, проблематика переводной литературы, статус и функции.*

Переводная детская литература в первой половине XX в. неизменно доминировала в общем объеме изданных на удмуртском языке переводных произведений. Так, в работе К.Н. Дзюиной зафиксировано 194 переводных источника для удмуртских детей, выпущенных отдельными книгами в 1920–50-е гг. [1, с. 200–222], но очевидно, что в этом перечне, во-первых, не учтены учебники по родной литературе, в большинстве своем состоящие из разножанровых переводных текстов, а, во-вторых, переводы отдельных произведений из периодических изданий.

В исторических реалиях первых двух советских десятилетий усматриваются три главных функции переводного дела на удмуртский язык: 1) вовлеченность в создание и регламентацию единого литературного языка; 2) родовое и жанрово-тематическое обогащение зарождающейся советской литературы на родном языке; 3) обеспечение практических условий реализации «... развития народного самосознания или <…> развития просвещения» [5, с. 503] этноса в реалиях зарождающейся советской школьной системы образования и государственной политики по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В этих условиях «спроса» на образование остро требовался большой корпус литературных текстов для чтения в учебниках по родной литературе, и в данном историческом контексте в качестве «предложения» чаще выступала не оригинальная, а переводная литература.

В 1940–1950-е гг. цели и задачи переводческой деятельности несколько изменились, за исключением ее образовательной функции, как учебно-методического инструмента в условиях дефицита образцовых детских и подростково-юношеских произведений на родном языке. Если учесть, что «для удмуртских детей в 1933–1934 гг. издано 74 учебника и методических пособий» [2, с. 47], а «в тематическом плане Удмуртгосиздата к началу 40-х годов изменилось соотношение изданий: на первый план по числу названий вышла детская и школьная литература (31 назв.), по объёму и тиражу – учебно-методическая» [4, с. 130], которые в большинстве своем наполнялись переводными текстами для чтения, то становятся понятны объёмы переводческой работы в этот период.

В жанрово-тематическом плане речь идет о переводах сказочной литературы и поэзии для дошкольников и младших школьников, учебно-дидактической литературы для младшего и среднего школьного возраста и

прозы для подростково-юношеского чтения. Практически все они публиковались дважды или трижды: в начале в периодических изданиях, потом – в учебнике или отдельной книгой.

Корпус переводной сказочной литературы обширен [3, с. 197–205], но здесь мы воздержимся от ее комментирования в пользу переводов учебной литературы для младшего и среднего школьного возраста и подростково-юношеской литературы. Исследуемый материал позволяет выявить следующие тенденции, весьма предсказуемые: до середины XX в. по частотности выделяются переводные произведения о «природе и животных»; о вождях и соратниках пролетарской революции; о Великой Отечественной войне и ее героях.

Литература «о животных» во все времена являлась беспроигрышной и потому востребованной переводчиками. Самым переводимым автором был Виталий Бианки. Впервые на удмуртском языке издан в 1927 г. в Москве («Лесные домишки», пер. К. Герд). В 1930-е гг. его книги выходили еще дважды под названиями «Лусьтро» («Лохматый», 1930, пер. С. Русских) и «Пӧйшуръёслэн страназы» («Страна зверей», 1935, пер. не указан); в 1940-е – три книги, в 1950-е гг. издано пять сборников рассказов В. Бианки.

В середине 1920-х гг. поэт-просветитель М. Ильин издал в Казани и Ижевске на удмуртском языке книгу Н. Рубакина «Рассказы о делах в царстве животных». В 1929 г., через год после выхода оригинала, издана книга А. Яковлева «Куцый и хитрые волки» (пер. С. Русских), в 1935 г. – рассказы О. Перовской «О зверятах» (пер. не указан). В последующие десятилетия корпус переводной литературы дополнится книгами М. Пришвина, К. Паустовского, Б. Житкова, Д. Мамина-Сибиряка и др. Так, в 1956 г. выходит переводной сборник «Природа сярысь веросъёс» («Рассказы о природе», пер. В. Вахрушев) с произведениями вышеуказанных авторов.

Детско-юношеская литература о героике трудовых будней, морально-нравственных принципах молодого поколения – пионеров и комсомольцев – представлена следующими переводными книгами: И. Фалькнер «Будем сильными и здоровыми!» (1927, московский «Центриздат», пер. И. Векшин); Е. Верейская «Революционер Таня» (1931, пер. Ф. Ирисова), Л. Кассиль «Будёнышъёс» («Будёныши», 1935, пер. Е. Волков), В. Маяковский «Ма со сыӵе умой но ма со сыӵе урод» («Что такое хорошо и что такое плохо», 1939, пер. А. Лужанин). В пионерской газете «Дась лу!» («Будь готов!») печатались отрывки из романа Н. Островского «Как закалялась сталь» (1936 г.).

Для переводной литературы первой половины XX в. в целом характерна обращенность к очерково-документальным жанрам, посвященным историческим личностям прошлого и настоящего, увековечиванию памяти В. Ленина, продвижению идей и помыслов «отца народов» И. Сталина. Кроме перевода биографии Ленина, выполненного К. Гердом еще в 1920 г. и опубликованного в его литературной хрестоматии для 3 класса «Шуныт зор» («Теплый дождь». М., 1924), можно привести более десяти переводных книг о Ленине, в том числе воспоминания его сестер А.И. Ульяновой и М.И. Ульяновой, жены и соратницы Н.К. Крупской, адресованные детям и переиздававшиеся неоднократно.

Апофеозом стала переводная поэтическая антология 1939 г. под символическим названием «Родиналэн шундыез: Сталин сярысь кылбуръёс, кырӟанъёс но легендаос» («Солнце Родины: стихи, песни и легенды о Сталине»), приуроченная 60-летию вождя. Через десять лет по случаю его 70-летия была издана другая антология: «Сталин сярысь кырӟаськом: кылбуръёс но кырӟанъёс» («Поем о Сталине: стихи и песни»). Интересно, например, что здесь опубликована А. Барто со стихотворением «Письма Сталину».

Героями переводной очерковой прозы являлись и народные герои прошлых веков, времен недавней гражданской войны и большевики – соратники Сталина. Так, в 1925 и 1926 гг. были изданы очерки А. Шефера «Степан Тимофеевич Разин» и «Емельян Пугачев». Оба перевода выполнены П. Гороховым, в ту пору сотрудником «Гудыри». В 1930-е гг. на удмуртском языке вышли следующие книги: З. Александрова «Чапаевлэн быремез» («Смерть Чапаева»1939, пер. А. Клабуков), А. Яковлев «Ворошилов сярысь верос» («Рассказ о Ворошилове» 1936, пер. А. Лужанин), Л. Квитко «Ворошиловлы гожтэт» («Письмо Ворошилову» 1939, пер. И. Гаврилов). Последняя книга любопытна тем, что поэтический сборник объёмом в 8 страниц и адресованный детям, издан тиражом 8500 экземпляров.

Все упомянутые выше образцы очерково-документальной переводной литературы ориентированы для подростково-юношеской и молодежной аудитории и выполняли идеологическую и воспитательную функции, весьма обоснованные в исторических реалиях тех лет.

Этим целям и задачам служила и переводная литература о Великой Отечественной войне. «Удгиз в годы Великой Отечественной войны издавал в основном литературу патриотического характера, учебники, политическую литературу... В переводной художественной литературе на первый план также выдвигается патриотическая тема, тема воспитания мужества, героизма» [4, с. 133; 135]. Огромный массив военно-патриотической литературы – документальной, публицистической и художественной – переводился на удмуртский язык по горячим следам: временной интервал, отделяющий появление перевода от публикации оригинала, составлял примерно от нескольких месяцев до двух-трех лет. Смеем предположить, что такое сокращение временного промежутка в переводном деле было характерной особенностью этого периода и проявлялось во многих литературах народов СССР.

В годы войны в большей степени переводилась очерковая, публицистическая и художественная литература на злобу дня: «Пограничники в Отечественной войне» И. Прокофьева («Пограничникъёс Отечественной война дыръя: очеркъёс», 1941, пер. не указан), «Рассказы об артиллерии» Л. Савельева («Артиллерия сярысь рассказъёс», 1941, пер. Г. Туганов и В. Широбоков), «Черемыш – брат героя» Л. Кассиля («Черемыш – геройлэн братэз», 1941, пер. В. Ложкин), «Четыре боевых случая» Л. Успенского («Ньыль боевой учыръёс», 1941, пер. П. Чайников).

Альманах 1944 г. «Вормон сюрес» («Дорога Победы») содержал единственное переводное произведение – «Гимн Советского Союза» С. Михалкова в переводе П. Чайникова. Начиная с победного 1945 г., школьные

учебники и хрестоматии по родной литературе для всех классов открывались публикацией этого переводного Гимна. Такая традиция продолжалась примерно до XX съезда КПСС.

После Победы и в 1950-е гг. переведен и отдельными книгами издан большой корпус хрестоматийных произведений военной тематики: «Сын полка» В. Катаева («Полклэн пиез», 1947, пер. Т. Архипов), «Звезда» Э. Казакевича («Кизили», 1949, пер. И. Гаврилов), «Александр Матросов» Л. Пантелеева (1949, пер. М. Лямин), «Повесть о сыне» Е. Кошевой («Пие сярысь верос», 1949, пер. М. Петров), «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого («Зэмос адями сярысь верос», 1952, пер. Н. Емельянов), «Василий Тёркин» А. Твардовского (1952, пер. М. Петров), «Повесть о Зое и Шуре» Л. Космодемьянской (1954, пер. А. Галичанина), «Молодая гвардия» А. Фадеева (1956, пер. Н. Емельянов, В. Широбоков и Т. Архипов), «Судьба человека» М. Шолохова («Адямилэн улон сюресэз», 1958, пер. В. Широбоков) и др.

Из современных русских прозаиков наиболее полно представлено на удмуртском языке творчество А. Гайдара. Впервые он был издан сборниками «Мынам эшъёсы: веросъёс» («Мои друзья: рассказы», 1933, пер. Г. Кутергин) и «Ньылетӥ блиндаж» («Четвертый блиндаж», 1938, пер. не установлен). В последующие десятилетия его произведения переводились буквально «с колёс» вослед оригинальным текстам – издано шесть его книг. Это и «Тимур и его команда» (1946), «Чук и Гек» (1953), «Горячий камень» (1955), «Дальние страны» (1956), «Р.В.С» (1957), переиздан «Четвертый блиндаж» (1948).

Конечно, весь период много и регулярно переводились на удмуртский язык и произведения русской классики, ориентированные для детского и юношеского чтения: басни И. Крылова и Л. Толстого, рассказы К. Ушинского, В. Короленко, А. Чехова. С учетом возрастной психологии они включались в школьные учебники младшего и среднего звена.

Подводя итоги переводческой деятельности обозначенных десятилетий, можно сказать, что впечатляют не только объемы переводной детской литературы, но пока еще и ее низкое качество. Но вопросы качества и стратегий перевода в эту пору поднимались изредка в единичных публикациях, они всерьез актуализируются лишь во второй половине XX века.

Следует отметить, что переводы в 1920 – 1930-е гг. выполняли не столько литературные и художественно-эстетические, сколько сугубо прагматические и идеологические функции. Они были весьма актуальны и в последующие десятилетия, хотя в 1940–1950-е гг. перевод многими удмуртскими писателями воспринимался уже как школа литературного мастерства.

За редким исключением, переводчики пока не могли разграничить статус оригинальной и переводной литературы (особенно в 1920–1930-е гг.), поэтому переводные тексты часто публиковались без упоминания названия оригинала и автора и без указания фамилии переводчика. Анонимность оригиналов и переводов – типичное явление удмуртской литературы первых двух советских десятилетий, особенно в периодике и школьных учебниках. Именно этим обстоятельством объясняется и явная вольность – «удмуртизация» сюжетов отдельных переводимых произведений – либо, наоборот, чрезмерная приверженность к букве оригинала. Хотя в последнем случае налицо и слабый

уровень развития литературного языка, процессы регламентации которого пришлись на эти десятилетия. Переводная литература, деятельно участвуя в процессе выработки нового советского «литературного слога» и «литературной нормы», оказалась неотъемлемой частью формирующейся языковой культуры.

Связь переводческой деятельности с идеологическими аспектами литературной жизни ярче всего проявлялась на фоне реализации советской системы образования и призыва к ликвидации неграмотности населения: переводы одновременно являлись предметом чтения на родном языке в школьных учебниках и инструментом утоления «литературного голода», способствуя воспитанию «нового» удмурта – советского гражданина. При этом если причиной оригинального «литературного голода» 1920-х гг. являлась острая нехватка писательских кадров, в том числе детских писателей, то «голод» 1930-х гг. во многом был обусловлен массовыми репрессиями среди удмуртских литераторов. В этих условиях переводческая деятельность для действующих писателей являлась своего рода «внутренней эмиграцией», когда они были вынуждены выбирать между творчеством и забвением.

Если же в целом говорить о роли художественного перевода в идейно-эмоциональном и жанровом обогащении удмуртской детской литературы, то она самоочевидна, что мы и продемонстрировали выше. Во многом благодаря переводам возникли условия для важных изменений в оригинальной детской литературе второй половины XX в.

Литература

1. *Дзюина К.Н.* Удмуртская книга. 1917–1974. Ижевск: Удмуртия, 1976. 280 с.

2. *Национальное* книгоиздание Удмуртии. Страницы истории и современность / авт.-сос. *К.Н. Дзюина*. Ижевск: Удмуртия, 2005. 200 с.

3. *Пантелеева В.Г.* Переводческий дискурс удмуртской детской литературы // Языки народов России в контексте теории и практики перевода: итоги исследования, состояние и перспективы развития: сб. ст. / сост. *О.Ю. Иванова*. М.: РУСАЙНС, 2021. С. 195–218.

4. *Фролова Г.Д.* Удмуртская книга. История книгопечатания. Современная книга. Ижевск: Удмуртия, 1982. 232 с.

5. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. В 15 т. Т. 4: Статьи и рецензии 1856–1857. М.: Худож. лит-ра, 1948. 983 с.

УДК 821.511.151

Е.А. Пендельская
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Кудрявцева Р.А., д-р филол. наук, проф.

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИНТЕРЬЕРА В РОМАНЕ З. КАТКОВОЙ «ГДЕ ТЫ, СЧАСТЬЕ МОЕ?»

В статье рассматривается поэтика интерьера в русскоязычном романе марийского писателя Зинаиды Катковой «Где ты, счастье мое?» в аспекте художественных функций этого вида описания. В ней проанализирована характерологическая функция интерьера и вещных деталей в разрезе ключевых персонажей романа.

Ключевые слова: *марийская литература, З. Каткова, «Где ты, счастье мое?», поэтика, интерьер, характерологическая функция.*

Интерьер как описание внутреннего убранства помещения занимает в романе З. Катковой «Где ты, счастье мое?» много места, и всегда его использование художественно оправданно и значимо. Преобладающей функцией интерьера и многочисленных вещных деталей в этом произведении является характерологическая. Вещные образы служат важной художественной цели – зеркально отобразить с их помощью особенности личности персонажа, его характера и стиля жизни. Читающий произведение легко «декодирует информацию о характере и личности жильца того или иного обжитого пространства, которая содержится в вещах, это пространство наполняющих, и, основываясь на полученных данных, создает психологический портрет субъекта данного интерьера» [2, с. 17].

В романе З. Катковой «Где ты, счастье мое?» интерьер как способ раскрытия характера отмечен применительно к каждому образу персонажа.

Так, при описании комнаты Марпы автор заостряет внимание читателя на тех деталях интерьера, которые позволяют глубже понять ее натуру и те ценности, которые составляют основу ее жизни: «*Марпа разделась, оглядела комнату. Все, как при покойном муже: две кровати, стол, шаткая этажерка с ученическими книжками и тетрадками, большой сундук, окованный полосками железа, – материнское приданое…*

Взгляд Марпы задержался на старинном, похожем на бочонок, висячем замке. Ключ от этого замка вместе с медным крестиком всегда висел у нее на груди, на потемневшем от пота сыромятном гайтане. Боже сохрани, чтобы кто-нибудь заглянул в сундук, нащупал нам, на самом дне, жестяную коробку с кредитками» [1, с. 84].

Любовь к детям, особенная нежность ее по отношению к младшей (Олюк) соседствует в ней с жадностью, скупостью, жаждой наживы и легких денег. По ходу развития действий романа Марпа неизменно демонстрирует эту противоречивость своего характера: с одной стороны, любящая и переживающая за своих детей мать, с другой – алчная и жадная до денег женщина, совершающая ради них неблаговидные поступки. Именно на таких контрастах и строит автор характер данного персонажа.

Также ярко проявляется характерологическая функция интерьера при создании образа Пелагеи Романовны, матери Нелли. З. Каткова так описывает ее комнату: «*Такой же унылой, жалкой показалась Нелли квартира матери. Крохотная прихожая, налево – дверь в тесную, загроможденную кухню, прямо – в комнату с ветхим, надо полагать, купленным с рук, по дешевке, шифоньером, допотопного вида диваном и этажеркой в углу, плотно забитой обтрепанными старыми журналами. Обстановку дополнял неказистый стол у окна и справа от него кровать-полуторка с выгнутыми никелированными спинками. Несмотря на убожество обстановки, комната выглядела чистой, опрятной. Эту чистоту и опрятность придавали ей белоснежная простынь, аккуратно расстеленная на диване, голубая клеенка на столе поверх полотняной скатерти*

и пышно заправленная кровать с горой подушек и кружевным подзором, выглядывавшим из-под голубенького пикейного покрывала» [1, с. 106].

Это описание квартиры дополняет портрет хозяйки – простой женщины мари, скромной и чистой в быту, не привыкшей к роскоши, добившейся всего в жизни своим трудом. Трудности, выпавшие на долю этой женщины, ее нелегкая судьба не уничтожили в ее душе веры в людей, в светлое и доброе человеческое начало.

Впервые квартиру Пелагеи Романовны мы видим тогда, когда к ней приезжает ее дочь, избалованная роскошью городская барышня, похожая на куклу. Описание комнаты дается автором через восприятие Нелли, и, несмотря на ее пренебрежительное отношение к матери, мы видим домашний уют, чистоту и легкость этой обстановки, что сразу проецируется в сознании читателя на личность Пелагеи Романовны. Проекцию эту автор создает при помощи оценочных эпитетов: чистая, опрятная, аккуратная, белоснежная. Именно такие качества личности своей героини, как внутренняя чистота, открытость, честность, раскрывает автор, противопоставляя им черствость и эгоизм ее дочери – Нелли.

Эту же комнату, но при других обстоятельствах, автор показывает нам в другом эпизоде романа: «*Пелагея Романовна вошла и не узнала свою комнату. Новая дорогая мебель – сверкающий полировкой шифоньер, низкая деревянная кровать, на месте дивана не то кушетка, не то черт-те что, без спинки и валиков, покрытая чем-то ярким, клетчатым. Над этой чертовщиной и над кроватью два огромных, во всю стену, ковра, такой же большой ковер – только другой расцветки, – на полу. Этажерка исчезла, на месте ее появился сверкающий лаком радиоприемник, такой же, как в кабинете директора завода, и тоже на маленьком столике с тоненькими ножками»* [1, с. 130].

На этот раз комната показана глазами Пелагеи Романовны. Она вместе с автором подмечает, что исчезла «душа» этой комнаты, куда-то испарились уют и чистота. Ковры «съели» пространство и забрали воздух. Комната перестала быть светлой. «Чертовщина» – это то, во что превратилась до этого уютная и светлая комната. «Чертовщина» – это именно то слово, которое метко характеризует характер Нелли, происходящее в ее душе. Пытаясь заменить один интерьер на другой, стараясь сменить те подлинные ценности, которыми жила ее мать, на дорогую подделку, она обезличила жилище, лишила жизни.

В результате описание вещного мира выполняет уже не только характерологическую, но и идейно-оценочную и концептуальную функцию. Читатель понимает, что автора волнует проблема потребительской психологии, что в ней он видит оскудение человеческой души.

«Неуютный» и «небрежный» по отношению к себе и к людям характер Пузырькова в романе показан через его неуютную квартиру: «*Пузырькова порадовало, что к его приезду комнату отремонтировали, вымыли, откуда-то раздобыли стол, пару стульев и такую-же, какая была у бабки Марпы, железную койку с полным комплектом постельных принадлежностей. И все-таки эта комната выглядела не жилой, напоминала больничный изолятор – полосатый матрац, синее грубошерстное одеяло, жиденькая подушка без верхней наволочки, стопка желтоватого застиранного постельного белья на*

столе рядом с пустым графином и плохо промытым стаканом» [1, с. 116]; «*Он заранее приготовился к приему гостьи, попросил техничку хорошенько вымыть пол, протереть окно, помыть грязную посуду. И все-таки Качырий стало как-то не по себе, когда она переступила порог крохотной комнатушки с голыми стенами и устоявшимся запахом табачного дыма»* [1, с. 124]. Качырий пыталась «обжить», облагородить эту квартиру и самого Пузырькова, став его женой, но ничего, к сожалению, не получилось, все вернулось к прежнему виду: «*…комната выглядит полупустой, неуютной, покинутой»* [1, с. 204]. Она пыталась привнести в квартиру и жизнь Пузырькова ощущение безоблачного счастья и покоя, изменить характер возлюбленного, выстроить приемлемый стиль отношений. По аналогии с комнатой, пустой и безжизненной, счастье тоже оказалось несостоявшимся: «*Вещи были разбросаны, скатерть со стола наполовину сдернута, на полу, возле дивана, валяется скомканное мокрое полотенце в пятнах крови. Такое же пятно расплылось на подушке. Кровать застелена помятой простынью, одеяло куда-то исчезло. На полу поблескивают лужицы воды, повсюду запах каких-то лекарств»* [1, с. 276].

По контрасту с комнатой Николая Пузырькова строится описание того, как жил Константин Бахманов, (пока еще холостяк) с которым чуть позже Кычарий найдет свое счастье: «*В общежитии тихо, прохладно. Все шесть коек стоят аккуратно заправленные, во всем виден порядок. Это несколько умиротворило Бахманова: ребята без него не распустились, следят за чистотой – Бахманов терпеть не мог нерях»* [1, с. 136]. Из этого короткого описания ясно, какими чертами характера обладает Костя Бахманов – это дисциплинированный, сильный, обладающий авторитетом человек, любящий чистоту и порядок.

Эти качества характера Кости в полной мер проявятся в эпизоде обустройства им дома бабки Епремихи, в котором он будет жить со своей любимой женщиной. В этом эпизоде масса интерьерных деталей, создающих образ уютного, ухоженного и чистого дома, который сродни самому характеру Кости: «*Никогда не думала, что под старость лет ей придется жить в избе, обставленной по-городскому. Повезло ей с квартирантами, еще как повезло! Не будь Кости, разве бы ей, старухе, пришло в голову покрасить пол, обклеить почерневшие стены такими красивыми обоями. Как сатин голубой со цветочками, а потолок ровно коленкором белым обтянут. Епремиха вспомнила, как переполошилась, когда в ее избу провели электричество. До этого, бывало, смахнет наспех крошки со стола, подметет березовым веником середину избы – и чисто. А как вспыхнула электролампочка под потолком, так и ахнула бабка: и за печкой, и под лавками, и под кроватью все чугуны-тряпки, весь сор-мусор на глаза вылез. Срамота! Пришлось все мыть, чистить, что выносить в амбар, что выкинуть. А теперь хоть десятки лампочек зажги, нигде ни соринки. Пол блестит, как масляная сковородка, на столе новенькая клеенка, на окошках занавески кружевные повешены. В такой избе сто лет проживешь и то не надоест»* [1, с. 318].

Таким образом, З. Каткова предстает в романе «Где ты, счастье мое?» как мастер интерьерного описания, используя его в характерологической функции.

Интерьерные детали максимально отражают особенности личности, характера, стиля жизни персонажей.

Литература

1. *Каткова З.Ф.* Где ты, счастье мое? Роман / перевод с мар. языка автора. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. Йошкар-Ола, 1973. 432 с.

2. *Судосева И.С.* Поэтика интерьера в художественной прозе: дис. … канд. филол. наук. М., 2016. 191 с.

УДК 821.511.131.09(045)

Е.Н. Петрова

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Научный руководитель: Зайцева Т.И., д-р филол. наук, доцент

ФРОНТОВАЯ ЛИРИКА УДМУРТСКОГО ПОЭТА Т.И. ШМАКОВА

Рассматриваются наиболее значимые стихотворения удмуртского поэта-фронтовика Тимофея Ивановича Шмакова (1910–1974), написанные на войне. Изображение войны глазами ее участника обуславливает содержание, образную систему и структурные особенности анализируемых в статье стихотворений.

Ключевые слова: *удмуртская поэзия 1941–1945-х гг., творчество поэта-фронтовика Т.И. Шмакова, проблематика, поэтика, жанр.*

Известный удмуртский поэт-фронтовик Т. Шмаков начал печататься еще в довоенные годы под псевдонимом Шмаки Тими. В то же время он работал над переводами произведений русских (М. Горький, Н. Некрасов, Т. Шевченко и др.), и зарубежных (В. Гюго) писателей-классиков.

Лучшие произведения Т. Шмакова вошли в хрестоматии и антологии, переведены на языки народов России. Удмуртский поэт публиковался в альманахе «Дружба народов», печатался в центральных издательствах Москвы, Ленинграда. Т. Шмаков – автор лирических и философских стихотворений, поэм, баллад, песен, посвященных военной теме.

Т.И. Шмаков удостоен многих боевых наград, служил артиллеристом, воевал на Волховском, Белорусском и Прибалтийском фронтах, демобилизовался в звании техника-лейтенанта. Отличительной особенностью его фронтовой поэзии является летописность, Шмаковские поэтические тексты представляют собой образцы взятых из фронтовой жизни примеров – подвигов солдат и их обычных будней, – имеющих историческую ценность. Известно, что в начальный период войны советская лирика была более открытой, эмоционально-патетической; в поэзии актуализировались формы посланий, призывов, обращений, динамично развивались приемы риторики, декламации, рефрена. Поскольку Т. Шмаков уходил на фронт уже автором, имеющим опыт работы в сфере литературы и журналистики, он достаточно быстро отошел от стихов декларативного, призывного характера.

Наряду со стихами большого гражданского накала и горячего темперамента, Т. Шмаков на фронте создает лирику и пейзажную, и любовную,

и романтическую со стремлением к философскому осмыслению проблемы «человек и война». Неслучайно председатель Союза писателей Удмуртии военных лет А. Лужанин отмечает: *«Данак кылбуръёс гожъя война аръёсы Тимофей Шмаков. Та поэтлэн берло гожтэм кылбуръёсыз, азьло аръёсы гожъямъёсыз сярысь, чебересьгес но ӟырдытэсьгес. Вань кылбуръёсыз солэн пыӵамын вордскем шаерез мур яратонэн, солэн шудэз но данэз понна пумозяз нюръяськыны дась луон мылкыдын»* [8] (Много стихотворений написал Тимофей Шмаков в годы войны. Его стихотворения последнего периода художественно более зрелые, яркие по сравнению с тем, что писал раньше. Для его стихотворений характерно чувство глубокой любви к родине, чувство готовности бороться до победного конца за ее счастье и свободу) (Дословный перевод с удмуртского языка автора статьи – *Е.П.)*

«Окопная поэзия» Т. Шмакова имела большой читательский резонанс, он почти ежедневно получал письма-отклики. К примеру, опубликованные уже после войны коллегами поэта его фронтовые письма свидетельствуют: *«Вуылӥсь отзывъёсъя, кылбуръёс табере уно сю лыдӟисьёсты шедьто. Лыдӟисьёслэн гожтэтъёссы гожъян мылкыдэз жуто… Пыӵаллэн кулэлыкез – бойын. Нош кылбур – со туж кужмо пыӵал!»* [См.: 1]. (Сегодня получил 18 писем… Эти отзывы говорят о том, что стихотворения сейчас нужны многим сотням читателей. Читательские письма порождают желание писать… Оружие нужно в бою. А поэзия – это очень сильное орудие!)

Стихотворения Т. Шмакова показывают, что он обладал даром художественного слова и чувством формы от природы. Безусловно, на его творческое становление оказали влияние фольклор, деревенское окружение, природа, но, прежде всего русская поэзия. Поэтическое родство с поэзией русских писателей-фронтовиков (А. Суриков, А. Твардовский, К. Симонов и др.) ощутимо в стихотворении «Кылбур» («Стихотворение», 1944).

Кылбурен дурисько юн кужым,	Стихами кую я силу духа,
Пыӵалэн жутӥсько вормонлык.	Оружием приближаю победу.
Кылбурын данъясько пыӵалме,	В стихотворениях прославляю свое ружье,
Пыӵалэн гожъясько кылбурме.	Оружием пишу свои стихи.
Мон понна котькудӥз кылбур кыл	Каждое стихотворное слово
Ӝуатэ сюлэмам югыт тыл. [9, с. 5].	Зажигает в моем сердце светлый огонь.

Выше отмечалось, что в начальный период войны широкое распространение получили стихотворения-призывы, нацеленные на мобилизацию народа для защиты Отечества. «Призывы» Т. Шмакова простые по форме, но емкие по содержанию, обычные слова и выражения в них имеют глубокий смысл и яркую выразительность. В контексте сказанного примечательно стихотворение «Улэмед ке потэ» («Если хочешь жить», 1942), которое вселяет в читателя-бойца и в читателя-труженика тыла уверенность в победе, призывает советского человека бить врага жестко и бескомпромиссно:

Азьпала эн лэзьы	Не пускай вперед
Йыртэмась немецез.	Грабителя-немца.
Сое жуг котькызьы,	Бей изо всех сил,
Жуг штыкен, прикладэн!	Хоть штыком, хоть прикладом!

Сылал-нянь интые,	Вместо хлеба и соли,
Пуляен сое сюд!	Накорми его пулей!
Жуг сое, немецез,	Бей его, немца,
Шокчемез медаз лу!	Чтоб не смог вздохнуть!
Ю-бусы интые	Вместо хлебного поля
Тон солы сёт шайгу! [3, с. 7].	Дай ему могилу!

Стихами-призывами, стихами-клятвами поэт вместе со своим народом присягает на подвиг ради уничтожения фашизма. Т. Шмаков показал войну как трагедию, увиденную глазами солдата – участника событий. Образ солдата в поэзии Т. Шмакова – образ собирательный, во многом автобиографичный. Портрет бойца-патриота в стихотворении «Мынам кык семьяе» («У меня две семьи», 1944), можно сказать, «списан» с себя и со своих фронтовых друзей.

Ӟем дыръя юало мынэсьтым:	Часто спрашивают у меня:
–Кытын-о, боец эш, семьяед?	–Где твоя семья, товарищ боец?
–Семьяе кемалась мынам кык:	–Давно у меня две семьи:
Одйгез – кыдёкысь Ижевскын,	Одна – в далеком Ижевске,
Мукетыз нош ялан мон сьӧрын,	А другая всегда со мной рядом,
Со – милям боевой ротамы. [9, с. 41].	Это – боевая рота наша.

Фронтовые стихи Т. Шмакова вошли в «коллективные сборники военных лет, читались по радио и на митингах, проходивших в республике по случаям крупных побед Советской Армии. Стихотворение того периода «Малы уӵыос…» (в переводе с удм. – «Почему соловьи…»), было положено на напев известной грузинской песни «Сулико» [4, с. 438].

В сборнике стихов «Ми вормом!» («Мы победим!», 1941), подписанном в печать в первые месяцы войны, опубликовано стихотворение Т. Шмакова «Фронтэ» («На фронт»), в котором автор достаточно открыто говорит о неизбежности войны:

Тодмо вал со: лыктоз тушмон.	Было предсказуемо: враг придет.
И лыктытэк тушмон ӧз кыль.	И он пришел.
Лыктӥз фашизм – дунне вылысь	Пришел фашизм – самая страшная чума,
Самой лекез сьӧдкыль. [2, с. 4].	Которая есть на свете.

Сильные патриотические чувства фронтовой поэзии обусловили ее необычный лиризм. В газете «Советской Удмуртия» (05.01.1945) напечатано стихотворение Т. Шмакова «Выль лымы» («Свежий снег») с пометкой «ноябрь 1944 ар, полевая почта 23900». Выражая радость по случаю изгнания врага с родной земли, автор описывает красоту леса, прикрывшегося первым осенним снегом. Фашисты лишили людей возможности любоваться родной природой, теперь все поменяется:

Война Берлин пала кошкиз	Война в сторону Берлина
Асьме музъем вылысь.	Отошла от нашей земли.
Тэле пегӟем калык бертӥз,	Вернулся сбежавший в леса народ,
Шудо улэ выльысь.	Он снова живет счастливо.
Туэ сӥзьыл усем лымы	Выпавший осенью снег
Вадьлон сярысь пӧртэм:	Отличается от прошлогоднего:

Эркын шокась лудъёс вылын	На свободно дышащих лугах
Азвесь сямен гӧртэ. [6, с. 2].	Искрится серебром.

Военные годы стали для поэта временем глубоких размышлений о жизни, свободе, Родине. Сердце солдата, борющегося с фашизмом, вселяет в себя весь мир. Обобщающий образ воина-победителя предстает и в стихотворении «Вормись солдат бертэ» («Возвращается воин-победитель»), также напечатанного в газете «Советской Удмуртия» (29.07.1945).

Вуиз, эше, витем нунал –	Настал, мой друг, долгожданный день
Вормись солдат бертэ гуртаз.	Победитель-солдат возвращается домой.
Ачиз мӧйы, тусыз егит.	Постарел, но выглядит он молодо.
Тодэ: сое витё юртаз.	Знает: его ждут дома.
<...>	<…>
Уно книга гожтоз даур –	Много книг напишет эпоха –
Вормись солдат сярысь книга.	О солдате-победителе.
Поэт гожтоз уно кылбур,	Поэт напишет множество стихов,
Калык пӧлын йылоз кырӟан,	В народе будут зарождаться песни,
Кызьы батыр солдат жутӥз	О том, как солдат-батыр
Берлин вылэ вормон нунал,	На Берлин принес победу,
Кызьы аслыз сюрес лёгиз	Как он дорогу протоптал
Вормись нимын бертон понна. [5, с. 1].	Чтобы вернуться победителем.

Фронтовое творчество Т.И. Шмакова оказало большое влияние на развитие удмуртской поэзии второй половины XX в. До сегодняшнего читателя из пекла боев доносится голос поэта, наследие которого нуждается в серьезном изучении.

Литература

1. *Бутолин А.С.* Тимофей Шмаковлэн гожтэтъёсыз // Кам тулкымъёс: пьесаос, кылбуръёс, статьяос. Ижевск: Удмуртия, 1983. С. 131–132.
2. Ми вормом!: советской калыклэн Великой Отечественной войнаезлы сӥзем сб. / П.М. Чайников и др.; отв. ред. М. Воронцов. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. 40 с.
3. Патриотъёс: стихи / Отв. ред. Ан. Писарев. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1943. 80 с.
4. Писатели Удмуртии: библиогр. справочник. Ижевск: Удмуртия, 1989. 462 с.
5. *Шмаков Т.И.* Вормись солдат бертэ // Советской Удмуртия. 1945. 29 июля.
6. *Шмаков Т.И.* Выль лымы // Советской Удмуртия. 1945. 05 янв.
7. *Шмаков Т.И.* Фронтэ // Советской Удмуртия. 1941. 05 янв.
8. *Лужанин А.В.* Егит поэтъёслэн война дыръя гожъям кылбуръёссы // Советской Удмуртия. 1944. 24 сент.
9. *Шмаков Т.И.* Мынам пыӵалэ: кылбуръёс / отв. ред. А.В. Корепанов. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1945. 64 с.

УДК 821.511.151

А.П. Пчелкина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Беляева Т.Н., канд. филол. наук, доц.

ЛИДИЯ ИКСАНОВАН «МЫЙ ШОЧМЭЛЫМ ЙӦРАТЕМ» СБОРНИКЫСЕ МУТСАСКАЖЕ-ВЛАК

В статье анализируется художественное своеобразие лирических произведений Лидии Иксановой, вошедших в сборник «Я люблю свою Родину» («Мый шочмэлым йӧратем»).

Ключевые слова: *Л. Иксанова, марийская поэзия, тропы, пейзажная лирика, гражданская лирика, эпитет, метафора, сравнение.*

Морко велын ӱдыржӧ, Лидия Иксанова – серызе, чолга туныктышо да мер пашаеҥ. Тудо сылнымутын тӱрлӧ жанр ден видыштыже вийжым терга: поэме, поэме-йомак, йӧратымаш, пӱртӱс да граждан лирикыла да т.м. Тачысе кечылан тудын вич книгаже савыкталт лектын: «Чылажат – шочмо верын» (1995), «Йӧратымем, тылат…» (1999), «Шыже блюз» (2010), «Мый шочмэлым йӧратем» (2016), «Мландем – Сандалыкын пеледыш» (2016).

«Мый шочмэлым йӧратем» сборникысе мутсаскаже икмыняр тематический ужашлан пайлалтын. Лирике геройым шочмэлын, шочмо кундемын (ялын), шочмо йылмын, шочмо школын да туныктышын проблемылашт тургыжландарат. Тудо илыш, ача-ава, ойырен налме паша нергенат шонкала. Почеламут-влак утларакше патриот, граждан шӱлышан улыт, сандене кушкын толшо тукымым шочмэлым йӧраташ да пагален аклаш, поро паша лектышла дене пойдараш да тӱзаташ, аралаш да перегаш ӱжыт.

Шижалтеш: Лидия Иксановалан шочмо кундемже моткоч лишыл да шерге. Шочмэлым йӧратымашым «чон поянлыкын» негызшылан шотла, порылык, чынлык, икте-весылан полшымаш дене кылда.

Сборникым почшо **«Шочмэл»** почеламутыштыжо автор шочмо элын куатле вийжым мокта, лирике геройын тудын дек отношенийжым ончыкта:

Мый шочмэлым йӧратем –
Мый тыште шочынам.
Тӱняште икте ты элем –
Эн шергакан мылам [1, с. 5].

Икымше лица дене каласкалымаш поэтым лирике герой деке веле огыл лишемда, нунын икгай шонымашан улымышт нерген шижтара. *«Мый»* лексический анафор йӧным кучылтмаш лач тидын нергенак ойла. Поэтессат (интервьюштыжо каласен коден) шочмо элжым нимо денат алмашташ, вашталташ ок вашке (*«огеш кӱл шӧртньӧ, ок кӱл ший, мӱгинде, костенеч…»* [1, с. 5] – вет шочмэл нимо деч шерге), вес кундемышкат илаш каяш ок шоно.

Почеламутысо троп-влакат шочмэлын шкешотан (таҥастарымаш-влак: *«памашшинча гай»*, *«кава икшывыжла»*), геройлан моткоч лишыл да шерге улмыжым, моторлыкшым почын пуат (эпитет-влак: *«шӧртньӧ», «ший»*; метафор-влак: *«тул кече», «мардеж вӱчкен»*).

Ялын образше шочмо мланде теме дене чак кылдалтеш. **«Авамланде»** мутсаскаште лирике герой шочмо-кушмо суртышкыжо икшыве-влакшым конда.

Лач тыште тудланат йоча, самырык годсо жапше пӱсын шарналтеш, садлан кумылжат чӱчкаш, чонжат мураш тӱҥалеш: *«коча-ковамын шерге суртым, кеч шукертак жап йомдарен, но нигуштат тыге ом сурло»* [1, с. 23].

Лирике герой шочмо элжым коден койымыжлан ойгыра, но, жап эртымекат, чонжо шочмо велышкыже, оралтышкыжак шупшеш (икмыняр гана тӱрлӧ формылаште кучылталтше *«тыш»* (*тыш, тышке*) наречий ончыкта), вет тыште тудын эн пиалан татше эртен. Произведенийысе метафор-влакат тидын нерген шижтарат: *«пиал кочак», «илыш корно», «от шиж вӱр ӱжмымат»*.

«Марий калыкем» почеламутышто лирике герой патриот шӱлышан: марий улмыжо дене кугешна, шочмо калыкшым нимучашдымын мокташ ямде улеш, тудын дене эре пырля лийнеже, сандене тыштат *«марий»* лексический анафорым кажне строкаште кучытеш:

Улам марий! И кугешнем тид(ын) дене.
Марий мландемын ӱдыржӧ улам [1, с. 32].

Молыштымат шочмо калыкше дене нелылыкым, порым лош пайлаш ӱжеш (вет кузе калыкыште ойлат: «Пырляште веле нелылыкым сеҥаш лиеш»).

Шочмо кундемым йӧратымаш чоншижмаш, тудым эреак тӱзатен шогымаш кумыл «ава шӧр» денак толеш, манын шижтарат почеламутысо метафор-влак:

Кугезе-влак *пыштеныт шӱмыш тулым*
Йӧратыме *калыкемлан йӱлаш* [1, с. 32].

Тыштак поэтессе шочмо калыкшым пӱрымаш дене таҥастара *(«калыкем – пурымаш гай»*, тыгодым тудак *«пеледыш гае»* мотор, чоным тарватыше, кеч пӱрымашыже *«шонанпыл гае»* «ик татыште эрта» гай чучеш. Ятыр эпитетат (*«уста, чеверле, поро, ош»* почела пуалтыныт) лирический геройын шочмо элже деке отношенийжым почын пуаш полшат.

Лидия Геннадьевна – Марий Эл Республикын сулло туныктышыжо, сандене туныктышын сомылжым, мутат уке, моточ сайын пала. Тиде суапле профессийын нелылыкшым, куанжым шке шӱм-чонжо гычак колтен. Шинчымашым пуышо, поро йолгорныш шогалтыше пашаеҥын сомылжым аклен, тау мутым (*«туныктышем, туныктенат, тунемым, туныкташак»* «туныктышо» шомакын икмыняр формыжым кучылтын), мутлан, **«Туныктышем»** почеламутыштыжо пачаш-пачаш каласа:

Туныктышем, тау тылат,
Моткоч сай туныктенат.
Лудаш тунемым почешет,
Возаш тунемым тый гает.
Тау тылат, туныктышем [1, с. 38].

Лирике геройлан ава кеч-кунамат полыш кидым жапыштыже шуялтыше, икшывыже-влак верч йӱд омыжым кодышо, кажнылан эн лишыл да шерге, шыма да поро, сайлан гына туныктышо айдеме улеш. «Йӧратыме ава» нерген (теме) возымаштыже автор таҥастарымаш таҥдышын ***эн*** шомакшым кучылтеш:

Ава – икте веле, ***эн*** *лишыл ава,*
Тӱняште ***эн*** *тӱҥ, ава веле ава* [1, с. 43].

«Ава» шомакынак пачаш-пачаш каласыме тӱрлӧ грамматике формыжо-влак *(«ава, авай, авам, аваем»)* эпитет гаяк характерологический функцийым шуктат: *«лишыл, поро, сай»*.

Метафор *(«шӱм шула», «кумылет лывыжга», «илыш теҥызыште»)* ден танастарымаш-влак *(«изи икшывыла», «тый улат тӱҥ серем»)* аван эн лишыл да кажныжлан тӱҥ энертыш улымжым ончыктат.

«Тый, эргым, лий айдеме!» вес мурсаскаште шочшыжын волгыдо ончыкылыкшо верч аван изин-кугун тургыжланымыже раш палдырна. Йӧратыше ава икшывыжым кеч-могай татыштат шкем кӱлеш семын кучаш, чын Айдеме лияш туныкта, кажныжлан (йолташлан, осал шонымашан енланат) полыш кидым иктӧр шуялташ кумыланда. «Порылык» – пиалан илышын негызше улеш, манеш поэтесса почеламут корнылаштыже:

Ава каласыш:
«Эргым, лий Айдеме.
Тӱняште тый денет
Кеч-мо лиеш гынат,
Чонетше
Поро кумыл дене темже.
Тунам гына эн чын
Пиал лиеш тылат» [1, с. 44].

Кызытсе саманын мер проблемылажым (инвалид, шоҥгыеҥ да суртдымо-влакын илыш пӧрдемышт нерген) **«Шинча пазар покшелне йолдымо айдеме»** почеламут корнылашке шындарыме:

Шинча пазар покшелне йолдымо айдеме
Да шоҥго кидшым еҥ-влак дек шуя.
Шинчаже вожылмаш да корштымаш ден(е) темын.
Копаште йӱштӧ лум пырче кия [1, с. 56].

Лирике геройын чонжо коржеш, тудо йолдымо айдемым чамана (тӱрлӧ метафор-влак тидын нерген шижтарат: *«шоҥго кидшым», «шинчаже темын», «шоҥго урзым», «кӱ шӱм»*), тудлан полшашат ямде, вет кӱчаш *«сай илышым кычалын огыт лек»*. Произведенийыште геройын инвалид (йолдымо) улмыжым веле огыл ончыктымо, тӱҥжӧ – тудо шоҥгыеҥ, шкет кодшо илалше айдеме. Шинчаштыже палдырныше вожылмаш кумыл тылеч ончын кӱчен огыл улмыжым палдара, а корштымаш шижмаш, илыш нелылык тыгай корныш луктын, манме нерген ойла.

«Тӱняшке серыш» почеламутыштат тиде идеян шонымашак умбакыже шуялтеш. Ныжыл кумылан лирике герой ваш-ваш пагален, йӧратен, икте-весылан полшен илаш да порылык дене темше ончыкылыкым чоҥаш ӱжеш. Тудо марий поэзийынат сай лектышан пӱрымашыжлан ӱшана, санденак самырык серызе-влаклан полшаш, нуным туныкташ эреак ямде: *«Ончыл верышке лекшаш поэт», «Порылык, ваш полшымаш воктене ошкылжо ваш-ваш пагалымаш», «Йӧратат, йӧратет гын шке!»* [1, с. 63].

Пӱртӱсын моторлыкшо калыкым эре куандарен шога. Мемнан марий чодырана – чон поянлыкна. Тудын образше поэтессан вес **«Марий чодыра»** сылнымутыштыжо шӱлыканрак. Ожно чодыра воктене илемым чоҥеныт, пушеҥгым аралеи куштеныт гын, кызытсе жапыште шукынжо, чаманыде, сутла, тудым пытара. Тыгодым ты пашан энгекшым веле огыл умылыде кодыт, ончыкылык илышлан кӱлешлыкшым огыт шоналте, руымо деч вара вес пушеҥгым шынден кодаш кӱлмӧ нерген йӧршын мондат:

Пушеҥгылан шынден пушеҥгым тений?!
(Чодыра ила гын, уныкат ила) [1, с. 73].

Шочмо *«пӱртӱсна поян»* тӱрлӧ емыж-саскалан, калыкым пуша, чикта (*«ний йыдал»*). А марий чодыра – кайыкын, янлыкын илыме верже веле огыл, уныка-влакланат *«сай сурт»* лийшаш.

Икманаш, Лидия Иксанован мутсаскаже чоныш логалше йылме дене возымо, тачысе саманын пӱсӧ йодышлажым нергела, лудшыеҥым шонаш тарата. Поэтессан мастарлыкше сылнештарыме йӧн-влакым моштен кучылталтмыштат палдырна.

Литератур

1. *Иксанова Л.* Мый шочмэлым йӧратем: почеламут-влак, йомак-поэме. Йошкар-Ола: Марий туныктыш ин-т, 2016. 105 с.

УДК 821.511.131-31.09(045)

И.Я. Рыбаков
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)
Научный руководитель: Зайцева Т.И., д-р филол. наук, доцент

ЖАНР АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ О ДЕТСТВЕ В УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

Изучено художественное своеобразие автобиографических повестей о детстве удмуртских писателей Г.А. Ходырева (1932–1995), У.Ш. Бадретдинова (1957), Вячеслава Ар-Серги (1962). Особое внимание уделено проблеме творческих индивидуальностей писателей в освещении популярной темы детства.

Ключевые слова: *удмуртская автобиографическая проза, повесть, жанр, образ, тема, художественность.*

В идейно-художественной системе любой национальной литературы категория детства связана с важнейшими философско-эстетическими, духовно-нравственными исканиями писателей. Изображая детство как естественное человеческое начало и особое состояние его души, каждый автор по-своему актуализирует проблему формирования характера ребенка. Т.И. Зайцева, осмысляя современный удмуртский литературный процесс, пишет, что «писатели все чаще “возвращаются” в собственное детство, воскрешают те отрезки жизни, когда чисты и невинны были их маленькие сердца» [1, с. 138–139]. В контексте сказанного интересны автобиографические повести

Г. Ходырева «Кылйськод на меда?» («Слышишь ли еще?, 2001»), У. Бадретдинова «Шордин» («Шордин, сердцевина моя зоревая», 2000) и В. Ар-Серги «Пичи пи но Полкан» («Маленький мальчик и Полкан», 2005).

Следует отметить, что границу между мемуарами и автобиографическими повестями провести очень сложно. Во всех названных выше повестях авторское повествование организовало двумя точками зрения – «прошлое» и «настоящее»; это время, которое воссоздается ребенком, и время, из которого взрослый писатель смотрит на свое детство.

В повести Г. Ходырева «Кылйськод на меда?» автором представлено собственное военное детство. При этом автор выбирает как тяжелые обстоятельства из своей жизни (объявление «врагом народа» без вести пропавшего отца маленького Германа; получение похоронок на родных и близких; тяжелый физический труд), так и забавные истории (детские шалости, игры, различные выдумки). Необычно теплые слова благодарности посвящены матери, рано увядшей от непосильных забот. С большим интересом наблюдаешь за духовной жизнью военной деревни; несмотря на невыносимо тяжелую жизнь, дети и подростки вместе с учителями организовывали концерты, выпускали стенгазеты. Г. Ходырев умело и ненавязчиво оттеняет идею духовного самосохранения народа-победителя в годы Великой Отечественной войны. Повесть «Кылйськод на меда?» воспринимается не столько как жизнь известного писателя, но и биография целого поколения людей, чье взросление выпало на трудные военные годы.

Повесть У. Бадретдинова «Шордин» обращена к проблематике народных «корней». В самом начале повести автор вспоминает о взаимоотношениях в большой крестьянской семье. Вопреки непростым условиям крестьянской жизни, постоянную занятость физическим трудом, в семье царила любовь. В повести нет назидательных слов о роли родительской любви в воспитании и становлении ребенка, но как-то само собой чувствуешь, что детям передается сам образ жизни семьи, нравственные законы, по которым она живет. Интересно написаны эпизоды, раскрывающие организацию отряда школьного лесничества «Особый патруль». Работа юннатов из далекой деревни Алтау, где родился У. Бадретдинов, получила известность во всей стране. Тимуровские коллективные движения, юннатовские походы, пионерская дружба, чтение – они формировали основы характера известного удмуртского детского писателя У. Бадретдинова.

Писатель в личной беседе с автором статьи на одной из встреч с читателями сказал, что в своем произведении «Шордин» он попытался показать свое детство, решился взглянуть на небольшой отрезок прожитых лет сквозь смех, размышления и волнения, глазами ребенка.

Повесть В. Ар-Серги «Пичи пи но Полкан» также о деревенском детстве. Содержание повести В. Ар-Серги составляют события, касающиеся интересных случаев из жизни мальчика и собаки, хорошо передан мир чувств и эмоций ребенка. Переживания героя воссозданы так, что они весьма своеобразно отражают этапы его взросления.

Усложнение повествовательной структуры удмуртской автобиографической повести о детстве в «Пичи пи но Полкане» связано с тем,

что лирическая экспрессия здесь взаимодействует с юмором. Повествователь оценивает события детских лет с позиции взрослого человека, для которого более важны вехи внутренние, впечатления детства, являющиеся ступенями мучения «пичи пи» («маленького мальчика»). Автор «перебирается» в себя маленького и совмещает разные временные пласты повествования. Ведущая сюжетная линия, рассказывающая о жизни автобиографического героя и его собаки, связана еще и со второстепенными персонажами. Все они автору помогают заострить ведущие черты характера маленького героя.

Большое значение в повести Ар-Серги играет мир природы, в особенности пейзаж. У Ар-Серги природа не фон, не декорация; описанная без умиления и восхищения, она – часть жизни ребенка, формирующая его душу и сознание. Природа дана автором в многообразных связях и с ребенком, и со взрослыми. Изучение автобиографической прозы Г. Ходырева, У. Бадретдинова, В. Ар-Серги может помочь понять особенности творческой индивидуальности этих писателей, осмыслить многообразие современного удмуртского литературного процесса в целом.

Литература

1. *Зайцева Т.И.* Духовные начала творчества: к проблеме развития современной мемуарно-биографической прозы // Современная удмуртская проза (1980–2000-е гг.): науч. издание. Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та, 2007. С. 111–142.

УДК 821.511.151

М.В. Рябинина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Г. АЛЕКСЕЕВЫН «КУКУ МУРО ОЙГАН» ПОВЕСТЬЫШТЫЖЕ ЎДЫРАМАШЫН КӦРГӦ ТЎНЯЖЫМ ПОЧЫН ОНЧЫКТЫМАШ

В статье рассматриваются приемы психологического изображения, используемые в повести марийского прозаика Г. Алексеева «Грустная песня кукушки» для раскрытия внутреннего мира марийской женщины, вытекающие из творческих задач автора, идейного мира, жанра произведения.

***Ключевые слова**: марийская повесть, психологическое изображение, внутренний мир, женский персонаж.*

1996 ийыште Геннадий Алексеевын «Куку муро ойган» повестьше шочеш, 2010 ийыште тыгаяк лўман ойпогеш савыкталт лектеш.

Автор произведенийыштыже самырык-влак дене кылдалтше йодышым тарвата, илышыште шке верыштым, пиалыштым кычалше герой-влакым сўретлен ончыкта. Тўҥ сюжет кышкар ўмыржӧ мучко чын йӧратымашым вучышо, еш рыскалым шижын илаш шонышо шкет ўдырамашын образше йыр вияҥ толеш. Эльвира пелаш деч посна ыштыме чон падырашыжым йочапӧртыштӧ кода да волгыдо илыш корным кычал кая.

Произведенийжым автор тўҥалтыш гыч мучаш марте символический сыным налше кукун образже дене кылден чоҥа. Калык мифологийыште куку еҥ

пыжашеш игым пӱктен лукшо, илышыжым тӱня мучко чоҥештыл эртарыше мужырдымо кайык семын почылтеш, сылнымутан литературышто шке икшывыж деч йӱкшышӧ, шыгыр илыш пӧрдемыш логалше пиалдыме шкет ӱдырамашын образше дене кылдалтеш.

Г. Алексеев «Куку муро ойган» повестьшым калык муро гыч налме эпиграф дене тӱҥалеш да тичмаш авалтыше онго (рушлаже «кольцевой обрамлений») йӧн дене моштен пайдаланен, сур кайыкын койышыжо нерген пӱтынь произведенийже мучко ушештарен шога:

Ит лий куку, лий сар шӱшпык –
Кукулан мураш йӧсӧ.
Ит лий чевер, лий пиалан –
Пиалдымылан йӧсӧ [1, С. 101].

Тиде эпиграф семын пуымо калык муро произведенийым ик кышкар семын ончаш йӧным ышта, «куку илышым илыше айдеме нигунамат волгыдо ончыкылыкым ок уж, кажныже шке пӱрымашыжым шке чоҥа, курымаш йолгорным шке тапта» манме тӱҥ шонымашым пеҥгыдемден каласаш полша.

Кукун образше дене кылден, серызе Эльвиран пиалдыме, шӱлыкан илыш пӧрдемжым почын пуа. Г. Алексеев самырык ӱдырамашын кӧргӧ пуламыржым рашемдыме амал дене Эльвиран илыш-корныж гыч тыглай кече-влакым эскерен, койыш-шоктышыжым шымла. Авторын ойжо да героиньын шарнымашыже-влак гоч пален налына: Эльвира Подбойкина уло рвезе жапшым ялыште дояркылан пашам ыштен эртарен, Ежовысо ял озанлык техникумышто бухгалтерлан тунемеш. *«Ӱмыр курымжын нылымше тестежым послен гынат, илыш шотшо алят уке. Пеленже ны йӧратыше да йӧратыме марийже, ны изи пачката икшывыже… Илышыже салтак ватын гай шкетынак эрта да йӧра»* [1, с. 101].

Вет ӱдыр ача-аван ик пачката икшывышт веле лийын, садлан тудым моткоч чаманен ончен куштеныт, мом шонымыжым, йодмыжым шукташак тыршеныт. Чылажат Эльвиран лийын: кочкаш-йӱаш эн тамле, чиен шогалаш эн мотор, нимогай ойго-йӧсым палыде кушкын. Икшыват ача-авам куандарен, школышто сайын тунемын, математикым йӧратен, задачым моткоч писын шотлен.

Изинек моткоч чолга, шкенжым моло деч кӱшкырак шындаш йӧратыше ӱдыр лийын, мом шонен пыштымыжым мучаш марте шукташак тыршен, кушкын шумекыже кузе шонен, туге койын, могай каче дене шонен, тугай дене келшен, «*киносо я книгасе гай йӧратымашым кычалын, тул волгыдышко логалше лывыла я икте, я весе почеш чоҥештылын*» [1, с. 105]. Аважын «*ӱдырем, шкет гына шинчен ит код, шкетлан йӧсӧ*» [1, с. 148] манме ойжым веле ораде койышыж дене шарналтен да умылен шуктен огыл, пӱрымаш туге савырал шынден, шижмаш тул дене когарген, оргажан пӧрдемыш логалын. Илыш тудым чот терген, шӱм-чонжым пеҥгыдемден, койыш-шоктышыжым торжанден, пиалым гына ешарен пуэн огыл. Эльвиран мутланымаштыже чӱчкыдын торжалык шижалтеш, шомакше дене чывыштальнат, чыгылтенат налын кертеш: *«Вуеш налаш тий омыл! – тетла кутырашат кумылем уке, нечыве йылмым тӱгатен шогаш маншыла, ӱдыръеҥ руал пуыш»* [1, с. 112]; *«Мый тыланда ны печке петыртыш, ны тумыш лапчык омыл*» [1, с. 101];

«*Могай тиде пӧръеҥ ночко презе»* [1, с. 108], «*Студент-влакым тыгай тоҥгылак кузе туныктен кертеш?*» «*Ватетше кеч пырысигым ыштыже, мыланем керек*» [1, с. 108].

Самырык ӱдырамашым ниможат огеш куандаре, пиалан мужырым ужын, чонжо кӧранымаш дене темеш: «*Чуза-я, илыш тыландат кочо-кычыкажым але ончыкта, тидымат тамлен ончеда? Тудыжо ӱй ден мӱй гай огыл-ла. Кузерак кояш тӱҥалыда, ончалына. Шепка пыжашда гыч чарланге иге гай кыпте-копто лектын ида воч*» [1, с. 102], еҥ куаным шижын, шыдыже оварен, ташлен лектеш: («*Ужыда, моктанен шога…Пиала-ан… Ватетше кеч пырысигым ыштыже – мыланем керек» – чоныштыжо ала ӧпке, ала шыде пуш оваренак кайыш*» [1, с. 108].

Героинян кӧргӧ тӱняжым почын пуымаште кугу тӱткышым автор психологизмын тӱрлӧ йӧнжӧ-влаклан ойыра. Тӱҥ верым «суммарно-обозначающий» психологизм налын шога. Писатель ӱдырамашын шӱм-чон пуламыржым тыглай каласкален кайыме семын чоҥа, тӱрлӧ шижмаш, кумыл, икте-весым алмаштен, героинян кӧргӧ тӱняжым почын пуат:

– ӧрмаш, лӱдмаш: *«ны пелештен, ны тарванен ок керт, верыштыжак тӱҥын шогалын»* [1, с. 129]*, «пӧрткайык гаяк туртын, чумырген шинче»* [1, с. 132]*; «изи мераҥ шӱмжат кроп! лийын йымен кайыш, кырымымат чарналтыш», «кӱсле кыл гай чымалтше кап-кылже лывыжген тодылалтме гай лие»* [1, с. 136];

– кӧргӧ нелылык, чон пуштыланымаш: «*пыртак ушым налмеке, Эльвира пӧртышко пурыш. Шып-тымык, юп-юалге. Суртышто чонан уке гын, тыге вет. Шӱм кумылжылан тунар неле-йӧсӧ лийын колтыш. Ни пелешташ, ни ойго-куаным почын кутыралташ, ни чон азапым луштарен, уэш шортын колташ… «Авай лиеш гын, кеч туныктен ойла, ала иктаж каҥашым пуа ыле», – чон йӧсыж дене кечкыжалтен-йынысалтыш. Теҥгече эрдене поген шуктыдымо койкышкыжо кумык шуҥалте да ала пинегыла, ала ньогала шыпак нюслаш тӱҥале»* [1, с. 147]; *«лывырге куштылго могыржо пуаҥше гай лийын, чытырналтын-сӱсанен колта, изи шӱмжӧ лектын вочшашла чӱчкыдын-чӱчкыдын пералта*» [1, с. 132]; *«чон йӧсыж дене «ы-ых!» йыҥысалтенат колтыш. Шыгыр четлыкыш логалше кайык гай тудат кид-шулдырлажым лупшкеден нале. Шӱмжӧ ӧрт лекшашла пыртка»* [1, с. 135];

– чытыш: *«тӱрвыжым веле чумыртыш, йылмыжым пурльо»* [1, с. 148]);

– ныжыл шижмаш*:* «*Эльвиран шӱмжылан йоч! Лийын колтыш, капше мучко ала-могай шокшо-ямле толкын эртыш, шӱргыначкаже тыл-тыл ырен кайыш, тулшол гаяк чевергыш дыр – пычкемыш да веле ок кой. Ала айманен-аптыранен, ала шарналтен-шулен»* [1, с. 132]*; «чонжо тунамак шулен кайыш, кап-кылже мучко ала-могай куан кумыл, ныжыл-ныжыл, куштылго йӧратымаш толкын шарлыш, вемышкыжак шуо, кажне клеткыж йотке шыҥыш»* [1, с. 146].

Эльвиран кумыл ойыртемжым рашемдаш, шӱм-чоныштыжо лийше вашталтыш-влак дене палдараш писатель вашталтше вияшойым кумдан кучылтеш. Авторын мутшо геройын шонымашыж дене лугалтын, виян психологий сӱретыш савырна: «*Паша кокла гыч кечыже шиждегычак эртен кайыш. Каватӱрат чевергаш тӱҥале. Эльвиран шӱм-чонжо кас лишемме семын*

утыр лывыргыш. Коклан ньыге-ньуго чучын колта. Изи чоным можо тургыжландара — шкежат умылен ок керт. Мо дечын ӧрашыже, кӧ деч лӱдаш? Тудо кайык гай эрыкан. Шулдырым иктат пӱчкын огыл, еш четлыкыште ок орлане. Мом шона — тудым ышта, кӧн дене шона — тудын дене вашлиеш. Кидше гыч кучен, чонлан келшыдыме еҥ деке иктат вӱден намиен ок шогалте. Салика гай, марлан виеш тудым иктат шынден ок колто. Тугеже молан чонжо йӱла? Мом гын шижын, чытыралтен, кожганен колта? Шӱргыначкажат пылыш мучаш марте ырен, чеверген кая.

Уке, эре ала-мом вучен, тетла тыге илаш огеш лий. Кунам-гынат тудат шке пиалжым вашлийшаш. Кунамсек сур куку гай ойганен илашыже перна? Айдемын шочмекшак тӱняште вес пелыже лиеш, манытыс. Тугеже тудынат пел чонжо, ала-куштo орланен, Эльвирам кычалын коштеш? Ала, чынжымак, вoктенак? Икте-весышт дене вашлийын, шижын-тогдаен гына огыт мошто?» [1, с. 153].

Тыге сылнымутчо героиньыжлан шканжат палыдыме, ала-могай умылаш лийдыме кӧргӧ тӱням сӱретлен ончыкта. Эльвира шкежат ок умыло: мо гын тудын чонжым туржеш, могай вий тудым витара, молан тудо моло семын пиалан лийын огеш керт, утлен кертеш мо тиде умылыдымаш гыч? Эльвира шонкалымаш пӧрдемыште пӧрдеш, йодышыжо-влаклан чын вашмутым кычалеш. Героинян кӧргыштыжӧ неле кучедалмаш кая, шонымашыже-влак икшырымын огыт вияҥ, тӱрлӧ могырыш толкыналтын, самырык ӱдырамашын уш-акылжым лугат.

Вашталтыме вияшой повестьыште Эльвиран кумылжым, шижмашым почын пуаш веле огыл, авторын ойышкыжо шыҥен, шонымашым мучашлаш, иктешлымашым ышташ кучылталтеш: «*Теве кузе улма-аш… Эргыжым, изи падырашыжым, эрелан, ӱмырешлан йомдарен кертеш улмаш. Тудым ала-кӧ вес еҥ-шамыч ончат, куштат ыле. Ала Колюшыжо тудымат монда да вес ӱдырамашым «авай» манаш тӱҥалеш ыле. А Эльвираже ош тӱняште кузе ила ыле? Тудо вет Колюшым, жаплан, шкеже йол ӱмбаке пеҥгыдын шогалмешке, ешым погымешке веле кодем, шоныш. Тудынат молын гаяк сӱан дене марлан кайымыже, мотор оръеҥ вургемым чийымыже шуын. Ны кудалташ, ны мондаш шонен огылыс*...» [1, с. 154].

Але эше ик примерым ончалына: «*Чылаштлан тудо кӱлын: Тосетлан, туныктышо Санюклан, Виктор Петровичлан… А эн чотшо – эргыжлан, шке чон падырашыжлан. Нуно, кум пӧръеҥже, кугу улыт – виян, ушан. Ала-кунар ӱмыр корным илен лектыныт, кузе лийшашым, мом ыштышашым пеш палат. А Колюш? Тудыжо изи гына пачката велыс. Ни вий-куатше, ни илыш шотым палымыже… теве кӧлан тудо кӱлеш! Икшывылан вийым, ушым погаш, йол ӱмбаке пеҥгыдын шогалаш ава полшышаш. Тидымат тымарте умылен кертын огыл, калтакшат! Илен-толын, тудланак эрге энӧртыш лиеш огыл мо? Шке икшывылан огыл гын, варажым, шоҥгеммеке, колан кӱлат?»* [1, с. 157].

Тыгай сынан вашталтыме вияшой-влак произведений мучаште героиньын кӧргӧ кучедалмашыжын шкешотан иктешлымашыже семын йоҥгат, Эльвиран пуштыланымашыжын, чон вургыжмашыжын амалжым рашемдат: ава шӱм шижын да умылен, ала-могай йӧратымашым вучен, тудо эн кугу пиалже –

эргыже деч посна кодын кертеш. Тыгай шонымаш денак йоча пӧртыш мӧнгеш пӧртылеш, эргыжым шкеж деке илаш конда.

Иктешлен каласаш гын, Г. Алексеев «Куку муро ойган» повестьыштыже психологизмын тӱрлӧ йӧнжӧ-влакым кучылтын, тӱҥ героиньын шӱм-чон тӱняжым, илыш умылымашыжым, шижмашыжым, шонкалымашыжым, кумыл ойыртемжым тӱрлӧ шӧрын гоч почын пуа, персонажым лудшо ден лишемда.

Литератур

1. *Алексеев Г.В.* Куку муро ойган: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2010. 303 с.

УДК 821.511.131-31.09(045)

Е.С. Самсонова
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)
Научный руководитель: Зайцева Т.И., д-р филол. наук, доцент

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ УДМУРТСКОГО ПИСАТЕЛЯ Л.Л. ГАНЬКОВОЙ «КУЛАК ПИОС» («КУЛАЦКИЕ ДЕТИ»)

На примере повести Л.Л. Ганьковой (1949) «Кулак пиос» рассматривается своеобразие использования в ее творчестве разговорной речи. Особое внимание уделено народному юмору, выраженному автором посредством обращения к просторечной лексике.

Ключевые слова: *удмуртская проза, стиль и язык писателя, автор, устаревшая лексика, просторечие.*

Умение использовать образно-выразительные средства родного языка, способность ощущать его многообразие, стилистические и эмоционально-экспрессивные оттенки есть свидетельство литературного мастерства писателя, его незаурядного мировосприятия. Известный писатель и лингвист, переводчик и публицист Л.В. Успенский верно отмечает: «Если в мире есть вещи, достойные названия "чуда", то слово, бесспорно, первая и самая чудесная из них» [5].

В последние два десятилетия идет процесс активного знакомства удмуртского читателя с книгами практически не известного ранее автора – Любови Леонидовны Ганьковой. Важно отметить, что Л. Ганькова принята в Союз писателей Удмуртии в 2013 году. «Писательскую стезю Любовь Ганькова выбрала после выхода на пенсию. С 1998 года занялась краеведением: вела работу по сбору материала в архивах Удмуртской республики, Казани, Кирова, Москвы, изучала историю родного края и биографию интересных людей» [1, с. 214]. За несколько лет из-под ее пера вышло более десяти книг краеведческого, художественно-публицистического, художественно-документального, песенно-поэтического характера. Назовем некоторые из них: «Уходят корни в глубь веков» (2006), «Озьы вылэм» («Так было», 2014), «Шыпыртэ ортчемез» (Шепот прошлого», 2018), «Кырӟалэ, кырӟась эшъёсы» («Пойте, пойте, друзья», 2015), «Вераськод ке, вера» («Заговорил, договаривай»,

2013), «Кулак пиос» («Кулацкие дети», 2020) и др. Читатель, как правило, называет ее самодеятельным писателем, поэтом, краеведом.

Ведущие черты прозы Л. Ганьковой – четкая очерченность проблемы и ясная авторская позиция, вернее, публицистическая открытость авторского взгляда. В основе ее произведений лежат жизненные истории и судьбы простых деревенских людей, отсюда насыщенность текста народной мудростью совмещенное с личным восприятием всего этого автором. Для многих ее произведений характерны просветительские тенденции с учетом «ожиданий» современного читателя.

Отдельного внимания заслуживает язык произведений Л. Ганьковой, отражающий особенности живой разговорной речи. Примечательна в этом плане повесть «Кулак пиос». В тексте этого произведения активно используется просторечие, характерное для жителей южного района республики, точнее, Алнашского района Удмуртии. Именно просторечие обуславливает большую степень оценочной коннотации ее текстов, яркую образность, хотя порой и достаточно грубоватую.

Буквально с первых строк текста повести «Кулак пиос» читатель погружается в атмосферу народной речи. Приведем один из типичных примеров, отражающих приверженность автора к истокам народной речи. *«Осто шуы, пие, сялӟем дыльдыед Инмарлэн лысвуэз медло шуы…»* [2, с. 180. Здесь и далее подстрочный перевод с удмуртского языка автора статьи – *Е.С.*] (Перекрестись, сынок, попроси у Бога, чтоб твой плевок утренней росой смылся).

Л. Ганькова часто обращается к древней, во многом забытой сегодня удмуртской лексике. Интересны по этому поводу высказывания ее читателей: «Чылкыт ошмесысь юзмыт ву юэм кадь потйськод аслыд. Ог витьтонзэ аслым мон лыдъяй. Ог ньыльдон пала кылъёсты мон тодйсько-валасько но шер кутылйсько аслам вераськонам-гожъяськонам. Ог дасолэсь ятыр кылъёсыз чик но уг тодйськы ини» [3] (Читая произведения Любови Ганьковой, как будто напиваешься чистой родниковой воды. В одном только рассказе я прочитал около пятидесяти слов, сорока из них я понимаю значение, но не применяю в своей речи, а остальные для меня незнакомы). Далее в рецензии приводятся конкретные слова-примеры, в частности: «Пӧллеме/вераме – говорить; уӵы ӵыккетэ – соловей заливается трелью; жалеем – сочный; ӟеле – сок; ӟушкын – накипь; шыпшырган – шептаться, шушукаться; шолок – щелочь; урдэг – сукно; пышлыган – суетливая; татулык – мир; манӥ – смекалка; бака дыльк – икра лягушки; чалбаркук – штанина» и др.

Особенно ценны высказывания и оценки творчества Л. Ганьковой ее известных земляков. Так, художник Ю. Лобанов, слова которого приведены выше, пишет: «Ӟуння калыкмылы туж удалтйз, асьмелэн гуртмылэсь историзэ но улйсьёсыз сярысь гожъясез-летописецез вань шуыса. Любовь Ганьковалэн веросъёсыз, кузьмадёсъёсыз, кылбуръёсыз, тодэваёнъёсыз туж яркытэсь, мур пуштросоесь…» [3] (Жителям деревни Старая Юмья очень повезло, у нас есть летописец, который записывает историю жителей ее деревни. Ее рассказы, повести, стихи, воспоминания очень ярки и содержательны…).

Одна из отличительных черт авторского стиля Л. Ганьковой – неповторимая индивидуальность естественной речи, гармоничность.

Рассказывая о человеческих судьбах, случаях из жизни своих земляков, автор мастерски использует народные сравнения, образные выражения. Это углубляет и расширяет смысл характеристики действий и поступков героев: *«Тон мар, Кылим, туннэ таӵе кудӟид ай? Кыӵе ке престольной праздник шат? Музъем вылэ тӧл някыртэ мугордэ. Кузонысь ужаса бертӥд но пӧсьвуам атас кадь лопыръяськиськод, астэ министыр кожаськод шат? Астэ кузончи эн кожа, тон татын гуртын, бурдъёстэ чаляк оген ишкозы»* [2, с. 177] (Ты что, Клим, пьяный, разве сегодня престольный праздник? Вон, как тебя ветер к земле клонит, из Казани с подработок вернулся и как ошпаренный петух руками машешь. Себя министром возомнил? Ты не думай, что здесь Казань, здесь в деревне не успеешь оглянуться, перья быстро, по одному общиплют).

Или еще один пример: *«Быльккес синмо, тушо суредам мудор шоры учкыса, Пилька вӧсь кыл лыдӟыса, кымесаз чепыльтэт тыриз. Вӧсяськиз шара, кӧттыремезлы тау кариз, нылпиосызлы бакель, пудо-животэзлы йылон куриз. Собере пыдысьтыз гынсапегъёссэ эстэм бадӟым гур пушкыт тужгес пӧсь интыяз пуктӥз. Гурвылэ тубыса, тараканъёс пеляз медаз пыре шуыса, мертчан куж туйылӥз, йырзэ куасьмыны кутскем ӟег уд ӵужъем вылэ понӥз.»* [2, с. 173] (Взглянув на пучеглазую, бородатую икону, Филипп прочитав молитву, осенял себя крестом и молился вслух, благодарил Бога за то, что он сыт, попросил благословения детям и еще чтобы скотина во дворе размножалась. После, сняв с себя валенки-катанки, поставил их на самое жаркое опечье. Спать залез на лежанку печи, уткнув уши кубелью, чтоб в ухо не попали тараканы. В изголовье, вместо подушки, приспособил мешок со ржаным пророщенным зерном, который сушился для приготовления солода).

В контексте статьи обратимся еще к одному примеру. *«Классовой вредитель тон, Марьяпай, эшшо одӥг пол беднотаез мыскыл карид ке, Сибыре пырнымы сюдыны келяло, – шуиз сельсовет йыр»* [2, с. 181] (Тетка Марья, классовый вредитель ты, еще раз над новой властью будешь насмехаться, мошкару кормить в Сибирь отправлю, – сказал глава сельского совета).

Об умении и стремлении Л. Ганьковой обогатить современный удмуртский язык устаревшей лексикой пишет главный редактор журнала «Инвожо» Петр Захаров: «Любовь Ганьковалэн произведениосаз пыртылэмын туала лыдӟисьлы валантэм кылъёс. Соослэн пуштроссы: перышта – огинтыяз пукыны чидасьтэм; потьырна – бӧтьыртӥсь; шальматор – кыл йылаз маар лыктэ, сое вера; чупали – кенӟали; асаба – мерскись; косъяськись; чульччобей – ури-бери, юатэк-вератэк; абба – чупа. Ӵапак со вашкала кылъёслы луыса, солэн ужъёсыз уката но тунсыко но лыдӟымон луо» [4] (В произведениях Любови Ганьковой много таких старинных слов, которые современный удмуртский читатель не понимает. Их смысл таков: перышта – вездесущий; потьырна – потешный, забавный; шальматор – нескромный; чупали – шустрый, как ящерица; асаба – пронырливый, всезнайка; чульччобей – шаловливый, шалунёнок; абба – поцеловать). Именно таким подходом к языку и интересна Л. Ганькова для читателя.

Достаточно часто в читательской среде можно услышать, что Л. Ганькова сегодня является одним из наиболее сильных прозаиков, что у нее самобытное

мировидение. Издатели констатируют, что ее книги «не пылятся на полках книжного издательства и пользуются большим спросом».

Психологическое состояние героя, его внутренний накал Л. Ганькова может описать одной-двумя фразами, удачно используя простонародную речь: *«Азьтэм, тордос, пролетар! Коркаяды кык ӟусты, одйг пуконды сяна ӧвӧл. Гурды гинэ но сюйлэсь шуккемын, тараканъёсты но кошкизы, дыр»* [2, с. 177] (Лентяй, пьянчуга, пролетар! В избе у вас две скамьи, да один стул. Печь-то глинобитая, тараканы уж от вас убежали); *«Мугорыд мугор быдӟа ӧвӧл, картузэныд ӵош метыр но кикур ӝужда, эшшо ке мынам Веркае – мак сяськае – борды мерске.»* [2, с. 177] (Ни рожей, ни ростом не вышел, вместе с кепкой метр с ладонью. Еще к моей Верке, красавке-маковке, в ухажеры лезет).

Обычные житейские сцены в текстах Л. Ганьковой оживают, погружают читателя в атмосферу изображаемого времени. Важно то, что социальные, общественные проблемы получают народную точку зрения. Самобытное творчество Л. Ганьковой развивается под «знаком» обращения к слову народа и ждет серьезного изучения.

Литература

1. *Барышева А.Ю.* Фольклор в художественном мире Любови Ганьковой // Проблемы марийской и сравнительной филологии / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2018. С. 213–215.

2. *Ганькова Л.Л.* Кулак пиос: Визьбыртыкъес, кылбуръес, инкуазьсуредъес, веросъес, кузьмадес. Ижевск: Удмуртия, 2020. 240 б.

3. *Лобанов Ю.Н.* Дуннечер // Удмурт дунне. 2021. № 41. 22 окт.

4. *Сурчакова Л.* «Маекизи – сое арай». Любовь Ганьковалэнисториез // URL: https://rodniki.udmurt.media/stories/story-187 (дата обращения: 22.10.2021).

5. *Успенский Л.В.* Слова о Словах // URL: http://lib.ru/PROZA/USPENSKIJ_L/slovo.txt (дата обращения: 20.10.2021).

УДК 821.511.151

Р.З. Хайруллин
Российский новый университет (г. Москва)

ТВОРЧЕСТВО СЕРГЕЯ ЧАВАЙНА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

В статье представлен жизненный и творческий путь С. Чавайна, раскрывается контекст формирования его как писателя, показываются сложность и трагизм эпохи, наложившей отпечаток на его творчество. Проводятся параллели творчества писателя с творчеством других писателей, творивших в это время (М. Сеспеля и К. Герда). Показано жанровое многообразие его творчества, дается краткий анализ романа «Элнет», по праву считающегося вершиной творчества писателя.

Ключевые слова: *марийская литература, жизненный и творческий путь С. Чавайна, трагизм эпохи 20–30-х годов XX века, типологические схождения, краткий анализ романа «Элнет».*

Сергей Григорьевич Чавайн (Григорьев) родился в 1888 году в деревне Малые Карамасы (ныне Моркинский район Республики Марий Эл), в семье

бедного крестьянина. Татьяна Анисимовна, мать Сергея, знала множество народных песен и сказок и свою любовь к родному слову передала сыну. Отец понимал, что талантливому мальчику нужно дать образование и приложил все силы, чтобы осуществить этот замысел. Мальчика отдают сначала в церковно-приходскую школу, расположенную в деревне Нуръял Карамас, а затем – в Уньжинскую черемисскую двухлетнюю школу. Стремление продолжить образование приводит юношу в Казанскую учительскую семинарию, время обучения в которой совпало с первой русской революцией. Именно здесь появляются его первые стихи и рассказы, проникнутые прогрессивными просветительскими идеями, они «отличались богатством художественного содержания, искренностью чувств» [1, с. 158]. Не прошли даром для писателя и годы работы учителем в городе Аральске (Казахстан).

С начала 1920-х годов С. Чавайн работал главным редактором газеты «Йошкар кече», серьезно занимался вопросами образования марийского народа. Много сил и знаний он отдавал созданию марийского национального театра.

С. Чавайн проявил творческие способности во всех литературных жанрах – в поэзии, прозе, драматургии. Особую известность получили его сборник стихов «Новые плоды», рассказы и повести «Грех от греха», «Новая земля», пьесы «Пасека», «Живая вода», «Лес шумит», историческая повесть «Ямблатов мост», а также роман «Элнет», по праву считающийся вершиной творчества писателя.

Одной из ведущих тем творчества С.Чавайна, как и других писателей, творивших в это время, была тема Октябрьской революции, которая в его поэтических произведениях предстала в многообразии красок, как явление сложное и противоречивое [2; 3]. Во многих стихотворениях этого периода С. Чавайн с любовью воспевает Пахаря и Сеятеля, творца будущего. Эта тема нашла отражение и в творчестве чуваша М. Сеспеля и удмурта К. Герда, для которых, как и для С. Чавайна, источником поэтического вдохновения явилось неразрывное единство с родным народом.

Восторженно откликнулся марийский поэт на весть о провозглашении автономии родного народа, он увидел в этом дальнейшую возможность для расцвета государственной жизни, культуры своего края. Этому событию посвящены стихотворения «Создана Марийская область» («Автономия»). С этого момента начинается новый этап творчества С.Г. Чавайна. Он пишет произведения во всех жанрах. Среди них книги стихотворений и поэм («Новые плоды», «Октябрь»), рассказы и повести («Грех от греха спас», «Новая земля»), пьесы «Пасека», «Живая вода», «Лес шумит», литературоведческие труды. Большое место в его творчестве занимает переводческая деятельность. Им были переведены отрывки из романа «Мать» М. Горького, повесть «Чапаев» Д. Фурманова, пьесы А. Островского, Н. Гоголя, стихи русских классиков и поэтов советского периода.

В 1926 году появляется повесть «Ямблатов мост», написанная на основе эпических преданий и сказаний. В ней рассказывается о повстанческом движении народов Среднего Поволжья в 70-х годах XVI века, которое возглавил отважный молодой предводитель Ямблат, сын марийского старейшины.

С.Г. Чавайн прошел нелегкий творческий путь. Знал он и горечь неудач. Однако в любых условиях он оставался верным родному народу.

Незабываемым событием в истории марийской литературы стала пьеса С. Чавайна «Пасека» (1928), не сходящая до сих пор со сцены Марийского театра. Традиция музыкальной драмы, начатая «Пасекой», в марийской драматургии оказалась такой жизненной и долговечной, что писатели последующего поколения плодотворно продолжали ее.

С самого начала литературной деятельности С. Чавайн воспевает красоту природы родного кран. В его произведениях человек-труженик предстает в тесной слитности с естественным миром. Образные детали пейзажа у него, как правило, перерастают в поэтический символ. Природу С. Чавайн всегда воспринимал как вечно живое окружение человека.

Романтичность творческого воображения, тенденция к эпичности осмысления происходящих событий были присущи творчеству С. Чавайна советского периода. Во многих стихотворениях, поэмах м рассказах 20-х годов XX века писатель своим главным героем сделал былинного, величественного богатыря древних сказаний и легенд («Последний омар», «Омар», «Песня о богатыре Чоткаре» и т.д.). В подвиге героев-богатырей прошлого поэт видел славу и могущество людей будущего.

На остром эпическом конфликте написана и пьеса С. Чавайна «Живая вода» (1935). В ее содержание также вошли фольклорные мотивы. В то же время она была современна. Образная, возвышенная мысль, идущая еще из античной литературы, поэзии писателей-гуманистов предшествующих эпох, слившись с художественной идеей марийского национального фольклора, в пьесе С. Чавайна стала творческим открытием.

Этапными явлениями в творческой деятельности С. Чавайна стали героическая драма «Акпатыр» и роман «Элнет». В пьесе «Акпатыр» (1935) С. Чавайн изобразил крестьянскую войну под руководством Е. Пугачева. Главный герой ее – Акпатыр – выступает как верный защитник интересов трудового народа. В качестве друзей и сподвижников марийца Акпатыра в ней представлены русский Носков, башкир Алибай и другие. Драма получила широкую популярность, и в наши дни на ее основе создана первая марийская национальная опера – «Акпатыр» Э. Сапаева.

Романом «Элнет» С. Чавайн предстал перед читателем как мастер многопланового развернутого эпического повествования. Художественная сила романа в его психологизме, в том, что автор глубоко проникает во внутренний мир героев. Наиболее глубоко и всесторонне отображена в романе проблема «национальная интеллигенция и революция», сложность формирования сознания главного героя. Весь свой жизненный опыт, богатство впечатлений, накопленных за несколько десятилетий общественной и литературной деятельности, он вложил в художественное содержание этого произведения. Оно свидетельствует, что на завершающем этапе своего творчества писатель философски осознал не только жизненный путь, но и сложную историческую судьбу родного народа.

В романе «Элнет» пафос творчества С. Чавайна, его душевная устремленность и поэтическое чувство целиком слились с осознанием

драматизма истории. По сути дела, это наиболее значительное произведение С. Чавайна является романом-раздумьем, насыщенным проникновенной мыслью историка и художника. Писатель ставит в романе вопросы эпохальные, серьезно задумывается о роли человека в историческом процессе, о его месте в народной жизни. Красочно рисуя действительность, раскрывая неповторимый и многогранный духовный мир героев, Чавайн воссоздает свою художественную концепцию развития родного края и родного народа.

В годы создания последних произведений писатель работал литературным редактором в Марийском книжном издательстве, заведующим литературной частью Марийского театра.

Кипучая, необычайно плодотворная деятельность С.Г. Чавайна трагически прервалась в расцвете творческих сил. В 1937 году он был репрессирован по клеветническому доносу и решением «тройки» расстрелян.

Долгие годы его имя было под запретом. Лишь в начале 60-х годов XX века он был реабилитирован; в 1963 году появился в печати (уже полностью) его роман «Элнет», а в 1968 – сборник стихов и поэм.

Творчество С. Чавайна оставило глубокий след в сердце народа. В произведениях С. Чавайна современники находят прекрасный мир высоких духовных помыслов и страстной любви к родному народу. Они переведены на многие языки народов СНГ, опубликованы в Венгрии, Швеции, Франции, Финляндии и Монголии.

Литература

1. История марийской литературы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 432 с.

2. Литература народов России: учеб. пособие / под ред. Р.З. Хайруллина и Т.И. Зайцевой. М.: Инфра-М, 2016. 397 с.

3. Многонациональная российская литература: актуальные аспекты рецепции и интерпретации: монография / под ред. В.К. Сигова и Р.З. Хайруллина. М.: РУСАЙНС, 2021. 182 с.

УДК 821 (470+571).09

Р.Ф. Хасанов

Бирский филиал Башкирского государственного университета (г. Бирск)

ХАРАКТЕРЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В ДИЛОГИИ З. УРАКСИНА

Статья посвящена анализу системы образов и проблематики дилогии З. Ураксина. Отмечается, что созданные характеры – это своеобразные символы эпохи, сформированные ее обстоятельствами, определенными социально-историческими условиями. Подчеркивается, что писатель главное внимание уделяет морально-психологическому облику персонажей.

Ключевые слова: *роман-хроника, характер, тип, мотив, антипод, психологизм, описательность, документализм, язык.*

Дилогия Зиннура Ураксина («Вороной», [1] «Караван-сарай» [2]) посвящена жизни башкирского народа в прошлые столетия, тяжкой доле простого башкира в дореволюционные годы. Повествование строится в

традициях историко-революционного романа с его глубокой социальной проблематикой, пафосом отрицания всяких форм угнетения, с героем из народа, который, несмотря на удары судьбы и лишения, устремлен к счастью, любви, свободе. Мысль о народе-страдальце, народе-созидателе и строителе объединяет романы в одно целое.

С первых страниц звучит тема неравенства, заносятся первые штрихи к портретам героев-антиподов. С одной стороны, это Тимаш-барин, Низам-бай, с другой – охотник Насир, батрак Алтынбай. Постепенно вырисовывается образ помещика Тимашева, самоуверенного деспота-самодура, алчного и коварного, жестокого и аморального человека, готового на всё ради достижения своих целей. Это типический характер, созвучный с пушкинским Троекуровым.

Сквозным образом дилогии является образ Алтынбая. На его примере автор изображает тяжелую долю простого башкира в те времена. Судьба-злодейка гонит его по свету, словно перекати-поле; сирота с малых лет, испытав все «прелести» батрачества у помещика, в дальнейшем вынужден покинуть родные места; не выдержав тяжелые условия армейской жизни, становится дезертиром, скрывается от властей. Однако удары судьбы не сломили Алтынбая, а закалили характер. В финале первой части романа автор представляет нам крепкого и красивого джигита, умеющего постоять за себя, за любимого человека и за правду. Частная жизнь героев обрисована на фоне больших и малых социально-политических, исторических событий и явлений первой трети 19 века. Они органично вплетены в сюжет произведения и создают общественно-политическую картину эпохи, определяют судьбы героев, формируют их характеры.

Органично входит в «Вороной» архетипический мотив «верного коня и доброго молодца». Через весь роман образ Вороного проходит неким идеалом совершенства, воплощением красоты и силы. Конь совершает подвиг – его победа на скачках во время праздника в Оренбурге дает свободу пленным башкирам-заложникам. Тема «верного коня и доброго молодца» в романе обретает широкий смысл, сливается с темой народа, способствует созданию его обобщенного образа и национального характера.

Крупным планом выведена фигура генерал-майора, губернатора Оренбургского края Василия Алексеевича Перовского. Как известно, личность и деятельность Перовского в исторических, архивных документах характеризуется только с положительной стороны. Герой Отечественной войны 1812 года, участник нескольких заграничных боевых походов, он, будучи губернатором, немало сделал для улучшения жизни людей вверенного ему края, в том числе и башкир. Известный в народе танец «Перовский» тоже непосредственно связан с его именем. Не умаляя его достоинств – ум, образованность, деловитость, решительность, инициативность, забота о процветании края, верность долгу, – автор в целом рисует хитрого и тонкого политика, царского чиновника. Писателя больше интересует человеческий облик, морально-нравственная сторона личности героя. Во всех своих действиях и начинаниях он, прежде всего, преследует корыстные цели – добиться славы, почета и уважения перед лицом государя, выслужиться.

В противовес губернатору в светлых красках, с большой симпатией обрисован автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль, занимавший в то время должность чиновника особых поручений при канцелярии Перовского. Человек, далекий от политики, вынужденный заниматься канцелярской рутиной, он перевоплощается в моменты общения с простыми людьми, записывает их истории, вдохновенно и увлеченно собирает языковой и фольклорный материал. В главе «Справедливый господин Даль» читаем: «*Он изо дня в день вел эту кропотливую работу, может быть, еще не вполне осознавая, какой грандиозный труд затеял. Пройдут десятилетия, прежде чем этот труд будет завершен и просвещенная Россия зарукоплещет уже седовласому сыну двух обрусевших иностранцев – датчанина и немки»* [1, с. 5].

Многое в мировоззрении, характерах Перовского и Даля объясняет их диалог-спор в присутствии помещика Тимашева о внешней и внутренней политике самодержавия, об отношении России к малым народам, к мужику и т.п. Отношения с азиатскими соседями, горцами, по мнению генерал-губернатора, больше надо строить на силе оружия, а не либеральничать, «все средства, ведущие к превосходству, к победе хороши, а победителей не судят», говорит он. Как истинный гуманист и миролюбивый человек, его оппонент против политики обмана и запугивания; отношения к башкирам тоже надо основывать на том, чтобы они добровольно стали российскими подданными, считает он. Писатель показывает, что, несмотря на идейные разногласия, Перовский терпит Даля, приближает к себе, умеет ценить его широкую образованность, трудолюбие, эрудицию.

Вторая часть дилогии – «Караван-сарай» – автором определена как роман-хроника. Однако его ценность и достоинство не в большом количестве событий, лиц и фактов, а в романном сюжете, в котором живо и увлекательно развивается действие, раскрываются характеры, разворачиваются драмы, возникают и разрешаются конфликты. Система образов романа включает исторические лица и вымышленные персонажи, в жизнедеятельности, судьбе которых отражены те или иные исторические процессы, катаклизмы и другие обстоятельства эпохи.

Как и в первом случае, продолжена и развита линия, образующая социально-бытовой пласт повествования. Мы вновь встречаемся с Алтынбаем и его любимой Гатифой. Знакомство, первые свидания, зарождение между ними глубоких чувств – обо всем этом рассказано в светлых, лирико-романтических, возвышенных тонах. Взаимоотношения, чувства и переживания влюбленных описаны на фоне буйной, весенней природы, ледохода на Агидели. Их мечты о своем доме, о будущей семейной жизни гармонируют с пробуждающейся весенней природой.

Назвав «Караван-сарай» романом-хроникой, автор отчасти предопределяет читательское восприятие. Именно синтез двух начал составляет формально-содержательную структуру произведения. Если в первых главах преобладает романное начало, то в дальнейшем хроникальность сюжета ощутима довольно сильно, особенно в конце. Здесь заметно ослабление собственно художественного начала; живописность, описательность, психологизм уступают место информативности, фактологичности,

документальности. Чувствуется некоторая торопливость в авторском голосе, он словно не успевает литературно обработать весь фактический материал. Все чаще в рассказ от третьего лица включается голос самого автора, четко слышны публицистические нотки. Его волнует судьба Караван-сарая, который уже во второй половине 19 века усилиями чиновников утратил свое назначение – быть «Башкирским подворьем». Вместо гостиного дома, мечети в нем обосновались губернские административные учреждения. *«И Караван-сарай вместо того, чтобы стать украшением истории башкирского народа, на многие десятилетия превратился в объект, терзающий его душу, посыпающий соль на его раны»* [2, с. 106], – с горечью восклицает автор. Но и в наше время судьба его окончательна не решена. «*Теперь страной нашей правит шумная демократия, пишет автор в «Эпилоге». В Караван-саре закишели коммерсанты. Сколько среди них башкир – нам неведомо. В комплексе идет ремонт на собранные мусульманами деньги. Кому в дальнейшем будет принадлежать Караван-сарай? Ответа на этот вопрос пока нет»* [2, с. 108].

Несмотря на несколько безрадостную концовку дилогии Зиннура Ураксина, чтение ее оставляет приятные впечатления. В ней есть увлекательный сюжет, трогательные психологические сцены, живописные картины природы, удачно построенные диалоги, большой познавательный этнографический, исторический материал, язык дилогии живой, красочный, богатый и афористичный. В нем немало метких выражений, пословиц и поговорок, передающих особенности мышления и речи народа, его склад характера, образ жизни.

Литература

1. *Ураксин З.* Вороной: роман // Бельские просторы, 2004. № 9–10.
2. *Ураксин З.* Караван-сарай: роман-хроника // Бельские просторы, 2010. № 1–2.

УДК 82-32(470.345)

С.В. Шеянова, Н.И. Ермина
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва (г. Саранск)

ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РАССКАЗАХ Т. БАРГОВОЙ

В статье рассматриваются особенности изображения женских персонажей в рассказах эрзянской писательницы Тамары Барговой. Структурно-семантический анализ образов позволяет выделить такие типы как женщина-хищник, женщина-жертва, женщина, избежавшая роли жертвы, которые не только значительно расширяют и усложняют персонажную сферу современной мордовской прозы, но и способствуют актуализации насущных проблем действительности.

Ключевые слова: мордовский рассказ, Т. Баргова, женский образ, типы персонажей.

Одной из основных тенденций финно-угорской литературы рубежа XX–XXI веков является стремительно развивающаяся женская литература, не только отражающая женский менталитет, специфику мировоззрения и значимые с точки

зрения женщины концепты, но и представляющая собой определенный сегмент национальной картины мира, сложное социокультурное явление. По утверждению исследователей, «гендер является основным маркером репрезентации социально-культурных и психологических особенностей женской и мужской идентичности, а также фактором формирования гендерных ролей, гендерных стереотипов в социуме» [3, с. 73]. Безусловно, гендерная система общества оказывает влияние на рефлексию событий, обстоятельств действительности, а также на создание художественных текстов, литературный дискурс в целом.

При изучении «женского текста» важным представляется вопрос о субъекте изображения и авторских стратегиях, используемых писателями-женщинами в процессе интерпретации жизненного опыта и моделирования индивидуально-художественной картины мира. Особый интерес вызывает обращение авторов-женщин к воссозданию женской судьбы, в сюжетной структуре произведения реализующейся в виде отражения психологических и гендерных особенностей, определяющих внутренний мир женщины, процесс ее самоидентификации. Гендерная картина мира в женских текстах объективируется посредством концептов семья, любовь (или ее отсутствие), материнство, насилие (психологическое или физическое), центральное место занимает конфликт между женщиной и мужчиной.

В творчестве Т. Барговой прослеживаются характерные для женской прозы Мордовии черты, в частности «поиски новых форм, оригинальных решений в постановке насущных проблем соседствуют с концентрированностью сюжета, тематической смелостью, лаконичностью, философским контекстом, категориальными новациями, искусно синтезируемыми в пределах одного художественного текста» [2, с. 19]. Вместе с тем рассказы прозаика отражают индивидуальный женский опыт, несут в себе оценочный модус, содержат оригинальную систему женских образов, символических знаков, что позволяет говорить о них как о самобытном художественном факте.

Обрисованные в рассказах Т. Барговой женские типы отражают специфику женской психологии и мироощущения, средства самовыражения, духовный потенциал, нравственно-этические приоритеты женщины, проецированные на современное общество. Таким образом женский образ становится «не только органичным элементом поэтики текста и звеном персонажной системы, но и художественным средством оценки автором морального состояния социума и нравственного облика человека» [4, с. 186].

Прозаик репрезентует несколько женских типов: женщина-потребительница (хищница), женщина-жертва психологического насилия в семье, сильная женщина, избежавшая роли жертвы. Взаимоотношения между мужчиной и женщиной реализуются в рассказах в оппозиции самодостаточность – зависимость, любовь-счастье – любовь-страдание.

В рассказе «Вечкемань усият» («Острова любви») изображается тип женщины-хищницы. Главная героиня рассказа Валентина после окончания школы вышла замуж. Раннее замужество дочери нисколько не смутило ее родителей, которые были уверены, что она «добьется всего не умением, а своей внешностью» [1, с. 53]. Однако брак с ровесником был коротким, молодые люди

развелись из-за бытовых проблем. Развод не причинил Вале боли, наоборот, она почувствовала свободу, поменяла не только образ жизни, но и имя – «из Вали превратилась в Тину» [с. 53]. Эта перемена отражается во взаимоотношениях женщины со вторым мужем, которого она не уважает, не ценит, не скрывает от него своих романов, любовных интриг. Этот клубок лицемерия прерывает автомобильная катастрофа, в которой Тина погибает со своим очередным любовником – женатым мужчиной. Автор не дает прямых характеристик своей героине, не осуждает ее, однако другого выхода кроме трагедии из этой ситуации не видит.

Портрет женщины-потребительницы описан в рассказе «Уцяска» («Счастье»), построенном в ретроспективной форме. Героиня Мария Филипповна вспоминает о ключевых моментах своей судьбы. После неудачного замужества высокомерная, самолюбивая, внешне красивая женщина пересматривает свои отношения с противоположным полом, принимает позицию потребительницы, завязывает отношения с женатым мужчиной, который помог ей получить образование, занять высокую должность, купить квартиру, завести необходимые связи. Женщина добилась материального благосостояния и разорвала тяготеющие ее отношения со стареющим любовником. В этот момент она должна была остановиться, осмыслить свое поведение, заняться воспитанием сына, который совсем отдалился от нее, связь с которым она потеряла в погоне за материальными благами и вниманием мужчин. Но Мария Федоровна не задумывается над тем, что строит свое счастье, причиняя боль другим женщинам. В тексте нет прямого авторского осуждения, писатель стремится отразить определенную модель женского поведения, взаимоотношений мужчины и женщины.

В рассказах «Меельце вастовома» («Последняя встреча»), «Вень кортамот» («Ночные разговоры») изображается тип женщины-жертвы. Главная героиня рассказа «Ночные разговоры» Лена вызывает противоречивые эмоции: с одной стороны, читатель сопереживает ей из-за многочисленных измен мужа, с другой – упрекает за нерешительность, слабость духа. Женщина не смогла развить отношения с мужчиной, который любил ее на протяжении многих лет, не попыталась разорвать связь с порочным мужем, который уже давно стал для нее чужим человеком. Лена – жертва не только семейной драмы, но и своей слабохарактерности. Очевидно, взаимоотношения с супругом сломали женщину, лишили надежды на личное счастье, но она не борется за него, не стремится изменить ситуацию. Автор не дает читателю надежду на душевное «прозрение» героини, скорее всего ее ждет монотонное существование в роли жены, ждущей возращения гулящего мужа.

Героини рассказа «Седей тарькс» («Сердечный холод») также переживают сложные взаимоотношения с супругами, но находят возможность сохранить семью и не теряют женскую гордость. Переданные в монологической форме интимные истории из супружеской жизни, размышления о верности, преданности, ревности придают повествованию исповедальность. В произведении четко отражаются наблюдаемые в современном обществе изменения социокультурного характера, которые приводят к разрушению стереотипного восприятия женщины как домохозяйки, хранительницы очага.

Героини рассказа – не только жены, матери, но и прежде всего личности, стремящиеся к самоидентификации.

Героини рассказов Т. Барговой изображены в основном в семейно-интимной сфере, в которой отражаются реалии современного общества. Каждая из них – носитель уникальной судьбы, эмоционально-психологического ресурса, обладает особым мироощущением и жизненной позицией. На формирование их личности оказывают влияние семейные обстоятельства, социальные условия. Авторское отношение к героиням наглядно, однако писатель не осуждает их, а пытается понять, прочувствовать, передать их интенции реципиенту.

Литература

1. *Баргова Т.* Вечкемань усият. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. 160 с.

2. *Жиндеева Е. А.* Повествовательные стратегии новейшей женской прозы Мордовии // Вестник угроведения. 2014. Т. 4. № 1. С. 18–22. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/e.a._zhindeeva_2.pdf (дата обращения: 02.10.2021)

3. *Хачмафова З. Р., Середа Л. М.* Гендерная картина мира в дискурсе женской прозы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2020. №1 (252). С. 72–77. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43079668_77436501.pdf (дата обращения: 01.10.2021)

4. *Шеянова С. В.* Типология женских образов в мордовском романе рубежа XX–XXI вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3 (35). С. 185–192.

УДК 821.511.151

Н.И. Яковлева
Помарская СОШ (с. Помары, Республика Марий Эл)

ДРАМЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙЫМ ЛОНЧЫЛЫМО ОЙЫРТЕМ (К. КОРШУНОВЫН «КЎДЫРЧАН ЎЖАРА» ПЬЕСЫЖ ПОЧЕШ)

Статья посвящена целостному анализу драматических произведений. Подчеркивается, что специфической особенностью любой драмы является принцип единства действия. Автором отмечено, что в анализируемой драме высвечивается влияние революционных идей на возрождение национального самосознания народа. Характеры героев социально обоснованы, их нравственный облик раскрывается через отношение к народу.

Ключевые слова: *драма, жанр, поэтика, конфликт, развитие действия, сюжет, композиция.*

Драме – сылнымутын ик лончыжо. Тудо шке ойыртеман. Илыш событий, ен-влакым драме произведений шке законжо почеш шымла. Тышечынак драмым лончылымо тўн пале-влак лектыт.

Драме произведенийым лончылымо годым эн ончыч действий тичмашлык принципым рашемден кодыман. Конфликт – драме произведенийын негызше. Сандене кугу тўткыш дене тудын кузе шочмыжым, виянгмыжым, могай мучашыш шумыжым, могай лиймыжым шымлыман. Тышечынак лектын герой-влакын характерышт почылтеш. Нунын кузе вашталт толмышт, икте-весе дене отношенийышт действий виянгме мучко рашемеш.

Герой-влакын образыштым лончылымо годым нунын йылме ойыртемыштым рашемдыман. Вет диалог ден монолог-влак – персонаж-влакын тӱҥ поянлыкышт. Теорий термин дене ме нуным реплике-влак манына.

Драме произведенийым лончылымо годым тудын чоҥалтме ойыртемжымат сайын палыман. Драме действий шке семын виянҥеш, тудо сӱрет ден кыдеж-влаклан шелалтеш. Сандене посна ужаш посна сюжет элементлан келшен толеш.

Ме палена, драме кум кугу тӱшкалан шелалтеш (кум тӱҥ драме жанр). Жанр пале-влак кажнын тӱрлӧ. Нуным тунемше-влак сайын палышаш улыт, вет произведенийым лончылымо годым нуно ончыко лекшаш улыт. Каласен кодыман: жанр негызеш сылнымут произведенийым лончылымаш тунемше-влакын литератур историй да литератур теорий шинчымашыштым келгемдаш да ваш кылдаш, нунын эстетический шижмашыштым виянҙаш полшен кертеш.

Драме произведенийым лончылымо годым тыгай радамым шотыш налман:

– возымо жап да тудын ойыртемже;

– жанр ойыртем: трагедий, комедий, драме (көргӧ жанр типологийымат палемдаш лиеш);

– пьесын чоҥалтмыже, акт, кыдеж, сӱрет-влаклан шеледымаш;

– произведенийысе герой-влак, тӱҥ, кокымшо планан, эпизодысо персонаж-влак, герой-влакын ойлышо лӱмышт;

– пьесысе конфликтын чоҥалтмыже, тудын тӱрлӧ лиймыже;

– действий, тудын виянҥмыже да тӱрлӧ лиймыже;

– произведенийын сюжетше, виянҥмыже, тӱҥ да полшышо ужашыже-влак, нунын икте-весышт дене кылдалтмышт;

– пьесысе диалог да монолог-влак, герой-влакын йылме ойыртемышт;

– произведенийын тематикыже, тӱн теме-влак, произведенийын тематикыжым почаш полшышо тӱҥ эпизод-влак (кыдеж, акт);

– произведенийыште тарватыме проблеме-влак, авторын нунын деке отношенийже;

– авторын ремаркыже-влак, нунын тӱрлӧ лиймышт: персонаж-влакын действийыштым умылтарыше, сценыште улшо обстановкым, декорацийым ончыктышо, авторын идейже дене палдарыше;

– пьесын вуймутшо.

Пример шотеш К. Коршуновын «Кӱдырчан ӱжара» пьесыжлан тичмаш лончылымашым ыштена. Тиде произведений школ программе почеш 11 классыште тунемалтеш, а кӱшыл школышто тудым практике сынан занятийыште лончылаш лиеш.

«Кӱдырчан ӱжара» пьесе 1968 ийыште возалтын. Тиде пагытыште марий сылнымут шке виянҥме корныштыжо «левыктыш» (1956–1966) да «икверыште тошкештме» жап (1967–1985) йыжынгла гоч эртен гынат [1, с. 8], ятыр у автор да произведений дене пойдаралтын. Драматургий аланыште К.М. Коршунов дене пырля тыгай моло мутмастар-влак шке произведенийышт дене лудшым куандареныт: А. Волков, М. Рыбаков да т.м.

К. Коршуновын пьесыже шке жанрже дене драме жанрлан келшен толеш; көргӧ жанр типологийже могырым – тудо социально-психологический драме

деке лишемеш. Тыгай сынан драме илышыште, обществыште вашлиялтше социальный проблеме-влакым геройын уш-акылже, шижмашыж гочын почын ончыкта. Тыгай пьесылаште герой илыш дене ӱчашымашыш пура, тудын тӱрлӧ социальный вийже, йыжыҥже-влак нерген умылаш тырша. Тыгай драме кызытсе илыш материалымат, тошто илыш событиймат авалтен кертеш. Произведенийыште илыш событий шкенжын чыла могыр шӧржӧ дене геройын характерже гоч почылтеш. Герой тӱжвач да кӧргӧ гычат почылтшо социальный тип лиеш. Тидым геройын койыш-шоктышыжо да психологийже могырым умылтарыме.

«Кӱдырчан ӱжара» пьесе кум кыдежан, вич сӱретан, прологан драме.

Произведенийыште чылаже 19 герой сӱретлалтеш. Модшо-влакым автор келыштарен пуа. Ик тӱҥ герой-влакын лӱмыштым гына каласен кода: Токтар, Голованов Федор Кристофорович, Ямбатыр. Вес ончыл план дене пуымо герой-влакым – Орина ден Элыксаным, Вачукым, икмыняр кокымшо планан персонаж-влакым – рашемда. Мутлан, Вачук – нунын ӱдырышт, Орина – тулык ӱдыр да молат. Посна сӱретыште гына вашлиялтше герой-влак – лӱмдымо улыт (Урядник, Палыдыме ен да т.м.).

Герой-влакын койыш-шоктышыштым да поступокыштым автор ӱшандарышын чоҥа.

«Кӱдырчан ӱжара» драмыште конфликт кӧргӧ да тӱжвал план дене кая. Тӱжвал план дене кайыше кучедалмаш герой-влакым кок тӱшкалан шелеш, класс кучедалмашын амалжым автор жап кышкар кӧргыштӧ умылтара. Конфликтын вес йыжыҥже – калык-влак кокласе отношений. Руш тӧран марий шемерым кӱшыч, игылт-мыскылен ончымыжо произведенийыште раш почылтеш. Кӧргӧ кучедалмаш герой-влакын кӧргӧ илышыштышт рашемеш. Драмыште калыкын историйже посна герой-влакын илыш пӱрымашышт гоч почылтеш.

Действий кумда, социально-общественный план дене кушкын, вияҥ толеш. Пьесе пролог дене тӱҥалеш. Тыштак пьесыште лийшашлык тӱҥ социальный конфликт да ваштареш шогышо герой-влак палемдалтыт. У илыш саманыште нунын кузе виянмыштым автор умбакысе событий-влак гоч ончыкта. Пролог да икымше сӱретысе действий коклаште коло ий жап эрта. Сюжет виянмаште кульминационный татлан Ямбатырын чаҥым кырен, калыкым погымыжым шотлаш лиеш. Оринан колымыжо развязке ужашлан келшен толеш. Финал тыште почылтшо лиеш. Молан манаш гын Элыксанын товатлыме шомакше класс кучедалмашын умбакыже шуйнаш тӱҥалмыж нерген ойла.

Ме палена, кеч-могай драме произведенийын тӱҥ йылме ойыртемже – герой-влакын монолог ден диалогышт. Лач тыштак герой-влакын койыш-шоктышышт, пашашт, поступок ден действийышт, нунын коклаcе отношений почылтыт. Сандене кажне реплике моткоч кугу функцийым шукта. Головановын мутланымаштыже тӧра улмыжо, калыкым шотлыдымыжо раш почылтеш. Прологышто гын тудо чылт рушла гына мутлана. Вара, коло ий марий кундемыште илен, марий йылмым сайын тунемын шуын, но калыкым пагалыме кумылжо шочын огыл.

Поснак кугу кумыл дене драматург Оринан кутырымо йылмыжым чоҥа. Тиде самырык ӱдыр волгыдо ӱшан дене ончыкылыкыш онча, калык верч кучедалеш. Тудын ойжо, шонкалымашыже-влак лывыргын, поэтический метафора семын йоҥгат, чумыр произведенийлан романтический сыным пуртат. Весымат палемдыман, историй темылан пӧлеклалтше драмын поэтикыштыже романтический кумыл эре гаяк вашлиялтеш.

Ямбатыр мутланымашыштыже калык ойлан энертыме, эскерен-шекланен каласыме шижалтеш. Тудо – Голованов ӱшанле тарзыже, сандене озалан йӧраш тӧчымӧ шомак-влакат вашлиялтыт. Моло герой-влакын кутырымо йылмыштат характерыштым рашемдаш полша.

«Кӱдырчан ӱжара» пьесе орланен-йӧсланен илыше шемер калыкым, тудын помыжалтмыжым, вий-куатше кушмым, Голованов да марий поян Микитан Кргорий гай опкын ваштареш тарванаш тӱҥалмыжым, исторический процессыш ушнен толмыжым ончыкта. Пьесе эртыше икымше руш революций годсо илыш нерген ойла. Революций теме героика пафосым, келге шонымашым нумалше личностьым йодеш. Ончыл план дене калыкын образше эрта. Калык кокла гыч лекше ятыр герой кӧргӧ кучедалмаш гоч пӱсӧ класс вашпижмашке лектеш.

К.М. Коршунов «Кӱдырчан ӱжара» пьесыже илыш йодмо проблеме-влаклан сералтын. Кодшо курымын 50-60-шо ийлаште лушкыдо комедий ваштареш шке шотан авторский протест виянҥын. Тудо жапыште республикыште илышыжак пудыранчыкан лийын манаш лиеш. Марий ен марий улмыж деч вожылаш тӱҥалын. Концертлаште шочмо калык муро шагал йоҥген. Тиде пуламыр К. Коршуновым веле огыл, молымат тургыжландарен. Аптыраненрак шке коклаште мутланымаш каен шоген гынат, кӱкшӧ трибуна гыч уло йӱкын каласаш ӧрыныт. Лач тиде жапыште драматургын пьесыже шочеш.

Весымат палемдыман: тиде драме марий калыкын национальный самосознанийже вияҥ толмо нергенат ойла. Тидым кумдан, туран ончыкташ неле лийын, сандене национальный йодышым посна сӱретыште веле нӧлталме. К. Коршунов раш умылен: икымше руш революций марий калыкын илышыштыже пеш кугу верым налын шоген, тудо поян-влак деч гына огыл утарен, эн ончыч тудо калыкын национальный шӱлышыжым виянден.

Ме палена, драме произведенийыште авторын йӱкшым от кол. Тудын умылтарымашыже, шонкалымашыже-влак посна ремарке-влак гоч йоҥгат. Ремарке-влак действийын кушто да кунам эртымыжым рашемдат, герой-влак дене палдарат, нунын тӱжвалтӱсыштым жа койыш-шоктышыштым почыт, посна кумыл да шижмаш-влакым ончыктат.

«Кӱдырчан ӱжара» пьесыште прологысо икымше ремарке колаш вочшо Токтарын сурт кӧргыжым сӱретлымылан пӧлеклалтын. Тыште ме Токтарын самырык годым могай лиймыжым раш пален налына. Посна сылнымут деталь-влак гочын автор тиде геройын тӱжвалтӱсшым почеш. Моло ужашысе ремарке-влакат тӱҥ шотышто тыгаяк функцийым шуктат. Тидын гоч тыгай иктешлымашым каласаш лиеш: драматург произведенийыште ончыктымо драме событийым, тудо жапыште илыше герой-влакым раш ончыкташ келшыше сылнымут сӱрет да деталь-влакым кучылтеш.

Произведенийын вуймутшо драмын тӱҥ шонымашыжым почеш: пызырналт илыше шемер калык шке пиал да ончыкылык волгыдо илыш верч тарванаш тӱҥалын; революцийын шонышыжо калыкын уш-акылышкыже кӱдырчӧ семын мӱгыралтын шыҥаш тӱҥалын, ӱжара гай волгалтын калык вийым иктыш чумыраш пижын.

К.М. Коршуновын «Кӱдырчан ӱжара» драмыже – илышыште улшо кӱлешан социал йодыш-влакым нӧлталше, герой-влакын нине йодыш-влакым шке семын ончымыштым ончыктышо произведений.

Литературт

1. *Михайлов В.Т., Бояринова Г.Н.* Марий сылнымут историй: туныктымо пособий / Марий кугыжаныш университет. Йошкар-Ола, 2019. 350 с.

РАЗДЕЛ III.
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА И ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРТЕКСТА В ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 811.511.151

Л.А. Абукаева
МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ЮМО* ‘БОГ’ В ТЕКСТАХ МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРОВ

В статье анализируются отдельные компоненты в структуре концепта юмо ‘бог’, представленные в текстах заговоров. В заговорных текстах репрезентированы персонажи собственно марийского пантеона, теонимы, являющиеся показателем синкретизма в религиозных воззрениях мари, функции богов (помощь в исцелении, заступничество), а также богоборческие мотивы.

***Ключевые слова**: заговор, концепт, пантеон, теоним.*

Заговор как жанр фольклора и как явление народной духовной культуры отражает веру в силу слова, способного подчинить себе материальный мир и воплотить сказанное в реальность – исцелить больного, предохранить от злых сил, обеспечить благополучие, отвратить беду и т.п.

В мифологическом пласте марийских заговоров как архаичных сакральных текстов представлены фрагменты религиозной картины мира, которые не обнаруживает себя в других жанрах фольклора и в текстах молитв [1], в частности некоторые персонажи марийского пантеона, такие мотивы, как богоборчество. Кроме того, тексты марийских заговоров могут представлять номинации, которые, очевидно, отражают фрагменты древней мифологической картины мира, например: *Юмын пундашыш кӱзен, кунам ик минутышто шӱдырым лудын пытарен кертеш, тунам иже тудын чонжо, шӱм-кылже мый дечем ойырлыжо* [2, с. 172] ‘Поднявшись на небо (букв. на дно неба = бога), когда сможет за минуту сосчитать звёзды, пусть только тогда его (ее) сердце сможет со мной расстаться’.

Из марийского пантеона в заговорных текстах представлены *Тӱҥ Юмо* ‘Главный Бог’, *Мер Юмо* ‘Бог Мира’, *Кава Юмо* ‘Бог Неба’, *Тӱня Юмо* ‘Бог Вселенной’, *Кугу Пӱрышӧ* ‘Великий Предопределитель’, *Кӱлдӧ Пӱрышӧ* ‘Всемогучий Предопределитель’, *Тӱня Пӱрышӧ* ‘Предопределитель Мира / Вселенной’, *Шочын Ава* ‘Богиня-мать рождающая’, *Кече Ава* ‘Мать Солнца’, *Тылзе Ава* ‘Мать Луны’, *Шӱдыр Ава* ‘Мать Звезд’, *Пыл Ава* ‘Мать Облаков’, *Кӱдырчӧ Юмо* ‘Бог Грома’, *Кӱдырчӧ Юмын Аваже* ‘Мать Бога Грома’, *Волгенче Юмо* ‘Бог Молнии’, *Волгенче Юмын Аваже* ‘Мать Бога Молнии’, *Мланде Ава*

‘Мать Земли’, *Вӱд Ава* ‘Мать Воды’, *Теҥыз Ава* ‘Мать Моря’, *Кугу Серлагыш(е)* ‘Великий Хранитель’, *Тӱнямбал (Кугу) Серлагыш(е)* ‘(Великий) Хранитель (всего) Мира’, *Сурт Юмо* ‘Бог домашнего очага’, *Сурт Серлагыш(е)* ‘Хранитель домашнего очага’, *Кугече Юмо* ‘Бог праздника Кугече’, *Юмын Эрге* ‘Божий сын’ (*Юмын кугу Эргыже* ‘Старший сын Бога’), *Юмын Ӱдыр* ‘Божья дочь’, *Кугу Юмын ӱдыржӧ* ‘Дочь Великого Бога’, *Пуйыршо Юмын ӱдыржӧ* ‘Дочь Бога-предопределителя’, *Кӱдырчӧ Юмын ӱдыржӧ* ‘Дочь Бога Грома’, *Танык Ава* ‘букв. Мать-свидетель’, *Танык Юмо* ‘букв. Свидетель Бог’, а также *Юмын Ӱдыр Юламбий* ‘Дочь Бога Юламбий’, *Кечын Ӱдыр Кечамбий* ‘Дочь Солнца Кечамбий’. Два последних теонима не фиксируются ни в текстах молитв, ни в других жанрах фольклора.

Из христианского пантеона в тексты марийских заговоров привнесены *Кристос Кугу Юмо* ‘букв. Великий Бог Христос’ (этот же персонаж именуется и *Кугыжан Юмо* ‘Бог Царя’, и *Господь юмо*), *Кристос Кугу Юмын Аваже* ‘букв. Мать Великого Бога Христа’, *Миколо Юмо* ‘Николай Угодник’, *Микол Чудотворец* ‘Николай Чудотворец’. Чтобы объяснить наличие таких теонимов в марийских текстах, необходимо учесть, что заговоры, являясь динамичным жанром, реагируют на изменения в жизни и включают в себя разнообразные элементы, имеющие отношение как к духовной, так и материальной культуре. В данном случае в текстах находят отражение следы насаждения христианства, которое началось с присоединением Марийского края в состав России [4, с. 149].

Первая функция богов, согласно текстам заговоров, – присоединиться к действиям *юзо* (ворожца, колдуна), способствовать в магических действиях – *танык лияш*. Вторая функция сводится к очищению, отделению порчи, болезни: *чыла осалжым ойырен, эрыктен колтыза!* [3, с. 15] ‘все зло, отделив, очистите!’ Четко обозначена в заговорных текстах и функция защиты, заступничества: *Кугу Мер Юмо, шӱмжым-мокшыжым ит пытарыкте, осалым эрыкте! Тӱнямбал Кугу Серлагыше, шӱмжым-мокшыжым ит пытарыкте, осалым эрыкте! Юмын кумдыкеш кунар Юмо уло, чыланат шӱмжым-мокшыжым ида пытарыкте!* [3, с. 118] ‘Великий Бог Мира, не позволь уничтожить (его / ее) сердце и печень, зло очисти! Великий Хранитель Вселенной, не позволь уничтожить (его / ее) сердце и печень, зло очисти! Сколько есть Богов во Вселенной (букв. на божьих просторах), все не допустите уничтожения (его / ее) сердца и печени!’. Обобщения, перечисления имен множества богов, божеств, духов, являясь всеохватывающими, обеспечивают действенность заговора.

Некоторые тексты от порчи, наведения болезней в содержательном отношении строятся на идее о свержении богов с неба на землю, среди них *Кугу Юмо* ‘Великий Бог’, *Пуйыршо Юмо* ‘Бог Предопределитель’, *Кӱдырчӧ Юмо* ‘Бог Грома’ и др., а также об извлечении из недр земли Матери Земли (*Мланде Авам кӱш луктын шогалтен*), из воды – Матери Воды (*Вӱд Авам вӱд гыч луктын шогалтен*).

В текстах заговоров есть действия, которые представляются как утверждение равенства человека и богов (*Кугу Юмо дене, Пуйыршо Юмо дене, Кӱдырчӧ Юмо дене ваш шогал мутланен* ‘С Великим Богом, с Богом Предопределителем, с Богом Грома беседуя на равных’). Гиперболизированное

утверждение равенства медиума с богами нацелено на повышение действенной силы сакрального слова.

Важную роль при включении имени бога в текст заговора играют образно-символические составляющие, например, цветовая символика: *Ош Юмын ош мардежше кузе куштылгын кая, тугак мыйын имнем куштылгын модын кынел коштшо. ... Ош Юмын ош песан Вуйжо кузе куштылгын кынел кая, тугак мыйын имнем куштылгын модын кынел коштшо* [2, с. 175] ‘Как Светлого Бога светлый ветер дует легко, так пусть и мой конь встает и ходит легко, играя. Как Светлого бога белый пух осота взлетает легко, так пусть и мой конь встает и ходит легко, играя’.

В текстах заговоров, так же как и в текстах молитв, находят отражение наиболее древние представления мари, в том числе о природе божественного, о соотношении божественного и человеческого.

В заговорах закрепились как вера в таинственную силу слова, так и те представления мари о *юмо*, которые не обнаруживаются в других жанрах. Обращение к персонажам марийского пантеона, с одной стороны, должно было обеспечить здоровье человека, его семьи, домашних животных, благополучие в хозяйстве, с другой стороны, предотвратить всевозможные отрицательные воздействия, как со стороны людей, так и со стороны духов.

Литература

1. *Абукаева Л.А.* Репрезентация концепта юмо ‘бог’ в текстах марийских молитв // Финно-угроведение. 2020. С. 7–8.

2. *Евсеев Т.Е.* Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шӱведыме ю-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш. 1994. 208 с.

3. *Петров В.Н.* Марий Ю: Тӱрлӧ локтымо, чер, мужо ваштареш шӱведымаш. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. 160 с.

4. *Попов Н.С.* К вопросу о становлении и развитии традиционной марийской религии // Финно-угроведение. 2020. №61. С. 148–157.

УДК 811.161.1

Е.Г. Ласточкина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЭВФЕМИЗМЫ В СФЕРЕ УСТНОГО ТВОРЧЕСТВА НАРОДА МАРИ

Статья посвящена особенностям использования эвфемизов в фольклоре марийского народа. Очень часто вместо запрещенной лексики употребляются эвфемистические замены, что свидетельствует о суеверии марийского народа.

Ключевые слова: *эвфемизмы, фольклор, табу, марийский язык.*

Эвфемизмы используются в речевых или печатных текстах для замены слов, признанных грубыми или «непристойными», например, бранно-ругательных и матерных слов. Иногда в качестве эвфемизмов используются «нелитературные» слова с меньшей отрицательной «нагрузкой», чем брань и мат – просторечные, жаргонные, авторские. Использование эвфемизмов значительно

смягчает негативную «нагрузку» на текст бранных или матерных слов, хотя в большинстве случаев по эвфемизму либо по смыслу текста можно установить, какое слово он заменяет.

В основе явления эвфемизма лежат:

- издавна известные языковые табу, запрещавшие произносить прямые наименования таких опасных предметов и явлений, как, например, боги или болезни, поскольку акт их упоминания, считалось, может вызвать само явление. Также известны широко употребительные и поныне эвфемизмы, обусловленные религиозными убеждениями, типа «нечистый», вместо «чёрт»;
- факторы социальной диалектологии [6, с. 1].

Фольклор как традиционное творчество народа «запечатлел в себе все свойства этнического менталитета, начиная с осознания этносом своего происхождения, исторических судеб, отношений с соседями... и кончая объяснением особенностей бытового, психического, семейного, народно-племенного уклада жизни, привычек, характера народа и свойств языка» [1, с. 51]. Изучение языка фольклора поможет понять картину мира народа, его мудрость и т.д.

Эвфемизмы и эвфемизация речи уходят своими корнями в природу человека как существа, чувствующего свою слабость перед силами природы. Как отмечают ученые, суеверный страх первобытного человека перед прямым наименованием породил запрет (табу) на определенные слова, взамен которых создаются новые наименования [4, с. 2]. В лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение: «эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [3]. Эвфемизация речи также характерна для фольклора марийского народа. Так, например, очень часто смерть заменяется другими выражениями: кӱрлын *каяш* «оторваться»; *вес тӱняш каяш* «уйти в другой мир» и др.

Эвфемизмы могут быть достаточно полно классифицированы с учетом 12 сфер общения, предложенных В.А. Авроринym: сферы хозяйственной деятельности; общественно-политической деятельности; быта; организованного обучения; художественной литературы; массовой коммуникации; эстетического воздействия; устного народного творчества; науки; всех видов делопроизводства; личной переписки; религиозного культа [1, с. 97].

В данной работе мы остановимся на анализе эвфемизмов в сфере устного народного творчества. В наибольшей мере традиционную связь с запретами и тайными языками обнаруживают загадки. Загадки по традиции восприняли условности тайной речи. Стадия существования загадок как развлечения и словесной игры ознаменовалась развитием изначальной образности подставных слов [7, с. 83]. Например: *Мланде кӧргыштӧ шылан шондык* / Под замлёй – сундук с мясом (колотка, гроб) [5, с. 207]; *Конгаште шогертен тӧрштылеш* / В печке сорока прыгает; *Шем имне тулыш тӧршта* / Чёрный конь прыгает в огонь (тулвондо, кочерга) [5, с. 271]; *Вуешыже тырмык-тормык вож кушкын* / На голове выросли корявые корни (шордо, лось) [5, с. 173]; *Пӧртыштӧ онар шога* / В избе великан стоит; *Пӧрт покшелне ош алаша шога* / Посреди дома стоит

белый мерин (конга, печь) [5, с. 307–308]. Эвфемизмы находим в загадках о потустороннем мире, о животных и быте народа.

Пословицы и поговорки марийского народа также содержат множество эвфемизмов: *Кок агытан (пий) кредалмашке кумшылан пураш ок йӧрӧ* / В драку двух петухов (собак) лезть не следует; *Кок маска ик вынемыште илен огыт керт* / Два медведя в одной берлоге не смогут жить [5, с. 129]; *Яндар памаш гыч румбыкан вӱд йоген ок лек* / Из чистого родника мутная вода не потечёт [5, с. 164].

Эвфемизмы можно обнаружить также в обрядовых песнях, эвфемизации поддаются наименования *дети, жених и невеста, смерть, потусторонний мир*. В песнях о детях очень часто наименование *дети* заменяются «птенцом, детёнышем» птиц. Например:

Чинче падыраш огыл улмаш	Оказывается не золото,
Ачажын-аважын игыже улмаш [5, с. 37].	а птенец родителей

Йӱксӧ игыланат ида уж –	Не птенцы лебедей –
Тендан игыда лийдалына.	А ваши детёныши.
Комбигыланат ида уж –	Не птенцы гусей,
Тендан игыда улдалына [5, с. 37].	А ваши детёныши.

Свадебные песни:

Пел ката уло, пел ката уке,	Половина ботинок есть, а половины нет,
Пел катажым кычалын, ме толна [5, с. 50].	Пришли за второй половиной

Через поиск полботинка видим поиск второй половины, т.е. в наименовании жениха и невесты испоьзуется слово «полботинка».

Чевер кайыкым кондышна,	Привезли яркую птицу
Кудо четлыкдам пуэда?	Которую клетку дадите?
Ужар вынерым кондышна,	Привезли зелёный холст
Кудо каштадам пуэда?	Который шест дадите?
Чевер ӱдырым кондышна,	Привезли красивую девушку,
Кудо кладам пуэда? [5, с. 52].	Которую кладовую дадите?

Здесь через образы птицы, холста показана невеста.

Колыбельные песни:

Мемнан чинче падырашна	Наше золотце
Мотор шепкаште папалта [5, с. 55].	Спит в красивой колыбели.

Изи падыраш кушкалеш,	Маленький комочек подрастает,
Чылалан полшаш тӱҥалеш [5, с. 56].	Всем будет помогать.

Мыйыны изи падырашем	Мой маленький кусочек
Ласкан гына папалта!	Мирно спит!
Мале, мале, милаем,	Спи, спи, милый,
Чевер чинче падырашем.	Мой яркий кусочек золота.
Папе, папе милаем,	Спи, спи, милый,
Папе, мале, шӱм-кылем! [5, с. 56].	Спи, спи, моя душа!

Ребёнок заменяется словами *золотце, милый, маленький комочек, маленький кусочек, кусочек золота, моя душа*. У мари принято оберегать и защищать детей от сглаза, возможно, именно этим обусловлена эвфемизация этой темы.

Очень много примеров можно найти в песнях о смерти, об уходе в иной мир. В таких случаях смерть показана как *уйти в землю, оставить светлый мир, носить чёрные чулки, уйти и не вернуться, забирает чёрная земля* и др.

Ушемат кайыш, акылемат пытыш	Ум ушёл, рассудок потерял(а)
Ты шочшемын рокышко кайымыжлан [5, с. 60].	Мой ребёнок ушел в землю.
Колал колтымыжлан пеш ом чамане,	Не жалею, что умер,
Ош дӱнчаже кодмылан чаманем [5, с. 60].	А жалею, что оставил светлый мир.
Мыйынат-лай аваем кушко каен? –	Куда ушла моя мама? –
Кӱанэнҥер воктенышке мӧр погаш.	Ушла собирать клубнику в Кӱанэнҥер.
Мӧр погаш каен гын, толеш ыле,	Если ушла за клубникой, то вернулась бы
Толдымашын каялалын, мом толеш [5, с. 60].	Ушла, чтобы не вернуться, как придёт.
Олян гына, шижтарыде гына,	Тихо, не предупредив,
Налеш мемнам шем мланде [5, с. 61].	Забирает нас черная земля.

Итак, в данной работе проанализированы лишь некоторые произведения устного творчества народа мари. Весь собранный материал показал, что очень часто вместо табуированной лексики производятся эвфемистические замены. Таким образом, фольклор марийского народа содержит множество эвфемизмов, что говорит о суеверии наших предков и о существовавших запретах на определённые темы: семья, дети, смерть, болезнь и т.д. Поэтому изучение данного явления во всей ее широте позволит раскрыть закономерности коммуникативного поведения, а также картину мира народа.

Литература

1. *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. Л.: Наука, 1975. 276 с.

2. *Аникин В.П.* Фольклор как часть древнерусской культуры (некоторые первоочередные задачи изучения) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 68–76.

3. *Арапова Н.С.* Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания РАН; гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Совет. энциклопедия, 1990. http://tapemark.narod.ru/les/590c.html (дата обращения: 15.10.2018).

4. *Вавилова Л.Н.* К вопросу об эвфемизации современной русской речи // Русская и сопоставительная филология. Системно-функциональный аспект: сб. материалов научн. конф. 5–10 февраля 2003 г. URL: http://old.kpfu.ru/fil/kn7/index.php?sod=11 (дата обращения: 15.02.2018).

5. *Михайлов В.Т.* Марий калык ойпого антологий. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2012. 304 с.

6. Эвфемизм // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%B2%D1%84%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BC (дата обращения: 15.02.2018).

7. *Твердохлеб О.Г.* Эвфемизмы в сфере устного народного творчества // Язык и культура. 2016. №1 (33) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-v-sfere-ustnogo-narodnogotvorchestva (дата обращения: 30.04.2018).

811.511.151

В.Н. Максимов
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

МАРИЙ КУМАЛТЫШ МУТЫШТО ОБРАЩЕНИЙЫН ВЕРЖЕ

Статья посвящена грамматическим особенностям использования обращения в марийских молитвах, анализу места обращений в этих молитвах. Отмечается, что в марийских молитвах всегда главное внимание уделялось обращению к кому-, чему-либо.

Ключевые слова: *обращение, молитвы, место обращения в марийских молитвах, Бог, Великий Бог.*

Марий йылме наукышто калыкойпогын йылмыжым шагал шымлыме. Тидын шотышто Н.Н. Глухован [2, с. 38-51; 3], Э.Н. Лебедеван [4, с. 13], М.Ю. Андуганован [1] пашаштым палемдаш лиеш.

Марий кумалтыш мутлаште изи огыл верым обращений налеш. Тудат ойлончым шараш, вес тӱсым ышташ да тыгак нелемдаш полша. Эн ондак, мо тугай обращений умылымашым пуаш кӱлеш. Н.Т. Пенгитов семын каласаш гын, «кӧлан ойлымым ончыктышо мутым обращений маныт» [8, с. 54]. В.Т. Тимофеева «Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис» книгаштыже обращений нерген тыге воза: «Кӧлан але молан ойлымам ончыктышо мут але мут сочетаний обращений маналтеш. Тудо колыштшо еҥын вниманийжым каласыме деке савыраш кучылталтеш. Предложений составыш пурышо мут-влак икте-весышт дене кылдалт шогат, а обращений предложенийын моло членже дене ни согласований, ни управлений, ни примыканий, ни притяжений йӧн дене огеш кылдалт, моло член деч интонаций дене ойырен каласалтеш» [10, с. 103].

Пале, обращений ойлончышто эре ойыралтеш. Марий орфографий мутерлаште [5; 6] обращенийым ойырымо шотышто тыгай правил-влакым пуымо, эн ончычак ончалына 1992-шо ийыште лекше орфографий мутерыште правил-влакым: «190. Обращений предложений тӱҥалтыште шога гын, тудын почеш запятой але кычкыралтышан пале шындалтеш.

191. Обращений предложений покшелне лиеш гын, кок могырымат запятой дене ойыралтеш.

192. Обращений предложений мучаште шога гын, тудын ончык запятой шындалтеш, предложений мучашеш предложенийын содержанийжылан келшыше знак шындалтеш.

193. Обращений ончылно шогышо **о** частице запятой дене огеш ойыралт.

194. Ушем мут дене кылдалтше икгай обращений-влак коклаш запятой ок шындалт» [5, с. 34–35].

А ынде ончалына, кузе 2011-ше ийыште сералтын обращенийлан правил-влак: «65. Савырныммут (обращений) ойлончо тӱҥалтышыште шога гын, тудын почеш запятой шындалтеш.

66. Савырныммут ойлончо покшелне лиеш гын, кок могырымат запятой дене ойыралтеш.

67. Савырныммут ойлончо мучаште шога гын, тудын ончылно запятой шындалтеш.

68. Савырныммут ойлончо посна кугу кумыл дене каласалтеш гын, тудын почеш кычкыралтыш пале шындалтеш, умбакыже ойлончо кугу буква дене тӱҥалеш.

69. Савырныммут ончылно шогышо **о** частице запятой дене огеш ойыралт.

70. Савырныммут ончылно йӱк мут шога гын, нунын коклаш запятой шындалтеш.

71. **Ден, да** ушем мут дене кылдалтше икгай савырныммут-влак коклаш запятой ок шындалт.

72. Ушем мут деч посна кылдалтше савырныммут-влак коклаш запятой шындалтеш.

73. Уэш-пачаш каласалтше савырныммут-влак коклаш запятой шындалтеш» [6, с. 43–44].

Тӱҥ шотышто кок мутерыште икгай правил-влак улыт, лач икмыняр правил-влакым веле пытартыш марий орфографий мутерышке пуртымо.

Марий кумалтыш мутышто обращений кумдан кучылталтеш: чылаже 320 картычке погынен. Тыште тӱрлӧ-тӱрлӧ обращениян ойлончым вашлияш лиеш. Эн кугу верым ойлончо тӱҥалтыште шогышо нераспространенный обращений налеш. Мутлан, ик мутан обращений: ***Юмо**, тазалыкым пу* [9, с. 52]. ***Юмо**, ыҥгайлыкым пу* [9, с. 95]. ***Юмо**, мер калык дене йодын кумалына* [9, с. 95]. ***Аве**, слава тыланет* [9, с. 139]. ***Юмем**, тошто марийлан пуымо ончыкылык пашажлан ыҥгайым пуэн шого манын йодына* [9, с. 154]. ***Шочынава**, шочаш-кушкаш пӱренат, кап-кылым пуэнат, шинчавылышымат пӱсым пуэнат, кид-йолжымат* лывыргым ыштенат [9, с. 201]. ***Кува**, нелеш ит нал, шке пайреметым сайын эртаре* [9, с. 215]. Чылаже тыште 168 примерым мумо. Тидымат палемдыман, марий кумалтыш мутышто эре гаяк тӱрлӧ Юмо деке обращений шокта.

Шагал огыл обращений лийше тӱҥ рашемдыше шомак-влак кучылталтыт. Нуно Юмын (Кугу Юмо, Вуйӱмбал Ош Юмо, Вӱргенче Юмо да т.м.); Аван (Мардеж Ава, Шурно Ава, Вольык Ава да т.м.); Кугызан (Поро Курык Кугыза, Пиямбар Кугыза, Кӱвар Кугыза да т.м.); Шочынава (Поро Шочынава-влак, Шочынава Юмо да т.м.); Суксо (Изарня Суксо, Кугарня Суксо, Вӱргече Суксо, Кугу Суксо да т.м.); Шочын (Вольык Шочын, Кинде Шочын, Мӱкш Шочын да т.м.) молын могай улмыштым, мо дене кылдалтмыштым почын пуат, мутлан: ***А Тул Ава**, пӱсӧ йылме деке толмачлен, Р... таҥын Вуйӱмбал Кугу Юмыжлан шуктен виктарен шого, каласенак пу*! [9, с. 14]; ***А Илыш Шончынава** теве, тенийсе ий марте шукертсек лӱдын вожыл кумалшаш уло манын, шонен коштынна, манеш* [9, с. 59–60]; ***Шочынава Юмо**, Кумалтышнам йӧрате* [9, с. 69]. ***Мланде Ава**, мамыкым пу* [9, с. 140]; ***Вуйӱмбал Юмем**, коштмаш корныштем, кеч-кушко каем гынат, оролен-саклен коштыкто* [9, с. 238].

Изи огыл верым ойлончо мучаште шогышо обращений налеш. Тыгодым чӱчкыдынак икмыняр обращений поче-поче радамлалтеш, мутлан: *Кугу Юмо дене иктеш лий, **Суртлык Кува-Кугыза***! [9, с. 42]; *Мыланна тушман шонышо-влакым элышкына ит пурто, **Юмо*** [9, с. 52]; *А ший шуран, ший почан шорыкетым кунге могырым шогалтен почкалтарен кумалына, тунге могырымак товлен йӧратен шого, **Тиштымбал Шончынава*** [9, с. 59].

А чинче пунан мамык лудетым кунге могырым шогалтен почкалтарен кумалына, тунге могырымак товлен йӧратен шого теве, ***Лулеге Шочынава****,* ***Лулеге Пӱрышӧ****,* ***Лулеге Серлагышыжат*** [9, с. 60]. Тиде ойлончышто обращений куд компонент гыч шога.

А серлаген товло, ***Курык Кугыза****,* ***Пиямбар Кугыза****,* ***Витньызыже****,* ***Шыртше****,* ***Водыжо***! [9, с. 120]. Тыште обращений шым компонент гыч шога.

А йӧратен лий, тыланет шуко кече шонен коштын улына, ***Тӱн Ош Кугу Юмо***! [9, с. 131]. *Тудым каван гане капан ыштенат, ото гане койышан ыштенат, умша гане овартенат, шуршо гане тӧрштылын, вараксим гане вычыматен, шыште гане кумылтын, порсын гане ӱмыр сулен илаш кужу ӱмырым пу, кугу рыскалым пуэн шинчыгычет ыле манын, тый дечет тудым сӧрвален кумалына,* ***Поро Кӱдыратле Кугу Юмо*** [9, с. 121]. *Шики йымалсе толшо калык, рвезе калык улына, ала йоҥылыш паша лийын, ала титак лийын, вӱчкен товлен нал, ыштышнам-кучышнам ит казяндыл,* ***Поро Кудыратле Кугу Юмо*** [9, с. 122].

Тидын годым обращений ныл компонентан лийын кертеш, пытартыш кум предложенийыште тиде раш коеш. Тыште 73 пример верештын, ойлончо мучаште обращений-влак нераспространенный да распространенный лийыт.

Тыгак марий кумалтыш мутышто предложений покшелнат обращений-влак кучылталтыт. Тыгай пример-влакым ончыкташ лиеш: *Тыланет,* ***Вуйумбал Кугу Юмо****, ший оргамакетым шогалтен кумалына* [9, с. 26]. *А теве,* ***Поро Курык Кугыза****, йӧратен лий* [9, с. 38]. *А теве,* ***Кӱвар Кугыза****, уна В... шольо шуко кече годсек шонен коштынам манеш* [9, с. 39]. *Шошым ӱдаш лектына,* ***Кугу Юмо****, шке шинчет, машина дене пашам ыштена* [9, с. 44-45]. *Теат,* ***ача-коча****,* ***вес тӱняш кайыше родо-влак****, простительза*! [9, с. 142]. *Мом шонен конденыт гынат,* ***ял марий калык-шамыч****, чыла алал лийже* [9, с. 172]. *Кузе* ***Кугу Юмо****,* ***Кугу Пӱрышӧ****, пӱрен шочыктен мыйым, мый ом пале* [9, с. 222]. *Кӧ мыланем осалым шона,* ***Кӱсотымбал Юмо****, ойыро, Кугырак Пиямбаржылан пуэн шого* [9, с. 226]. *Каче ден ӱдырланат тазалыкым, эсенлыкым, кужу ӱмырым пу, пырля ушнен, икте-весыштым,* ***Тыйым****,* ***Ош Кугу Юмо****, чыла калыкым, марий-влакым, родо-шочшо-влакым, пошкудо-влакым йӧратен илышт* [8, с. 44]. Тыге чылажым 58 пример погынен.

Южгунам уло ойлончо обращений гыч веле лиеш. Тыгай савыртыш кумалтыш мутышто пеш чӱкыдын вашлиялтеш, мутлан: ***Монча Суксо****,* ***Монча Пӱрышӧ***! [9, с. 8]. ***А Вуйӱмбал Кугу Юмо*** [9, с. 16]. ***А Курык Кугызан Пиямбарже***! [9, с. 35]. ***Вольык Шочын****,* ***Вольык Ава****,* ***Вольык Пиямбар****,* ***Вольык Сукчо****,* ***Вольык Пӱрышӧ****,* ***Вольык Перке****,* ***Вольык Саус***! [9, с. 42]. ***Шурно Шочын****,* ***Шурно Ава****,* ***Шурно Пиямбар****,* ***Шурно Сакче****,* ***Шурно Пӱрышӧ****,* ***Шурно Перке****,* ***Шурно Саус*** [9, с. 43]. 63 примеран тыгай карточко погынен.

Южгунам обращений пелен рашемдыше шомак-влак ятырак лийыт, тыге обращений чот распространенныйыш савырна, мутлан: ***А теве В... шольын удылмо Юмыжат****, серлагышымак пу, тазалыкымак пу*! [9, с. 40].

Тыгеже обращений пелен рашемдыше шомак семын утларакше тыгай мут-влак кучылталтыт: ***Ош****,* ***Кугу****,* ***Поро****,* ***Мланде****,* ***Вӱд****,* ***Вольык****,* ***Тул****,* ***Кава****,* ***Пушенге****,* ***Мер****,* ***Тӱн****,* ***Илыш*** да т.м.

Кумалтыш мутым шымлымаште, кок обращениян предложений вашлиялтеш, иктыже предложений тӱҥалтышыште, весыже предложений покшелне верлана: ***Юмын Ава***, *простите*, ***Мланде Ава***, *простите*! [9, с. 142]. ***Юмо***, *тол*, ***Пӱрышӧ***, *тол*! [9, с. 223].

Раш, тыгодым обращений-влак предложенийын посна ужашыже-влак дене кылдалтыт.

Кумалтыш мут текст-влакым эскерыме ончыкта: обращений шотеш утларакшым тыгай лӱм мут-влак кучылталтыт:

1. Юмо: ***Тӱҥ Кугу***, ***Кугу Мер***, ***Тӱня Кугу***, ***Кава Кӱдырчӧ***, ***Волгенче***, ***Кава***, ***Кугече Кугу***, ***Агавайрем Кугу***, ***Миколо Кугу*** да т.м.

2. Ача, ава, ача-ава: ***Кава Юмын Аваже***, ***Кече Ава***, ***Тылзе Ава***, ***Шӱдыр Ава***, ***Пыл Ава***, ***Мланде Ава***, ***Теҥыз Ава*** да т.м.

3. Витньызе («шижтарыше, увертарыше, полшен шуктышо»): ***Юмын Витньызе***, ***Мӱкш Витньызе***, ***Кугече Юмын Витньызыже*** да т.м.

4. Суксо (***Поро***, ***Нылле***, ***Кӱсото*** да т.м.).

Марий кумалтыш мутым шымлен лекмеке, теве мом каласаш лиеш: эше шукерте ожнак марий тукым, кунам мӧнгыштӧ, але кӱсотышко кумалаш лектын гын, але корныш кайыме годым да тулеч моло годым, шочмо йылмыштыже тӱрлӧ сынан обращенийым кучылтын.

Литератур

1. *Андуганова М.Ю.* Фонологические выразительные средства в текстах марийских языческих молитвах и карело-финских рунах. Ханты-Мансийск, 2006. 174 с.

2. *Глухова Н.Н.* Экспрессивность марийских языческих молитв // Финно-угроведение.1994. № 2. С. 38–51.

3. *Глухова Н.Н.* Информативность и поэтика марийских языческих молитв. Йошкар-Ола, 1998. 116 с.

4. *Лебедева Э.Н.* Коммуникативная целостность текстов марийских языческих молитв // Материалы международной конференции, посвящённой Уно Харва (11–12 сентября 1992 г.) Йошкар-Ола, 1992. С. 13.

5. Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола, 1992. 259 с.

6. Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола, 2011. 368 с.

7. *Новиков С.С.* Юмо дене пырля… Йошка-Ола, 1999. 62 с.

8. *Пенгитов Н.Т.* Марий йылме. Кокымшо ужаш. Синтаксис. 6–7 класслан. Йошкар-Ола, 1975. С. 48–56.

9. *Попов Н.С.* Марий кумалтыш мут. Йошкар-Ола, 1991. 256 с.

10. *Тимофеева В.Т.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис. Йошкар-Ола, 1989. 119 с.

УДК 351.858

Ю.Ю. Молодцова
Казанский государственный институт культуры (г. Казань)
Научный руководитель: Еникеева А.Р., канд. пед. н., проф.

ЯЗЫК ТАНЦЕВАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА УДМУРТОВ

В статье рассматривается язык танца как способ невербальной коммуникации удмуртского этноса с целью установления связи между вербальным общением и диалогом посредством пластики и движений. Проведен анализ фольклорных танцевальных композиций, касающийся форм, инструментов и участников коммуникации в процессе танцевального взаимодействия. Выделены особенности пластических мотивов в связи с характером танцевального номера и его участников.

Ключевые слова: *танцевальное искусство, танцевальный фольклор, культурный фонд удмуртов.*

Как вербальные языки отличаются друг от друга в зависимости от этноса, так и невербальный язык одной нации отличается от невербального языка другой нации. Общение и своего рода связь между представителями одной культуры, общности осуществлялась не только через опосредованные формы коммуникации – язык, речь, письменность, – но и невербальным способом. Одним из таких невербальных способов передачи и хранения информации стал танец, являющийся своего рода языком жестов, движений и мимики [2, с. 135].

В данной статье на материале языка удмуртского танца, дошедших до нас хореографических произведений рассматривается взаимоотношение людей внутри одного этноса.

Обрядовые постановки, вплетенные естественным образом в структуру бытовых и религиозных традиций народа, стали истоком танцевальной пластики удмуртской хореографии. Уже с древних времен люди, в поисках объяснений непонятных им явлений природы, обосновывали их возникновение силой воли высших существ, божеств. Безусловно, для достижения благоприятных условий жизни народа удмурты старались особыми магическими действиями, различными обрядами задобрить богов [1, с. 15].

Именно игровые и хороводные песни стали музыкальным сопровождением для различных обрядов. При всем многообразии и разнохарактерности содержания, их объединяет одна особенность – за исключением слова и музыки, третьей неотъемлемой частью становится именно движение – пантомима игры, коллективный танец хоровода или показ сольной пляски и личного виртуозного исполнения. Главная цель хоровода – отдых и развлечение, данный факт помогает объяснить выбор темпа, ведь большинство хороводов в Удмуртии в умеренном и умеренно скором темпе [6, с. 47]. Средние темпы были удобны для сплочения людей в единый коллектив и создания единого психофизического настроя, что, несомненно, способствовало объединению и взаимодействию людей в общине. «Балезинский тыпыртон» – танцевальный номер, имеющий сходство в рисунках с хороводом, а также знаменитый своим основным ходом – слегка прихрамывающая дробь, особенность которой заключается в плавном и недвижимом для корпуса передвижении из рисунка в рисунок. По словам известной балерины А. Алонсо,

«сила женщины не в красоте лица, а раскрывается она именно посредством пластики. Женщина, с грациозной походкой, отмеренными жестами, способная и на улице, и дома держаться прямо и собранно, всегда производит хорошее впечатление». Именно эта цитата в полной мере объясняет сложность и сакральный смысл «Балезинского тыпыртона». Данный пример хороводной пляски поставлен молодым выпускником Ижевского культпросветучилища Александром Домашним, который в Балезинском районе Удмуртской республики нашел данное движение, рисунки, музыкальный материал. Данный фольклорный образец бережно хранится с 1980 года в Государственном Ордена дружбы народов Академическом ансамбле песни и танца Удмуртской республики «Италмас» им. А.В. Мамонтова [Рис. 1].

Рисунок 1

Ни один удмуртский праздник не ограничивался ритуальной стороной. Выполнение обрядов, составлявшее официальную часть праздника, сменялось развлекательной, во время которой в полной мере раскрывалась душа народа, его творческий потенциал. Все семейные торжества, календарные и обрядовые праздники сопровождались народными гуляниями и развлечениями, в которых часто участвовала вся деревня. Наблюдая за играми молодежи, дети постепенно усваивали весь игровой и, в целом, развлекательный репертуар своей деревни. Развлечения традиционно состояли из песен и хороводов, игр и плясок, репертуар которых, несмотря на разнообразие, мог отчасти повторяться. Взрослые, пришедшие посмотреть на развлечения молодежи, часто принимали участие в праздничных хороводах. А молодые люди, покинув лужайку, могли прийти в любой дом, где собирались взрослые, чтобы повеселиться, развлечь их песнями и танцами, показать свои наряды, а значит, и свое искусство рукоделия. Закончив развлекать старшее поколение, молодежь отправлялась на свое традиционное место гуляний, где, проводила время до поздней ночи, постоянно придумывая новые развлечения. Так молодые люди проводили время не только в праздничные дни: песни и танцы, различные игры и хороводы были частой забавой с первых весенних дней и до конца летнего праздничного цикла [3, с. 105].

В репертуаре государственного ансамбля «Италмас» также бережно хранится танцевальный фольклорный номер «Аксакшур». Материал для данного танца, а если точнее, сам танец, получен главным балетмейстером ансамбля А. Исуповым в деревне Аксакшур Киясовского района Удмуртской республики. Танец отличается кадрильной формой построения, исполняется всегда парами, что раскрывает важное значение – знакомство друг с другом, заигрывание. Основным танцевальным ходом является легкий бег с характерным покачиванием. Особенность этого танца заключается в том, что на девушках традиционно надето множество украшений-монист, с помощью которых они хлопками и тремолой рук привлекают внимание парней. Кроме того, музыкальное сопровождение уникально тем, что не только оркестр, но и хор присутствует на сцене, исполняя удмуртские игровые песни [Рис. 2].

Рисунок 2

Таким образом, язык танцевального фольклора удмуртов является сложной, постоянно развивающейся системой, которая содержит в себе не только пласт, отражающий традиционный этикет и традиционные удмуртские мифологические представления, но и новые формы и приёмы общения, которые открываются исследователям и исполнителям по мере изучения материала.

Литература

1. *Батурина Е.Н.* Удмуртские фольклорные танцы. Ижевск: Искусство, 2002. 151 с.

2. *Бороздина Г.В.* Психология делового общения: учеб. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2008. 295 с.

3. *Сапожников Л.Д.* Песни, танцы и игры шошминских удмуртов. Казань: Идел-Пресс, 2021. 239 с.

4. *Чуракова Р.А.* Традиционные и обрядовые песни южных удмуртов. Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллинн, 1980. 230 с.

5. *Яшин Д.А.* Удмурт фольклор. Ижевск: «Удмуртия» изд-во, 1976. 152 с.

УДК 811.511

Е.Н. Морозова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Глухова Н.Н., д-р филол. наук, проф.

ПОВТОР КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В МАРИЙСКИХ СКАЗКАХ

Статья посвящена анализу использования в тексте марийских народных сказок повтора как средства организации повествования. Приводятся примеры синтаксических (анафорических, эпифорических, сквозных), лексических и морфологических типов повтора.

Ключевые слова: *повтор, марийская сказка, повествование, стилистическое средство, фольклор, марийский язык*

Изучение марийской сказки берет истоки в конце XIX века, когда русские и зарубежные исследователи начали вести сбор и публикацию сказок народа мари, до этого существовавших исключительно в устной форме. Начало этой работе положил ученый В. Поркка, опубликовавший сборник материалов «Черемисские тексты с переводом» [9]. Его изыскания были продолжены Ю. Вихманном, опубликовавшим труд «Народное творчество и обычаи черемис» [10]. В начале XX века собиранием языкового и фольклорного материала занимались такие зарубежные ученые, как Э. Беке и Э. Леви, а также отечественные языковеды В.М. Васильев, Я. Ялкаев, В. Мухин-Сави.

Текст марийской сказки как объект лингвистического и фольклорного исследования привлекал интерес финно-угроведов и в середине прошлого столетия. Марийские филологи того времени анализировали сюжеты марийских сказок, выявляя их сходства и различия со сказками других народов (К.А. Четкарев [8]); составляли подробные каталоги-указатели сюжетов волшебных марийских сказок, выделяя разделы на основе их сюжетной линии (С.С. Сабитов [5]); рассматривали межжанровые фольклорные связи и особенности сюжетов (В.А. Акцорин [1]). Более поздние исследования несколько сместили фокус в сторону жанрового своеобразия и поэтики сказок и их стилистических характеристик (М.В. Сидорова [6], С.С. Сабитов [5], Н.Н. Глухова [2], Н.В. Тимофеева [7]).

Продолжая исследования в этом направлении, предлагается остановиться на анализе особенностей функционирования повтора – одного из стилистических приемов – в текстах избранного фольклорного жанра, часто выступающего как средство организации повествования. Анализ проводится на материале 81 текста сказок, опубликованных в своде марийского фольклора составленного С.С. Сабитовым [4], сборнике марийского творчества Т.Е. Евсеева [3].

К повторам принято относить такие фигуры речи, в которых дублируются звуки, морфемы, слова, синтаксические конструкции, часто в пределах одного предложения или нескольких смежных предложений. Повторы не только усиливают выразительность высказывания, но и часто выступают в качестве важного средства связи между предложениями.

Исходя из композиционных моделей предложения, повторы условно принято разделять на анафорический (повторяется элемент в начале

предложения или смысловой фразы), эпифорический (дублируется элемент в конце высказывания) и сквозной, когда происходит неоднократное повторение элемента на протяжении ряда сверхфразовых единиц в тексте. Кроме того, одним из распространенных видов повтора является использование дублетных слов.

В свою очередь, анафорический повтор подразделяется на несколько видов, среди которых в марийских сказках встречается:

- анафорический повтор отдельного слова: *Ялыште магырен кая:* ***«Кӧлан*** *сату кӱлеш,* ***кӧлан*** *ший кӱлеш?» ‘Идет по деревне и кричит: «Кому нужен товар, кому нужно серебро»?’* [3, с. 41];

- анафорический повтор словосочетания: ***Латкок ведра*** *арака дене, /* ***Латкок ведра*** *пӱрӧ дене / Ший пӱян Ший Пампалчым / Налдалаш миена! ‘Взяв двенадцать ведер вина, / Взяв двенадцать ведер пива, / Отправимся мы все / за Сереброзубой Пампалче!’* [4, с. 81].

Эпифорический повтор также характерен для организации повествования марийских сказок, в текстах которых используется следующие его виды:

- эпифорический повтор отдельного слова: *Кемым* ***чиен****, йошкар тувырым* ***чиен****, камчалым* ***чиен****. ‘Навстречу ему идет мариец: в сапогах, в красной рубашке, в жилетке.’* [4, с. 322];

- эпифорический повтор словосочетания: ***Тыге-туге, мо туге****? / Молан туге,* ***мо туге****? / Капем изи, вуем шӧртньӧ –/ Тушман пирым ондалышым! ‘Вот так-то, так-то, / Отчего так да почему так? / Ростом мал, да ум золотой: / Обманул волка-врага!*’ [4, с. 33].

Сквозной повтор также свойственен для организации текста марийской сказки, что можно проследить на следующих примерах:

- сквозной повтор слова: *Тыште шинча улмаш* ***ош*** *пондаш и* ***ош*** *вуян кугыза. ‘Здесь сидел старик с белой (седой) бородой и белой (седой) головой.’* [3, с. 29];

- сквозной повтор словосочетания: *Ик пӧлемым* ***почын онча, тушто эртак*** *ший, весым* ***почын онча, тушто эртак*** *шӧртньӧ, кумшым* ***почын онча, тушто эртак*** *вургене, чинче вургем-влак да чием улыт. / ‘Открыл одну комнату – там серебро, другую – там золото, открыл третью – там медные монеты, потом – драгоценные камни и одежда изукрашенная, и другое.’* [4, с. 209];

- сквозной повтор предложения: *Ший пӱян Ший Пампалче котомка гыч «****Ужам вет!****» манеш. ‘Сереброзубая Пампалче со дна котомки кричит: «Вижу я!»’ Ший пӱян Ший Пампалче йӱкым пуа «****Ужам вет!****». ‘Сереброзубая Пампалче крикнула со дна: «Вижу я!»’* [4, с. 86].

Подвидом синтаксического повтора является повтор, при котором завершение одной синтаксической конструкции дублируется в начале следующей: *Шыдаҥ гычын* ***чывым*** *нальым, /* ***Чыве*** *гычын* ***лудым*** *нальым, /* ***Лудо*** *гычын* ***комбым*** *нальым, /* ***Комбо*** *гычын* ***тагам*** *нальым, /* ***Тага*** *гычын* ***ӱкшыжым*** *нальым, /* ***Ӱшкыж*** *гычын ош вӱльым нальым, / Чодыра янлык гычын / Кугыжан кугу казнам нальым. ‘За зернышко пленницы курочку взяла, / За курочку уточку взяла, / За уточку гусочку взяла, / За гусочку барана взяла, / За барана бычка*

взяла, / За бычка белую кобылу взяла, / За лесных зверей / Царскую большую казну взяла.' [4, с. 51].

К лексическим видам повтора лингвисты относят, в первую очередь, использование дублетных слов, часто в этом качестве выступают глаголы движения, например: *Ачай, ала-могай ош йытыра рвезе эре мемнан дене пырля йӱштылеш, а йӱштылмек, мемнан дене пырля ял мучашыш шумеш толеш да варажым,* ***шортын-шортын****, мӧнгеш пӱяш кая. 'Папа, какой-то стройный светловолосый парень всегда с нами купается, а когда мы искупаемся, идет с нами вместе до окраины деревни, потом сильно плачет, и идет обратно к пруду.'* [3, с. 49]. *Вара адак* ***кая-кая*** *и вашлиеш ош вӱльым. 'Потом они шли-шли, и встретили белую кобылу.'* [3, с. 17].

Повторы на морфемном уровне, или так называемые словообразовательные повторы, построены на дублировании одной словообразовательной модели. Например, в следующем предложении наблюдается повтор существительных в форме единственного числа винительного падежа с окончанием ***-ым:*** *Тый тидын годым кевытыш пуро до опто повозкаш* ***ӱзгарым****: чевер* ***тувыр-йолашым, картузым, кемым, сӱспаным, шӧрмычым****. 'Тем временем ты беги в лавку и грузи товары в повозку: красивую одежду, кепку, сапоги, хомут, уздечку.'* [4, с. 194].

Как показало исследование, повторы, являясь распространенным средством создания выразительности, служат функции акцентирования внимания реципиента на важных моментах повествования и сюжета марийской сказки. При этом для текстов сказок характерно использование разных видов повтора (анафорического, эпифорического, сквозного), что способствует созданию особого стиля марийской сказки.

Литература

1. *Акцорин В.А.* Некоторые методологические проблемы изучения марийского фольклора // Проблемы изучения марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1986. С. 5–24.

2. *Глухова Н.Н.* Система стилистических средств марийского фольклора // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир. Сыктывкар, 2002. С. 63–71.

3. *Евсеев Т.Е.* Калык ойпого: Тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, куматыш мут да шӱведыме ю-влак. Йошкар-Ола, 1994. 208 с.

4. *Сабитов С.С.* Марийский фольклор. Сказки луговых мари: свод марийского фольклора. Йошкар-Ола, 1992. 368 с.

5. *Сабитов С.С.* Сюжеты марийских волшебных сказок // Основные тенденции развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1989. С. 20–43.

6. *Сидорова, М.В.* Марийские бытовые сказки: жанровое своеобразие и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2006. 24 с.

7. *Тимофеева Н.В.* Система стилистических средств марийской волшебной сказки // Финно-угроведение. 2006. № 1. С. 52–70.

8. *Четкарев К.А.* Героические образы в марийских сказках // Ученые записки. Вып. 4: Литература, фольклор, искусство. Йошкар-Ола, 1951. С. 173–195.

9. *Porkka V.* Tscheremissische Texte mit Übersetzung. Helsingfors: 1895. 140 S.

10. *Wichmann Y.* Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen. SUST LIX. Helsinki, 1931. 370 S.

УДК 821.511.131.09

Е.В. Пантелеева
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (г. Ижевск)
Научный руководитель: Арзамазов А.А., д-р филол. наук, проф.

СИМВОЛИКА ЛЕСА В ПОЭЗИИ ВЯЧЕСЛАВА А.Р.-СЕРГИ

Статья посвящена семантическим контекстам образа леса в русскоязычной поэзии Вячеслава Ар-Серги. Рассматриваются мифофольклорный и экзистенциально-психологический контексты его художественного бытования. Подчеркивается, что обозначенный символ является важным компонентом символической системы поэта.

Ключевые слова: *лес, мифология, обряд, символ.*

Мифологические контексты художественной репрезентации образа леса в удмуртской литературе представлены довольно широко. Эта особенность обусловлена разными факторами. Речь может идти о взаимоналожении природно-климатических, флористических реалий и традиций «топографической сакрализации» удмуртского этноса. Как и у большинства народов, сохраняющих рудименты традиционных верований, у удмуртов лес является местом ритуальных практик. В лесу произносились молитвы с просьбами, здесь обращались к лесным духам.

Русскоязычная поэзия Вячеслава Ар-Серги не исключение. Поэт искусно использует символические природные кодировки для создания национального колорита и выражения этнического самоопределения. Ярким примером тому может служить стихотворение «Слезы на посошок», раскрывающее образ удмурта: *«– С исчезновением лесов исчезнет наш народ, – / пытаясь грустно пошутить, мне говорит мой друг, – / леса спасали нас всегда во времена невзгод. / В лесу не страшен летний зной и холод зимних вьюг. / Хорал сосновых чащ и смех / Рябиновой листвы, / Ажины горсть, березы снег / Минуют нас, увы!»* [3, с. 10]. Лес открыто корреспондирует с локусом леса, его исчезновение символически проецируется на удмуртов.

Еще одним показательным примером в этом отношении представляется стихотворение «Мои удмуртские апрели», в котором дается своеобразный этнопсихологический портрет удмуртского народа: *«Мы странны для себя, кому-то непонятны… / Лесной народ, пришедший из степей, / Но наши песни всем занятны – / На их мотив бежит лесной ручей»* [5, с. 11].

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о сложном индивидуально-авторском восприятии удмуртской истории и современности, образно характеризуют ментальность этноса.

Важное место мифологическая лесная символика занимает в стихотворении «Колдовская береза». Здесь образ березы сопряжен с традиционными представлениями, обрядовым комплексом удмуртов. Дерево, как и другие субъекты леса, очеловечивается, оказывается способным понимать, исцелять лирического героя от «темных» страданий: *«…И береза обняла ветвями, / сжалилась / и бабке помогла…»* [3, с. 91]. Примечательно, что в данном стихотворении поэт затрагивают философскую тему перерождения души. На месте «колдовской» березы восходит *«поросль, полонившая окрестность, – / молода и зелено-бела»* [3, с. 92].

Особый религиозно-мифологический оттенок «природные» стихотворения Ар-Серги приобретают благодаря актуализации удмуртских лесных божеств, персонажей: *«…Лесные духи – шурали – / витают в небесах. / И заблудились крики их в березовых лесах»* [3, с. 51], *«В чащобе лешие орут. / В овраге пляшут палэсмурт и ведьма синяя. / Но – / не страшны они ему – / мужчине, / предку моему: / ведь жертва славная – / медвежья туша – / отдана / всем духам…»* [3, с. 85]. Как мы видим, дерево, лес «осложнены» выраженной мифологической семантикой, это место обитания лесных духов.

Дерево, лес играют важную роль в развертывании символического кода погребальных и поминальных обрядов, контекстуально корреспондируют со смертью. Согласно удмуртским поверьям, глухие чащи (леса) являются местом обитания душ умерших. Подобные представления объясняются тем, что кладбища, как правило, расположены в лесу, а могилы – под деревом. Образ могильного дерева представлен в стихотворении «Без тебя»: *«Мы умрем, но останется мир этот древний и вечный. / И покроется мхом / могильный наш камень беспечный. / Распушится над нами береза, а может быть, ива»* [3, с. 98]. На наш взгляд, этнопоэтическая константа [6, с. 7] «дерево над могилой» – широко распространенный мифологический знак, связанный с ситуацией разграничения этого и того миров.

Особое место в русскоязычной поэзии Ар-Серги занимают романтические контексты лирического раскрытия лесной символики. Лес как важнейший элемент природного пейзажа с его многочисленными модификациями и выразительной красотой является неотъемлемой частью изображения любовных переживаний. Поэт эксплицитно сопоставляет человеческую жизнь с жизнью природы. Экранизируемое в произведениях чувство любви зачастую безответно. Так, в стихотворении «Этюд» душевные раны, томление лирического героя перекликаются с окружающим пейзажем: *«Ель. / Контраст – / Голые продрогшие осины. / … / Ветер стройным соснам треплет кроны. / Улетая вниз с еловых лап, / … / …Под березой, там, где тень светла, / Где вчера еще глаза святились, / У костра, что прогорел дотла, / Две лыжни в одну соединились»* [4, с. 23]. Зимний лес становится символом не только умиротворенной природы, но и символом безразличия, страдания, эмоциональной памяти. Еще более решительный шаг на «любовном фронте» изображен в стихотворении «Я всё позабуду». Лирический герой решает поставить окончательную точку в отношениях со своей возлюбленной: *«Забуду сосновые сучья, стреляющие / В меня смоляными трассирующими брызгами, / Забуду мечты, в золе догорающие, / Забуду все, что казалось мне искренним, / И как ветер, который осенней лавиной / Налетев, разлучает деревья с листвой, / Я календарь ополовиню / На дни, что связаны были с тобой. / В костер ненужные воспоминания! / Вместе с годовыми кольцами деревьев / Пусть превратятся в золу все желания, / Все обещания вечного доверья. / Углем остывшим на белой бересте / Крест поставлю на всем, что было»* [4, с. 104]. В анализируемом стихотворении злая уязвленность лирического героя от неизбежности расставания символически соотносится с гибелью дерева.

При рассмотрении сюжетно-ситуативных контекстов любовной лирики Ар-Серги обращает на себя внимание тот факт, что во многих текстах

фигурирует образ рябины, явленный как символ исцеления. Согласно народным поверьям, рябина была важным магическим атрибутом, способным уберечь от нечистой силы. В стихотворении «Рябинушка моя» природа выполняет фоновую функцию – на первый план выступает ностальгический нарратив, связанный с осмыслением цикличности, быстротечности жизни: *«К пепелищу родному память привела, / Без меня рябинушка сушью замерла. / Под веткою рябиновой лягу на снежок, / Не найду подушечку – положу ледок. / … / Рябина индевелая апрель мой сторожит, / Про любовь обманную ветка шебуршит»* [5, с. 123]. Поэт, по-видимому, рисует картину посмертных скитаний неприкаянной души.

Однако образ рябины не нов в поэзии В. Ар-Серги. Доказательство тому – одноименное стихотворение «Рябина», представленное в раннем сборнике «Сквозь очищающий огонь» [3, с. 72]. Здесь дерево предстает в ипостаси женщины: *«Черный бархат волос твоих / пахнет изменой. / На губах моих – / горький привкус рябиновый»*. Горечь ее ягод ассоциируется с безрадостной жизнью, страданиями. Устойчивая связь рябины с женским архетипом и несчастной, трагической судьбой усиливается в конце произведения: *«…И пригрезилось вдруг / среди сна, что пугал меня / ржавыми пятнами: / белый саван в лесу / на рябину мою примеряли…»*.

В целом, рассмотренные нами поэтические сюжеты Вячеслава Ар-Серги, в центре которых образ леса (дерева), в значительной степени восходят к традиционной культуре удмуртов, обусловленной их мифологическим мировосприятием. Вместе с тем имеют место и оригинальные авторские находки, интересные раскрытием экзистенциально-психологической компоненты. Исследование образно-символической системы поэзии В. Ар-Серги выполнено нами в традициях современного удмуртского литературоведения, с учетом аналитического опыта профессора А. А. Арзамазова [1, 2].

Литература

1. *Арзамазов А.А.* To be, or not to be: структурно-семантические вариации инфинитива (-ны) в удмуртской поэзии: монография. Ижевск: Удмуртский ин-т ист., яз. и лит-ры УрО РАН, 2012. 260 с.

2. *Арзамазов А.А.* Контексты художественного обновления национальной литературы. Ижевск: Изд-во «Шелест», 2018. 291 с.

3. *Ар-Серги В.В.* Сквозь очищающий огонь: стихи / пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 1998. 112 с.

4. *Ар-Серги В.В.* Rendez-vous / Условная встреча: стихи / пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 2004. 102 с.

5. *Ар-Серги В.* «Кама-кылбур»: лирика / Стихотворения. Ижевск: Удмуртия, 2017. 160 с.

6. *Гацак В.М.* Северные этнопоэтические константы // Народная культура Русского севера / Жанровая традиция: материалы респ. школы-семинара. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 2000. № 2. С. 7–10.

УДК 821.511.151

П.А. Тимофеева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.

М. УШАКОВАН «ВӸТЕЛЬЫЛАН ШЕРГЕ ШКЕ КУПШО АЛЕ ТОШТО ПӧРТЫН МОНОЛОГШО» ПОВЕСТЬЫШТЫЖЕ МИФОЛОГИЙ ПРОБЛЕМЕ

В статье рассматривается мифологическая проблематика в повести марийского писателя М. Ушаковой «Кулику дорого свое болото или монолог старого дома». Данная проблематика в произведении затрагивает такие вопросы, как внутрисемейные отношения, нравственность, морально-этические принципы героев, религия, традиции и бытовая культура марийского народа.

Ключевые слова: *М. Ушакова, повесть, проблематика, мифология, мифопоэтика, герой, символ.*

Кызытсе марий сылнымутышто М. Ушакован возымыжо шуко могырым ойыртемалтеш. Прозыжо оҥай, шкешотан, шонкалаш таратыше. Писательын ик тыгай пашажлан «ВӸтельылан шерге шке купшо але тошто пӧртын монологшо» повесть шотлалтеш. Тыште автор келге йодыш-влакым тарвата, персонаж-влакын кӧргӧ чоншижмашыштым тӱрыснек почын пуа.

Повестьым проблематике могырым ончалаш гын, икмынярым каласен кодыман: калыкле, романный, мифологий, социокультурный. Мифологий проблематике произведенийыште тӱҥ верым налын огеш шого гынат, туддеч посна повесть шке сылнылыкшым да «уникальностьшым» йомдара. «Мифологический проблеме пӱртӱс ден тӱвыран кончышышт-влак дене кылдалтеш, тидым фантастико-генетический йӧн гоч умылтарымым шотлыман» [1, с. 14]. Тыглай марий еш илыш гоч автор марий калыкын юзо, вес тӱнясе улшо вийлан ӱшанымыжым ончыкта. Тиде шонымашым икмыняр пример гоч негызлена.

Повестьысе сюжетым каласкалыше тӱҥ герой – тошто пӧрт, лач тудак кажне герой дене палымым ышта. Шке нергенжат ойлаш огеш мондо: *«…Мыйын уло лӱмем да номерем… Паледа, мыйым кузе маныт? Элчивий сурт... Мыланем ынде шуко ий»* [3, с. 177]. Шоналташ гын, тиде тыглай сурт, пу гыч ыштыме, чондымо. Туге гынат тудо моткоч келге чоншижмашан. Суртышто ойго лийын колта гын, тошто пӧртын кумылжо тодылалтеш: *«Эрвелеш шоҥго озам колыш… Мыйынат окна яндам чотак вӱдыжгыш»* [3, с. 182].

Вате-марийын вич шочшыжо уло. Кажныжлан тошто пӧрт шкешотан «шепка» лиеш. Тудо икшыве-влакым йӧрата, нунылан порым веле шона: *«Ленукем наҥгайышт. Чевердасымыже годым чарныде шорто. Поро чонан, сай айдеме»* [3, с. 181]. Кунам Элчивий йочажым вурса але кыра, пӧрт нунылан нимо дене полшен огеш керт гынат, эре йоча могырышто лиеш. Озаватын шакше пашажым ужын, сурт эше чотырак шочшо-влакым чаманаш тӱҥалеш*: «Ынде веле умылем, могай шучко айдеме озаватем…»* [3, с. 181].

Жап эрта, икшыве-влак кушкыт, суртым коден кают. Тыгай вашталтыш тошто пӧртым моткоч шӱлыканда. Тудо йоча-влакым изи годсек ончен куштен манаш лиеш, а кызыт тудлан нуным ужаташ веле кодеш.

Повесть мучаште тошто пӧрт шкетын кодеш, пуйто ава деч посна кодшо аза, тудо тыгай мутым каласа: *«Кузе?! А мыйже? Мыйже вара кӧ дене илем?»* [3, с. 186]. Сцене моткоч шӱлык кумылан. Тоштемше, пуста, тудо нигӧлан огеш кӱл. Арам огыл М.Ушакова пӧртын образшым повествователь семын кучылтын. Вет тиде илышыште чылажат шочмо суртышто, ешыште тӱҥалеш. Тыште ме пӧртым ешым ушен шогышо шкешотан символ семын ужына. Тыгак тудо пу гыч ыштыме, а пу – тиде пӱртӱс кушкыл. А марий калык – пӱртӱс вийлан кумалше калык. «Религиозно-мифологический мир марийцев предполагает гармонию человека и природы» [2, с. 38]. Чынак, марий-влак кумалаш пӱртӱсыш лектыныт, отыш коштыныт. Сандене нунын юмыштат вӱд, мланде, кава дене кылдалтше лийыныт.

Повестьыште автор шуко гана юзо вийым кучылтмо сценым ончыкта. Ончалына, кузе тиде вийым умылтарат: «Юзо (колдун); шӱведыше, тӧрлышӧ, эмлыше – человек, обладающий сверхъестественными и магическими способностями. Юзо мут (заговоры) – один из наиболее распространенных способов лечения магии у марийцев» [2, с. 279]. Юзо тӱрлӧ пашам ыштен шоген: игече могай лийшашым шекланен, айдеме деч осалым коранден да т.м. М. Ушакова Элчивий образ гоч тиде вийын йӧршеш вес могыржым ончыкта.

Марийжым Элчивий огеш шотло, шке икшывыжым вурса, игылтеш, нунын ӱмбак кидымат нӧлта. Но тудын эн шучко пашаже весыште. Икшыве-влак ешаҥаш, шке семын илаш шонат, а тудо чыланыштым шке шулдыр йымалныже кучен сеҥынеже. Но авам огыт колышт, шке семынышт ыштат. Но тыштат шакше вате огеш лыплане: юзо вийым кучылтын, ӱдырамаш нунын илышыштым пытараш шонен пышта. Тидым «Кумшо ужаш» главаште ужына: *«…Сӱан деч вара мый ужым, кузе Элчивий конҥаончылан ик сортам тодылье, ала-мом мугыматыш да тулыш кудалтыш. Шудылын улмаш* [3, с. 181]. Нылымше ужашыште прозаик тыгайракак действийым сӱретла: *«…Элчивий конҥаончылан адак ик сортам пелыгыч катыш…»* [3, с. 182]. *«Элчивий ышат ончал. Сырен, эргыжын шке семын илышым виктарымыжлан нелеш налын… Шыде мешакше темеш да темеш. Садлан кӧра ок мале. Так коштыштеш, пура-лектеш, адак иктаж-мом шона дыр. Ыш чыте, уэш сортам кидышкыже кучыш, Шурикланат тодылье…»* [3, с. 183]. Весе: *«Ӱдыржӧ мален колтыш шонен, Элчивий шып кынеле, чарайолын юмылук деке лишеме. Ой, мом ыштем, сортам кидшӱма руалткала. Муо. Эркын койко дек лишеме, Галюкын вуйжо тураш шогале. Ик жап колышт шогыш. Кок кидшыге Галюкын саҥга ӱмбалныже нӧлтале, сортажым… пеле гыч катыш»* [3, с. 188].

Элчивий кажне гана ик ритуалымак ышта. Тудо сортам тодылеш, тыгодым юзо мутым пелешта. Айдемылан сайым ышташ шонымо вий тыште вес могырым сӱретлалтеш, эмлаш огыл – илышым лугыч ышташ. Тыштак ме сорта, юмоҥа ден юмылук образ-влакым ужына. Юмылук суртын волгыдо ужашыштыже верланен, тушто эре ару да яндар лийын. Сорта – Юмо, вес тӱня дене кылым ыштыше символ. Икманаш, Элчивий сортам тодылмо годым шке икшывыжлан вес тӱняш корным почын.

Ик гана веле Элчивийын лӱдмыжым ужаш логалеш. Пӧртйымак шошо вӱд пурымо годым пӧлемыш тушто илыше кишке лектеш. Тудо, юмылукыш кӱзен, юмоҥа йыр пӱтырнен возеш. Автор воза: *«Элчивий уш кайымеш лӱдӧ. «Молан*

гын, мо лийшашым мужедеш гын?» – вудыматен кошто» [3, с. 185]. Марий фольклорышто кишке – чӱчкыдын вашлиялтше образ. Тудым осал да поро могырымат сӱретлен ончыктат. Южын шонымо почеш, кишке пӧртым арала, тушко поянлыкым конда. Элчивий тиде кишкым туткарым кондышо символ семын ужын. Арам огыл тидын нерген эре шонкален коштын, эргыжланат тудым пушташ шӱден.

Кокымшо ужашыште тыгай примерым палемден кодыман: *«Ик эрдене Элчивий сад покшел йолгорно кок велне комбо шулдыр-влакым шогалтыл кайышым ужын пурен… Тылеч вара комбо пыташ тӱҥале. Пӱкташ шындат, чыла муно шувырчык лиеш. Уэш шындат – икте-кумыт комбиге шочеш»* [3, с. 179]. Ешын поянлыкшылан кӧранен, ала-кӧ тыгай осал пашам ыштен. Осал пашан лектышыже эре уло. Тидым ме тыште ужына.

Вес онай пример шотеш сурткува ден сурткугызан образыштым ончалына. Пӧртозам, але вес семынже суртозам, марий калык моткоч пагален. Нуно суртым аралыше, ешлан полшен шогышо да сайым гына конден шогышо вийлан шотлалтыныт. Повестьыште икымше гана ме нунын дене кокымшо ужашыште вашлийына. Автор воза: *«Сурткува ден кугызаже Павылым изиш утларак кандарынешт гын, шагат стрелкым шогалтат да юшт веле койыт – мӧҥгеш туврашыш кӱзен шинчыт»* [3, с. 179]. Поро шӱлыш-влак, пӧръеҥым чаманен, тудым кандарыктат. Нуно айдемын могай улмыжым палат, сайлан сайым ыштынешт. Але вес вере лудына: *«Кодшын Элчивийын саҥгаончыл кудыр ӱпшым чылт товаҥден шынденыт»* [3, с. 179]. Тыште сӱрет йӧршеш весе. Суртвий, ӱдырамашын осал улмыжым шижын, тудлан лӱмын ӱчым шукта, а поро кумылан Павыллан сайым веле ышта.

Павылын колымо деч варасе сӱрет тыгай*: «Сурткугыза ден куваже, кошташ сакыме выньык-влак лоҥгаш шылын шинчын, ӧндалалт шортеве»; «…сурткугыза ден сурткувалан тудо веле кочкашат вынер сумкаш поген сакеден, я таушten, я мокталтен»* [3, с. 183]. Ӧрмаш, но сурткува ден пелашыже чонан айдеме огытыл гынат, Павылым Элчивий деч чотырак чаманеныт да акленыт.

Суртым аралыше-влак, шыде ватын шучко пашажым ончен-ончен, суртышто тетла ынешт шого: *«Сурткува ден кугызаже мый дечем кайынешт. Пеш чарем, да пушо веле тургыжланат. Нуно ончылгоч мо лийшашым шижыт»* [3, с. 183]. Тыште нунын ончылгоч мо лийшашым ужмо вийышт палдырна. Повесть мучаште нуно мончаш илаш куснат: *«Тушто мончакугыза ден куваже улыт. Нылытын илат»* [3, с. 190].

«Тыште илыже ыле», – сурткугыза йывыртен» [3, с. 184]. Тиде ойлончышто сурткугызан Леонтийын йӧратыме ӱдыржӧ деке отношенийжым ужына. Поро кумылан ӱдыр тудлан моткоч келшен. Но тыштак вес ойлончо: *«Каласымыж дене пӱренын кумылешыже шинча возо ала-мо…»* [3, с. 184]. Умбакыже Леонтий ден ден тиде ӱдыр пырля огыт лий. Лектеш тыгай шонымаш: Элчивий шке шыде улмыж дене тиде суртым йӧршеш «шемемден», поро сурт аралыше-влакынат ешым утараш вийышт кодын огыл.

Тыге, мифологий йодыш повестьын тӱҥ шонымашыжым почеш, темым келгемда, герой-влакын образыштым рашемда, койыш-шоктышыштым почаш полша, повестьлан келшыше тӱсым пуа.

Литератур

1. *Бояринова Г.* Сылнымутан произведенийым лончылымаш: прозо. Йошкар-Ола, 2021. 172 с.

2. *Тойдыбекова Л.* Марийская мифология: этнограф. справочник. Йошкар-Ола, 2007. 310 с.

3. *Ушакова М.* Шыже муро: ойлымаш ден повесть-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2009. 223 с.

УДК 82:801.6

Н.М. Юсупова, А.Ф. Юсупов

Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань)

СУФИЙСКАЯ СИМВОЛИКА В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА КАК ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ МАТРИЦЫ СИМВОЛИЗАЦИИ

Статья посвящена изучению суфийской символики в татарской поэзии XIX века как завершающий элемент матрицы символизации. В ходе исследования установлено, что суфизм крайне усложняет систему символизации в татарской поэзии, где суфийская символика служит усложнению содержания и формы поэтических текстов. Напластованные друг на друга различные принципы и приемы позволяют сформировать национальные художественные традиции символизации. Тенденция появления в структуре образов-символов идентичных или пересекающихся смысловых значений объединяет их в символическое единство и позволяет одним символам дублировать номинативные значения, тем самым расширяя возможности их применения.

Ключевые слова: *татарская поэзия, XIX век, суфийская поэзия, символ, стиль, художественная функция.*

В общественно-философской мысли у татар конец XVIII – первая половина XIX века определяются как время наступления эпохи Нового времени, заря эпохи Нового времени. В татарской поэзии Нового времени суфийская символика занимает особое место.

В структуре литературных произведений наблюдается активизация суфийских традиций – приемов и средств, мотивов и идей. В словесном искусстве символы, структурирующиеся на традиционных образах восточной суфийской поэзии, способствуют осмыслению основ божественного познания, выражают авторскую позицию, идейно-эстетический замысел и активно участвуют в создании суфийской картины мира, условно-символического подтекста произведения. Такая тенденция доминирует в творчестве Г. Чокрыя, А. Каргали, Ш. Заки и т.д.

В стихотворении «...Йазыкым чук, азыгым юк» («Много грехов…») Ш. Заки, описывая чувства находящегося в стадии махабба адепта, поэт обращается к суфийской символике. В суфийской эстетике цветок – символ Абсолюта, а воспевающий его красоту соловей символизирует суфия, стремящегося к божественной любви и единению со Всевышним. В указанном стихотворении образ-символ цветка в рамках суфийской эстетики воспринимается как Истина, а соловей – как певец божественной любви и суфий, вставший на путь единения с Богом. Подобная мысль развивается и в

стихотворениях «Әхлакны төзәтү хакында мөнажәт» («Мунаджат на пути исправления нравственности»), «...улмая» («Не будет…») Ш. Заки.

Поэты часто используют широко распространенные в арабо-мусульманской эстетике парные символические образы «мотылек – свеча». Стихотворение «...Үгрәнмәк кирәк» («Необходимо научиться») Ш. Заки, например, напоминает изящные произведения восточных поэтов, насыщенные условно-символическими образами и кодами:

За счастье возлюбленной готов я отдать душу,
Если ты мужчина, то надо научиться любви к Аллаху – от бабочки,
Любовь научила бабочку сгореть в огне разума.

В суфийской поэзии парные символы выполняют функцию передачи основ мусульманской картины мира и смены переживаний лирического героя. Зачастую восточные поэты использовали параллельно несколько парных символов. Такое явление имеет место и в вышеназванном стихотворении. В его условно-символическом подтексте парная символика «мотылек – свеча» равнозначна традиционной суфийской интерпретации образа «розы – соловья» и передает мотив божественной любви. Образ свечи понимается суфиями в значении божественного света, макрокосмоса, Абсолюта, а символ бабочки, стремящейся к огню, в суфийской поэзии обладает кодовым значением, он выражает стремление адепта к познанию. В данном стихотворении поэт, продолжая восточные суфийские традиции, через эти символы передает мистическое содержание, его лирический герой предстает как суфий в состоянии погружения в Бога. Параллельные парные символы, в свою очередь, служат усложнению содержания и формы суфийских текстов. Эта восточная традиция, имеющая суфийские корни, со временем станет традицией, характерной для татарской поэзии в целом [2, с. 101].

В стихотворении субъективный подтекст звучит как «назидание» автора, адресованное людям: в них описывается подробный путь сближения с Аллахом – «Сәрвәхдәт дәрсе». Поэт дает подробную «инструкцию» прохождения этого пути, указывая при этом цель, к которой человек должен стремиться. Суфийская парная символика позволила Ш. Заки наглядно нарисовать эту картину: каждый человек как мотылек, совершивший обряд «хождения вокруг свечи и сгорения», должен очищать свою душу, возжечь огонь – любовь к Богу – в своей душе и «сгорев», направляться в Вечность, к Абсолюту.

В произведениях, где описывается любовь к Богу, часто применяется парная символика «вино и опьянение». В суфийской поэзии «шараб» (вино) означает желание приблизиться к Богу, опьянение – способ вхождения в состояние экстаза, эта символика переходит в тюрко-татарскую суфийскую поэзию. Например, в стихотворении Ш. Заки «Үз-үзен битәрләү шигыре» («Стихотворение о порицании себя») лирический герой находится в макаме раскаяния (тауба). Он испытывает желание освободиться от грехов, раскаивается в том, что совершил много грехов и в недостаточной мере посвятил себя Богу. Просит у Бога прощения и утверждает, что должен молиться, отречься от мирских благ, держать пост, очищать свою душу, что только такое усердие позволит ему сблизиться с Богом. Означенная позиция выражена посредством

символа «вино», которое по своей эстетической и смысловой нагрузке интерпретируется как желание лирического героя быть ближе к Богу.

В стихотворении А. Каргали «Сахрада» («В пустыне») присутствует мистическое созерцание мира, на первый план выступает любовь, воспринимающаяся как вечный закон в взаимоотношениях природы и человека. В стихотворении природа демонстрирует свое совершенство, образы соловья, цветка, озера, птиц и т.д. наполняются содержанием божественной красоты. Лирический герой находится на рубеже двух миров – бытия и небытия.

В соответствии с суфийскими представлениями красота природы становится источником духовного вдохновения, в то же время она символизирует совершенство и гармонию души, а сад выступает символом бытия или души, в зависимости от содержания. Параллелизм «человек – высшая сила – природа» выражает пантеистические идеи, любовь представляется в качестве силы, способной привести бытие к гармонии.

А. Тубыли также предстает как «истинный суфий» своего времени. В его любовной лирике и многочисленных стихотворениях, в которых мотивы его жизненного пути переплетены с мотивами принятия судьбы от Аллаха, центральной доминантой является философская категория терпения. Традиционализм автора проявляется в том, что его стихи изобилуют сурами из Корана, в них содержится богатая система суфийских образов: свеча (шам); бабочка (парвана); луч (нур); чаша вина (джам-е шараб), жемчуг (дурр; марджан; лулу) и т.п. Отличие этой системы заключается в том, что она представлена «в многообразном спектре различных оттенков, ей свойствен глубокий символизм» [1, с. 149–150].

Такая идея, конкретизируемая в подобных образах-символах, репрезентована в стихотворениях Г. Чокрыя «Зәһи бостане...» («Прекрасный сад»), «Фосуле әрбага» («Времена года»), написанных в ритме зикр и усложненных с помощью символов. Такие образы, как «капля воды», «сад», «поющий соловей», «цветы», «утренний ветер» символизируют божественную, райскую красоту, лирический герой предстает суфием, воспевающим свою любовь к Богу в состоянии погружения в Бога и познающим мир с помощью зикра. Образ «утренний ветер» в конце стихотворения символизирует откровение души, выполняя функцию неотъемлемого компонента в системе суфийской поэтической образности, и представляет лирического героя как суфия, постигающего Его откровения.

Таким образом, в татарской поэзии XIX столетия широко используется суфийская символика, обеспечивающая вариативность прочтения поэтических произведений. Поэтами выстраивается символическая система образов, выражающая суфийское миропонимание лирического героя; они используют суфийские символы в качестве основы передачи своей авторской позиции и своих философских воззрений.

Литература

1. *Хасавнех А.А.* Ахметзян Тубыли: жизнь и творчество татарского поэта-суфия XIX века. Казань: ИЯЛИ, 2017. 198 с.

2. *Юсупова Н.М.* Образ-символ как система номинаций в татарской поэзии первой половины XX века: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Казань, 2018. 46 с.

РАЗДЕЛ IV.
ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.511.15

Е.П. Алгаева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Матросова Л.С., канд. филол. наук, доц.

КЫДАЛАШ ШКОЛЫШТО МАРИЙ ЙЫЛМЕ УРОКЛАШТЕ ПРИЧАСТИЙЫМ ТУНЕММАШ

Статья посвящена изучению особенностей преподавания причастия в основной общеобразовательной школе на материале марийского языка. Для изучения причастия автор предлагает практические задания, составленные на основе примеров из марийских народных сказок.

Ключевые слова: *причастие, причастный оборот, морфология, фольклор, суффикс, категория лица, предложение, морфология.*

Йылме – калыкын поянлыкше. Марий йылмын шочмыжым, вияҥ толмыжым да вашталт шогымыжым шымлаш гын, тудым саклаш да виядаш сай йӧн-влак шочыт. Марий йылмышанчыште, туныктымо пашаште причастийым тунеммаш да шымлымаш моткоч кӱлешан. Причастий дене кылдалтше йодышым тыгай шанчыеҥ-влак шке пашаштышт радамленыт: И.С. Галкин [1], Н.Т. Пенгитов [6], З.В. Учаев [7].

Йӱла почеш ончымо грамматикылаште причастий глагол формо семын негызлалтеш, туге гынат тачысе марий йылме наукышто причастий шкешотан ойлымаш ужаш семынат умылтаралт кертеш. Тидлан негызым семантике, морфологий, синтаксис да мут ышталтме принцип-влак ыштат.

1837 ийысе «Черемисская грамматика» книгаште действительный, страдательный, средний да винословный причастийым палемден кодымо. 1887 ийыште савыктен лукмо «Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии» книгаште действительный, страдательный да шушаш жап причастий ончыкталтеш. В.М. Васильев школ грамматикыште марий йылмысе причастий-влакым ныл тӱшкалан шелын: действительный, страдательный, отрицательный да шушаш жап.

З.В. Учаев кызытсе марий литератур йылмыште ышталтме ойыртем дене ныл тӱрлӧ причастийым палемден:

-ше, (-шо, -шӧ) суффиксан действительный причастий, предметын шке действийже гыч лийше пале;

-ме, (-мо, -мӧ) суффиксан страдательный причастий, вес предметын действийже гыч лийше пале;

-дымо, (-дыме, -дымӧ) суффиксан шӧрымӧ причастий, ыштыдыме действий гыч лийше пале;

-шаш суффиксан шушаш жап причастий, ыштышаш действий гыч лийше пале [7].

Школышто тунемше-влаклан марий йылмым туныктымаште кугу тӱткыш грамматикылан ойыралтеш. Поснак причастий нерген каласена. В.В. Кузнецов ден Н.В. Кузнецован марий йылме дене 7-ше класслан паша программым ончалына [2]. Причастийым 7 классыште тунемыт. Тиде глагол формым тунемаш 7 шагат ойыралтеш. Тунемме уроклаште тӱрлӧ заданий-влакым кучылтыт.

Профессор З.В. Учаевын серен кодымо учебниклаштыже [7] да В.В. Кузнецов ден Н.В. Кузнецован школлан возымо книгалаштышт [3] причастий, мутат уке, глагол формо семын умылтаралтеш. Ойыртем лач йылме термин-влакым марландымаште веле.

Раш, причастий глагол да пале мутын морфологий ойыртемыштым почын пуа. Нине грамматике категорий-влакын значенийыштым ойыркален мошташ, причастийын лӱм мутан кылдышым вашталтен кертмыжым але действийым лӱмдымыжым умылаш, мутат уке, туныктышо онгай пример-влакым кучылтшаш.

Марий йомакла гыч причастийым возен луктын, нунын дене тӱрлӧ сынан практике паша-влакым ямдылаш да тунемме уроклаште кучылташ гын, сай надыр лиеш ыле манын, шонена. Тидыже туныктышо-влаклан кугу полыш лийын кертеш. Йоча-шамычын марий йомак-влакым лудаш утларак кумылышт лектеш.

Теве, мутлан, тыгай заданий-влакым ончалына:

1. Лудын лекса, причастийым кылдалт шогышо мутшо дене пырля возен лукса.

Кугыза чодырашке шуэшат, шинчалан койдымо лиеш. Вӱдонын уныкаже-влак вӱд пундашке пурен каят.

Кугыза илыме кудышкыжо толын пура. Лӱдын ошемын, вуйжым сакен, олымбаке волен шинчеш. Ший пӱян Ший Пампалче ачаж йыр пӧрдеш, нимолан ӧрын, ачажын чурийжым ончат, йодеш:

– Ачий, ачий, мо лийыч? Молан вуетым сакенат?

Ачаже, ӱдыржым ончалын, пыкшерак пелешта:

– Ой, ӱдырем, шӱм-кылем! Мый тыйым Вӱдонын изирак эргыжлан марлан пуаш сӧрышым. Эрла тыйым налаш толеш [4, с. 174].

2. Причастийын ойлончышто рашемдык лиймыжым пенгыдемдыше пример-влакым муза. Причастиян муткылдыш-шамычым возен лукса.

– Нӧнчык-патыр ик ате тичак вӱдым нумал толеш. Кошкен кийыше-влак погынат, иканаште ик ведрам йӱыт. Вӱд пытен кая. Нӧнчык-патыр адак вӱдлан кая.

– Пуштмо кишкет тудын шольыжо ыле. Изаже умбалнырак, курык вес могырышто ила.

Кугызан ойлымо корно дене Нӧнчык-патыр кая. Кая-кая, чапле полат дек шуэш. Окна почылтеш. Окнаште йытыра ӱдыр шинча [4, с. 159].

3. Палемдыме мут-влакым кылдалтше шомакышт дене пырля возен лукса, ышталтме йӧныштым умылтарыза. Тӱҥ действийым могай предмет ышта?

*– Авай! Марий огыл, **йӱдыген пытыше** кугу ачажат мыйым теве-теве пуштеш. Шкеже кучедалеш гын, мом ышта ыле?* [4, с. 183].

*Кажай попын **толмыжым** ужешат, **шолшо** кӧршӧкым капка меҥге вуйыш кӱзыктен шында* [4, с. 189].

Иктешлен каласаш гын, кызытсе марий йылме моткоч вашталт толеш. Причастийым марий йылме уроклаште тунемме годым, калык ойпогын поянлыкшым кучылтын, практике заданий-влакым шке чоҥен кучылташ гын, тунемше-влакын шинчымашышт морфологий могырымат, фольклор шотыштат келгемеш. Тунемше-влак тыге йылмыштым утларак умылаш, йӧраташ, пагалаш, да перегаш тӱҥалыт. Тунемме да туныктымо паша чыла шотыштат чапле лектышан лиеш.

Литератур

1. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Йошкар-Ола, 1986. 176 с.

2. *Кузнецов В.В., Кузнецова Н.В., Ильина Н.Д.* Марий йылме: паша программе: VII класс. Йошкар-Ола: Марий туныктыш институт, 2015. 64 с.

3. *Кузнецов В.В., Кузнецова Н.В.* Марий йылме: 7 класслан тунемме пособий. Тӧрлатен, ФГОС-лан келыштарен, кокымшо гана лукмо. Йошкар-Ола: Марий туныктыш институт, 2019. 232 с.

4. *Михайлов В.В.* Марий калык ойпого: туныктымо пособий. Йошкар-Ола, 2011. 312 с.

5. *Михайлов В.В.* Марий калык ойпого: хрестоматий. Йошкар-Ола, 2011. 360 с.

6. *Пенгитов Н.Т.* Причастия в марийском языке // Учёные записки / МГПИ им. Н.К. Крупской. Йошкар-Ола, 1955. С. 116–133.

7. *Учаев З.В.* Марий йылме: Теорий: 5–9 класслан учебник. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. 264 с.

УДК 372.881.1

Л.В. Алексеева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Беляева Т.Н., канд. филол. наук, доцент

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

В статье рассматриваются методы и приемы изучения сложносочиненных предложений школе. Раскрываются структура и построение сложного предложения,

***Ключевые слова**: синтаксис, структура сложносочиненного предложения в марийском языке, союз, союзное слово.*

В средней общеобразовательной школе сложносочиненные предложения (далее – ССП) в марийском языке начинают изучать в 9 классе, в 10 и 11 классах эту тему повторяют и обобщают. Изучению сложносочиненных предложений в основной школе отводится три часа. За это время учитель должен дать

определение ССП, научить детей находить их в тексте, правильно расставлять знаки препинания и делать интонационную паузу.

Сложносочиненные предложения – это сложные предложения, в которых простые предложения связываются друг с другом интонацией и сочинительными союзами.

В марийском языке сложносочиненные предложения по своему значению принято подразделять на 3 группы:

– ушышо (соединительные) с союзами: да, ни – ни; с частицей –ат;

– ойырышо (разделительный) – ала, але, я, я – я, то – то;

– ваштарешлыше (противительный) – а, но, да, туге гынат ушем мутан [3, с. 221].

В настоящее время при изучении ССП учителя марийского языка опираются, главным образом, на следующие методы и приемы.

1) *Индивидуально-дифференцированный подход* – разделение учащихся на группы: сильные, средние, слабые; работа в парах.

В данном случае ученикам можно дать задание в зависимости от уровня усвоения ими материала. Это позволит более сильным учащимся, например, первой группы работать над предложениями повышенной сложности, а двум другим группам повысить уровень знаний. Задание для 1 группы: расставить знаки препинания, найти главные члены предложения и нарисовать схему предложения.

1. Болванке рельсопрокатный корпусыш верештын я кужу рельсыш савырна я листопрокатныеш калыклан кӱлеш ӱзгар лиеш.

2. Корно дене я шем тага гай изи паровоз шке гайже шем-кара лийын пытыше вагон-влакым шупшын кая я пашазе-влак вагонеткым шӱкен коштыктат [1, с. 113].

А вторая группа в это же время выполняет упражнения под диктовку учителя.

2) *Репродуктивный метод* заключается в выполнении учеником действий по образцу ранее решенных заданий, направленных на совершенствование орфографической грамотности, при этом желательно, чтобы каждое задание оценивалось. Воспроизведение и повторение способа деятельности по заданиям учител (показанным или устно объясненным) являются главными признаками данного метода. Учитель может использовать карточки с заданиями, учащиеся могут отвечать устно или письменно на листочках.

3. *Объяснительно-иллюстративный метод* используется при изучении и закреплении нового материала. Объяснение, к примеру, может быть в форме лекции, беседы, демонстрации опытов и т.д. Передача содержания понятия идет через схему с последующим пояснением. Например, к доске выходят два ученика и под диктовку учителя пишут два разных предложения:

«Эрдене Вачий кузов гыч лаптыргыл пытыше ведрам налят, таве гыч вӱдым конден, машина ончылан шындыш».

«Кас ӱжара волен йомеш, да эр ӱжарат кынелеш».

Ученики должны найти главные члены предложения, нарисовать схему и рассказать, чем отличаются друг от друга эти два предложения. Таким образом

они сразу поймут, что первое предложение – простое, осложненное однородными сказуемыми, а второе – сложное, сложносочиненное.

4. *Исследовательский метод* предполагает организацию творческого поиска самими учащимися для разрешения определенных познавательных и практических задач. Данный метод требует наличия базовых знаний и навыка подобного рода деятельности. Деятельность учителя будет сводится лишь оперативному управлению процессом решения проблемной задачи. Например, даются готовые схеме предложений, по которым ученики должны самостоятельно составить предложения: 1. [ ] ат, [ ]. 2. [ ], да [ ]. 3. [ ], туге гынат [ ]. 4. [ ], но! [ ]. 4. Ала [ ], ала [ ]. [1, с. 113].

При использовании учителем данных методов учащиеся успешно осваивают новый теоретический материал и легко применяют его на практике.

Литература

1. *Учаев З.В.* Марий йылме дене дидактический материал: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. 192 с.

2. *Субботина Е.Н.* Методическая разработка раздела образовательной программы по русскому языку «Сложные предложения с разными видами связи» (9 класс). URL: https://kopilkaurokov.ru/russkiyYazik/uroki/riekomiendatsii_k_izuchieniiu_slozhnogho_priedlozhieniia_v_9_klassie_mietody_i_p (дата обращения: 10.10.2021).

3. *Учаев З.В.* Марий йылме: Теорий: 5–9 класслан учебник. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. 264 с.

УДК 371.3:811.511.151

Х.Г. Александрова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Андрианова Е.М., канд. филол. наук, доцент

МАРИЙ ЙЫЛМЕ ДЕНЕ УРОК ДЕЧ ӦРДЫЖЫСӦ ПАШАМ ЭРТАРЫМЕ ГОДЫМ КВЕСТ ЙӦНЫМ КУЧЫЛТМАШ

Статья посвящена использованию квест-технологии при проведении внеклассной работы по марийскому языку. Автор выделяет виды квестов, знакомит с методикой ее проведения, отмечает ее достоинства и недостатки. Делается вывод о том, что эта технология развивает коммуникативные умения, творческие способности, навыки информационной деятельности обучающихся, повышает мотивацию к изучению родного языка.

Ключевые слова: *марийский язык, внеклассная работа, квест-технология, образовательный квест, методика.*

Илышын ончыко кайымыжлан кӧра школлаште урокым да урок дечӧрдыжысӧ пашам эртарыме годым туныктышо-влак самырык тукымлан келшыше у йӧн-шамычым мастарын кучылтшаш улыт. Кумдан палыме интерактивный йӧнлан ролевой модыш, вебинар, интервью, изи тӱшка дене пашам ыштымаш, посна йодышым тӱшкан канашымаш шотлалтыт. Нине йӧн-

влакым кажныжым посна але пырля кучылтын кертына. Нуным иктеш ушаш гын, квест модыш лиеш.

Пашанан объектшылан марий йылме дене урок деч örдыжысö пашам эртарыме годым у йöным кучылтмаш шотлалтеш. Предметше – урок деч örдыжысö пашаште квест системым кучылтмаш. Гипотезе: марий йылме дене урок деч örдыжысö пашам эртарыме годым квест йöным кучылтына гын, тунемше-влак материалым писын шарнен кодыт, шочмо йылмым тунемаш утларак кумылаҥыт да материалым шке гыч кычалаш шÿмаҥыт. Шкенан ончылно тыгай цельым шындена: школышто марий йылме дене урок деч örдыжысö пашам эртарыме годым квест йöным кучылтмашын кÿлешлыкшым шымлаш.

Туныктымо (образовательный) квест – проблеман да модыш йöнла дене туныктымо технологий. Ролевой модышын ужашыже-влак дене пырля проблемный заданий тÿҥлан шотлалтеш [1, с. 5].

Квест йöным илышыш шыҥдараш манын, тудын методикыжым палыман. Квестым ямдылымаш икмыняр йыжыҥ гыч шога [1, с. 5–8]:

1. Ончылгоч ямдылалтмаш. Туныктышо квестын цель ден задачыже-вдакым воза, целевой аудиторийым, участник-влакын чотыштым, квестын кушто да кунам эртымыжым палемда. Тыгодым тунемше-шамычын ийготыштым да моштымашыштым шотыш налман. Квестын кужытшо ик урок, икмыняр урок, арня шуйнен кертеш.

2. Сюжетым шонымаш да сценарийым возымаш. Сценарийыште тÿҥ верым шонымаш-легеде – модышым тÿҥалаш таратыше шонен лукмо историй налеш. Идейым кычалме годым сылнымутан литератур, фильм, компьютер модышлан энӷерташ лиеш. Тиде тунемше-влакын кумылыштым савыралеш. Кабинетым теме почеш сöрастарымашат уто огеш лий. Тылеч вара туныктышо тÿҥ ыштышаш пашам палемда да сюжетым виянден колта. Сюжет икмыняр йыжыҥ гыч шога. Кажныжын шке правилже лийшаш: условий, бонус ден штраф-влак. Сюжет линейный (ик вер гыч вес верыш миен шуаш манын заданийым ыштыман) да сквозной (точко-влак почела огыт кай, нуно тÿҥалтыш да мучаш дене веле кылдалтыныт) лийын кертеш.

3. Квестым эртарымаш. Тунемше-влак дене пырля чумыргыман да эн ончыч нунылан шкем кузе кучымо шотышто инструктажым эртарыман. Квестым эртымекышт, иктешлымашым ышташ уэш чумыргыман.

4. Иктешлымашым ыштымаш. Тиде ужаш кÿлешан, молан манаш гын тунемше-влак шке лектышыштым палынешт, моштымаш ден шинчымашыштым йолташышт-влак дене таҥастарынешт. Туныктышыланат тунемше-влакын усталыкыштым рашемдыман.

5. Рефлексий. Тудым ыштымаш квестын цель ден задачыж деч шога. Рефлексийым эртараш тÿрлö йöным кучылташ лиеш.

Марий йылмылан келшыше квестын икмыняр тÿшкажым палемдыман:

1. Путешествий (поход). Кажне кабинет – посна станций. Мутлан, икымше – «Глагол ола», весе – «Пале мут курык» да молат. Ÿдыр-рвезе-шамыч маршрут кагаз дене коштшаш да кажне вере тÿрлö заданийым ыштышаш, йодышлан вашмутым пуышаш улыт.

2. «Йылме раскопко». Тунемше-влак текст дене пашам ыштат. Мутлан, археолог-йылмызе-шамыч пуымо калыкмутлаште йомшо шомак-влакым кычалыт. Тидын годым калыкмут мутерым кучылташ темлаш лиеш.

3. Шымлымаш паша. Туныктышо йоча-влаклан проблеман йодышым пуа. Тидлан тунемше-шамыч экспериментым эртарышаш, танастарышаш, анализым да иктешлымашым ыштышаш улыт. Туныктышо тунеммаште нелылыкым лукшо йодышым ойырышаш да йоча-влак дене пырля канашышаш.

4. Веб-квест. Тиде тӱшка руш, англичан йылмылам туныктымо годым поснак кумдан кучылталтеш. Тышке уверым Интернетыште кычалмаш, сайт-влакым ыштымаш пурат. Но тыште танасымаш уке. Кажне йоча дене посна пашам ыштыман.

Квестым эртарыме йӧн-влакым туныктышо шке гыч шонен луктын кертеш. Чылажат тудын усталыкше деч шога.

Марий йылме дене квестым эртарыме икмыняр йӧным темлена. Икымше «Лӱм мутым пират-влак деч утарена» маналтеш. Пират-влак лӱм мутым шолыштыныт. Нуным утараш манын, тӱрлӧ заданийым ыштыман. Мероприятий тӱналтыште тунемше-шамыч секретный картым муыт. Тушко заданиян кагаз-влакым шылтыме. Квест-модышым эртараш кугурак класслаште тунемше-шамыч полшен кертыт. Сюжетым виянден колташ манын, попугайым пурташ лиеш. Тудо мучашке миен шуаш манын, кӱчык, но неле корным темла.

Вес квест модыш – «Лӱм йомын». Тудо проект заданийым ушештара. Йоча-влак журналистыш савырнат. Нуно собственный лӱм мут-шамычын мом онchыктымыштым, кушеч лекмыштым, кызытсе илышыште кузе кучылталтмыштым умылтарышаш улыт. Квестын кажне йыжыныштыже нуно отчетым репортаж, интервью але газетысе заметке семын ончыктат. Кажне этапысе персонжалан тӱрлӧ койыш-шоктышан рольым пуыман: шуко але шагал кутырышо, торжан вашештыше да молат. Тыге йоча-влакын кутырымышт годым йылмышт виянеш. Квестын лектышыже семын собственный лӱм мут нерген изирак шымлымаш пашам шуктымаш шотлалтеш.

Марий йылме урокышто але марий йылме дене урок деч ӧрдыжысӧ пашам эртарыме годым квест йӧным кучылтмашын сай да уда могыржо-влакым палемдыман. Тунемше-влак пашашке чолган ушнат, тӱшка дене пашам ышташ, икте-весышт дене кутыраш, вашла колышташ тунемыт, усталык шӱлышышт виянеш. Тыгай моштымаш марий йылме але моло уроклаштат пайдам конда. Квестын уда могыржылан шотлалтыт: тудым ямдылаш шуко жапым эртарымаш; туныктышын сюжет линийым йонылыш чонымыжлан кӧра тунемше-влакын кумылыштым луктдымаш; кугу мероприятийым эртараш жап чӱдылык. Сай могыржо-влак кызытсе илышын йодмашыжлан келшен толыт.

Квест йӧн ожно да кызытат эртаралтше путешествий, викторине, танасымаш урок-влакым ушештара гынат, тудо нине йӧн-влакым кумданда, иктеш уша да сай лектышыш шуаш полша. Квест модыш туныктышын усталыкшым да моштымашыжым виянда. Йоча-влакым шкевуя пашам ышташ да шке гыч тунемаш, уверым кычалаш тарата. Марий йылме дене эртарыме квест шочмо йылмым утларак йӧраташ кумыланда.

Литература
1. Педченко А. Ф., Артемьева А. Н. Квест-технология в образовательном учреждении: учеб.-метод. пособие // URL: https://www.informio.ru/files/main/documents/2020/03/Kvest_tehnologija_v_obrazovateln.pdf (дата обращения: 20.10.2021)
2. Игумнова Е. А. Квест-технология в образовании: учеб. пособие // URL:https://vk.com/doc183608877_449635873?hash=d3825eb0515978e27d&dl=fb002662e027d120f0 (дата обращения: 21.10.2021)

УДК 373.3

И.Н. Андреева, А.А. Артёмова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

РАЗВИТИЕ ВНИМАНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются актуальные вопросы развития внимания младших школьников на занятиях по русскому языку в первом классе. Обоснована актуальность выбранной темы исследования, приведены данные диагностической работы с контрольной и экспериментальной группами, проанализированы полученные результаты.

Ключевые слова: *внимание, развитие внимания, младшие школьники, диагностика, результаты исследования.*

Сегодня проблемы развития внимания у школьников вызывают серьёзное беспокойство у педагогов, у родителей и психологов, работающих с детьми. Родители отмечают невнимательность детей, их неумение сосредоточиться, длительно удерживать внимание при решении домашних заданий. Практический опыт педагогов подтверждает, что школьники, даже способные, имеют серьёзные пробелы в знаниях, когда у них на низком уровне развито произвольное внимание.

В трудах Р.С. Немова, А.Л. Венгера говорится об особенностях развития младшего школьника, об использовании различных приёмов и методов развития внимания в процессе обучения, об использовании упражнений на уроках русского языка в начальной школе [1].

Важность и необходимость развития внимания учащихся в практике начального образования обусловили выбор темы исследования.

Исследование проводилось на базе МБОУ СОШ № 23 г. Йошкар-Ола Республики Марий Эл. В исследовании приняли участие ученики 1-А и 1-Б классов в количестве 50 человек.

Экспериментальная группа 1 «А» класса участвовала в проведении констатирующего, формирующего и контрольного экспериментов. С контрольной группой 1 «Б» класса проводились констатирующий и контрольный эксперименты.

Целью исследования является выявление возможности коррекции уровня внимания детей младшего школьного возраста на уроках русского языка посредством развивающих занятий.

В работе мы применяли следующие диагностические методики:

1. Для изучения объема произвольного внимания использовалась методика «Запомни и расставь точки» Р.С. Немова. Для проведения диагностики использовался лист с точками, который заблаговременно разрезается на восемь маленьких квадратов, которые потом складываются в стопку так, чтобы наверху оказался квадрат с двумя точками, а внизу – квадрат с девятью точками (все остальные следуют сверху вниз по порядку с постепенно увеличивающимся на них количеством точек).

2. Для изучения переключения и распределения внимания использована методика «Проставь значки» Р.С. Немова. Испытуемому необходимо в каждом из квадратиков, треугольников, кружков и ромбиков проставить тот знак, который задан вверху на образце, то есть, соответственно, галочку, черту, плюс или точку.

3. С целью выявления продуктивности и устойчивости произвольного внимания использована методика «Корректурная проба» Б. Бурдона. Ребенку демонстрируют рисунок, на котором в случайном порядке изображены ёлочка, домик, цветок, флаг, ведёрко, грибок.

Первой нами проводилась диагностика по методике Р.С. Немова «Запомни и расставь точки». Были получены следующие результаты: высокий уровень объёма внимания выявлен у 12% детей экспериментальной группы и 15% контрольной; средний уровень определён у 32 % ребят экспериментальной группы и 38 % контрольной; низкий уровень объёма внимания констатирован у 56 % ребят экспериментальной группы и 47% контрольной.

По второй диагностической методике Р.С. Немова «Проставь значки» были получены такие результаты: высокий уровень развития переключения и распределения внимания выявлен у 16 % детей экспериментальной группы и 18 % контрольной; средний уровень определён у 20 % ребят экспериментальной группы и 28 % контрольной; низкий уровень развития переключения и распределения внимания констатирован у 64 % ребят экспериментальной группы и 56 % контрольной.

Третьей применялась диагностика «Корректурная проба» Б. Бурдона, по которой зафиксированы результаты: высокий уровень развития продуктивности и устойчивости внимания выявлен у 16 % детей экспериментальной группы и 19 % контрольной; средний уровень определён у 24 % ребят экспериментальной группы и 27 % контрольной; низкий уровень развития переключения и распределения внимания констатирован у 60 % ребят экспериментальной группы и 56 % контрольной.

Полученные результаты работы были проанализированы и в итоге разработаны следующие рекомендации по коррекции и развитию произвольного внимания детей младшего школьного возраста на уроках русского языка посредством специальных заданий и упражнений:

1. Учебная деятельность построена на волевых усилиях ребёнка, он должен контролировать свое поведение, стабильно поддерживать своё внимание, сосредоточенность, концентрацию на уроке. Учителю необходимо учитывать возрастные особенности младших школьников. Им бывает трудно и долго сосредоточенно работать, поэтому однообразная деятельность быстро утомляет их, и они отвлекаются от работы.

2. Воспитание внимания на уроках русского языка является одним из условий успешного обучения. Благодаря вниманию происходит сосредоточение психической деятельности на объекте и торможение всего, что к объекту не относится.

3. Одним из основных типов упражнений, в которых ребенок имеет возможность проявить свою внимательность и развить состояние своего внутреннего сосредоточения, являются корректурные задания, в которых детям предлагалось находить и вычеркивать определенные буквы в печатном тексте. Для их проведения используются любые печатные тексты с крупным шрифтом, карандаши и ручки. Практика работы с этим заданием показала, что после первых 3-4 недель занятий наблюдается сокращение ошибок в 2–3 раза в письменных заданиях.

4. Создание благоприятных условий для учебной деятельности, т.е. исключение негативно действующих посторонних раздражителей (шум, громкая музыка, резкие звуки, запахи и т.д.) и ограничение одновременно выполняемых действий, также положительно действуют на поддержание устойчивого произвольного внимания учащихся.

5. Смена видов деятельности является необходимым условием, так как постоянная поддержка внимания с помощью волевых усилий связана с большим напряжением и очень утомительна. Развитие таких качеств внимания, как устойчивость, концентрация, переключение, распределение, объем внимания, достигается также с помощью приема переключения – смены одного вида занятий другим.

6. Тренировка произвольного внимания путем выполнения коррекционно-развивающих упражнений и заданий. Чтобы развивать у учеников с интеллектуальной недостаточностью определенные качества внимания и способность управлять ими, необходимы специально организованные упражнения. На уроках русского языка целесообразно использовать упражнения с опорой на изучаемый программный материал. Проводить их можно на разных этапах урока.

После окончания формирующей работы мы провели контрольный этап исследования, где применяли уже указанные выше диагностические методики. Полученные результаты по методикам Р.С. Немова и Б. Бурдона представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты контрольного этапа эксперимента в экспериментальной и контрольной группах по трём диагностическим методикам (в %)

Уровень объема внимания	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
	«Запомни и расставь точки»	«Проставь значки»	«Корректурная проба»	«Запомни и расставь точки»	«Проставь значки»	«Корректурная проба»
Высокий	40	40	36	16	20	24
Средний	56	52	52	44	28	24
Низкий	4	8	12	40	52	52

По данным таблицы 1 можно сделать следующие выводы: по диагностической методике Р.С. Немова «Запомни и расставь точки» количество детей из экспериментальной группы с высоким уровнем объёма внимания увеличилось на 28 %; со средним уровнем объёма внимания увеличилось на 24 %; сократилось количество детей с низким уровнем на 52 %. В контрольной группе по данному критерию значительных изменений не было выявлено.

По второй методике Р.С. Немова «Проставь значки» из полученных результатов можно сделать вывод: увеличилось количество детей из экспериментальной группы с высоким уровнем переключения и распределения внимания на 24 %; со средним уровнем на 32 %; сократилось количество обучающихся с низким уровнем переключения и распределения внимания на 56 %. В контрольной группе по данному критерию значительных изменений не было выявлено.

По третьей методике «Корректурная проба» Б. Бурдона мы видим следующее: на 20 % увеличилось количество ребят с высоким уровнем развития продуктивности и устойчивости внимания; на 28 % – со средним уровнем; и на 48 % уменьшилось количество детей с низким уровнем развития продуктивности и устойчивости внимания. В контрольной группе по данному критерию значительных изменений не было выявлено.

Таким образом, можно сделать вывод, что формирующая работа по коррекции и развитию произвольного внимания детей младшего школьного возраста на уроках русского языка посредством специальных заданий и упражнений дала положительные результаты.

Литература

1. *Маркова А.А.* Развитие внимания и снятие умственного напряжения в процессе обучения младших школьников // Начальная школа. 2001. № 2. С. 89.

2. *Немов Р.С.* Общая психология. Книга 2: Внимание и память. М.: Юрайт, 2016. 262 с.

3. *Добрынин Н.Ф.* Внимание и его воспитание. М.: Правда, 2017. 18 с.

УДК 373.3

И.Н. Андреева, А.Ю. Дубовникова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

РАЗВИТИЕ СВЯЗНОЙ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В РАБОТЕ НАД ИЗЛОЖЕНИЕМ

Статья посвящена актуальным вопросам выявления уровня развития связной речи младших школьников. Обоснована актуальность выбранной темы исследования, приведены данные диагностической работы с обучающимися. Даны методические рекомендации по проведению изложения.

Ключевые слова: *развитие речи, младшие школьники, диагностика, результаты исследования, изложение.*

Развитие речи учащихся в свете современных требований школьного образования – это одна из актуальных его адач. Навыки речи, приобретенные

учащимися в период начального образования, служат основой, формирующей языковую личность; именно здесь дети впервые сталкиваются с литературным языком, с письменной версией языка, с необходимостью улучшить речь.

Владение связной речью подразумевает под собой подробное изложение содержания говорящего, которое не нарушает логику и последовательность, а также оно должно быть грамматически верно оформлено и соответствовать условиям коммуникации.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена рядом причин. Во-первых, развитие связной речи способствует в дальнейшем повышению уровня обучения, в целом, и речевой культуры обучающихся, в частности. Во-вторых, целенаправленное развитие умений связной речи будет способствовать преодолению большого количества препятствий, с которыми сталкиваются младшие школьники при создании собственного высказывания.

Весомым элементом в развитии речи являются изложения. В основе изложения лежит подражание образцу. Изложения оказывают влияние на такие аспекты детей, как обучение, воспитание и интеллектуальное развитие. Стоит заметить, что при работе с изложением обучающиеся демонстрируют самостоятельность, активизируется мышление, а также дети развивают свои творческие способности. К тому же основательная работа над изложением, то есть конструирование собственного текста с опорой на литературный образец, повышает читательскую культуру, тренирует память, совершенствует речевые навыки и развивает наблюдательность.

Обозначенная выше проблема обусловила выбор цели нашего исследования: выявить особенности развития связной речи детей младшего школьного возраста в работе над изложением. Базой исследования стала МОУ «Красногорская средняя общеобразовательная школа № 1», 3 «в» класс в количестве 18 человек.

Для изучения уровня развития связной речи младших школьников были использованы тексты для пересказа, картинки-действия, сказки. Были выбраны следующие диагностические методики: методика Т.А. Фотековой; методика обследования связной речи по В.П. Глухову; методика «Угадай сказку».

Были получены следующие результаты исследования младших школьников по всем трем диагностическим методикам (они представлены в таблице 1).

Таблица 1

Результаты диагностики уровня развития связной речи
у учащихся 2 класса (в %)

Уровень	Методика Т.А. Фотековой	Методика обследования связной речи по В.П. Глухову	Методика «Угадай сказку»	Итоговый уровень развития связной речи
Высокий	45	28	33	35
Средний	33	33	44	37
Низкий	22	39	22	28

Из данных, приведённых в таблице 1, видно, что у младших школьников ещё не сформирована на высоком уровне связная речь. По методике Т.А. Фотековой высокий уровень определён у 45 % детей; средний уровень у 33 % учащихся; низкий уровень выявлен у 22 % ребят.

По методике обследования связной речи по В.П. Глухову у детей преобладает низкий уровень у 39 % учащихся, средний уровень – 33 %, а высокий уровень зафиксирован у 28 % школьников.

Диагностическая методика «Угадай сказку» показала, что у младших школьников достаточно сформирована связная речь: низкий уровень выявлен у 22 % детей; средний уровень определён у 44 % школьников; высокий уровень определён у 33 % ребят.

Таким образом, у младших школьников выявили следующий уровень развития связной речи: низкий уровень у 28 % детей; средний уровень – у 37 % ребят; высокий уровень – у 35 % школьников.

Исходя из полученных данных, можно сделать следующий вывод, что у учащихся 2 класса преобладает средний уровень развития связной речи. Анализируя результаты диагностики исходного уровня развития связной речи у учащихся 2 класса, следует сказать, что они развиты не в полном объёме и требуют дальнейшего развития. Учитывая результаты диагностики, мы разработали некоторые рекомендации по развитию связной речи детей младшего школьного возраста на уроках русского языка посредством использования изложения.

Готовясь к проведению изложений, необходимо тщательно подбирать текст, который соответствует возрасту, ведь ребенок должен усвоить мысль и передать ее своими словами. В изложении должна звучать живая речь школьника.

Языковые средства усваиваются при чтении, в беседах, в ходе анализа текста, они становятся для школьника своими, и в процессе становления собственного текста ученик не напрягается, вспоминая образец дословно, а строит текст сам, передает содержание мысли. В этой работе повышается самостоятельность, рождаются элементы творчества в ходе восприятия. Поэтому изложение относят к числу творческих приемов развития речи учащихся.

Роль учителя в том, чтобы управлять степенью влияния образца; он следит за употреблением тех слов, которые в образце встречаются впервые или в каком-то необычном сочетании, наблюдает за переносом фразеологии, следит за тем, чтобы сохранялся стиль образца (например, сказочный стиль или художественное описание природы).

В изложении отражаются чувства школьника, его желание заинтересовать. Если он «вошел в роль», сопереживает героям рассказа; если его чувство зазвучало в пересказе, значит, творческий уровень его речи высок: пересказ превращается в рассказ творимый, а не заученный. Поэтому целесообразно сразу при чтении нацеливать школьника на предстоящий пересказ, предлагать пересказывать отдельные фрагменты.

При подготовке к изложению используются следующие приемы:

– уяснение вида пересказа – подробный; близкий к тексту образца;

– беседа с целью глубокого уяснения содержания и языковых особенностей;

– выразительное перечитывание образца;

– логическое и композиционное расчленение рассказа – составление его плана, озаглавливание его частей;

– предварительный пересказ фрагментов;

– анализ «чернового» пересказа;

– исправление недостатков: помощь индивидуального характера в процессе письма изложения.

Опираясь на мнение авторитетных ученых, исследующих данный процесс, а также используя свой собственный педагогический опыт, мы можем обозначить ряд рекомендаций, которые могут оказать помощь учителям младших классов:

– изучать материалы научно-педагогической литературы;

– в работе использовать принцип развивающего обучения младших школьников;

– развивать творческое мышление на уроках русского языка;

– использовать ИКТ технологии;

– поощрять творческую исследовательскую работу младших школьников;

– научить излагать свои мысли по вопросу из любой сферы жизни – образовательной, экологической, политической, межкультурного взаимодействия и др.

Литература

1. *Богуславская Н.Е., Капинос В.И., Купалова А.Ю. и др.* Методика развития речи на уроках русского языка: пособие для учителей / под ред. Т.А. Ладыженской. М.: Просвещение, 1991. 240 с.

2. *Бронникова Ю.О.* Формирование культуры речи младших школьников // Начальная школа. 2003. № 10. С. 41–44.

3. *Ушакова О.С.* Методика развития связной речи детей младшего школьного возраста: пособие для педагогов. М.: Владос, 2010. 67 с.

УДК 373.3

И.Н. Андреева, Е.Р. Емельянова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ УУД НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО 2 КЛАССЕ

Статья посвящена актуальным вопросам диагностики уровня развития коммуникативных универсальных учебных действий младших школьников. Обоснована актуальность выбранной темы исследования, приведены данные диагностической работы с обучающимися. Сделаны выводы по уровню сформированности УУД обучающихся и приведены методические рекомендации по использованию дидактических игр на уроках русского языка

Ключевые слова: *коммуникативные универсальные учебные действия, дидактические игры, диагностическая методика, рекомендации по развитию коммуникативных УУД.*

Основная задача современной системы начального образования – это формирование универсальных учебных действий (УУД), которые способствуют умению учиться школьникам, а также помогают саморазвиваться и самосовершенствоваться.

Большую роль в процессе становления личности занимает работа по развитию у учащихся коммуникативных УУД. Коммуникативные УУД обеспечивают социальную компетентность и учет позиции других людей, партнера по общению или деятельности, умение слушать и вступать в диалог, участвовать в коллективном обсуждении проблем, интегрироваться в группу сверстников и строить продуктивное взаимодействие и сотрудничество со сверстниками и взрослыми.

Успешно формировать коммуникативные УУД возможно в процессе дидактической игры. Дидактические игры – это разновидность игр с правилами, специально создаваемых педагогической школой в целях обучения и воспитания детей. Дидактические игры направлены на решение конкретных задач в обучении детей, но в то же время в них появляется воспитательное и развивающее влияние игровой деятельности. Цель дидактических игр – облегчить переход к учебным задачам, сделать его постепенным.

В младшем школьном возрасте происходит продолжение формирования личности. Насколько легко ребёнок будет уметь общаться с окружающими его людьми, налаживать контакт, зависит его дальнейшая учебная, рабочая деятельность, его судьба и место в жизни. А именно в этот период закладывается навык брать на себя ответственность за свою речь и правильно её организовывать, чтобы установить отношения с окружающими людьми. Также закладывается умение дисциплинировать себя, организовывать как личную, так и групповую деятельность, понимание ценности сотрудничества, общения и отношений в совместной деятельности.

В связи с особой значимостью дидактические игры в развитии коммуникативных УУД детей назрела необходимость рассмотрения методологии ее использования с учащимися 2 класса, это и обусловило выбор темы исследования: «Дидактическая игра как средство развития коммуникативных УУД на уроках русского языка во 2 классе».

Теоретической и методологической основой исследования являются научные труды таких авторов, как А.С. Макаренко, А.Г. Асмолов, Н.М. Конышева, Ю.К. Бабанский.

Базой исследования стала МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 20 г. Йошкар-Олы», учащиеся 2 класса в количестве 28 человек.

Цель исследования: выявить уровень коммуникативных УУД у учащихся 2 класса на уроках русского языка посредством дидактической игры.

Обследование уровня развития коммуникативных УУД позволяет судить о наличии тех или иных проблем в детской речи и принятии необходимых мер для устранения этих проблем.

Были выбраны следующие диагностические методики: методика – «Ковер» Р. Овчаровой, методика – «Дорога к дому», методика – «Рукавички» Г.А. Цукермана.

Были получены следующие результаты исследования учащихся 2 класса по всем трем диагностическим методикам, которые представлены в таблице 1.

Из данных, приведённых в таблице 1, видно, что у учащихся 2 класса не сформированы на достаточном уровне коммуникативные универсальные учебные действия: низкий уровень выявлен у 8 % детей, средний уровень определён у 71 % детей, высокий – 21 % детей.

Таблица 1

Результаты диагностики развития коммуникативных УУД у учащихся 2 класса

Уровень	Методика «Ковер» Р. Овчаровой	Методика «Дорога к дому»	Методика «Рукавички» Г.А. Цукермана	Итоговый уровень развития коммуникативных УУД
Низкий	36 %	14 %	21 %	8 %
Средний	50 %	50 %	50 %	71 %
Высокий	14 %	36 %	29 %	21 %

По методике «Ковёр» Р. Овчаровой констатирован следующий уровень развития коммуникативных УУД: низкий уровень определен у 36 % детей, средний уровень выявлен у 50% ребят, высокий уровень показали 14% учащихся.

По методике «Дорога к дому» выявлены следующие уровни развития коммуникативных УУД: низкий уровень выявлен у 14 % детей, средний уровень определен у 50 % ребят, высокий – у 36 % учащихся.

По методике «Рукавички» определены следующие уровни развития коммуникативных УУД: низкий уровень выявлен у 21 % детей, средний уровень констатирован у 50 % ребят, высокий – у 29 % учащихся.

Таким образом, можно сделать вывод, что по всем трем диагностическим методикам у учащихся 2 класса преобладает средний уровень развития коммуникативных универсальных учебных действий. Небольшое количество учащихся имеет низкий уровень (8 %).

Учитывая результаты диагностики, мы разработали некоторые рекомендации по развитию коммуникативных УУД для учащихся 2 класса посредством использования дидактических игр на уроках русского языка.

1. При подготовке урока русского языка важно четко различать собственно дидактические игры и игровые приемы, использующиеся при обучении детей. Главное заключается в том, чтобы игра органически сочеталась с серьезным, напряженным трудом, чтобы она не отвлекала от учения, а наоборот, способствовала интенсификации умственной работы, развитию воображения и творческой активности на уроке.

2. Дидактические игры не могут просто так быть вклинены в урок. Нужно четко понимать, что игру вводят в определенную часть урока в соответствии с его задачами. В учебную деятельность вводится элемент состязания, а успешность выполнения задания связывается с игровым результатом.

3. Мы рекомендуем на уроках русского языка использовать игры по типологии Д.Б. Эльконина, который условно выделяет несколько типов дидактических игр, сгруппированных по виду деятельности учащихся: игры-путешествия, игры-поручения, игры-предположения, игры-загадки, игры-беседы

(игры-диалоги). На практике в обучении младших школьников можно использовать указанные игры либо в «чистом» виде, либо в сочетании с другими видами игр: подвижными, сюжетно-ролевыми и др.

В основе любой игровой методики, проводимой на занятиях в начальной школе, должны лежать следующие принципы:

− актуальность дидактического материала (актуальные формулировки задач обучения детей на данном этапе, наглядные пособия и др.) помогает детям воспринимать задания как игру, чувствовать заинтересованность в получении верного результата, стремиться к лучшему из возможных решений;

− коллективность позволяет сплотить школьный класс в единую группу, в единый организм, способный решать задачи более высокого уровня, чем доступные одному ребёнку, и зачастую – более сложные;

− соревновательность создает у ребёнка или группы детей младшего школьного возраста стремление выполнить задание быстрее и качественнее конкурента, что позволяет сократить время на выполнение задания, с одной стороны, и добиться реально приемлемого результата, с другой.

Литература

1. *Локтионова И.Ю.* Развитие коммуникативной среды в образовательном учреждении // Начальная школа. 2010. № 12. С. 4–9.

2. *Одинцова С.А., Арабей О.В.* Теоретические основы формирования познавательного интереса младших школьников средствами игровых технологий // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3–2. С. 284–287.

УДК 373.3

И.Н. Андреева, К.А. Федорова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ РЕГУЛЯТИВНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ У УЧАЩИХСЯ 2 КЛАССА

Статья посвящена актуальным вопросам диагностики уровня развития регулятивных учебных действий младших школьников. Обоснована актуальность выбранной темы исследования, приведены данные диагностической работы с обучающимися. Сделаны выводы по уровню сформированности УУД обучающихся.

Ключевые слова: *универсальные учебные действия, диагностическая методика, уровень сформированности регулятивных УУД.*

Согласно ФГОС начального образования второго поколения одна из важнейших функций начальной школы – формирование универсальных учебных действий (УУД) [1].

Универсальные учебные действия – система различных учебных действий учащегося, которые позволяют не только самостоятельно осваивать новые для него знания об окружающем мире, но и успешно организовывать процесс познания с целью повышения качества своего образования [2].

Вместо простой передачи знаний, умений и навыков от учителя к ученику на первое место выходит развитие способности ученика самостоятельно ставить учебные цели, проектировать пути их реализации, контролировать и оценивать свои достижения. Приоритетной целью школьного образования становится формирование умения учиться, способности к саморазвитию и самосовершенствованию. Задача, которую ребёнок должен научиться ставить перед собой на протяжении всего курса обучения, – это учить себя! И в решении этой задачи главное место, на наш взгляд, занимает формирование регулятивных УУД. Для успешной социализации современный человек должен обладать следующими регулятивными действиями: уметь ставить конкретную цель, «определять план действий для её достижения, планировать свою жизнь». Поэтому эта проблема актуальна, и требует целенаправленной работы по развитию регулятивных УУД у младших школьников.

Обозначенная выше проблема обусловила выбор темы нашего исследования: «Развитие регулятивных универсальных учебных действий у учащихся 2 класса на уроках русского языка».

Регулятивные УУД включают в себя, в первую очередь, умения планирования, целеполагания, прогнозирования результатов, контроль за собственной деятельностью, коррекция и оценка собственной работы. Исходя из данных критериев, нами были выбраны диагностические методики: методика «Узор» Л.И. Цеханской, методика «Рисование по точкам» А.Л. Венгера, методика «Тест простых поручений» (Диагностика метапредметных и личностных результатов начального образования Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой, А.А. Вахрушева, А.В. Горячева, Д.Д. Данилова, С.А. Козловой, Л.Н. Петровой, О.В. Прониной, А.Г. Рубина, О.В. Чиндиловой).

Были получены следующие результаты исследования младших школьников по всем трем диагностическим методикам, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты диагностики уровня развития регулятивных учебных действий у учащихся 2 класса (в %)

Уровень	«Рисование по точкам» А.Л. Венгера	Методика «Узор» Л.И. Цеханской	Методика «Тест простых поручений» (Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой, А.А. Вахрушева и др.)	Итоговый результат развития регулятивных универсальных учебных действий
Низкий	0	47	13	20
Средний	0	53	67	40
Высокий	100	0	20	40

Качественный и количественный анализ полученных результатов показал, что по методике «Рисование по точкам» А.Л. Венгера учащиеся испытывали в основном затруднения в 6 задании при воспроизведении звезды. Встречались работы, в которых дети замечали свои ошибки и исправляли на правильный вариант. Лишь некоторые, не задумываясь, обводили точки, только для того, чтобы получилась фигура как на картинке. Но так или иначе учащиеся успешно справились с заданиями. Младшие школьники имеют высокий уровень развития

компонента контроля, хорошо выполняют задания в соответствии с инструкцией. 100 % учащихся 2 класса имеют высокий уровень сформированности компонента оценки.

Анализируя результаты по методике «Узор» Л.И. Цеханской можно сделать вывод, что в классе преобладает средний уровень сформированности регулятивных УУД, что составило 67 % от общего количества детей, низкий уровень выявлен у 13 %, высокий уровень зафиксирован у 20 % детей. Учащиеся слабо удерживают инструкцию в голове и допускают ошибки в регуляции своих действий – это свидетельствует о слабой сформированности целеполагания и прогнозирования. Ошибки были допущены в соединении квадратиков с треугольниками. Штрафные очки начислялись за лишние соединения и за разрывы. Многие второклассники при выполнении поручений исполняли их не до конца или путали задания, но некоторые безошибочно выполняли поручения. Встречались работы, в которых дети замечали свои ошибки и исправляли на правильный вариант.

По методике «Тест простых поручений» Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой, А.А. Вахрушева и др. среди ребят преобладает средний уровень умения оценивать результаты учебной деятельности, что составило 67 % от общего количества детей. Было выявлено, что 2 учащиеся набрали количество баллов, которые соответствуют высокому уровню сформированности регулятивных УУД, что составило 20 %. Количество школьников с низким уровнем сформированности регулятивных УУД – 13 %. Каждое задание читалось в обычном темпе и не повторялось. Ребенок должен был выполнить поручения в бланке, в соответствии с прочитанным текстом. Были допущены ошибки во 2 задании. Некоторые учащиеся не смогли написать слово «пар» так, чтобы любая одна буква была написана в треугольнике. Исходя из данных, можно сделать вывод, что развитие саморегуляции, организации деятельности, отдельные свойства внимания у большинства детей находятся на среднем уровне.

Таким образом, анализируя полученные результаты диагностики исходного уровня сформированности регулятивных УУД учащихся 2 класса, можно сказать, что они развиты не в полном объёме и требуют дальнейшего совершенствования. Для решения данной проблемы нам необходимо разработать комплекс упражнений, способствующих более успешному формированию регулятивных УУД младших школьников на уроках русского языка.

Литература

1. Требования к результатам обучения по ФГОС. // URL: http://nsportal.ru/trebovaniya-k-rezultatam-obucheniya-po-fgos (дата обращения: 20.09.2021).

2. Компоненты регулятивных универсальных учебных действий // URL: https://infourok.ru/regulyativnie-uud-kak-noviy-komponent-uchebnoy-deyatelnosti-mladshih-shkolnikov-1551106.html (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 373.3

И.Н. Андреева, Ю.А. Чурикова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье теоретически обосновывается и проверяется в опытно-поисковой работе эффективность комплекса занятий по воспитанию патриотических чувств младших школьников. Формулируются задачи по патриотическому воспитанию обучающихся и предлагается комплекс занятий по воспитанию первоклассников.

Ключевые слова: *патриотическое воспитание, дети младшего школьного возраста, методы исследования, педагогическая работа.*

Основы патриотического воспитания необходимо закладывать уже в самом раннем возрасте, когда ребенок приобретает осознанность и способен к восприятию различного рода информации. Младший школьный возраст является базисом по формированию патриотического воспитания. Данная проблема обусловила выбор темы исследования: «Воспитание патриотических чувств младших школьников».

Цель работы – теоретически обосновать и проверить в опытно-поисковой работе эффективность комплекса занятий по воспитанию патриотических чувств младшего школьника.

Многие авторы связывали процесс воспитания с воспитанием патриотизма: Ю.К. Бабанский, Х.Й. Лийметс, А.В. Мудрик и другие. Патриотизм выступает как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины [3].

В экспериментальной части нашего исследования приняли участие 30 учеников первых классов, проходивших обучение в МОБУ «Новоарбанская СОШ».

Диагностика основана на использовании таких методик, как:

– устное анкетирование;

– творческая дорисовка;

– патриотические знания;

– дописывание предложений (ассоциации).

Первой проведенной диагностикой была анкета, составленная В.М. Хлыстовой «С чего начинается Родина?» Каждому учащемуся были предложены 10 вопросов, которые отражали представления детей о стране, своей семье и городе, в какой-то степени отражали патриотическую позицию и взгляд на происходящую ситуацию.

Следующей методикой оценки патриотического воспитания является «Творческая дорисовка». В ходе проведения данной диагностики каждому ученику был предложен ряд ситуаций по В.С. Горбунову [2], которые отражают эмоционально-чувственное отношение первоклассника к своей семье, родному городу и своей стране.

Последней методикой оценки является «Патриотические знания» Е.В. Федотовой, И.В. Скворцовой – дописать предложения (ассоциации). Данная

методика строится на формировании новой творческой мысли, которая отражает объём патриотических знаний младших школьников. Методика состоит из 13 незаконченных предложений, которые учащиеся должны дописать о своему усмотрению. Данная методика проводилась индивидуально с каждым учащимся. Вопросы задавались устно, а ответы записывались.

По результатам исследования было выявлено, что в контрольной группе 53 % детей имеют средний уровень патриотического воспитания, 20 % высокий и 27 % низкий уровень патриотического воспитания. А в экспериментальной группе 48 % детей имеют средний уровень патриотического воспитания, 12 % высокий и 40 % низкий уровень патриотического воспитания.

Педагогическая работа в сфере патриотического воспитания имеет высокую значимость, именно поэтому был составлен и апробирован комплекс занятий. Основная цель данных занятий – стимулировать развитие чувства патриотизма через проведение комплекса занятий, экскурсий; углубить знания обучающихся о Родине.

Для достижения цели был выделен ряд задач:

1) изучение природы, истории культуры Родины;

2) развитие нравственных и патриотических качеств: гордость, гуманизм, стремление оберегать и расширять достояния своей страны;

3) углубление знаний о быте русского народа ранее и сейчас;

4) формирование желания к историческому наследию страны, посёлка, семьи.

Для реализации воспитательной работы был составлен план, который включал в себя следующий перечень работ: занятия, экскурсии, проекты, участие в конкурсах и акциях различных уровней. Вся работа состояла из 4 блоков: 1) развитие представлений о природном и общественном окружении людей; 2) изучение природы, истории и культуры Отечества и родного края, включая историю города Йошкар-Ола; 3) формирование чувства патриотизма: любви к родному краю, к людям данной области; 4) формирование и закрепление системы патриотических ценностей.

В таблице 1представлены основные темы, которые были рассмотрены в каждом блоке.

Таблица 1

Педагогическая работа по патриотическому воспитанию учеников начальных классов

Блок	Темы	Форма проведения
1	Знакомство «Я и моя семья»	Личная презентация каждого ребенка
	Традиции в моей семье	Конкурс рисунков
	Вся семья в сборе	Тематический праздник
2	Россия и ее ценности	История с презентацией
	Йошкар-Ола – мой край родной	Экскурсия
3	Традиции и обычаи	Исследовательская деятельность
	А как раньше жили	Урок-игра
4	Моя страна – Россия	Конкурс чтецов
	Россия – родина моя	Праздник русских традиций

Цели и задачи такого обучения соответствуют общей цели воспитания патриотических чувств детей младшего школьного возраста и их возрастным особенностям и потребностям.

Основной особенностью проведения такого рода обучения является высокий уровень включенности и заинтересованности каждого ученика. Для активизации детей, побуждения интереса к обсуждаемому вопросу включили в общее содержание элементы праздника (исполняются песни, стихи). Для создания необходимой эмоциональной обстановки использованы специальные приемы: конкурс стихов и рисунков, а также личная презентация.

Обучающие с огромным интересом участвовали в подобных мероприятиях. Изучение истории родной земли, истории нашего Отечества, боевых, трудовых и культурных традиций, устоев народа было и остается важнейшим направлением в воспитании у детей патриотизма, чувства любви к нашей великой Отчизне, к малой и большой Родине. Поэтапное распределение тематики работы говорит о строгой и четкой проработке структурных знаний, которые впоследствии формируют общее патриотическое воспитание. Использование различных методов работы позволяет сохранить интерес детей к учебной деятельности, а игровые и творческие подходы формируют высокий уровень заинтересованности.

На контрольном этапе исследования мы отметили, что у первоклассников повысился уровень осознания определения «патриотизм», уровень интереса к истории посёлка, семьи, традициям. Они имеют представления о качествах человека-патриота. Таким образом, отмечается незначительная положительная динамика в формировании патриотических чувств младших школьников. Незначительность данной динамики связана с коротким временным отрезком использования представленной методики работы с детьми.

Таким образом, оптимальное целенаправленное сочетание мероприятий и деятельности, направленных на воспитание патриотических чувств, поможет нам воспитать настоящего гражданина.

Литература

1. *Антонова А.Д., Сафронова Е.С., Лучникова М.Д.* Патриотизм в современной России: вопросы и проблемы // Молодой ученый. 2017. № 48 (182). С. 296-299. URL: https://moluch.ru/archive/182/46892/ (дата обращения: 07.02.2021).

2. *Горбунов В.С.* Патриотическое воспитание школьников в условиях городской системы образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2007. 23 с.

3. Педагогика / под ред. Г. Нойнера, Ю.К. Бабанского. М.: Педагогика, 1983. 608 с.

УДК 373.3

И.Н. Андреева, А.А. Ямбаршева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ВНИМАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Статья посвящена актуальным вопросам выявления уровня развития внимания младших школьников. Обоснована актуальность выбранной темы исследования, приведены

данные диагностической работы с экспериментальной группой, проанализированы полученные результаты.

Ключевые слова: *внимание, объём внимания, младшие школьники, диагностика, результаты исследования.*

Внимание – это особое свойство человеческой психики. В теориях отечественных и зарубежных психологов существуют разные взгляды на определение процесса внимания, т.к. внимание не существует самостоятельно – вне мышления, восприятия, памяти, движения. Нельзя быть просто внимательным – можно быть внимательным, только совершая какую-либо работу. Поэтому внимание является обязательным условием для осуществления любой деятельности. Именно оно делает все наши умственные процессы завершенными; только внимание позволяет воспринимать мир вокруг нас. Но внимание – это не только условие успешной деятельности. Оно может многое рассказать об общем характере личности, о социальной направленности личности [3]. Обнаружена тесная взаимосвязь между свойствами внимания. На качество выполнения задания влияет весь комплекс свойств внимания, но в зависимости от вида деятельности, одно из свойств оказывает доминирующее влияние. Эту взаимосвязь необходимо учитывать, организуя учебную деятельность. Внимание и его свойства не являются постоянной функцией, они формируются и развиваются в процессе индивидуального развития человека [1].

Всё перечисленное выше позволяет говорить о внимании как об одном из важнейших условий успешной адаптации учащихся в школе. Проблема внимания традиционно считается одной из важнейших и сложных проблем научной психологии.

В трудах Р.С. Немова, А.Л. Венгера говорится об особенностях развития младшего школьника, об использовании различных приёмов и методов развития внимания в процессе обучения, об использовании упражнений на уроках русского языка в начальной школе. В исследовании они опирались на культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского, деятельностную теорию А.Н. Леонтьева [2].

Важность и необходимость развития внимания учащихся в практике начального образования обусловили выбор темы исследования.

Обследование детей 8–9 лет позволяет судить о наличии тех или иных проблем внимания и о необходимости принятия мер для устранения этих проблем.

Для выявления уровня развития внимания детей 2 класса были выбраны следующие диагностические методики: «Корректурная проба» (Б. Бурдона), «Проставь значки» (Р.С. Немова), «Запомни и расставь точки» (Р.С. Немова) [2].

Методики были использованы в экспериментальной группе 2 «Б» класса.

Были получены следующие результаты исследования детей 8–9 лет по всем трем диагностическим методикам, по каждой диагностике были подсчитаны баллы и выявлен уровень развития внимания детей 8–9 лет. На основании результатов исследования была составлена сводная таблица (см. Табл. 1).

Таблица 1

Результаты диагностики уровня развития внимания у детей 8–9 лет (в %)

Уровень	Устойчивость внимания	Переключение и распределение внимания	Объем	Итоговый уровень развития внимания
Низкий	41	48	55	52
Средний	48	30	41	37
Высокий	11	22	4	11

Из данных, приведённых в таблице 1, можно определить, что у детей 8–9 лет ещё не сформирована на достаточном уровне устойчивость внимания: низкий уровень выявлен у 41 % детей; средний уровень: показали 48 % ребят; высокий уровень определён у 11 % учеников.

Констатирован следующий уровень переключения и распределения внимания: низкий уровень определён у 48 % детей; средний уровень выявлен у 30% ребят; высокий уровень показали 22 % учеников.

Кроме этого, диагностическая методика определила, что у детей 8–9 лет недостаточно сформирован объем внимания: низкий уровень выявлен у 55 % детей; средний уровень определён у 41 % учеников; высокий уровень определён у 4 % ребят.

Таким образом, мы определили, что у детей 8–9 лет экспериментальной группы: низкий уровень у 5 2% детей; средний уровень у 37 % ребят; высокий уровень у 11 % учеников.

Качественный и количественный анализ результатов исследования показал, что для того, чтобы определить, насколько развита устойчивость внимания детей (экспериментальной группы), нами была проведена диагностика «Корректурная проба». Задача учеников – за определенное количество времени, по команде «Черта», нужно вычеркнуть заданные элементы. Выполняя задания, большинство детей оставляло пустыми строки, путались в буквах. Поэтому результат данной методики показал, что 41 % детей имеют низкий уровень устойчивости внимания. Процент детей, которые имеют средний уровень устойчивости, составляет 48 %, эти дети были более внимательными и пропустили меньше элементов. 11 % – это дети, чей уровень внимания высокий, у них хорошая устойчивость внимания, ошибок в данной работе сделали минимум. Таким образом, данная методика показывает, что в классе у детей слабо развита устойчивость внимания.

Следующей применялась диагностика «Проставь значки». Целью этой методики является исследование распределения и переключения внимания детей. Данная диагностика включает в себя рисунок, на котором нужно поставить в квадрат, треугольник, ромб или кружок определенный знак, который задан вверху на образце. После анализа результатов стало очевидно, что некоторые дети испытывали затруднения при выполнении предложенного задания. Низкий уровень выявлен у 48 % детей, средний – у 30 %, а высокий – у 22 %. Таким образом, по результатам двух диагностик мы видим, что со второй

методикой дети справились хуже, так как многим было непросто выполнить задание.

Последней применялась диагностика «Запомни и расставь точки», целью было исследовать объем внимания детей 8–9 лет. Диагностика включает в себя карточки, на которых нарисованы точки, каждый ученик должен у себя на листочке за определенное количество времени нарисовать эти точки в пустых клетках, в тех местах, где он их увидел на карточках. У большинства детей были затруднения в том, что пропускали квадратики или не могли запомнить, в каком месте нужно поставить точки.

По полученным результатам диагностики мы видим, что дети с низким объёмом внимания составили 55 %, им было очень сложно, они пропустили или не поставили во многих квадратиках точки или поставили, но очень мало, что говорит о том, что дети были невнимательны. Дети со средним уровнем составили 41 %, они справились с заданием неплохо, минимум было пустых квадратиков, но точки ставили либо не в том квадратике, либо не в том месте, либо ставили в квадратике лишние. И только 4 % детей справились хорошо (у них выявлен высокий уровень объёма внимания). Дети были внимательны и сосредоточены, за короткий промежуток времени смогли отметить в квадратиках столько точек, сколько им соответствует. Можно сделать вывод по данной диагностике, что объём внимания детей в классе в основном средний и низкий.

Таким образом, в результате диагностического исследования мы выявили, что у детей 8–9 лет недостаточный уровень развития внимания: недостаточно развита устойчивость внимания; есть определенные трудности при распределении и переключении внимания; недостаточно развит объем внимания детей. Учитывая результаты диагностик, мы разработали некоторые рекомендации по развитию внимания детей 8–9 лет на уроках русского языка.

Литература

1. *Маркова А.А.* Развитие внимания и снятие умственного напряжения в процессе обучения младших школьников // Начальная школа. 2001. № 2. С. 89–90.

2. *Немов Р.С.* Общая психология. Книга 2: Внимание и память. М.: Юрайт, 2016. 262 с.

3. Развиваем внимание / сост. И. Шагинов. М.: Мой мир ГмБх, 2007. 236 с.

УДК 069+376

Н.Д. Ведерникова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Спесивцева Н.В., канд. пед. наук, доцент

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В МУЗЕЕ

В статье раскрывается сущность социально-педагогической деятельности музея с детьми дошкольного возраста, рассматривается процесс формирования культурного и образовательного потенциала личности ребёнка средствами музейной педагогики, приведены сведения о данной работе в Национальном музее Республики Марий Эл им. Т. Евсеева.

Ключевые слова: *музей, социально-педагогическая деятельность, дети дошкольного возраста, музейная педагогика, дидактическая модель современного музея, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева.*

Для российского общества актуально целенаправленное развитие личности, владеющей не только багажом необходимых знаний, но и освоенными культурными нормами и нравственными ценностями. Начинать эту работу необходимо ещё в дошкольном возрасте, сформировав единое образовательное пространство, основой которого является региональный компонент с опорой на потенциал музеев территории. Сегодня музей – это значимый общественный институт, обеспечивающий культурное развитие и социализацию личности. Именно здесь осуществляется передача опыта, знаний, умений и нравственных ценностей от одного поколения к другому, идёт процесс преобразования социокультурного наследия в собственные нравственные и гражданские установки человека.

Социально-педагогическая деятельность музея рассматривается в рамках музейной педагогики. По мнению Л.М. Шляхтиной [6], её технологии – универсальное средство воздействия на личность с целью повышения её общекультурной и этнокультурной компетенции, уровня интеллекта, раскрытия творческих способностей, делающее уникальным сотрудничество музея и образовательных учреждений.

С позиций музейной педагогики воспитание в условиях музейной среды – это формирование общекультурной и этнокультурной компетенции личности; развитие – создание её ценностной ориентации и творческое совершенствование; обучение – накопление навыков творческой деятельности и опыта общения с музейным предметом, расширение представлений об окружающем мире. При этом очень важно найти точки соприкосновения образовательного и музейного контекстов. Обязателен также учёт возрастных и индивидуальных особенностей аудитории, то есть присущих группе одного возраста и особенных для каждого ребёнка. Социально-педагогическая деятельность с детьми дошкольного возраста в музее должна предусматривать активное участие в ней юного посетителя [3].

Следует акцентировать внимание и на составных частях музейно-педагогического процесса. В нашем случае – это музейный педагог, музейный предмет и ребёнок дошкольного возраста. Роль музейного педагога в современных реалиях существенно изменилась: от функций просветительства, обеспечивающих усвоение и накопление профильных музею знаний, до осуществления многоуровневого образования музейными средствами, формирования способов мышления и восприятия, общекультурной компетенции и творческих начал [5, с. 21]. Музейный предмет – ключевое понятие музейной педагогики. Важно, чтобы у ребёнка была возможность контактировать с ним не только зрительно, но и тактильно. В этом случае, экспонаты – источники информации о людях и событиях эпохи – способны будить детские эмоции. Музейный предмет, будучи материально-идеальной целостностью, наделённой сложной совокупностью неисчерпаемых смыслов, может рассматриваться как объект и особого рода субъект педагогического процесса [4, с. 42]. Ребёнок дошкольного возраста является полноправным субъектом последнего.

Основой социально-педагогической деятельности с детьми дошкольного возраста в музее являются интерактивность (участие ребёнка в предлагаемом мероприятии), комплексность – включение всех каналов восприятия (чувственного, логико-аналитического, психомоторного), программность – усвоение информации и приобретение умений и навыков в ходе участия в реализации специально разработанных программ.

В Национальном музее Республики Марий Эл им. Т. Евсеева работа с детьми – одно из приоритетных направлений деятельности. Приёмы и методы музейной педагогики прочно вошли в практику проведения занятий, экскурсий, мероприятий для юных посетителей. Накоплен опыт осуществления социально-воспитательной деятельности с разновозрастной детской аудиторией. Разработано более шестидесяти программ по экологическому и патриотическому воспитанию, по календарным праздникам русского и марийского народов, программ этнографической и исторической направленности. Они могут использоваться как для проведения разовых мероприятий, так и для системы занятий в течение года. Основная стратегическая цель этого комплекса программ – обеспечить доступность к культурному наследию страны и края. Приоритетная задача – систематическая и долговременная работа музея по формированию общекультурной и этнокультурной компетентности, национального самосознания детей, патриотизма, эстетического восприятия.

Основываясь на накопленном опыте социально-педагогической деятельности и актуализированных запросах социума, специалисты музея систематизируют методы и формы организации занятий с детьми. Сегодня они уверенно владеют технологиями музейной педагогики, методиками разработки и проведения мероприятий для детей дошкольного возраста.

С 2017 по 2020 годы Национальный музей им. Т. Евсеева посетили 228192 детей, из них детей дошкольного возраста – 91277. Для них проведены 1242 мероприятия. Частыми гостями музея были семьи с детьми. Из учреждений дошкольного образования г. Йошкар-Олы наиболее часто посещали музей воспитанники Православного детского сада «Радуга» и детского сада «Обыкновенное чудо». Анализ проведённых мероприятий даёт возможность утверждать, что наиболее популярны были те из них, которые формировались на основе приёмов и методов музейной педагогики, носили интерактивный характер. Это, прежде всего, программы по народному календарю.

За время осуществления социально-педагогической деятельности музеи накопили немалый опыт, требующий переосмысления в соответствии с реалиями дня сегодняшнего. Это, в свою очередь, требует решения проблемы выстраивания взаимодействия образовательных организаций и учреждений культуры для максимально возможного объединения ресурсов, формирования новой модели интегративной культурно-образовательной и социально-воспитательной деятельности музея. Основой для неё может служить дидактическая модель. Она имеет свои особенности применения, с учетом потенциала и возможностей музея как социокультурного института и необходимости координации и интеграции музеев, и образовательной сферы в области теории, методологии и практики в работе с детьми [1, 2].

При этом музей не должен подменять детский сад и школу. Его уникальные возможности дают знания, которые позволят ребёнку выстроить собственное восприятие мира. В дидактической модели меняется образ музея. В нём предполагаются комфортное нахождение юного посетителя в музейной среде нужное время, возможность исследовать предмет и задать любой вопрос, движение внутри экспозиции сообразно интересам и запросам личности. Поэтому так важно дидактически чётко поставить цели и задачи, обозначить нужные результаты совместной деятельности. В нашем случае таковыми будут формирование общекультурной и этнокультурной компетенции детей, их личностный рост, развитие интеллекта, накопление знаний и их трансформация в собственные творческие способности, обращаясь к фондам, музейным предметам, экспозициям Национального музея, его музейному пространству и технологиям музейной педагогики.

Литература

1. *Иванова О.В.* Модель взаимодействия образовательных организаций и музеев // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 2. № 4. С. 148–60.

2. *Иванова О.В.* Модель взаимодействия музеев и общеобразовательных организаций в условиях информационного общества // Ценности и смыслы. 2018. № 6. С. 130–142.

3. *Каргина В.Ф.* Музейная педагогика как инновационная технология в системе обогащения познавательной и игровой деятельности школьников // Образовательная среда музейной педагогики: инновация, содержание и методы работы: сб. докладов и статей по материалам V межд. науч.-практ. форума по музейной педагогике (Нижний Новгород, 18-20 апреля 2019 г.) / под ред. Д.В. Смирнова, Г.А. Горбунова. Нижний Новгород, 2019. С. 91–96.

4. *Мышева Т.П.* Музейная педагогика в современном социокультурном образовательном контексте. Таганрог: изд-во ТГПИ, 2008. 112 с.

5. *Столяров Б.А.* Музейная педагогика. История, теория, практика. М.: Высшая школа, 2004. 216 с.

6. *Шляхтина Л.М.* Музейная педагогика в современных реалиях // Вестник СПБГИК. 2019. № 3 (40). С. 109–113.

УДК 82.08:882

Е.В. Гусева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЕ ЧТЕНИЕ КАК ВИД РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКТОВ А.М. РЕМИЗОВА. ОБРАЗ СУДЬБЫ В РОМАНЕ «ПРУД»)

В статье рассматривается одна из центральных проблем в творчестве А.М. Ремизова – двоемирие. В данном аспекте дана интерпретация образа Судьбы в романе «Пруд». Особое внимание отводится поэтике образа. Рассматриваются вопросы обучения чтению иностранных студентов, а также лингвострановедческое чтение как вид речевой деятельности.

Ключевые слова: *русская литература XX века, автор, двоемирие, поэтика, лингвострановедческое чтение, чтение.*

Чтение как вид речевой деятельности является необходимым аспектом при изучении русского языка как иностранного. Иностранные студенты, изучающие русский язык, учатся читать уже на первых занятиях. В процессе обучения они стараются овладеть всеми видами чтения. Лингвострановедческое чтение помогает учащимся сформировать социокультурную компетенцию. Студенты изучают тексты, получают новую информацию, знакомятся с культурой страны через новую лексику и т.д.

Обучение чтению иностранных студентов можно осуществлять на материале художественных текстов А.М. Ремизова. Чтение и анализ его текстов – это не только сложная задача, но и очень увлекательная. Остановимся на некоторых аспектах и анализе образа Судьбы в романе «Пруд».

Жизнь и творчество Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) стали предметом пристального научного изучения российских литературоведов сравнительно недавно. Это объясняется многими причинами. Одна из них (если иметь в виду XX век) – отрицательное отношение советской власти к писателям-эмигрантам, другая причина связана с трудностью восприятия произведений писателя-модерниста, особенностями его мировоззрения, о чем писал Иван Александрович Ильин – философ русского зарубежья, первый глубокий исследователь творчества Ремизова: «Чтобы читать и постигать Ремизова, надо “сойти с ума”. Не помешаться, не заболеть душевно, а отказаться от своего привычного уклада и способа воспринимать вещи. Надо привести свою душу в состояние некоторой гибкости, лепкости, подвижности; и, повинуясь его зову, перестраивать лад и строй своей души почти при каждом новом произведении Ремизова» [1, т. 6, с. 273].

Разнообразное в жанровом отношении творчество писателя: романы и повести, рассказы и переложения русских сказок, апокрифов, легенд, автобиографические повествования и воспоминания, публицистика – воссоздает огромную картину жизни, быта, культуры России рубежа XIX-XX веков [2, с. 3].

Внимание исследователей сосредоточилось на центральных проблемах идейно-тематического, образного и поэтического содержания творчества Ремизова, таких как влияние разнообразных идейно-философских концепций на писателя, своеобразие и металогия его художественного мира, традиции древнерусской культуры, стилистическое новаторство, мифотворчество, автобиографизм, поэтика сновидения и др. [3, с. 4].

Так или иначе, все эти аспекты исследований соприкасаются с проблемой двоемирия писателя и восходят к его первому роману «Пруд» («Вопросы жизни», СПб., 1905) – “эпопее зла” (И.А. Ильин), который как в момент появления в печати, так и до сего дня получает самые разнообразные интерпретации, жанровые определения, неоднозначные оценки художественных особенностей и недостатков романа.

Понять двоемирие Ремизова нам поможет анализ основных форм присутствия ноуменального мира в мире феноменальном, т. е. классификация образов ноуменального мира и выяснение их идейно-художественных функций. В результате такого анализа мы сможем более глубоко осмыслить авторское художественное изображение потустороннего мира прежде всего как мира демонического, воплощенного в образах субстанциональных,

натурфицированных и персонифицированных, тогда как сакральность потустороннего мира представлена в романе в пределах культовой предметности и обрядовости.

Обращение Ремизова в романе «Пруд» к образам Судьбы, Мары, Нужды тесно соотносится с народно-религиозной культурой. Живой интерес писателя вызывали сказки, мифы, легенды; апокрифы – «смутные, недорожденные образы, скрытые в “цветущих садах народного словотворчества” (фольклор!); чуть видная нежить примет, обычаев, обрядов, бытовых преданий, шуток, поговорок, пословиц, поверий, суеверий, ведовства и колдования – словом, все то, что живет в подполье всенародного сознания в неоформленном виде» [4, с. 275–276].

Ремизовские образы в соответствии с классификацией относятся к натурфицированным и изображаются по принципу от общего к более частному. Судьба в повествовании представлена как сила, господствующая над всем человечеством, Мара участвует в межличностных отношениях, Нужда – приходит в жизнь конкретных людей.

На протяжении многих столетий предпринималась попытка осмыслить одно из самых сложных понятий – Судьба. Очевидно, что своими корнями оно уходит в фольклор. «Понятие судьбы в русском фольклоре складывается из трех его составляющих: 1) судьба как высшая сила над людьми, 2) судьба как данное человеку богом, 3) судьба как богом предназначенное / сужденное. Каждый из данных смыслов при словоупотреблении может быть главным, определяющим» [5, с. 137]. В словаре В.И. Даля судьба трактуется как «суд, судилище, судбище и расправа. <…> Участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминучее в быту земном, пути провидения [6, т. 11, с. 333].

Во всем повествовании романа Судьба выступает как абстрактная сила, и в этом ее сходство с Демоном-Демиургом. Такой подход позволяет автору показать все судьбы персонажей в целом как единую судьбу народа. Вместе с тем она понимается писателем как что-то индивидуальное, предопределенье, данное каждому человеку свыше, от Бога. Судьба определяет жизнь персонажей. В романе судьбы большинства персонажей трагичны, многие герои умирают – одни сами по себе, другие заканчивают жизнь самоубийством. Например, с первых страниц романа мы узнаем, что от старости умирают дед главного героя Николай Огорелышев и его жена Ефросиния, далее умирает торговец Толоков, Елисей Финогенов от воспавления легких, бабушка Анна Ивановна и другие.

Самоубийством заканчивает жизнь Варенька – мать братьев Финогеновых. Она, не выдержав своей тяжелой жизни, повесилась. Митя Прометей (сын няньки Прасковьи) утонул в пруду, Таня (сестра Мишки Сухоплатова – одноклассника Николая Финогенова) отравилась, Николай задушил Арсения, а сам попал под колеса кареты. Важно отметить, что авторский взгляд направлен не столько на саму смерть, сколько на трудную жизнь героев.

Судьба у Ремизова осмыслена нами как мифологема, которой приписываются сущность, свойства и действия. В структурно-смысловом плане это, прежде всего, «доля-недоля». Она вправе наделить человека всеми благами жизни или все отобрать. Порой Судьба несправедлива, что заставляет одного из

героев романа размышлять: «– Почему судьба у нас отрывает самое дорогое? – заговорил Алексей Алексеевич» [7, т. 1, с. 240].

Само слово «судьба» становится ключевым в контексте, связанным с жизнью о. Глеба и братьями Финогеновыми. Показательным в этом отношении является эпизод об Андрее Алабышеве – герое, который примет монашество и станет о. Глебом: «И уж хотел он жить, как ему любо, и все у него было, и он потянулся за огромным счастьем, уверенный, а судьба его, ненароком набежавшая доля-недоля его, вырвала из рук у него это огромное счастье, и, проведя его через страшную кровь, бросила, а когда он, отчаявшись, в отчаянии своем руки на себя наложил, она спасла его, и снова вывела на свет (с. 111).

В жизни персонажу приходится преодолевать много материальных и духовных трудностей, которые заставляют его воспринимать Судьбу как злой рок: «Он везде видел только проклятие судьбе, он встретил то, от чего хотел уйти, самого себя он встретил, только разбившегося на много, много жизней» [7, с. 111].

Персонаж воспринимает свою Судьбу как крест, который он должен пронести через всю жизнь, поэтому в жизни Андрея Алабышева приходит осознание неизбежности своей Судьбы: «Надо принять всю судьбу – всякую недолю, и принять ее вольно и кротко, и благословить ее всю до конца» [7, с. 111]. Принятие Судьбы в романе становится своеобразной формулой жизни. Ей следует не только о. Глеб, но и один из братьев Финогеновых. Для него это, прежде всего завет, формула жизни. Он осознает: «Надо принять всю судьбу, всякую недолю и принять ее вольно и кротко и благословить ее всю до конца – был этот завет для Саши заповедью» [7, с. 179].

С осознанием приходит полное принятие Судьбы. Простому человеку сложно примириться со всеми тяготами жизни. Не случайно, чтобы внутренне перебороть себя, свою гордыню и стать смиренным, герой становится монахом. В монашестве он совершает подвиг – безропотно принимает свою Судьбу: «И перейдя через достаток, нищету, богатство, счастье, и, наконец, через кровь, и заглянув в глаза смерти, заглянув людям в бедующие глаза, проклинающие судьбу свою, он благословил это мир бед и неверности и случайности. И приняв всю судьбу, благословив ее всю до конца с ее скорбью, печалью, нуждою, понял всю игру судьбы, и стало ясно ему: зачем беды и за что бедуют» [7, с. 112].

Поставив перед собой задачу, проанализировать поэтику инфернальных образов в романе Ремизова «Пруд», проведя их классификацию в соответствии с особенностями художественного воплощения, мы пришли к следующим выводам.

Инфернальные персонажи во всех их проявлениях – как образы субстанциональные, натурфицированные и персонифицированные – являются, прежде всего, объективацией авторского трагического мироощущения.

В образах Судьбы, Мары, Нужды натурфицируются представления автора о трех важнейших силах, определяющих жизнь человека. Судьба господствует над всей жизнью человека, Мара – над сферой межличностных отношений, Нужда – над внутренним состоянием человека, попавшего в беду, забитого нищетой. Все эти силы, как и персонифицированные образы Монаха и Плямки, являются одним вариантом главной инфернальной субстанции – Демона-

Демиурга. Воссоздавая различные варианты зла, Ремизов использует целый арсенал поэтических средств (повествовательную рамку, особенную хронотопическую и субъектную организацию текста), органически вписывая инфернальные образы в структуру произведения.

Литература

1. *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 1: О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев. М.: Русская книга, 1996. 557 с.
2. *Гусева Е.В.* Роман «Пруд» А.М. Ремизова: Поэтика двоемирия: монография / Мар. гос. ун-т; Е.В. Гусева. Йошкар-Ола, 2011. 187 с.
3. *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и Древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 334 с.; *Нагорная Н.А.* Виртуальная реальность сновидения в творчестве А.М. Ремизова. Барнаул: БГПУ, 2000. 150с.; *Сергеев О.В.* Алексей Ремизов – узник снов: Поэтика сновидений в прозе А.М. Ремизова 1890–1910-х годов: монография. М.: МПГУ, 2002. 358 с.
4. *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 1: О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев. М.: Русская книга, 1996. 557 с.
5. Понятие судьбы в контексте разных культур: сб. науч. тр. / РАН; Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1994. 318 с.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. Т. 11: Сап-Тех. М.: Мир книги, 2003. С. 400 с.
7. *Ремизов А.М.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 1. 572 с.

УДК 372.881.161.1

Т.Л. Замброва, М.С. Виногорова
Шелангерская СОШ (п. Шелангер, Республика Марий Эл)

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ РОДНОГО (РУССКОГО) ЯЗЫКА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Статья посвящена теории и практике использования проектно-исследовательской технологии на уроках родного (русского) языка.

Ключевые слова: *педагогические технологии, урок, проектно-исследовательская деятельность, родной язык, русский язык, проектная работа.*

В настоящее время для каждого педагога актуальным вопросом является «Каким должен быть урок в современных условиях?». Образование не стоит на одном месте: меняются цели и содержание, появляются новые методы и технологии обучения. Однако, какие бы не проводились реформы, урок всегда останется вечной и главной формой обучения: ведь только на уроке встречаются учитель и ученик, участники образовательного процесса.

Проектную и учебно-исследовательскую работу обучающихся принято относить к инновационным педагогическим технологиям. Проектная работа, как и учебно-исследовательская, идет по этапам: выбор темы, сбор и отбор материала, его классификация, создание задуманного продукта и результата.

Метод проектов – это один из способов достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным

образом; это совокупность приёмов, действий учащихся в их определённой последовательности для достижения поставленной задачи – решения проблемы, лично значимой для учащихся и оформленной в виде некоего конечного продукта.

Выбор проектной или учебно-исследовательской работы зависит от возраста обучающихся. Школьникам-подросткам (6–9 классы) нравится самостоятельно обдумывать, обобщать, искать общие принципы и закономерности. В этом возрасте, как отмечают психологи, школьников привлекают самостоятельные формы организации занятий, трудный учебный материал, возможность самому строить свою познавательную деятельность на уроке и за пределами школы – то, что делает подростков более взрослыми и самостоятельными в собственных глазах и во мнении товарищей.

Целью нашей работы является мотивация обучающихся к изучению русского языка с помощью проектно-исследовательской технологии.

Существует множество классификаций проектов. Мы остановимся на классификации исследования по размеру (например, мини-исследования можно проводить как элемент урока) или по содержанию (предметные, межпредметные). Проекты на занятиях используются разнообразные: практико-ориентированные, литературно-творческие, культурологические, исследовательские, информационные.

Например, на уроке «Знаки препинания при обращении. Употребление обращений» в 8 классе, обучающиеся исследуют роль обращений в художественных произведениях. В ходе работы обращаются к творчеству А.С. Пушкина. Работа ведется в группах. Перед каждой командой ставятся разные задачи. Первая группа обучающихся исследует авторские обращения. Лирическое стихотворение часто строится как обращение к определённому лицу. В своих стихотворениях А.С. Пушкин обращается к лицейским друзьям. Учащиеся находят строки из стихотворений, посвященных Антону Дельвигу, Ивану Пущину, Вильгельму Кюхельбекеру и др.

Вторая группа работает над темой «Обращения с положительной оценкой героя, предмета, событий». В своих поэтических произведениях автор обращается к природе. Это помогает раскрыть единство душевного мира человека и мира природы, создать «пейзаж души».

Третья группа выполняет работу над темой «Обращения с отрицательной оценкой героя, предмета, событий». Такие обращения характеризуют героя, предмет, события с отрицательной стороны. В качестве примера обучающиеся приводят сказку «Золотая рыбка». Часто только одним обращением можно выразить ласку, доброжелательность говорящего или, наоборот, злость, недовольство, порицание.

Следовательно, обращение в устной речи служит для привлечения внимания собеседника к сообщению и одновременно выражает отношение говорящего к собеседнику.

Для организации проектной работы в школе есть два пути: 1) интегрированность в урочную деятельность; 2) внеклассная форма. В первом случае проект связан с программой. Например, учащиеся 6 класса выполняют проектно-исследовательскую работу по теме «Профессионализмы». Защита

проектов заключается в следующем: подобрать профессионализмы на тему «Какие слова используют мои родители?», можно также нарисовать, одноклассники угадывают, что это за профессия. По окончании урока оформляется стенд «Профессия моих родителей».

Надо отметить, результатами проектно-исследовательской работы на уроках русского языка является формирование следующих УУД:

1) личностные: понимание смысла поставленной проблемы; умение соотносить свои поступки с общепринятыми правилами;

2) регулятивные: умение определять проблему, видеть её актуальность; умение оценивать работу других;

3) коммуникативные: занятие способствует формированию умения работать в команде, приобретение навыков общения, высказывать и аргументировать свою позицию;

4) познавательные: умение размышлять над проблемой, добывать необходимый научный материал, систематизировать, логически распределять имеющиеся данные;

5) предметные: закрепление понятий по теме.

Хотим подытожить словами исследователя и новатора в области педагогической психологии Ш.А. Амонашвили, который в своей работе «Как живете, дети?» отмечал, что, если мы хотим воспитать в детях смелость ума, интерес к серьёзной интеллектуальной работе, самостоятельность как личностную черту, вселить в них радость сотворчества, то должны создать такие условия, чтобы искорки их мыслей образовывали царство мыслей, должны дать возможность им почувствовать себя в нём властелинами [1, с. 37].

Таким образом, проектно-исследовательский метод является средством развития личности и формирования специальных технологических знаний и универсальных учебных действий, предлагаемые этапы выполнения проекта, реальная деятельность учащихся по выполнению работы, реализации проектов позволяют в практической работе осмыслить или вывести самостоятельно алгоритм выполнения задания обучающимися.

Литература

1. *Амонашвили Ш.А*. Как живете, дети? М., 2016. 217 с.

2. *Полат Е.С.* Метод проектов // http://distant.ioso.ru/project/meth project/metod pro.htm (дата обращения 29.10.2021).

УДК 373.1

Л.Г. Иксанова
Марийский республиканский колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Федорова С.Н., д-р пед. наук, проф.

МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ[1]

В работе проводится анализ системы преподавания марийского языка в общеобразовательных школах в историческом разрезе, рассматриваются вопросы изучения марийского языка и литературы, создания эьнокультурной среды в современных условиях в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов.

Ключевые слова: *образовательная организация, этнокультурная образовательная среда, марийский язык, языковое благополучие.*

«В условиях модернизации системы образования, пересмотра языковой образовательной политики существенно возрастает роль образовательных организаций (ОО), реализующих основную образовательную программу этнокультурной направленности» [1, с. 88] Анализ современной научно-педагогической литературы по преподаванию марийского языка и созданию этнокультурной среды показывает, что данный вопрос остается одним из актуальных в современной общеобразовательной школе и связан с этнокультурным образованием. Методологические аспекты этнокультурного образования раскрыты в трудах Ш.М.-Х. Арсалиева, Г.Н. Волкова, Ю.П. Сокольникова, З.Б. Цаллаговой, С.Н. Федоровой, М.А. Якунчева и др.

В Республике Марий Эл, также как и в Башкортостане, Дагестане, Ингушетии, Калмыкии, Коми, Мордовии, Северной Осетии, Татарстане, Чувашии, Чечне и Якутии, были приняты нормативно-правовые акты, на основании которых в общеобразовательные программы школ было введено обязательное изучение республиканских государственных языков как учебного предмета, в то время как в Республиках Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия изучение государственного языка было обязательным только для тех детей, для которых этот язык являлся родным.

Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 317-ФЗ внес изменения в статьи 11 и 14, утвердив «возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка» [2].

Таким образом, дело изучения марийского языка и литературы и обучения на марийском языке было «возложено на плечи» родителей, законных представителей обучающихся. Следствием такого изменения стало резкое уменьшение количества изучающих марийский язык в общеобразовательных школах республики: 2018 г. – 11,3 %, 2019 г. – 10,5 %, 2020 г. – 10,1 % (от общего числа обучающихся). Если посмотреть в историческом разрезе, то можно

[1]*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 14-04-00043.*

увидеть динамику ухудшения данного состояния: 2010 г. – 17,6 %, 2011 г. – 17 %, 2012 г. – 17,6 %, 2013 г. – 16,0 %, 2014 г. – 14 %.

Национальная президентская школа-интернат (в настоящее время входит в структуру Марийского республиканского колледжа культуры и искусств им. И.С. Палантая) не стала исключением; в ней как в общеобразовательной школе процесс изменения выглядит следующим образом:

1) марийский язык начал преподаваться в школе с 1961 года (школа работает с 1960 г.); в 1961–1962 гг. изучали 30 человек (14,28 %);

2) в 1962 – 1963 гг. – 63 ученика (26,25 %), в 1963 – 1964 учебном году – 90 учеников (37,5 %), с 1965 г. – 270 учеников (100 %);

3) с 2014 г. начало уменьшаться это количество, соответственно процент изучающих марийский язык в 2014 г. был 75,9 %, в 2015 г. – 74,8 % (из архива школы).

Современное состояние изучения марийского языка характеризуется как стопроцентное (320 обучающихся); оно достигается тем, что 93,75 % изучают марийский язык как государственный язык (1 час в неделю); и только 6,25 % изучают его как родной язык (3 часа в неделю).

Вопрос об изучении марийского языка и литературы тесно связан с созданием в школе этнокультурной образовательной среды. Этнокультурную составляющую образовательного процесса ОО многие связывают только с воспитательными мероприятиями, тем самым отрывая их от процесса изучения марийского языка. Такая неотъемлемая часть формирования этнокультурной компетентности обучающегося, как «живое общение на родном языке», чтение на марийском языке, оформление документов и вывесок на марийском языке, национальный колорит школы, элементы национальной культуры в одежде и школьных принадлежностях, использование качеств национального характера в школьном обиходе – все это и многое другое используется для поддержания интереса к изучению марийского языка обучающимися, что создает «национальную школу», с одной стороны, и, с другой стороны, поддерживает мотивацию обучающихся к изучению родного языка.

Известно, что термин «национальная школа» был изъят из официальных документов Министерства образования и науки РФ с одобрения Коллегии Министерства образования РСФСР 22 февраля 1990 года, хотя в национальных республиках само понятие остается и связано оно с тем, что в данной школе участники образовательных отношений ведут образовательный процесс на родном языке. Многие годы данная ситуация не была проблемной, дети с 1 класса, например, в марийскоязычных школах Республики Марий Эл, изучали марийский язык, и родителями это воспринималось как естественный процесс.

Вопрос создания полноценной этнокультурной среды ОО изучен на настоящий момент недостаточно. Мы видим постепенное ухудшение языкового благополучия в системе «семья – детский сад – школа».

Внешне проблемы не видны: сейчас в ОО преподается марийский язык как государственный язык, марийский язык как родной язык, ИКН, проводятся мероприятия, даже как таковая есть этнокультурная среда, но в большинстве случаев это «дань» законодательным требованиям, потому что в последнее время резко уменьшилось количество изучающих марийский язык. Мы не

заметили, что в школах произошла подмена понятия «этнокультурная образовательная среда» на «этнокультурная среда», т.е. образование само по себе, а этнокультура сама по себе.

Отчасти «виноват» в этом учебный предмет «История культуры и народов». В советский период материалы данного предмета были интегрированно включены во все учебные предметы, и всеми педагогами это было понимаемо как «межпредметная связь», что свидетельствовало о включении «этнокультуры в образовательную систему.

По этому же принципу строилась и система воспитательных мероприятий. В настоящее же время «этнокультура» в школе – это скорее всего фон, «в переносном значении – среда, окружение, в которых происходит что-либо», и это не служит дальнейшему развитию марийского языка.

Сегодня мы говорим об этнопедагогизации образовательного процесса, который «рассматривается как один из инструментов построения на этнокультурной основе широкого общего образования, ведущего к овладению учащимися ценностями национальной и мировой культуры» [3, с. 12]. Основная функция ОО в данном направлении – формирование этнокультурной компетентности. Этнокультурная компетентность обучающегося – это интегральное свойство его личности, которое выражается в совокупности представлений и знаний о родной и неродной этнокультурах, об их месте в отечественной и мировой культуре, об опыте овладения этнокультурными ценностями, способности к диалогу культур и их сопоставлению.

Этнокультурная компетентность проявляется, прежде всего, в знании родного языка (100 % обучающихся Национальной президентской школы-интерната в той или иной мере изучают марийский язык), а также в знаниях, умениях и навыках, в моделях поведения в полиэтнической образовательной среде (в школе-интернате обучаются дети 17 национальностей). Создание условий для реального осуществления учебно-воспитательного процесса на родном языке, формирования интеллектуальных способностей и духовно-нравственных качеств обучающихся с учетом их этнопсихологических особенностей – вот что позволяет педагогическому коллективу формировать этнокультурную компетентность детей.

Формирование этнокультурной образовательной среды на основе требований ФГОС является одним из главных организационно-педагогических условий ОО. Этнокультурная среда – это система элементов, которые окружают обучающихся и педагогов, предоставляют им возможности для обучения на родном языке, этнокультурное воспитание и развитие на основе этнокультуры.

Определяя понятие «современная этнокультурная среда», следует учитывать, что она призвана не столько дать обучающемуся простой набор готовых знаний по национальной культуре, в том числе по марийскому языку, сколько обеспечить фундамент для дальнейшего ее освоения и применения в течение всей жизни, для успешной межкультурной коммуникации.

Важнейшим условием для создания и успешного функционирования современной этнокультурной среды является готовность педагогического коллектива и администрации ОО работать в данной парадигме.

Литература

1. *Артеменко О.И.* Учимся и живем в России: практ. пособие для учителей начального общего образования / под общ. ред. О.И.Артеменко. М.: Фед. Ин-т развития образования, 2017. 248 с.

2. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 317-ФЗ «О внесений изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808030079 (дата обращения: 21.11.2021)

3. *Иксанова Л.Г.* Деятельность образовательной организации по обеспечению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся: управленческий подход / Этномир: материалы респ. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола: Мар. ин-т образования, 2017. 84 с.

УДК 37.016:811.511.151

Н.О. Ишимова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Андрианова Е.М., канд. филол. наук, доц.

МАРИЙ ЙЫЛМЕ ДЕНЕ УРОК ДЕЧ ӦРДЫЖЫСӦ ПАШАШТЕ ДИАЛЕКТ МАТЕРИАЛЫМ КУЧЫЛТМАШ

Статья посвящена вопросам изучения диалектного материала во внеурочной работе в школе. Рассматриваются способы и методы их использования с целью сохранения и развития диалектов марийского языка.

Ключевые слова: *марийский язык, восточное наречие, уяльский подговор, методика преподавания, внеурочная работа.*

Кеч-могай йылме тӱрлӧ наречий, кутыртыш да ялкутыртыш-влак гыч шога. Марий йылмыште, мутлан, йылмызе-влак ныл наречийым палемдат. Кажне наречийыште посна кутыртыш-влакым ончыкташ лиеш. Шуко тӱрлӧ диалектласе материалым моштен кучылташ гын, литератур йылме утларак поянгеш да умбакыже виянгаш йӧным ышта. Мутат уке, литератур йылмым палыде, диалект дене гына мутланыме годым нелылыкат лийын кертеш. Ме палена, южгунам ик могай-гынат верыште илыше марий вес вер гыч толшо марийым ок умыло, молан манаш гын мут-влак тӱшкаште ойыртем-влак палдырнат. Тыгай ынже лий манын, изи годсекак йоча-влакым литератур нормым да диалект шомак-влакым тангастарен мошташ туныктыман. Тидым ме урок деч ӧрдыжысӧ пашаште виянден колтен кертына.

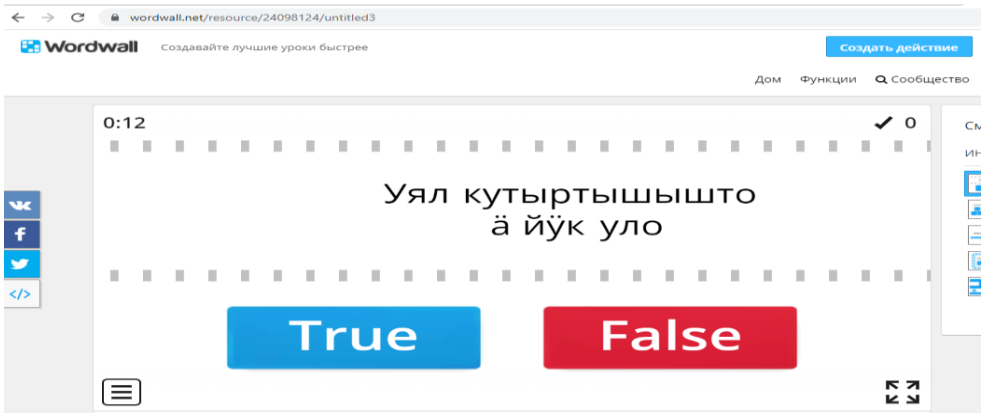
Марий йылме дене школ программым шергал лекташ гын, ме тушто диалект материалым тунемме йодыш-влаклан ойыралтше посна ужашым огына вашлий. Туге гынат, мемнан шонымаште, диалект материал кызытсе саманыште изи огыл верым налын шога. Урок жапыште ме утларак тӱткышым литератур йылмылан ойырышаш улына гын, урок деч ӧрдыжысӧ паша семын диалект йодышым туныктышын вуйлатымыж почеш йоча-влак марий йылмым эшеат келгынрак тунемын да шымлен кертыт.

Тыгай пашам виктарен колтымаште марий писатель-влакын сылнымутан произведенийышт-влакат полышым пуэн кертыт. Тидын годым тунемше йылме ойыртемым гына огыл, сылнымут денат палыме лиеш. Метапредмет кылым палемден кертына. Южо писатель шке произведенийлаштыже ятыр диалект

материалым кучылтеш. Тидын дене тудо действийын могай кундемыште але вершӧрыштӧ каен шогымыжым, геройын йылме ойыртемжым, южо годым койыш-шоктышыжымат почын пуа. Тунемше-влак дене пырля, мутлан, Яныш Ялкайнын «Онго» романжым шергал лекташ лиеш. Автор сылнымутыштыжо шуко эрвел наречийысе мутым кучылтеш. Йоча-влак тиде сылнымутан произведений негызеш диалект дене кылдалтше йодыш-влакым пенгыдемден кертыт. Сылнымутышто диалект мут-влакым муын, нунын значенийыштым умылтарен пуат гын, умбакыже шке йылмыштыштат кучылтын кертыт. Шонымашнам икмыняр примерым конден пенгыдемдена: *Рвезе, шаярымым* **(мыскарам ышташ)** *ужын, сӧйгаш ок пиж. Аминалан каласа…* [1, с. 7]*; Эсмаса* **(эсогыл, кеч)** *сай шокта гын, йӧра ыле. Ӱнарже уке, нержым кадырта* [1, с. 7]*; Пӧрт моло марийын гаяк – пӧлем монь уке, пырдыжыште таракан-влак кудалыштыт, пӱкен олмеш теҥгыл ден олымбал, ӱстелже шке ыштыме, пӧртын пелыжым коҥга налын, тӧрза* **(окна)** *ик пачаш, яндаште карме олмо-влак палдырнат* [1, с. 10].

Тунемше-влак литератур йылме ден шке кутырымо йылмыштым танастарен моштышаш улыт. Тиде ойыртемым сайын почын пуэн моштышт манын, шке ялкутыртышышто вашлиялтше материалым погаш тараташ лиеш. Илалшырак ен-влак дене кутырен, нуным аудиош возен, шке диалект материалышт негызеш шанче пашам/проектым возен кертыт. Уял кутыртышышто, мутлан, лексике разделыште литератур нормылан келшыдыме мут-влакым муаш лиеш. Тиде татар калык дене чак илымылан кӧра палдырна. Тыгай мут-влакым палемден коден кертына: *гӱл, сӓскӓ (пеледыш), кӧрыж (алга), каче (вашкӱзӧ), сӓгӓт (шагат), саре (нарынче)* да т.м. Тунемше-влак тюрк йылме гыч толшо мут-влакын йылмыш пурен шогымо амалымат шке палемден коден кертыт. Тыге нуно диалект материалым погеп, шке кутырымо йылмыштым лончылен, иктешлымашым ыштен мошташ ямде лийыт.

Ме кызыт цифровой курымышто илена. Сандене йоча-влак дене Интернет денат пайдаланен кертына. Интернетыште пеш онгай сайт уло, wordwall.net маналтеш [2]. Тушто тӱрлӧ модыш-влакым чоҥаш лиеш. Уял кутыртыш материал негызеш, мутлан, «Чын але чын огыл» модышым чоҥен ончыкташ лиеш.



Тиде модышышто диалект дене кылдалтше икмыняр утвержденийым пуымо, йоча-влак вашмутым пуымо годым «чын» але «чын огыл» кнопкым

темдалшаш улыт. Чаманен каласыман, тиде программыште «чын» але «чын огыл» манмым ончыктымаш англичан йылме дене возалтеш: (true – чын, false – чын огыл).

Диалект материалым шымлаш да пойдарен шогаш кызытсе жапыште шуко йӧн уло. Чаманен каласыман, тыгай пашам виктарен колташ шонышо ен̇же гына шагалрак. Тидлан кӧра диалектлаште вашлиялтше йылме поянлыкнам ме вашке йомдарен кертына, а могай-гынат кеч ик диалектын йоммыжо умбакыже йылмынам йомдарымашкат конден кертеш. Вет диалект дене ала-кунам ожно мемнан кугезына-влак мутланеныт, нине мут-влак гоч нунын эртымгорныштым, кузе илымыштым пален налын кертына. Урок деч ӧрдыжысӧ пашаште тӱрлӧ йӧным кучылтын, ме шкенан кутыртышнам шымлен, марий литератур йылмыналан виян̇ашыже полшен кертына.

Литература

1. *Яныш Ялкайн.* Онго. Йошкар-Ола, 1958. 271 с.
2. Log in to Wordwall // https://wordwall.net/myactivities (дата обращения: 15.09.2021).

УДК 372.881.1

Е.В. Киткаев
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Матросова Л.С., канд. филол. наук, доц.

ИЗУЧЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА УРОКАХ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В ОСНОВНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Статья посвящена изучению особенностей преподавания имен существительных на уроках марийского языка в основной общеобразовательной школе. Автор предлагает практические задания по частным морфологическим категориям имени существительного для учащихся, составленные на основе марийских сказок.

Ключевые слова: *марийский язык, методика, имя существительное, падеж, число, местоимения, послелог, притяжательные суффиксы, грамматика.*

Имя существительное – это самостоятельная часть речи, является основой для изучения других знаменательных морфологических категорий. И.С. Галкин, изучая историю частей речи в марийском языке, утверждал, что имена существительные изменяются по падежам, имеют формы единственного и множественного числа. А послелоги в прамарийском языке были падежными формами [2, с. 10].

В. А. Апакаев при изучении имени существительного в 5 классе отмечает 3 основных вопроса:

1) грамматическое значение имени существительного;

2) изменение имени существительного в числе, в падеже, в лице;

3) способы образования имени существительного (суффиксальный, словосложение) [1, с. 83–85].

Согласно учебному плану, изучению имен существительных в 5 классе отведено 9 часов [4, с.14–15].

Имя существительное в марийском языке изменяется по таким частным категориям, как падеж (именительный, родительный, дательный, винительный, сравнительный, совместный, местный, направительный, обстоятельственный); число (единственное и множественное), лицо (1, 2, 3). Некоторые имена существительные употребляются только в единственном числе: лудмаш «чтение», возымаш «письмо». Изучив их более подробно, можно перейти к анализу способов образования имен существительных, состава слова.

Для имен существивтельных в марийском языке харарктерна категория притяжательности: мыйын классем «мой класс», тыйын классет «твой класс», тудын классше «его класс», мемнан классна «наш класс».

Существительные с притяжательными суффиксами имеют свою особенность употребления в единственном и множественном числе, например: книга**м**-влак, книга-влак**ем** «мои книги» пеледыш**на**-влак, пеледыш-влак**на** «наши цветы».

Учащиеся получают знания о падеже в начальных классах, на этой основе в 5 классе особое место отводится изменению имён существительных с притяжательными суффиксами в разных падежах (мемнан классын «нашего класса», мемнан класс**лан**на, мемнан классна**лан** «нашему классу»). Особое внимание нужно уделять образованию формы дательного падежа с притяжательными суффиксами, так как морфемы могут находиться как в препозиции, так и в постпозиции в разных словах.

Имена существительные, образованные способами подчинения и сочинения, сложные существительные – их необходимо учить отличать от словосочетаний на уроках марийского языка, опираясь на фонетические, морфологические и синтаксические принципы.

При изучении имени существительного, его общих и частных категорий, практические задания можно составлять на основе примеров из марийского устного народного творчества, например, сказок. Нами составлены упражнения для закрепления темы по частным грамматическим категориям имени существительного: числа, падежа, лица.

Например:

Найдите в тексте имена существительные, использованные только в форме единственного числа с указанием значения слов.

Кече лекмаш велне, кугу Виче вӱд воктене, илен йорло Янгелде кугыза. Янгелде кугызан нимогай поянлыкшат уке улмаш. Тудын парня гай ик ӱдыржӧ веле лийын – Ший Пампалче. Янгелде кугыза эре колым кучен илен. Икана шоҥго кугызан кол кучымыж годым йӱмыжӧ шуаш тӱҥалын. Сереш возеш да йӱштӧ вӱдым йӱаш тӱҥалеш. Йӱмыж годым кугу Шем Вӱдон кугызан пондашыжым руалтенат куча. Кугыза Шем Вӱдоным пеш сӧрвала: – Пондашем колто! – манеш. Кугу Шем Вӱдон Янгелдым кӱжгӧ йӱкшӧ дене тӱрлын шудалеш. – Мыйын энгерыштем колым ит кучо! – манеш. Кугыза тӱрлын сӧрвала, тӱрлым пуаш, тӱрлӧ паша дене полшаш сӧра [6, с. 1].

Выпишите из текста имена существительные, использованные в разных падежных формах.

Ший пӱян Ший Пампалче ший товаржым налеш да, кудо вуй ден кудо печым, колт-колт пералтен, ачажлан тӧрлатен пуа. Вара ший пӱешыже кож

кишым шӱра да ший товарым ӱштышкыжӧ сакалта. Ачаж деч сугыньым йодеш. Ачаже, шортын-шортын, сугыньым пуа:

– Ой, ӱдырем, шӱм-кылем, ынде чеверын. Кайыме корныштет поро корнан лий. Нылле ик тушманым тошкалын, волгыдо эрыкышке лектын кае. Шем кидлан, Вӱдонлан, ит верешт. Ший пӱян Ший Пампалче такыр корно дене ошкылеш [6, с. 4].

Найдите в тексте имена существительные с притяжательными суффиксами, спишите, укажите грамматические формы и их значения.

Акаж ден шӱжарже кочкыт-йӱыт, тӱрым тӱрлат. Акаже каласа:

– Эрла тыйым курскат дене ачана деке колтем. Тыйым суран котомкаш пыштем, эгерчым миен шуде ит посло, манам. Послаш тӱҥалеш гын, тый «Ужам вет» манын каласе. Уке гын тудат Вӱдон тукымак вет. Тыйым пала гын, Вӱдонлан шке марлан намиен пуа.

Кастене адак патыр толеш, акаже Ший пӱян Ший Пампалчым адак шылта.

– Мо айдеме шӱлыш уло? – манеш патыр.

– Ой, кугыза, айдеме шӱлышлан тыште вер огыл вет.

Молан тыге ойлет? – манеш ватыже.

Патыр кочкеш-йӱэш, малаш возеш. Эрдене кынелын, адак чодыраш кайынеже. Ватыже марийжым чодырашке огеш колто, ачаж деке унала колтынеже. Ший пӱян Ший Пампалчым суран котомкаш шында, тушкак шыдаҥ эгерчым пышта [6, с. 10–11].

Таким образом, имя существительное в марийском языке является самостоятельной морфологической категорией. Изучение семантических, морфологических, синтаксических особенностей данной части речи с учащимися 5 классов на основе марийского фольклора углубляет знания по морфологии марийского языка, а также обогащает их знания в плане культурных ценностей народа мари.

Литература

1. *Апакаев П.А*. Марий йылмым туныктымо методика. Йошкар-Ола, 1985. 227 с.

2. *Галкин. И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Йошкар-Ола, 1986. 118 с.

3. Марий йылме программе: V-XI класслан. Йошкар-Ола: ГОУ ДПО (ПК) С «Марий туныктышо институт», 2004. 54 с.

4. *Сташкина М.П.* Родной марийский язык // URL: http://mkschool.ucoz.net/rodnoj-marijskij-jazyk_5-9_kl_gos-jamde.pdf (дата обращения 19.10.2021).

5. Марий йылме: Теорий: 5-9 класслан учебник. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. 264 с.

6. Ший пӱян Ший Пампалче. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1991. 14 с.

УДК 372.881.1

И.Е. Куклина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Иванова И.Г., канд. филол. наук, доцент

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ: ОПЫТ РАБОТЫ КУЖЕНЕРСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

В настоящее время сохранение национального языка является важной задачей языковой политики. Необходимость принятия мер по его сохранению объясняется уменьшением численности говорящих на марийском языке, прежде всего, в связи с урбанизацией населения и высоким общественным статусом русского языка. Марийский язык прививается благодаря первостепенному сближению народа мари с людьми своей национальности. В статье обобщается опыт работы образовательных учреждений и отдела культуры Куженерского района в развитии, продвижении и сохранении национального языка.

Ключевые слова: *марийский язык, национальная культура, поликультурная среда, традиция, сохранение, Куженерский район, отдел культуры.*

Важной задачей современных традиционных культур является сохранение национальных традиций и языка, особенно в условиях поликультурной среды. В Марий Эл, одном из полиэтнических регионов Российской Федерации, проживают: русские (45,1 %), марийцы (41,8 %), татары (5,5 %), представители других национальностей 7,6 % [2, с. 6]. Повседневное общение большинства населения республики осуществляется на русском языке, так как он имеет более высокий общественный статус. Марийский язык сохраняется преимущественно в сельской местности, вместе с тем происходят процессы оптимизации, наблюдается отток населения в экономически более развитые районы республики. В большей мере представители марийского этноса ассоциируют родной язык с первичными связями – семьей, родственниками, близкими друзьями. Для большинства мари первостепенным мотивом сближения с людьми своей национальности является язык.

Проблемы сохранения и развития национального языка и культуры становятся предметом дискуссий на мероприятиях разных уровней. Так, делегаты XI съезда народа мари (2020 г.) обсуждали вопросы национального языка в пяти рабочих секциях: «Марийская традиционная религия», «Будущее народа», «Деревня и город», «Семья, образование, родной язык», «Общественная работа». Глобальной целью съезда явилось сохранение марийской нации. Участники мероприятия приняли резолюцию, согласно которой необходимо усилить влияние общественности и государственных программ на распространение марийского языка, культурного наследия народа в виртуальной среде; разрабатывать и продвигать проекты сетевой коммуникации на марийском языке; разработать и реализовать комплекс мер по внедрению современных цифровых технологий в различные сферы жизни марийского народа [3].

Проблемы марийской языковой политики освещались в рамках межрегиональной конференции «Родные языки в поликультурной среде региона: сохранение, использование, развитие» (20 октября 2020 г., Йошкар-Ола). В

повестке дня значились вопросы марийского языка, его преподавание в Республике Марий Эл и в регионах компактного проживания народа мари.

Образовательные учреждения республики принимают активное участие в развитии языка и культуры народа мари. В школах района ежегодно проводятся предметные олимпиады по марийскому языку и литературе, всеобщий диктант «Марла чын возена», внеклассные тематические мероприятия: «День марийской письменности», «День национального героя», «День народного единства», «Фестиваль дружбы народов», «Ӱарня», «Кугече», «Бабушкин сундучок» и др.

В данном направлении осуществляется деятельность и отдела культуры Куженерского района, который является организатором ряда культурных мероприятий. Народному искусству отведена важная роль как в осуществлении государственной культурной политики, художественном воспитании граждан, укреплении межнационального мира и согласия, обеспечении доступа к культурным ценностям, так и в сохранении и продвижении национальной культуры. Ежегодно районный отдел культуры проводит более 20 фестивалей, конкурсы, семинары и творческие лаборатории разных уровней по всем жанрам самодеятельного народного творчества. Среди них наиболее популярными являются: Межрегиональный фестиваль народного творчества «Муро памаш», открытый районный фестиваль – конкурс обрядов и творческих программ «Конга пазар пайрем», фестиваль-конкурс народного инструментального творчества «Шокто, шокто, гармонетым». В данном направлении организована деятельность районных детско-юношеских коллективов. Традиционными стали фестивали «Весенние ритмы», «Музыкальная карусель», конкурсы детских хореографических коллективов «Весенние ритмы».

Трансляции национальной культуры способствуют организация и проведение концертов фольклорных коллективов. В районе действуют 11 самодеятельных коллективов (с числом участников более 150 человек), которые активно участвуют в краевых и районных творческих мероприятиях, способствуя, тем самым развитию народной традиционной культуры. Клубная система тесно сотрудничает с районным музейно-выставочным центром. Ведется исследовательская и творческая деятельность по сбору, записи, изучению и пропаганде фольклорных традиций народа мари.

По программе различной направленности по традиционным ремеслам осуществляется деятельность выездных художественных мастерских для детей, подростков, молодежи и взрослых. Проводятся мастер-классы «Первые шаги в страну ремесел», «В стране рукоделия», конкурс декоративно-прикладного творчества «Марья – искусница». Своеобразным отражением культуры нации является национальный костюм, так как одежда красноречиво повествует о народе, его истории и психологии. Ядром народной культуры марийцев являются народные верования, культы и праздники. Ежегодно массово проводят марийские календарно-обрядовые праздники: Шорыкйол пайрем, Ташлама йӱмаш, Агавайрем, Семык, Покро пазар пайрем, Олма спас и другие.

Таким образом, национальная культура соединяет народ в единое целое, связывает традиции наших предков и современные инновации. Она выполняет двойную функцию – способствует сохранению самобытности и продвижению традиций народа, проживающего на исторической земле. В данном контексте

национальный язык является этническим маркером, способствующим сохранению и передаче этнической идентичности и исторической памяти.

Активная работа по продвижению языка и культурных традиций народа мари проводится культурно-образовательными учреждениями Куженерского района как административно-территориальной единицы и муниципального образования Республики Марий Эл.

Литература

1. Куженерский муниципальный район. // URL: http://kuzhener.ru/city/culture/ (дата обращения 15.10.2021).
2. Национальный состав населения Республики Марий Эл: статист. сб. / Террит. орган ФСГС по РМЭ. Йошкар-Ола, 2012. 137 с.
3. Резолюция XI Съезда марийского народа // URL: https://kidsher.ru› culture (дата обращения 15.10.2021).

УДК 069.4

Е.В. Кунцева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Вязникова В.В., канд. пед. наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОНДА «ТКАНИ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ ИМ. Т. ЕВСЕЕВА

В статье представлены результаты анализа использования музейных предметов фонда «Ткани» Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева в экспозиционно-выставочной, культурно-образовательной и научно-исследовательской деятельности музея.

Ключевые слова: *музейный предмет, музейный фонд, фонды Национального музея Республики Марий Эл.*

Национальный музей им. Т. Евсеева – один из старейших музеев Республики Марий Эл (далее – РМЭ), образован в 1920 году. За время существования музея, его сотрудниками была проделана огромная работа по комплектованию фондов музея. Под фондами музеев подразумевают всю научно организованную совокупность материалов, принятых музеем на постоянное хранение [2]. В фондах и экспозициях Национального музея (по данным акта приема на постоянное хранение) на 01.01.2021 г. находится 235118 единиц хранения, из них 136843 предметов – основного фонда и 98275 единиц – научно-вспомогательного фонда [3]. Один из фондов музея – фонд «Ткани», который на сегодняшний день насчитывает более 7060 единиц хранения, из них свыше 70 % относятся к основному фонду и приблизительно 2000 единиц хранения (около 30%) – к научно-вспомогательному.

Цель данной статьи – изучить использование музейных предметов фонда «Ткани» Национального музея им. Т. Евсеева РМЭ в экспозиционно-выставочной, культурно-образовательной и научно-исследовательской деятельности, составляющей основные направления работы любого музея [2].

Основную часть коллекции фонда «Ткани» составляют костюмные комплексы и предметы рукоделия трех этнографических групп титульной нации

республики: луговых, горных и восточных мари. Данные предметы позволяют наиболее полно представить состав и особенности традиционного национального костюма народа мари с середины XIX века по настоящее время.

«Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» от 23.07.2020 г. № 827, утвержденные приказом Министерства культуры Российской Федерации, предусматривают следующие возможности использования музейных предметов из фондов музеев:

– экспонирование в составе постоянной или временной экспозиции (выставки) в музее;

– экспонирование в форме открытого хранения отдельных музейных предметов и их коллекций;

– экспонирование в составе выездной выставки на территории Российской Федерации и за ее пределами;

– предоставление их для изучения в условиях музея сторонним специалистам [3, гл. 34].

Сначала рассмотрим, как используются музейные предметы фонда «Ткани» в **экспозиционно-выставочной деятельности** музея. В нижеприведенной таблице 1 даны примеры экспозиций и временных выставок музея 2020 года, где были задействованы музейные предметы фонда «Ткани».

Таблица 1

Использование музейных предметов фонда «Ткани»
Национального музея им. Т. Евсеева РМЭ в экспозиционно-выставочной работе музея

	Кол-во экспони-руемых музей-ных предметов
Постоянные экспозиции, выставки:	
«Обряды жизненного цикла. Традиционная культура народа мари XIX–XX веков»	192 ед. хр.
«Марийский край. Вехи истории»	110 ед. хр.
Постоянная экспозиция структурного подразделения Национального музея – «Дом-музей Ключникова-Палантая»	40 ед. хр.
Постоянная экспозиция структурного подразделения Национального музея – музея Православия «История Православия в Марийском крае»	10 ед. хр.
Постоянная выставка «Марийская археология: на пути к открытиям»	49 ед. хр.
Создание новой выставки «Этноархеология…»	139 ед. хр.
Временные выставки:	
Временные и экспресс-выставки структурного подразделения музея – «Музей народно-прикладного искусства»	118 ед. хр.
Временные и экспресс-выставки в основном здании Национального музея	148 ед. хр.
Временные выставки на площадке Благовещенской башни – структурного подразделения Национального музея	19 ед. хр.
Временные выставки на площадке Музея Истории и Археологии – структурного подразделения Национального музея	12 ед. хр.
Выставка «Человек на войне»	17 ед. хр.
Итого:	**854 ед. хр.**

Анализ актов выдачи-возврата музейного фонда «Ткани» показал, что в 2020 году число экспонируемых из фонда предметов в залах самого музея и в его структурных подразделениях составило 854 единицы. Число предметов, выданных из фонда «Ткани» для экспонирования вне стационара (за пределами основного помещения музея), составило 32 единицы.

Национальный музей им. Т. Евсеева РМЭ активно занимается **культурно-образовательной деятельностью**. Для ее реализации (проведение экскурсий, музейно-образовательных программ, фестивалей и т.п.) тоже используются предметы и материалы фонда. По причине ограничительных мер в 2020 году количество культурно-образовательных мероприятий в музее значительно уменьшилось, что отразилось на выдаче предметов из фонда, которая составила 78 единиц хранения.

Кроме данных направлений, музейные предметы из фонда «Ткани» используются в **научно-исследовательской деятельности** – при проведении научных изысканий как сотрудниками музея, так и сторонними специалистами. Результаты анализа этой деятельности представлены в таблице 2.

Таблица 2

Использование музейных предметов фонда «Ткани»
Национального музея им. Т. Евсеева РМЭ в научно-исследовательской работе

Научные исследования сторонних специалистов	78 ед. хр.
Научные исследования сотрудников музея	79 ед. хр.
Работа по подбору предметов для издания книги «Марийский костюм»	467 ед. хр.
Итого:	**624 ед. хр.**

Суммарное число выданных предметов и материалов из фонда «Ткани» (для экспозиционных, культурно-образовательных, исследовательских целей) в 2020 г. составило 1588 ед. хр., т.е. 22,5 % от всего фонда. Следует отметить, что, несмотря на особую ситуацию в 2020 году, вызванную распространением короновирусной инфекции (посещение музея было приостановлено на несколько месяцев, и запланированные выставки, экскурсии и культурно-образовательные программы перенесены на 2021 год), показатель выдачи предметов фонда «Ткани» остался в своем среднем значении – 20–25 % от всего числа единиц хранения фонда.

Далее измерим вклад изучаемого фонда в общую работу музея. Согласно статистическим данным, в музее за 2020 год «количество экспонируемых предметов в экспозиционных залах, на выставках, представленных в музейно-образовательных программах, лекциях и выданных в рамках научно-исследовательской работы, составило 3823 единиц хранения, из них 3061 единица хранения – основного фонда» [3, с. 15]. В ходе нашего исследования было выявлено, что фонд «Ткани» выдал за этот год 1588 ед. хр. Таким образом, на долю фонда «Ткани» приходится 41 % всех экспонируемых музеем предметов – это при том, что количественно данный фонд составляет только 5,2 % от общей численности фондов всего музея.

Из всего вышесказанного делаем вывод, что фонд «Ткани» является важнейшей составляющей фонда Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева, так как его предметы и материалы активно используются в экспозиционно-выставочной, культурно-образовательной, научно-исследовательской работе, обеспечивая музею реализацию его основных функций.

Литература

1. Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций // Информационно-правовой портал Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74768877/ (Дата обращения 15.03.2021).

2. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://museum.ru/rme/mb_cult.asp (Дата обращения 12.03.2021).

3. Справка об итогах деятельности Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева и его структурных подразделений за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: http://api.fumus.ru/wp-content/uploads/2018/05/ Spravka_ ob_ itogakh _raboty_ Natsmuzeya_za_2020_g.pdf. (Дата обращения 12.03.2021).

УДК 745.52

А.В. Лёвшина
Казанский государственный институт культуры (г. Казань)
Научный руководитель: Цыкина Ю.Ю, канд. ист. наук, доцент

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ТКАЧЕСТВУ НА МАТЕРИАЛЕ АЛЕКСЕЕВСКОЙ ФАБРИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТКАЧЕСТВА

Статья посвящена проблеме формирования этнокультурных компетенций в образовательной среде в процессе обучения художественному ткачеству. Анализируются исторические, семантические, художественные, технологические аспекты ткачества, а также варианты его использования в современных изделиях на примере Алексеевской фабрики художественного ткачества.

Ключевые слова: *художественное образование, образовательная среда, художественные традиции, наследие, декоративно-прикладное искусство, художественное ткачество, этнокультурная компетентность.*

Культура Татарстана издавна развивалась на основе взаимодействия западной и восточной цивилизаций. Сегодня Татарстан – одна из характерных многонациональных территорий России, народ которой сохраняет и развивает свою культурную самобытность. В республике созданы условия для возрождения и развития устоявшихся исторических традиций, народного творчества, праздников, декоративно-прикладного искусства, но без достаточной этнической идентификации человека возникают проблемы в развитии этнокультурной компетентности и позитивного отношения к людям других национальностей [2, с. 49–52].

Одним из приоритетных направлений в этнокультурном развитии является художественное ткачество во всем его многообразии. Целью нашего исследования является изучение формирования этнокультурных компетенций при обучении ткачеству.

Этнокультурная компетентность способствует развитию национального самосознания, толерантности, тем самым устраняя неприемлемое отношение к людям с различным цветом кожи, языками, ценностями и культурой. В исследованиях Н.Г. Арзамасцевой, Н.Э. Кабановой, Л.В. Коноваловой, Т.В. Поштаревой, С.Б. Серяковой, С.Н. Федоровой, Н.А. Шагаевой указывается, что основу этнокультурной компетентности личности составляют ценности материальной и духовной этнокультуры: традиции народной педагогики, декоративно-прикладное искусство, народная музыка и исторические события.

В частности, Т.В. Поштарева отмечает, что «этнокультурная компетентность – это свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующейся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию. Этнокультурная компетентность помогает достичь взаимного уважения, понимания и примирения различных интересов и точек зрения, присущих этническим группам и их представителям, без оказания давления, в основном через компромиссное и приемлемое для всех решение» [5, с. 35].

Критериями формирования этнокультурной компетентности учащихся школ являются степень владения этнокультурными знаниями, эффективного ценностного осознания принадлежности к этнической группе, отражение осознания ценности родной культуры, внимание к знаниям и уважение к традициям, обычаям народа, умение дружелюбно и тактично общаться с представителями другого этноса [4, с. 142–144].

В образовательном пространстве заметно возрос педагогический интерес к возрождению традиционных художественных народных промыслов – ручного ткачества, вышивки, кружевоплетения.

Основы ручного ткачества уходят корнями в эпоху неолита и продолжают использоваться по сей день в современной художественной материальной культуре.

В настоящее время существуют многочисленные центры изучения традиционных народных ремесел, например, студии и кружки, школы, колледжи и институты, в которых изучаются и реализуются традиции народного искусства. Для улучшения визуального наблюдения и развития чувства декоративности часто проводятся мастер-классы и семинары, на которых мастера делятся своим уникальным опытом [1, с. 120].

Создание педагогических условий по сохранению традиций декоративно-прикладного искусства и народных художественных промыслов необходимо для понимания учащимися их аксиологической значимости, а также для практического овладения исконным народным мастерством.

Ярким примером сохранения и развития традиций художественного ткачества, его техники и методов является фабрика художественного ткачества Алексеевского района Республики Татарстан.

Фабрика была основана в 1927 году и называлась артель «Ударница». Стоит отметить, что в России всего два предприятия, занимающихся художественным ткачеством: Шахунская фабрика в Нижегородской области и фабрика в Алексеевском районе Республики Татарстан. Уникальность

продукции Алексеевской ФХТ заключается в ручной работе, бережном подходе к национальным узорам и мотивам. Художник-технолог совместно с музейными специалистами Татарстана восстанавливает традиционные узоры, которые мастерицы-ткачихи бережно переносят на ткань.

Приоритетным направлением фабрики стало именно ручное ткачество. Производство рушников, полотенец, салфеток – очень трудоёмкий процесс, однако оно требует меньше сырья, чем другие производства. В настоящее время на фабрике два основных цеха: ткацкий и швейный. Значительная часть объема выпускаемой продукции поступает в ткацкий цех, оснащенный, как и несколько десятилетий назад, старыми ручными деревянными станками. Всего в цехе 24 ткацких станка, но на данный момент 11 ткацких станков находятся в рабочем состоянии [3].

Продукцию Алексеевской фабрики художественного ткачества можно использовать не только в быту, но и для создания сценических образов. Так, мастерицы фабрики ежегодно изготавливают платья, сарафаны и полотенца для участников фестиваля колокольного звона «Алексеевские перезвоны», который проходит в поселке городского типа Алексеевское. Народный хор Казанского государственного института культуры под руководством А.В. Самойловой использует в своих концертных постановках рушники, полотенца и мужские рубахи, созданные на станках фабрики. Изделия фабрики можно встретить в музее хлеба в Болгарах, музее Тукая в Арском районе, в Зиреклинском музее Новошешминского района.

Специфика ткацкого производства в Татарстане в том, что оно четырехремизное, то есть у станка четыре педали, но бывают итакже восьми- и двенадцатиремизные. И если в других областях на станках педали расположены наверху, то в Алексеевской ФХТ – внизу. Данная техника самая производительная, но требует от ткача большого опыта и специальной подготовки. У каждого станка свое предназначение: на одних делают рушники, на других – половики, на третьих – ткань для одежды. Мастерицы фабрики используют в работе два вида пряжи – хлопок и лен.

В рамках образовательной программы для школьников проводятся мастер-классы, где они осваивают основы ткачества. Опыт преподавания показывает, что на начальном этапе необходимо ознакомить учащихся с материалами и теорией технических и технологических основ в плетении нитей. На втором этапе можно пройти обучение ручному ткачеству на настольных ткацких станках, ручное ткачество на многодисковых горизонтальных станках ножного типа [1, с. 121].

Таким образом, формирование этнокультурных компетенций учащихся, безусловно, происходит при обучении художественному ткачеству, эти компетенции, в свою очередь, способствуют развитию народной культуры, творчества, этнокультурной самобытности.

Литература

1. *Корнеева Е.Н.* Профессиональные компетенции в обучении художественной обработке текстильных материалов (на материале ручного ткачества) // Наука и школа. 2017. № 6. С. 119–123.

2. *Морозов И.А.* Этнокультурная компетентность и стандарты общего образования второго поколения // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы I Межд. науч. конф. Уфа: Лето, 2011. С. 49–52. URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/18/793/ (дата обращения: 14.10.2021).

3. Официальный сайт Алексеевской ФХТ «Алексеевская фабрика художественного ткачества» // URL: https://alextkach.ru/ (дата обращения: 16.10.2021).

4. *Попов М.Н.* Формирование этнокультурной компетенции старшеклассников в региональной образовательной среде // Мир науки, культуры, образования. 2019. №1. С. 142–144.

5. *Поштарева Т.В*. Формирование этнокультурной компетентности // Педагогика. 2005. № 3. С. 35–42.

УДК 372.881.1

В.В. Ложкина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Матросова Л.С., канд. филол. наук, доц.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА УРОКАХ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В ООШ

Статья посвящена изучению особенностей преподавания деепричастия на уроках марийского языка в основной общеобразовательной школе на основе примеров из фольклора (сказок).

Ключевые слова: *деепричастие, деепричастный оборот, морфология, фольклор, суффикс, категория лица, предложение, морфология.*

Марий йылме наукышто, туныктымо пашаште деепричастийым тунеммаш да шымлымаш кугу кӱлешлыкше дене пале.

Йылмышанчыште деепричастийын тӱҥ шотышто причастий-влак гыч лиймыжым палемденыт. Ожно нуно глагол гыч лийше лӱмын могай-гынат падеж формыжо лийыныт. Илен-толын кӱэмалтыныт да деепричастийыш савырненыт [2, с. 73].

Марий йылмышанчыште деепричастий дене кугу шанче пашам Н.И. Исанбаев возен [3].

Кызытсе марий литератур йылмыште З. В. Учаев деепричастийын тыгай тӱшкаже-влакым онchыктен: 1) -ын, -ен суффиксан, 2) -де суффиксан, 3) -меке суффиксан, 4) -шыла суффиксан, 5) -мешке суффиксан [5, с. 89].

Йоча-влакын ийготыштым, ыштен кертмыштым да шинчымаш кӱкшытыштым шотыш налын, марий йылмым туныктымо школ программе почеш деепричастийым тӱҥ школышто VII-ше классыште тунемыт. Тидлан кандаш шагат пуалтеш. Тыгодым икшыве теве мом ыштен моштышаш:

1) деепричастийын тӱҥ грамматике значенийжым, морфологий ойыртемжым лончылен да ончыктен моштышаш;

2) глагол ден наречийын тӱҥ палыштым деепричастийым лончылымо годым палемден кертшаш, вес примерла дене пенгыдемдышаш;

3) значений шот дене деепричастийын могай тӱшкаш пурымыжым умылтарен кертшаш;

4) деепричастийын лица дене вашталтме ойыртемжым палышаш;

5) деепричастиян савыртышым ыштен кертшаш да ойлончышто вес мутла дене келыштарен моштышаш.

Школ программыш тыгай теме-влакым пуртымо:

● Деепричастийын ойлымаш ужаш радамыште верже, тудын иктешлыше значенийже, морфологий ойыртемже, ойлончышто сомылжо.

● Значений ойыртем дене деепричастийын тӱрлӧ лиймыже (действийын кузе лиймыжым ончыктышо да действийын кунам лиймыжым ончыктышо).

● Деепричастийым ыштыше суффикс-влак.

● Деепричастий пеленысе полшышо глагол.

● Деепричастийын лица дене вашталмыже.

● Деепричастиян савыртыш [5, с. 21].

Йоча-влак калык ойпогым йӧратат, садлан морфологий категорий-влакым тунемме годым источник шотеш упражненийлашке пример-влакым тӱрлӧ фольклор жанр гыч пурташ лиеш. Палемдаш кӱлеш, тыге йоча, практике пашам шуктышыла, мутлан, деепричастий дене шинчымашым куанен тунем налеш да тыгодымак шке калык ойпогыжымат ушышкыжо пышта.

Теве, мутлан, тыгай заданий-влакым ончалына:

1. *Предложенийлам лудса да тушеч деепричастий-влакым возен лукса, кузе ыштaлтмыштым ончыктыза.*

1. *Сур пире, ушыжо изиш пурымеке, пыкше кынел шинчеш* [4, с. 21].

2. *Мардеж орышыла лӱшка, кӱжгӱ тумым, пӱнчым нымыште варала кӱрыштеш* [4, с. 61].

3. *Умшатым карен шич, мый умшашкет вик тӧриштем, пурын кочмешкет нелын колто* [4, с. 21].

4. *Кок тушманым пытарымеке, рвезе марий мӧҥгеш каяш тарвана* [4, с. 61].

5. *Вара калыкым поген, эҥерыш каятат, вӱдыш порсын вапшым колтен, Алёнушкам шупшын луктыт* [4, с. 92].

2. *Лудын лекса, деепричастий да тудын дене кылдалтше мутым возен луктын, рашемдыше мутшо деке йодышым шындыза.*

Уш-акылан Василиса лийын шогалешат, йошкар пӧртончык лектын, чарга йӱкшӧ дене кычкыралеш [4, с. 94].

Кенета тудын дек серышке нужгол, пӱэшыже муным пурлын, ийын толеш [6, с. 100].

Турня кайымеке, чарлаҥге шинчешат, шоналта: «Шкет илымешке, мый лучо турнялан марлан каем» [4, с. 71].

Оҥырешлыше кум имньым кучен, кум пӧръеҥ толеш [1, с. 18].

Газетым шаралтен, кинде шултышым, сакырым, печеньым луктын пыштышым [1, с. 24].

3. *Деепричастий-влакым каласыза, нуным член шот дене лончылыза.*

Пӱртӱсыштӧ коштшыла, ала тыште лийында? [1, с. 76].

Кече волен кайымешке, пашам мучашыш шукта [1, с. 8].

Чевер маке сынан могыржо, вӱдйымаке пурымеке, янда вошт коймыла, колла йыл-юлл койын эртен, кечыйолышто чинчыла модын кодеш [1, с. 39].

Икмыняр пагыт пырля илымеке, ирмузат вараш деке тунем шуэш [1, с. 47].

Теве Саскай, шордо презе гай лывырге кап-кылжым модыктен, кидшым шыман рӱзалтен, куштылгын ошкылеш, пуйто южышто иеш [1, с. 49].

Тыге, деепричастий – тиде глаголын формыжо, тудо ойлымо да возымо йылмыште кучылталтеш. Деепричастий ден пырля тӱҥ глагол сказуемыйын значенийже тӱрлӧ могырым утларак поян лиеш. Ешартыш жап значений тӱҥ жап дене таҥастаралт умылтаралтеш, действий кузе лийме, шӧрымо ыҥ ойышко утларак информацийым пуртат.

Туныктымо пашаште тӱрлӧ урок-влак эртаралтыт. Мутлан, диктант, изложений але сочиненийым серыме годым тӱрлӧ заданий-влакым деепричастий денат пурташ лиеш. Деепричастий дене кыдалаш школышто шагат чотым шотыш налын, ешартыш паша-влакым радам дене уроклан келыштараш гын, нуным теорий могырым сайын умылтарен, пенгыдемден, йоча-влаклан сай шинчымашым пуаш лиеш.

Литератур

1. *Филиппов Ан*. Вӱдӱдыр: йомак ден калык ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1994. 98 с.

2. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Йошкар-Ола, 1966. 176 с.

3. *Исанбаев Н.И.* Деепричастия в марийском языке. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1961. 152 с.

4. Марий йомак-шамыч. Йошкар-Ола, 1946. 136 с.

5. *Учаев З.В.* Марий йылме: факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1985. 184 с.

УДК 372.851

Е.В. Мальцева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Т.М. Анисимова
Медведевская СОШ № 2 (пос. Медведево, Республика Марий Эл)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КРАЕВЕДЕНИЯ И ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ В КУРСЕ МАТЕМАТИКИ

Статья посвящена одной из актуальных проблем начального образования – проблеме формирования личностных характеристик младшего школьника, в частности, привития любви к своему родному краю, своей Родине. Одним из подходов к решению данной проблемы является использование элементов краеведения и истории родного края в рамках учебных предметов начальной школы. В статье перечислены возможности применения краеведческого материала на уроках математики, представлены разнообразные виды заданий, которые можно использовать на различных этапах урока. Представлены результаты анкетирования учителей начальных классов по использованию элементов краеведения и истории родного края на уроках математики в начальной школе.

***Ключевые слова**: начальное образование, краеведение, краеведческий материал, родной край, уроки математики, математические задания с элементами краеведения.*

В учебному году примерно 36 учебных недель. Это 144 урока математики в обычной общеобразовательной школе. Для учителя в идеале каждый урок – это попытка учить без принуждения, радостно, светло. Многим учащимся нравится то, что приносит успех и близко их сфере увлечений. Наряду с этим, детеей все больше привлекает содержание, которое нацелено на проникновение разумом в удивительный мир чисел, на раскопку его богатств, на возбуждение математической любознательности и собственной инициативы [1, с. 3].

Таким содержанием для учащихся начальной школы на уроках математики может стать изучение родного края. Именно краеведение, вкрапленное в математику, стимулирует развитие общей активности, самостоятельности, личной инициативы и творчества учащихся. К тому же предмет математики, являясь средством познания окружающего мира, наряду с другими предметами начального образования, должен решать задачи привития любви к родному краю, развития познавательного интереса к его историко-культурным объектам, расширения кругозора младших школьников [2, с. 277].

Вместе с тем применение элементов краеведения на уроках математики способствует: облегчению процесса усвоения программного материала, преодолению трудностей в приобретении знаний, умений и навыков; созданию возможностей для реализации воспитательных и образовательных задач; развитию всех познавательных процессов (память, внимание, мышление, творческое воображение); формированию представлений о целостной картине мира, в которой окружающие природные объекты рассматриваются в неразрывном единстве; приобретению умений и навыков в практической деятельности обучающихся по изучению и охране природы родного края; формированию гражданской идентичности, патриотических качеств средствами краеведческого материала.

Неслучайно в ФГОС в становлении личностных характеристик выпускника («портрет выпускника начальной школы») отмечено первой позицией следующее: «любящий свой народ, свой край и свою Родину». Достижение этой цели должно осуществляться на межпредметной основе, а не только средствами предметов «Окружающий мир» и «ИКН». Именно поэтому мы считаем необходимым включать элементы краеведения и истории родного края в задания по математике.

Краеведение – изучение природы, географического положения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населенных пунктов с их ближайшим окружением. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова «краеведение – это изучение отдельных местностей страны с точки зрения их географических, культурно-исторических, экономических, этнографических особенностей» [4, с. 302].

Проблемами изучения родного края и использования краеведческого материала в педагогическом процессе занимались великие педагоги и просветители, педагоги-методисты: Я.А. Коменский, Ж.-Ж. Руссо, М.В. Ломоносов, К.Д. Ушинский, А.Я. Герд, В.П. Бехтерев, Л.С. Севрук, Е.А. Звягинцев, А.С. Барков, А.П. Пинкевич и др.

К.Д. Ушинский разработал первоосновы краеведения и дал научно-психологическое обоснование целесообразности использования «окружающего материала» в обучении, начиная с первых классов.

Этот подход близок многим учителям нашей республики. Приведем результаты анкетирования, в котором приняли участие учителя начальных классов Республики Марий Эл, среди которых процент участия молодых специалистов составил 53,3 %, учителей с высшей квалификационной категорией – 46,7 %. Среди ответов на вопрос «С какой целью используете краеведческий материал на уроках математики?» превалировали такие: для формирования функциональной грамотности, для приобщения детей к национальной культуре, мотивации, расширения кругозора, для учета межпредметных связей, для привития любви к родному краю.

В процессе анкетирования мы выяснили, что 66,7 % опрошенных используют краеведческий материал на уроках математики и только 33,3% – не прибегают к нему. Но частота включения краеведческого материала в уроки математики весьма скудная, всего 1–2 раза в месяц. Возможно, это связано с тем, что в учебнике математики не встречаются задания, построенные на основе истории и краеведения, а возможно, с тем, что нет в свободном доступе картотеки разработанных заданий на основе краеведения и истории республики Марий Эл.

Мы считаем, что необходимо популяризовать уже имеющиеся пособия, а также составить и постоянно пополнять электронную картотеку заданий по математике, которые построены на основе элементов краеведения и истории родного края. Весьма важно, чтобы в арсенале учителя имелся набор задач, заданий практического характера, составленных по материалам окружающей действительности. Поскольку ни один учебник не может раскрыть все многообразие связей школьного курса математики с краем, где ты живешь, приходится самостоятельно подбирать и составлять таеие задания. Мы предлагаем учителям нашей республики обратиться к персональному сайту Анисимовой Т.М., где будет представлена картотека заданий, разработанных с использованием элементов краеведения и истории родного края [https://samanta7573620.wixsite.com/mysite]. Преимущество этого сайта в том, что учителя смогут дополнять данную картотеку собственными разработками. Также на сайте будут размещены в открытом доступе электронные версии пособий, которые указаны в материалах данной статьи.

Большое преимущество краеведения и истории родного края в том, что спектр его включения в уроки математики достаточно широкий. Буквально на каждом этапе урока задания, построенные на основе элементов краеведения, будут органичны в своем применении. Например, при проведении устного счета, в ходе которого дети не только упражняются в решении примеров и задач, направленных на выработку вычислительных умений и навыков, но и узнают много новой информации в области географии, истории, природы и культуры родного края, и все это происходит непринужденно, в форме игры. Например, нужно разгадать головоломку и узнать самую длинную реку, которая протекает по Республике Марий Эл; решить цепочку примеров и узнать самое глубокое

озеро в нашей республике; расшифровать слово, выполнив математическое задание, и узнать имя знаменитого писателя или актера и т.д.

На этапе актуализации знаний обучающихся по теме «Нахождение части от величины и величины по ее части» может быть использовано следующее задание: «Большая Кокшага – третья по величине река нашей республики после Волги и Ветлуги. Её общая протяжённость составляет примерно 300 км. По территории заповедника протекает 1/10 часть Большой Кокшаги. Сколько это километров?» [3, с. 4]. Преимущества такого задания в следующем: во-первых, учащиеся 4 класса к моменту изучения указанной темы уже умеют находить число по его части, во-вторых, в данном случае ребятам предстоит поработать с круглыми числами, что не потребует от них больших временных затрат (это очень важно на этапе актуализации имеющихся знаний).

Задания, построенные на основе краеведения, могуь быть использованы и на этапе изучения нового материала. Так, например, изучение темы «Сложение и вычитание чисел в пределах 1000» можно начать с постановки учебной задачи, предложив обучающимся ответить на вопросы: «Найти общую протяженность Большой и Малой Кокшаги», «На сколько километров протяженность реки Ветлуга больше протяженности Илети?», – используя данные: 863 км – протяженность Ветлуги, 288 км – протяженность Большой Кокшаги, 212 км – протяженность Малой Кокшаги, 190 км – протяженность Илети [5, с. 28].

На этапе закрепления изученного учащиеся способны самостоятельно решать задачи, выполнять задания, построенные на краеведческом и историческом материале, составлять собственные задания на основе исторических фактов. Безусловно, эффективным является не только заинтересованность обучающихся содержанием и способом решения заданий, но и составление заданий самим учащимся. Например, учеником 4 класса было составлено следующее задание: «Протяженность Ветлуги – 863 км, а Большой Кокшаги на 575 км меньше, чем Ветлуги. Протяженность Малой Кокшаги на 76 км меньше протяженности Большой Кокшаги. Какова протяженность Илети, если протяженность всех указанных рек вместе составляет 1553 км?». Каждое такое задание – это открытие для ученика. Об этом, оказывается, можно говорить не только на уроках окружающего мира и ИКН, но и математики. Уверены, что приобщение к краеведческой литературе и на ее основе составление заданий по математике – это целое «искусство».

В конце урока можно предложить ребятам задания повышенной трудности. Они попробуют начать решать их в классе, а закончить дома. То есть учителя смогут внедрить в свою педагогическую практику так называемый «эффект Зейгарник». Поскольку время, отведенное на урок, вышло, а дело не завершено (задача не решена), то обучающийся лучше помнит связанные с ним детали и стремится найти способы решения данной задачи. Примером таких заданий могут выступить:

– На берегу Большой Кокшаги стояли два взрослых человека, которые хотели переправиться через реку. На реке была одна лодка, а в ней – два мальчика. Чтобы переправиться, в лодку могли сесть или два мальчика, или один взрослый. Как взрослым переправиться на другой берег? [3, с. 9].

– В заповеднике «Большая Кокшага» живёт много насекомых. На ветке сидели: шмель, жук, стрекоза, пчела, муха. Два насекомых улетели. Какие пары могли улететь? Сколько вариантов у тебя получилось? [3, с. 48].

Задания, составленные на основе житейского, исторического и краеведческого материала являются для учащихся «родными». Включение элементов краеведения и истории родного края в содержание уроков математики, несомненно, помогает сформировать представление о целостной картине мира, развить соответствующие умения и навыки, связанные с бережным отношением к природе родного края, а также формировать активную гражданскую позицию обучающихся.

Литература

1. *Кордемский Б.А., Ахадов А.А.* Удивительный мир чисел (Матем. головоломки и задачи для любознательных): кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1986. 144 с.

2. *Мальцева Е.В.* Краеведческий материал в процессе обучения математике как средство развития познавательного интереса младших школьников // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2020. С. 276–279.

3. *Мухина С.А.* 150 задач по математике о заповеднике «Большая Кокшага»: учеб. пособие для студентов пед. вузов. Йошкар-Ола: Гос. природный заповедник «Большая Кокшага»; МГПИ им. Н.К. Крупской, 2006. 84 с.]

4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.

5. Числа. Что мы о них знаем: пособие для учителя / сост. И.Д. Курбатов. Йошкар-Ола, 2001. 76 с.

УДК 376.42

М.А. Никитина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Г.Н. Кадыкова, канд. ист. наук, доцент

ФОЛЬКЛОР КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируется фольклор как средство психологической коррекции личности дошкольников с ЗПР, рассматривается вопросы о том, в каких именно случаях применима данная методика и как она может повлиять на психоэмоциональное состояние дошкольника. Выявляются особенности детей с ЗПР и фаторы влияния фольклора (в частности сказок) на процесс их корректировки, на улучшение поведения дошкольников.

Ключевые слова*: психологическая коррекция, задержка психического развития, дошкольное образование, фольклор.*

На сайте Министерства просвещения Российской Федерации приведена официальная статистика по числу детей с ОВЗ, обучающихся в учреждениях дошкольного образования: 517343 человека, что составляет 6,8 % от общего количества воспитанников. К 2024 году программами дополнительного образования планируется охватить 70 % детей с ОВЗ [4]. Также, Министерством

реализуется проект «Образование», благодаря которому пройдет модернизация инфраструктуры 900 коррекционных школ. Приведенные факты говорят о том, что в России в настоящее время уделяется достаточно большое внимание проблемам обучения и образования детей с ОВЗ.

Тем не менее на данный момент все также остается актуальной проблема поиска средств психологической коррекции личности дошкольников с ЗПР. Одним из таких средств является фольклор. Фольклор – это духовная культура народа, она проявляется в форме текстов, музыки, танцев, народного театра, декоративно-прикладного творчества [3].

Знакомство детей с фольклором и художественной литературой – одно из основных направлений дошкольного образования, оно зафиксировано и в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования [5]. Например, психолого-педагогическая работа с детской литературой отражена в таких разделах, как «Речевое развитие» и «Художественно-эстетическое развитие», она включает в себя знакомство с детской литературой, книжной культурой, понимание на слух разных литературных жанров, целенаправленное восприятие героев, персонажей, сопереживание им и т.д.

Отечественные психологи (В.А. Сухомлинский, Е.А. Флерина, О.С. Ушаков) утверждали, что мир литературного произведения – это сложная и многоуровневая система ценностей, которая для ребенка из общезначимых переходит в категорию индивидуальных, личностных и наоборот. Также ученые отмечали, что с помощью литературы и искусства дети могут пережить какие-то события собственной жизни и, таким образом, начать более осмысленно относиться к окружающему их миру. То есть литература позволяет им осознать смысл человеческих поступков с нравственной точки зрения.

Фольклор также является эффективным средством развития всех сторон психики дошкольника. Так, советсикй психолог А.В. Запорожец придавал особое значение народной и авторской сказке. По его мнению, они создают благоприятные условия для формирования содействия. Под ним ученый понимал активность ребенка, близкую к практической деятельности, то есть во время чтения ребенок содействует сказочным персонажам, сопереживает им, может проследить ход их действий, поставить себя на позицию героев, достигнуть вместе с персонажами определенных целей. Благодаря сказкам, дети могут самостоятельно прочувствовать эмоции, а не просто воспринять уже готовые.

Сказки также несут эстетический смысл, который проявляется в идеализации образа положительного героя, изображении сказочного мира в ярких красках. Вместе с героями сказок дети постигают смысл важных человеческих ценностей, участвуют в невероятных событиях, накладывающих на них правильный эмоциональный ценз. Таким образом, дети извлекают из произведений жизненную мудрость, представленную в понятной и увлекательной для них форме.

Можно говорить и о том, что фольклор и художественная литература служат для дошкольников средством социализации, так как во время чтения они приобщаются к различным культурам, ценностям, принятым в обществе нормам

и правилам поведения, учатся отличать хороших людей от плохих и вырабатывают индивидуальную систему ценностных оценок.

Психологами было отмечено, что особое значение художественная литература и фольклор имеют для детей с ЗПР – как средство коррекции личности. Детская литература помогает им гармонично встроиться в общественные процессы, культуру. К сожалению, на данный момент существует крайне ограниченное количество исследований на тему влияния детской литературы и фольклора на становление дошкольников с ЗПР.

Для того, чтобы корректно определить методы воздействия на дошкольников с ЗПР, необходимо знать об отличительных чертах проявления заболевания. Ребенок с задержкой психического развития имеет неточное восприятие (либо оно замедлено), испытывает трудности при создании целостных образов, хорошо развитое визуальное и хуже аудиальное восприятие, поэтому при обучении детей лучше иметь наглядные материалы.

Коррекционно-развивающая работа с дошкольниками с ЗПР ставит перед собой следующие задачи:

1) развитие у детей уверенности в себе;
2) формирование мотивационной составляющей;
3) обучение владению эмоциями;
4) сдерживание негативных проявлений;
5) формирование положительных эмоций от процесса обучения;
6) формирование потребности во взаимодействии со взрослыми.

Для реализации поставленных целей в качестве основного инструмента используется фольклор. Во-первых, с помощью него дети учатся контролировать эмоциональные состояния, дифференцировать их на примере персонажей, во-вторых, осваивают правильное, позитивное поведение героев произведений, в-третьих, закрепляют полученные навыки в повседневной жизни, приобретая уверенность в себе на примере персонажей произведений.

Самое важное в проведении таких занятий – это не само чтение произведения, а последующий его анализ, когда ребенок совместно с педагогом разбирает эмоциональные проявления действующих лиц. Также для большего эффекта можно попробовать воспроизвести отдельные фрагменты сказки, в которых наиболее ярко проявились положительные качества героев. Во время инсценировок на более позднем этапе обучения следует прорабатывать еще и мимику, пантомимику, чтобы дети тренировали не только речь и эмоциональный контроль, но и учились выражать свои эмоции без слов. Кроме того, эффективным методом является придумывание финала сказки за автора, когда детям предлагается завершить тот или иной эпизод самостоятельно [1].

Важным аспектом психологической коррекции личности дошкольника является развитие эмпатии к окружающим людям. В данном случае упор делается на такие качества, как сочувствие, сопереживание, сотрудничество. С помощью фольклора происходит обогащение опыта эмпатичного поведения у детей – за счет проживания похожих ситуаций совместно с героями произведений [2].

Для того, чтобы коррекция прошла правильно, необходимо следить за тем, чтобы произведение было эмоционально насыщено, чтобы в нем ярко проявлялись позиции «добро» и «зло», присутствовали нравственные эталоны.

Таким образом, можно говорить о том, что фольклор, действительно, является эффективным способом психологической коррекции личности дошкольника с ЗПР. Благодаря использованию сказок, дети могут научиться точнее узнавать эмоциональные состояния окружающих людей, научиться испытывать определенные эмоции, более выраженно испытывать эмпатию к людям, понимать, какие поступки являются хорошими, а какие плохими. Применение подобных коррекционно-развивающих практик необходимо в работе дошкольных учреждений, обучающих и воспитывающих детей с данным диагнозом.

Литература

1. *Белякова Е.А., Кисова В.В.* Международный студенческий научный вестник. Детская художественная литература и фольклор как средство психологической коррекции личности дошкольников с задержкой психического развития // URL: https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16725 (дата обращения: 06.11.2021).

2. *Досаева Р.Н.* «Педагогические исследования». Музыкальный фольклор как средство коррекции эмоциональных нарушений у детей дошкольного возраста с задержкой психического развития // URL: http://aguped.ru/?id=21&article=30 (Дата обращения: 06.11.2021).

3. Культура. РФ. Фольклор // URL: https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/folklor/ (дата обращения: 06.11.2021).

4. Министерство просвещения Российской Федерации. Дети с особыми образовательными потребностями // URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health/ (дата обращения: 06.11.2021).

5. ФГОС: Дошкольное образование. Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 №1155 (ред. от 21.01.2019) / Зарегистрировано в Минюсте России 14 ноября 2013 г. №30384 // URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-do/ (дата обращения: 06.11.2021).

УДК 371.035.6

А.А. Сергеева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Вязникова В.В., канд. пед. наук, доц.

УРОК–ПОГРУЖЕНИЕ КАК ФОРМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В статье представлены методические и дидактические основы проведения интерактивного занятия, разработанного участниками студенческого поискового отряда «Воскресение» Марийского государственного университета для школьников г. Йошкар-Олы – урока-погружения «Уличные бои в Сталинграде 1942–1943 года».

Ключевые слова: *урок-погружение, школьники, студенческий поисковый отряд «Воскресение», музей истории поискового движения РМЭ, военно-патриотическое воспитание, битва за Сталинград, Марийский государственный университет.*

В настоящее время идет постоянный поиск новых подходов, форм и методов патриотического воспитания подрастающего поколения. В работе со

школьниками одной из инновационных форм является организация познания через участие в интерактивной деятельности [2].

В данной статье рассмотрено использование интерактивного подхода при реализации задач патриотического воспитания членами студенческого поискового отряда «Воскресение».

Студенческий поисковый отряд «Воскресение» был создан на базе историко-филологического факультета Марийского государственного университета в 2013 году. Кроме поисковых экспедиций, работы с архивами, бойцы отряда занимаются просветительской работой, направленной на патриотическое воспитание школьников и студентов. В 2016 году было разработано интерактивное занятие «Уличные бои в Сталинграде 1942–1943 года», автор проекта – Николай Сергеев. Основной метод данной разработки – погружение учащихся в атмосферу изучаемых событий через текстовые источники и материальные предметы. Данная методика предполагает наличие качественной материальной базы и подходит для клубов исторической реконструкции или музеев, работающих с детьми. Данное занятие рекомендовано для учащихся 6–11 классов.

Цели занятия:

образовательная: сохранение исторической памяти в памяти подрастающего поколения; изучение истории Сталинградской битвы, знакомство с формой и вооружением солдат РККА (рабоче-крестьянская Красная армия);

воспитательная: приобщение к социальным ценностям – патриотизму, гражданственности, долгу; развитие стремления служить интересам своего Отечества;

развивающая: создание условий для развития познавательного интереса к истории России, пространственного воображения, умений и навыков работы с источниками информации.

В реализации данной методики изначально именно моделирование окружающей обстановки является ядром, позволяющим «погрузить» обучающихся в процесс, поэтому подготовке помещения было уделено особенное внимание (при проведении подобного занятия в условиях школы это может быть кабинет с плотно закрывающимися шторами, чтобы создать атмосферу полумрака, а также использование проектора и экрана с изображением дома Павлова или другим аутентичным помещением).

Данная форма занятия – площадка для изучения истории. Урок может быть проведён в игровом варианте или же в форме урока-экскурсии – в зависимости от желаний педагога и наличия материально-технического оснащения. Занятие проходит в 3 этапа:

1 – теоретический: вводный рассказ о событиях, происходивших в сентябре 1942 г. в Сталинграде;

2 – основной: рассказ об уличных боях, чтение воспоминаний участников военных действий (Василий Зайцев, Николай Аксенов, Вера Гурова, Александр Авербух и др.), осмотр и анализ формы и вооружения солдат;

З – заключительный: задаются контрольные вопросы по изученному материалу.

Первое пробное занятие было проведено с учениками 10 класса в одной из йошкар-олинских школ. Получив положительные отзывы от учеников, родителей и педагогического состава школы, автором проекта было принято решение передать материалы по проведению мероприятия сотрудникам музея истории поискового движения РМЭ для дальнейшего развития идеи и воплощения подобной практики в условиях музея.

Для воплощения данной идеи из специалистов музея истории поискового движения РМЭ был сформирован творческий коллектив в составе 4 человек. Их задача состояла в поиске помещения для проведения занятий со школьниками, в проведении отделочных работ в данном помещении, в организации временной выставки, наглядно представляющей элементы снаряжения и вооружения РККА.

Летом 2016 года на основе разработок урока-погружения «Уличные бои в Сталинграде 1942–1943 года» на Всероссийском форуме «Таврида» был выигран грант в размере 300 000 рублей на реализацию проекта «Окно в историю» (автор проекта – Сурков И.Е.). Для реализации проекта было выделено подвальное помещение в здании Марийского государственного университета и передано во временное пользование специалистам музея истории поискового движении РМЭ для организации и проведения тематических занятий. И уже в период реализации данного проекта творческой группой музея была подготовлена материальная база: помещение, стилизованное под подвал в многоэтажном доме времён войны – стены подвала украсили армейские плащ-палатки и маскировочный комплект МКТ-2Л, флаг СССР, лавки для посетителей, стол, керосиновая лампа.

В 2017 году в новом помещении были проведены первые занятия – уроки-погружения в историю – для обучающихся школ Йошкар-Олы и республики. По замыслу автора – Ивана Суркова – «это проект о создании интерактивной площадки для изучения истории. В университете мы сделали стилизованное помещение, в котором с помощью реконструкции стараемся погрузить детей в атмосферу осажденного города во время Сталинградской битвы. Ребята могут пощупать и потрогать историю. Мы стараемся сделать доступно, понятно и донести её до школьников в интересной форме» [3]. Данные разработки также использовались в проектах «По следам прошлого: Волжский рубеж» (автор проекта – Кубаш М.А.), «Территория поиска» (автор проекта – Фисенко А.С.), а также в дни памятных дат Великой Отечественной войны. Согласно журналам учёта посетителей, за 4 года работы данный объект исторической реконструкции посетили свыше 2000 человек.

Данная практика и её вклад в гражданско-патриотическое воспитание обучающихся школ г. Йошкар-Олы была замечена и оценена. Указом Главы Республики Марий Эл № 192 от 27.10.2018 г. членам студенческого поискового отряда «Воскресение» Марийского государственного университета за работу в области социально значимой и общественной деятельности, а именно, за реализацию проекта «Окно в историю 2016–2018 годы», присудили

Государственную молодежную премию РМЭ и присвоили почетное звание лауреата Кукушкину И.К., Суркову И.Е., Фисенко А.С. и Якимовой А.А. [1].

Таким образом, патриотическое воспитание подрастающего поколения можно осуществлять с помощью разных форм и методов, выходя за привычные рамки школьных классов и уроков. Инновационные формы, как, например, описанный в данной статье урок-погружение, больше подходят к данной целевой аудитории: звук, текст, свет, предметы, атмосфера, тематическое взаимодействие комплексно воздействуют на участников занятия, способствуют развитию у них интереса к истории своей страны, стимулируют ее самостоятельное изучение; воспитывают гордость за свою Родину, ее героев, развивают гражданственность.

Литература

1. Указ Главы РМЭ «О присуждении Государственных молодежных премий Республики Марий Эл» № 192 от 27.10.2018 // URL: http://mari-el.gov.ru/minsport/SiteAssets/Pages/molpremii дата обращения: (дата обращения 21.10.2021).

2. *Николина В.В.* Социокультурная практика в современном образовании // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4 // URL: https://science-education.ru/ru/article/ (дата обращения: 13.10.2021).

3. Студенческий поисковый отряд «Воскресение» // URL: https://vk.com/spovoskresenie (дата обращения: 16.10.2021).

УДК 37.035.6

Я.А. Суворова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Научный руководитель: Хабибуллина Ф.Я., канд. пед. наук, доц.

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ НАРОДА МАРИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

Статья посвящена изучению опыта этнокультурного развития обучающихся в учебной и внеучебной работе по передаче и сохранению традиций и обычаев марийского народа. Описана деятельность МОУ «Ронгинская СОШ» по воспитанию учащихся в этнокультурной образовательной среде сельской школы Республики Марий Эл.

Ключевые слова: *национально-региональный компонент, марийская культура, традиция, обычай, этнокультурное образовательное пространство, сельская школа, Республика Марий Эл.*

В Российской Федерации (РФ) обучение организуется по единым федеральным государственным образовательным стандартам (ФГОС) и направлено на обеспечение общего образовательного пространства в стране. Вместе с тем, Россия – многонациональное, полиэтническое государство с полифонической культурой и различными моделями формирования национальной идентичности. Учёт данной особенности отразился во введении в ФГОС национально-регионального компонента, направленного на придание образованию национально-значимых черт, включении в содержание учебно-

воспитательного процесса историко-культурных, природных, хозяйственных, экологических, языковых и иных специфических характеристик региона [2].

В Республике Марий Эл в средних образовательных учреждениях реализуются два подхода в решении описанной ситуации: формирование межкультурных компетенций обучающихся в условиях мультикультурной среды полиэтнического региона и в условиях организации полиязыкового образовательного пространства при сохранении и развитии способов этнокультурной самоидентификации и самовыражения. Известен опыт образовательных учреждений – центров поликультурного региона по этнокультурному развитию обучающихся г. Йошкар-Олы, Моркинского, Мари-Турекского, Сернурского, Советского, Волжского и некоторых других районов Республики Марий Эл: МБОУ «Гимназия № 14 г. Йошкар-Олы», МОУ «Коркатовский лицей», МБОУ «Мари-Турекская СОШ», МБОУ «Карайская средняя общеобразовательная школа» и др. [4, с. 61–69].

МОУ «Ронгинская СОШ» Советского района РМЭ видит свою миссию в совершенствовании модели образовательного пространства, способствующей социализации развивающейся личности, расширению её адаптивных возможностей в условиях непрерывного этноэкологического образования, а основными задачами этнокультурного развития обучающихся – ознакомление с традициями и обычаями марийского народа, сохранение и продвижение элементов социального и культурного наследия в учебной и внеучебной работе, правилами поведения, практикуемыми народом мари и передающимися из поколения в поколение [3].

На уроках марийского языка и ИКН учащиеся знакомятся с языком, историей, традициями коренного населения, обрядами, которые проводили предки, традиционными национальными нарядами и блюдами. В школе проводятся мероприятия, конкурсы – как в очном, так и в дистанционном форматах. Работает кружок народных танцев, на занятиях которого разучиваются полноценные танцы в национальных костюмах марийцев. Например, один из сохранившихся старинных танцев – кандыра («Веревочка»). Чаще всего его исполняет группа из двух юношей и одной девушки, или в танце участвуют несколько пар, образуя цепочку танцоров. Наряды для танцев шьют участники школьного кружка «Золотая иголочка». Такая преемственность урочной и внеурочной деятельности создаёт ощущение полного погружения в национальную среду, что позволяет получать многостороннее знание о предмете, обычае и т.п. одновременно из различных источников: можно быть участником танцевальной группы и одновременно узнать много интересного и полезного о национальном марийском костюме, в котором выходишь на сцену, о людях, которые носят его, о ритуалах, связанных с его оформлением. Например, марийки любят наряжаться таким образом, чтобы костюм был многослойным, а украшения многочисленны. Ритуал облачения в костюм не прост: наряд настолько тяжёл, что в одиночку его не надеть. Раньше в каждой деревне были мастерицы по облачению. В наряде каждый элемент имеет свой смысл. Так, в головном уборе – шарпане – должна также соблюдаться трехслойность, символизирующая триединство мира. Женский набор серебряных украшений мог весить до 35 килограммов. Он передавался из поколения в поколение.

Женщина завещала украшение дочери, внучке, невестке, а могла оставить и своему дому.

Праздники, проводимые в школе, часто знакомят с обычаями марийского народа, в том числе, свадебными и погребальными, уникальность которых состоит в их древности и сохранности. Говоря о традиционной религии мари, среди прочего можно познакомиться с Сӱрем ужо – самобытным обрядом изгнания злого духа из деревни, который проводят на окраине населённого пункта в ночь на 6 мая. Его цель – защита деревни от зла в пастбищный период. Участники ритуала прыгают через костёр в качестве акта самоочищения, а затем идут в деревню, где с шумом и звоном колоколов обходят все дома. Гостей угощают хлебом, картошкой и яйцами. Поздно вечером участники обряда вновь разжигают костёр и варят угощение в котелках, часть приносят в дар земле.

Таким образом, Ронгинская школа как центр этнокультурного развития даёт своим ученикам – коренным марийцам и представителям других этносов – возможность познакомиться с самобытным и в некотором смысле загадочным для многих народом мари, который смог пронести свои традиции и культурные особенности через сотни лет, а многие элементы древних традиций сделать частью современной национальной культуры. Этнокультурно ориентированная учебная и внеучебная среда сельской школы позволяет обучающимся познакомиться с традициями и обычаями народа мари, способствует формированию этнокультурных компетенций, реализации культурно-языковых интересов, пониманию ценностей и смыслов национальной культуры, её места и роли среди других культур, любви и уважению к своему народу и языку.

Литература

1. Дом Дружбы народов // URL: https://udmddn.ru/articles/kto-takie-mariytsy/ (дата обращения: 10.10.2020).

2. *Михайлов С.И., Арганяков Г.В., Васильева В.Н., Хабибуллина Ф.Я.* Этнокультурная направленность программы развития сельского лицея: МОУ «Коркатовский лицей» // Актуальные вопросы формирования межкультурных компетенций в современном образовании: сб. статей и методических разработок. Йошкар-Ола, 2018. С. 13–20.

3. Ронгинская СОШ // URL: http://edu.mari.ru/mouo-sov/ronginskaya/default.aspx (дата обращения: 10.10.2020).

4. *Хабибуллина Ф.Я.* Развитие межкультурной компетентности обучающихся и педагогов в полиязыковом и поликультурном образовательном пространстве // Актуальные вопросы формирования межкультурных компетенций в современном образовании: коллект. монография. Глава 4. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2020. С. 57–120.

УДК 372.851

А.Р. Фурзикова
Оршанский многопрофильный колледж им. И.К. Глушкова
(пос. Оршанка, Республика Марий Эл)
Е.В. Мальцева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматривается роль и значение межпредметных связей в области начального образования. Раскрываются теоретические основы интеграции учебных предметов в младших классах. Представлены приемы взаимосвязи уроков математики с окружающим миром, историей и культурой народов Марий Эл; приведены возможности интеграции данных образовательных областей в начальной школе.

Ключевые слова: *начальное образование, межпредметные связи, урок математики, младшие школьники.*

В теории и практике обучения в современном мире все больше актуализируется вопрос об интеграции учебных дисциплин на уровне школьного образования. Злбободневность приобретает вопрос о формировании нового, интегрированного мышления, синтезе научных знаний. Такой подход способствует обогащению конкретных представлений обучающихся об окружающей действительности и создает предпосылки для осознания целостной картины мира. Освоение междисциплинарной программы «Формирование универсальных учебных действий» и ее разделов «Чтение: работа с текстом» и «Формирование ИКТ-компетентности учащихся» в рамках Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования, использование комплексных работ на межпредметной основе для оценивания метапредметных результатов ориентировано именно на интеграцию учебных предметов, установление межпредметных связей [4].

Межпредметная связь – это взаимосвязь между различными учебными предметами, с помощью которых достигается единство образовательной программы и формирование активной позиции ученика в процессе обучения [3]. Межпредметные связи не только активизируют познавательную деятельность младших школьников, но и обеспечивают взаимосвязь и систематизируют знания об объектах и явлениях природы и общества, придавая им целостный характер.

Проблемой интеграции учебного материала различных дисциплин занимались многие ученые. Еще Ян Амос Коменский рассматривал изучение во взаимосвязи грамматики и философии, философии и литературы, Джон Локк – истории и географии. В России вопросы установления межпредметных связей изучали А.С. Антонов, М.А. Данилов, Б.П. Есипов, В.Ф. Одоевский, К.Д. Ушинский, В.Н. Максимова, И.Д. Зверев и многие другие ученые-педагоги.

Несмотря на большое количество учебно-методических пособий, научных статей, направленных на реализацию принципа межпредметности в начальной школе, существуют проблемы, связанные с отбором учебного содержания из

разных образовательных областей, поиском интегрированных форм учебных занятий в младших классах.

Такой предмет, как математика, можно интегрировать с различными образовательными областями, но наиболее эффективна взаимосвязь урока математики с такими предметами, как «Окружающий мир» и «История и культура народов Марий Эл». Целенаправленное осуществление связи данных предметов позволяет углубить знания по этим предметам и, в свою очередь, дает возможность повысить воспитательные и развивающие функции уроков математики.

Рассмотрим подробнее, какого рода задания можно использовать на уроках математики, чтобы проследить взаимосвязь с окружающим миром, историей и культурой народов Марий Эл.

На уроке математики обучающиеся, выполняя арифметические действия, получают информацию о животном и растительном мире; событиях, связанных с историей, культурой и природой родного края. Эффективно использовать на уроках математики форму уроков-путешествий по родному краю для усвоения географического краеведения. Учитель может самостоятельно составить различные задания для ознакомления с населенным пунктом, городом, его достопримечательностями. Продуктивность такой деятельности состоит в том, что обучающиеся не только знакомятся с новыми понятиями, решают задачи, выполняют действия с величинами, совершенствуют навыки счета, но и в доступной форме знакомятся со своей местностью. Также посредством решения примеров или задач обучающиеся могут определить возраст города, села или поселка.

На этапе актуализации знаний в ходе устного счета младшим школьникам можно предложить ряд выражений для вычислений, в которых будет зашифровано название какого-нибудь города, села или деревни. Например, решив выражения и расположив ответы в порядке возрастания, вы узнаете фамилию первого марийского поэта (ответ: Чавайн). Кроме того, обучающиеся могут работать с контурной картой. Можно предложить детям задание по определению расстояния по карте с помощью масштаба: «*Расстояние от Йошкар-Олы до Москвы – 9 см. Определите расстояние в км, если масштаб карты, следующий: 1 см : 25 км».* Вместе с тем, работая с масштабом, при выполнении чертежа обучающиеся не только приобретают навыки пользования масштабом, но и упражняются в переводе меньших единиц измерения в большие и наоборот. Для закрепления знаний по теме «Скорость, время, расстояние», можно предложить решить детям как составные, так и простые задачи на движение. Например: «*Расстояние между городами Йошкар-Ола и Москва составляет 764 км. Иван ехал на машине 10 часов. С какой скоростью ехал Иван?»*

Большое обучающее и воспитательное значение имеет наличие в текстовых задачах материала, связанного с познанием истории, культуры и природы родного края [1]. Например, знакомя детей с природными особенностями Республики Марий Эл, можно предложить им задачу: *«На территории заповедника находится несколько озёр в основном карстового происхождения. Одним из них является озеро Кошеер. Его длина 330 м, ширина*

на 170 м меньше. Вычислите площадь озера, представив, что оно имеет прямоугольную форму» [2].

Эффективно применение на уроках математики такого приема, как составление задач с использованием краеведческих данных. Числовые данные можно брать не только из краеведческой справочной литературы, газет, сети Интернет и т.д., но и от самих обучающихся при изучении объектов природы во время экскурсии. Например: *«Длина озера Шап 362 м, а длина озера Щучье на 62 м меньше, чем длина озера Шап, а длина озера Глухое на 450 м больше Щучьего. Найдите длину озера Глухое».*

Большие возможности представляются в осуществлении межпредметных связей на уроках при проведении математических диктантов. Например, используя материал о родном крае, можно предложить следующие задания:

– запишите предыдущее и последующее числа. Город Йошкар-Ола – столица Республики Марий Эл. До 1919 года он назывался Царевококшайск. Площадь города составляет 102 км²;

– в 1926 году проживало 4300 человек, а в 1913 году – на 1 800 меньше. Сколько человек проживало в 1913 году?

Представленные выше задания можно использовать как на уроках закрепления пройденного материала, так и на уроках обобщения и систематизации знаний обучающихся по математике.

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимосвязь уроков математики с окружающим миром, историей и культурой народов Марий Эл превращает обычный урок в интересный и живой урок-путешествие по своему родному краю. Использование краеведческого материала на уроках математики позволяет повысить воспитательный эффект, активизировать познавательную деятельность обучающихся, развить самостоятельность в процессе познания.

Литература

1. *Мальцева Е.В.* Использование краеведческого материала в процессе обучения математике как средство развития познавательного интереса младших школьников // Проблемы марийской и сравнительной филологии / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева, Йошкар-Ола, 2020. С. 276–279.

2. *Мухина С.А.* 150 задач по математике о заповеднике «Большая Кокшага»: учеб. пособие для студентов пед. вузов. Йошкар-Ола: Гос. природный заповедник «Большая Кокшага»; МГПИ им. Н.К. Крупской, 2006. 84 с.

3. *Савченко Т.Л.* Межпредметные связи в педагогике // URL: https://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/2013/12/13/mezhpredmetnye-svyazi-v-pedagogike (дата обращения: 28.10.2021г.).

4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/ (дата обращения: 15.10.2021 г.).

УДК 316.74

В.И. Шабыков
МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

МАРИЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС)

В статье на материале социологических опросов конца XX – начала XXI века рассматривается религиозное сознание населения Республики Марий Эл. Конкретным предметом исследования стала марийская традиционная религия (МТР). Характер отношения к ней рассмотрен на современном этапе в следующих аспектах: динамика уровня и качества религиозности, этноконфессиональная структура, этнокультурная и этнодифференцирующая функция, ценностный и воспитательный потенциал религии в жизни отдельного человека, общества, страны, отношение к ее возрождению.

Ключевые слова: *социология религии, Республика Марий Эл, религиозное сознание, марийская традиционная религия.*

Традиционной религии («народной религии», «неоязычеству», по определению В.В. Напольских) финно-угорских народов России современная наука уделяет достаточно много внимания; есть и дискуссионные вопросы, требующие глубокого научного исследования разными гуманитарными науками. Приведем для примера высказывание В.В. Напольских об удмуртском язычестве: «…в конце XX века народная религия, претерпевая глубокий кризис, с одной стороны, продолжает сохраняться в качестве своего рода реликта в среде удмуртского крестьянства – постольку, поскольку сохраняется само это крестьянство. С другой стороны, она так или иначе служит базой для развития различных форм национальной идеологии и современного мифотворчества» [11].

В марийской науке изучением традиционной религии мари занимались в разное время такие известные марийские ученые: на этнографическом уровне – Н.С. Попов [6; 12; 13; 28], Л.С. Тойдыбекова [17], культурологическом – Г.Е. Шкалина [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27], философском – Ю.А. Калиев [7; 8; 9; 10], А.А. Ямурзин [30; 31], этнопедагогическом – И.А. Чуриков [18; 19], на лингвокультурологическом и лингвофолькористическом – Н.Н. Глухова [3; 4] и Л.А. Абукаева [1], социологическом – В.С. Соловьев [14; 15]. Есть работы публицистического и краеведческого характера: К.Г. Юадарова [29], А.Ф. Степанова [16], Р.А. Бушкова [2] и др.

Марийская традиционная религия (язычество) (далее – МТР), представляя собой исторически сложившуюся систему представлений, ритуалов, этических норм, основанных на вере в сверхъестественное, охватывает все сферы жизни общества, определяет образ жизни народа, характер, мировоззрение и ценностные ориентации.

«В отличие от монотеистических религий, созданных тем или иным основателем и его последователями, марийская традиционная религия сложилась на основе древнего народного мировоззрения, включающего религиозные и мифологические представления, связанные с отношением человека к окружающей природе и ее стихийным силам, почитанием предков и покровителей сельскохозяйственных занятий. <…> Почитатели традиционной

марийской религии признают Единого Бога *Тӱҥ Ош Кугу Юмо* и девятерых его помощников (проявлений), ежедневно три раза читают молитву, один раз в год принимают участие на коллективном или семейном молении, в течение жизни не менее семи раз проводят семейное моление с жертвоприношением, регулярно проводят традиционные поминки в честь умерших предков, соблюдают марийские праздники, обычаи и обряды» [12].

Моления в марийских священных рощах и языческие праздники открыто начали проводить только после июня 1991 года, то есть после учредительного съезда Марийского религиозного центра «Ошмарий-Чимарий». Впоследствии в соответствии со статьей 47 Лесного Кодекса РФ религиозным организациям для осуществления их деятельности были предоставлены в безвозмездное срочное пользование лесные участки. В результате инвентаризации в 1993 году были зафиксированы 328 священных рощ [5, с. 5], а в 2006 году по результатам повторного обследования (паспортизации) священных рощ свод памятников содержал уже 337 священных рощ [5, с. 95].

Религиозные группы МТР существуют не только в Республике Марий Эл, но и в Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, Пермском крае, Удмуртии, Татарстане и Башкортостане.

«Марийскому язычеству удалось сохранить позиции в тяжелой конкуренции с православным христианством и исламом, а затем пережить советский слом традиционного уклада жизни. Хотя в общественной жизни современной Марий Эл большим весом обладает Йошкар-Олинская епархия Русской православной церкви, а в православных храмах ведется богослужение на марийском языке, многие по-прежнему ходят молиться в рощу, а за советом идут к жрецу — карту. Организационное оформление марийской традиционной религии началось еще в 1991 году и завершилось в 2007 году, когда была создана централизованная религиозная организация» [20], – отмечает Марк Шишкин, предваряя свою информацию о большом собрании глав и представителей языческих общин из Марий Эл, Татарстана и Удмуртии (2017).

Тем не менее, как отмечает Г.Е. Шкалина, «сегодня древняя марийская духовная традиция находится в условиях воздействия со стороны серьезных внешних вызовов» и судьба ее в современном мире не простая. Внешние вызовы культуролог связывает «во-первых, с общемировым процессом растворения локальных традиций и трансформацией мировоззренческих систем <…>. Во-вторых, заметно повышение роли православия в общественно-политической жизни России. В-третьих, умонастроение наследников Онара, Чумбылата, Чоткара, Болтуша, Акпатыра отравлено лукавством современной технической цивилизации» [23, с. 8]. Наличие таких факторов «ставит проблемную ситуацию: как долго священный мир марийский сохранит свою самобытность; каковы исторические формы ее видоизменений; как молодое марийское поколение отнесется к своему культурному наследию?» [23, с. 8].

В качестве фактора потенциальной актуальности марийского священного мира в будущем Г.Е. Шкалина называет явленную в нем миру народом мари «на вечные времена» «идею о процессе творения жизни без войн» [23, с. 8].

Отношение к МТР населения Республики Марий Эл, в том числе молодежи, и характер отношения к марийской вере на современном этапе достаточно полно представляют результаты социологических исследований МарНИИЯЛИ 1994–2020 годов.

Рассмотрим их в следующих аспектах:

– динамика уровня и качества религиозности в разрезе этой конфессии;

– этноконфессиональная структура, этнокультурная и этнодифференцирующая функция этой религиозной веры;

– ценностный и воспитательный потенциал МТР в жизни отдельного человека, общества, страны;

– отношение к возрождению МТР.

При этом особо обратим внимание на то, какие факторы в сознании приверженцев МТР позволяют судить об имеющихся у нее позитивных перспективах, о возможности сохранения ее актуальности в будущем, в том числе в отдельных случаях – среди молодежи.

Безусловно, МТР по числу своих приверженцев на протяжении всего современного этапа уступает православной вере. Так, численность приверженцев МТР как их единственной религиозной веры в конце XX – начале XXI века при подсчетах, исходящих от общей численности опрошенных, всегда оставалась незначительной и примерно одинаковой в процентных долях (4,2 % – 7,2 %) (Табл. 1). Численность двоеверцев постепенно уменьшалась. Общий показатель по МТР был подвержен колебаниям в амплитуде 12,1 % – 17,4 % (подъем был обозначен в 2011 году).

Таблица 1

Представленность МТР в конфессиональной характеристике общественного сознания населения РМЭ

Отношение к вере	1994	2001	2011	2015	2020
в % от числа опрошенных (ответы в разрезе всего населения РМЭ)					
Соблюдает одновременно православную и МТР	10,5	15,0	12,8	11,3	7,9
Соблюдает МТР	4,2	7,2	4,6	4,8	4,2
Суммированный показатель по МТР	14,7	17,2	17,4	16,1	12,1
в % от числа ответивших (ответы верующих)					
Соблюдает одновременно православную и МТР	14,0	12,8	14,1	13,7	10,3
Соблюдает МТР	4,8	5,9	5,0	5,5	5,6
Суммированный показатель по МТР	18,8	18,7	19,1	19,2	15,9

А в 2020 году МТР соблюдали всего лишь 1,6 % опрошенных, если брать только ответ «соблюдаю только МТР». Если же причислить к таким приверженцам МТР еще и ответивших «в основном соблюдаю МТР», как это сделано нами в таблице 16 (их 2,6 %), то получается, что приверженцев МТР среди всех опрошенных было выявлено 4,2 %.

Если же дальше суммировать, в частности, прибавить к получившемуся показателю все ответы, в которых есть указание на МТР (двоеверцев с МТР), то можно утверждать, что с МТР в той или иной мере в настоящее время связывает себя, вообще-то, немалое число жителей Республики Марий Эл (более 12 %) и

что МТР в определенной мере может претендовать на некую альтернативу православию в изучаемом нами полиэтническом регионе.

Подтверждением данного тезиса может быть и полученный нами общий показатель сторонников МТР среди верующего населения республики (почти 16 %) (Табл. 1), гораздо более высокий, чем среди всех опрошенных в Республике Марий Эл.Поскольку МТР, в основном, привязана к марийскому населению республики, то, безусловно, интересно было бы проследить место этой религии в его конфессиональной структуре и вектор динамики численности верующих мари, приверженных МТР (Табл. 2).

Таблица 2

МТР в конфессиональной структуре верующего[1]
марийского населения РМЭ (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	2004	2006	2011	2015	2020
Двоеверие (православие + МТР)	30,8	28,8	27,5	26,3	21,1
МТР	6,7	5,2	11,1	12,5	12,5
Суммированный показатель по МТР	37,5	34,0	38,6	38,8	33,6

Обнаруживается выраженная тенденция увеличения числа верующих мари, придерживающихся МТР (фактор сохранения актуальности марийского традиционного верования) с 2004 по 2015 годы (почти в 2 раза) и сохранение этого показателя до 2020 года. Правда, общий показатель к настоящему времени чуть снизился (с 37,5 % в 2004 году до 33,6 % в 2020 году).

В разрезе марийского молодежного сознания, как показывают результаты исследования «Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве» (2018), показатели по приверженности к МТР не только не уступают показателям по марийскому населению, в целом, но и по некоторым позициям даже их превышают. Так, на вопрос *«Приверженцем какой религии Вы являетесь?»* 7,7 % марийской молодежи ответила, что соблюдает МТР, и 32,5 % – что соблюдают одновременно православную веру и МТР. Суммированный показатель по МТР среди марийской молодежи, таким образом, составляет 40,2 %, что говорит не только об актуальности этой религии в марийской молодежной среде, но и о возможной витальности ее в будущем.

Верующие и колеблющиеся между верой и неверием мари, ответившие, что привержены МТР, в 2004 году:

– соблюдали все обряды и обычаи – 20 % (для сравнения: двоеверцы-мари – только 8,6 %, православные мари – 9,8 %);

– соблюдали большинство обрядов и обычаев – 20 % (для сравнения: двоеверцы-мари – 25,2 %, православные мари – 18,2 %);

– соблюдали лишь некоторые обряды и обычаи – 53,3 % (для сравнения: двоеверцы-мари – 62,6 %, православные мари – 60,9 %).

Как видим, по позиции, демонстрирующей высокое качество веры (соблюдение всех религиозных обычаев и обрядов), связанные с МТР мари

[1] Включая колеблющихся между верой и неверием.

отличаются более высоким качеством веры, чем православные мари (выше более чем в два раза); при дополнении двоеверцами численности и верующих в МТР, и в православие эта разница несколько уменьшается, но заметное преимущество приверженцев МТР все равно сохраняется (примерно в полтора раза – соответственно 28,6 % и 18,4 %). Среди верующих православных мари, по сравнению с приверженцами МТР, больше тех, кто соблюдает лишь некоторые обычаи и обряды, – соответственно 60,9 % и 53,3 %.

По позиции, указывающей на самое высокое качество веры (ответ «верую и соблюдаю все религиозные обряды») в последующие годы (2015 и 2020), доминирование МТР сохраняется, правда, разница между марийскими сторонниками МТР и православными мари уже совсем незначительная, по сравнению с 2004 годом (0,5 % в 2015 году и 2,7 % в 2020 году) (Табл. 3).

Таблица 3

Индикаторы качества веры верующих[1] мари РМЭ
в зависимости от конфессиональной принадлежности (в % от ответивших)

Варианты ответов	2015			2020		
	МТР	Двоеверие (православие + МТР)	Православие	МТР	Двоеверие (православие + МТР)	Православие
Верую и соблюдаю все религиозные обряды	5,5	0,9	5,0	9,6	2,2	6,9
Верую, но религиозные обряды соблюдаю нестрого	58,2	59,2	52,9	51,9	59,6	57,1
Колеблюсь между верой и неверием, но религиозные обряды соблюдаю	0,0	2,7	2,1	1,9	6,7	1,1
Суммированный показатель по соблюдающим в той или иной мере религиозные обряды	63,7	62,8	60,0	63,4	68,5	65,1
Верую, но никаких религиозных обрядов не соблюдаю	30,9	36,3	37,8	36,5	30,3	32,2

Также незначительное превалирование МТР выявлено нами по общему показателю по соблюдающим в той или иной мере религиозные обряды в 2015 году – на 3,7 % выше, чем у православных мари. А в 2020 году эта тенденция уже себя вообще не проявляла.

У верующих мари, приверженных к МТР, в 2015 и 2020 годах были представлены примерно такие же, как у двоеверцев-мари и православных мари, достаточно высокие показатели по нестрого соблюдающим религиозные обряды (более половины ответивших) и по верующим, не соблюдающим никаких

[1] Включая колеблющихся между верой и неверием.

обрядов, – примерно треть ответивших. Все это свидетельствует о низком качестве веры у всех конфессиональных категорий верующих мари в новейшем времени.

В конце XX века, в период распада советского государства, построенного на атеистической идеологии, и мощной актуализации проблемы ревитализации религии, социологические опросы в Республике Марий Эл включали в себя вопросы об отношении к возрождению всех религий, в том числе и к МТР.

Ответы мари на вопрос *«Как Вы относитесь к возрождению языческой (марийской) религии?»* поражают своей масштабностью. В 1994 году 92,7 % и в 2004 году 85,7 % верующих мари, приверженных к МТР, отметили, что положительно относятся к возрождению своей религии (Табл. 4). Конечно, наметилось уменьшение численности таких мари, но минус 7 % в течение целого десятилетия вряд ли можно считать значительным изменением в сторону угасания интереса к МТР.

Таблица 4

Отношение верующих мари к возрождению религии
в зависимости от их конфессиональной принадлежности (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Православие		Двоеверие (православие + МТР)		МТР	
	1994	2004	1994	2004	1994	2004
Положительно	31,5	36,1	72,2	76,0	92,7	85,7
Отрицательно	14,0	19,4	1,9	4,8	0,0	0,0
Безразлично	14,0	19,4	6,5	5,6	0,0	0,0
Затруднились ответить	40,6	25,0	19,4	13,6	7,3	14,3

Достаточно высокий показатель обнаружен в отношении к этому вопросу и у двоеверцев, причем, с положительной динамикой (от 72,2 % в 1994 году до 76 % в 2004 году). Такая же динамика, но, правда, при меньшем (почти в 2 раза ниже) показателе, была обозначена и у православных мари.

Отрицательное отношение к возрождению МТР у приверженцев этой религии закономерно было нулевым; наибольшее количество респондентов с отрицательным отношением было обнаружено у православных мари, причем, с тенденций к росту (14 % в 1994 году и почти 20 % в 2004 году).

«Марийская традиционная религия до начала XX века выступала как единственный социальный институт сплочения и единения марийского народа, укрепления его национального самосознания, утверждения национальной самобытной культуры. Вместе с этим, народная религия никогда не призывала искусственно разъединять народы, не возбуждала противоборство и противостояние между ними, не утверждала исключительность какого-либо народа. Нынешнее поколение верующих, признавая культ Единого Бога Вселенной, убеждено в том, что этому Богу могут поклоняться все люди, представители любой национальности. Поэтому они считают возможным приобщить к своей вере любого человека, верящего в его всемогущество. Любой человек, независимо от национальности и вероисповедания является частью Космоса, Вселенского Бога» [12], – отмечают Н.С. Попов и А.И. Таныгин.

На выбор веры немарийским (в первую очередь, русским и татарским) населением Республики Марий Эл вряд ли может повлиять такая концепция МТР, скорее это выбор подтверждает укоренившееся в массовом сознании представление о тождественности национальной и конфессиональной принадлежности человека, обоснованности веками существующих стереотипов «русский – православный», «татарин – мусульманин».

Правда, имеются некоторые факты (например, по данным 2018 года) приверженности русских МТР (5,9 %, в том числе 0,7 % – только МТР, 5,2 % – двоеверцы с компонентой МТР), а также татар – 2,2 % опрошенных.

К положительным фактам, связанным с взаимным интересом представителей разных этносов к традиционным религиям других народов, можно считать и положительное отношение к возрождению их религий. Так, в 1994 году почти 31 % и в 2004 году более 18 % русских опрошенных выразили положительное отношение к возрождению МТР. Такой позитивный интерес русского населения республики к вопросу о судьбе МТР в 1994 году, в период религиозного ренессанса, был, видимо, связан в общими (единодушными) настроениями в российском обществе, поддерживаемыми государственной и региональной политикой властей; в 2004 году, в период стабилизации религиозной ситуации в условиях новых подходов к религиозной политике, происходит уже некоторое угасание бурного всеобщего интереса к традиционной религии других народов (заинтересованного отношения ко всем религиям региона), которое подспудно поддерживалось и новой региональной властью, сложно взаимодействующей с марийским населением республики. Заметим: за возрождение традиционной религии славянских народов (православия) в 1994 и 2004 годах стабильно положительно высказывались около 80 % русских.

В целом же, религиозность выступает в Республике Марий Эл все же в качестве своеобразной формы этноконфессионального самосознания, а взаимоотношения представителей различных конфессий в некоторой степени можно считать не только межконфессиональными, но и межнациональными. Поэтому будущее МТР в определенной мере зависит и от состояния и характера этих отношений.

Больше всего обеспокоенность по поводу будущего МТР проявляет марийское население республики, которое, собственно, и поддерживает функционирование этой религии в настоящее время.

Однако, как и по другим конфессиям, уже на рубеже XX–XXI веков их численность была подвержена уменьшению. Так, если в 1994 году такое беспокойство было характерно трем четвертям всех верующих в МТР независимо от их национальности (61 %), то в 2004 году – уже примерно трети (32,2 %), то есть численность обеспокоенных за судьбу этой религии уменьшилась почти на 29 %. Уменьшилось и число двоеверцев, проявляющих беспокойство по вышеуказанному вопросу (с 51,3 % до 32,9 %).

Большое беспокойство по этому поводу, безусловно, проявляют верующие мари, придерживающееся МТР (Табл. 5): 61 % приверженцев МТР и почти 52 % двоеверцев на вопрос *«Испытываете ли Вы беспокойство за будущее Вашей религии?»* дали однозначный ответ «да, беспокоюсь».

Таблица 5

Беспокойство верующих мари за будущее своей религии
в зависимости от их конфессиональной принадлежности (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Православие		Двоеверие (православие + МТР)		МТР	
	1994	2004	1994	2004	1994	2004
Да, беспокоюсь	43,4	30,6	51,9	34,4	61,0	32,1
Нет, не беспокоюсь	25,2	44,4	16,7	34,4	7,3	14,3
Затруднились ответить	31,4	25,0	31,4	31,2	31,7	53,6

Однако уже к 2004 году данный показатель, как и в случае подсчета его значения в процентах от числа опрошенных (см. предыдущий абзац), значительно снизился – почти в 1,9 раза (приверженцы МТР) и в 1,6 раза (двоеверцы). В последующие годы в социологических исследованиях не предусматривалось выявление мнения жителей республики по поводу их обеспокоенности будущим своей религии, поэтому невозможно выстроить дальнейшую динамику общественного сознания по данному вопросу.

В заключении отметим следующее.

Русские и татары привязаны, как правило, к одной религии, исторически идентифицирующей их с народом, с которым они связаны по рождению. Такой жесткой привязанности к одной религии мы не видим у мари. По результатам исследований конца XX – начала XXI века, большая часть мари всегда связывала себя не с традиционной религией народа, а с православием, пришедшим к нему в силу исторических обстоятельств и сильно отличающимся по содержанию и форме от МТР.

Тем не менее МТР достаточно популярна среди верующего марийского населения. Если включать в это число и двоеверцев, то получается, что МТР сегодня (2020) придерживаются более 30 % верующих мари. Среди факторов ее витальности можно отметить также интерес к ней в молодежной среде, более высокое, по сравнению с православными мари, качество веры (соблюдение религиозных обычаев и обрядов), превалирующее положительное отношение к возрождению МТР марийских приверженцев этой религии, высокий уровень обеспокоенности по поводу будущего МТР, выражаемой марийским населением республики и т.д.

Литература

1. *Абукаева Л.А.* Запреты в системе воззрений народа мари / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2018. 204 с.

2. *Бушков Р.А.* Языческий дух мари // Ончыко. 2012. № 7. С. 175–188.

3. *Глухова Н.Н.* Информативность и поэтика марийских языческих молитв / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1995. 115 с.

4. *Глухова Н.Н.* Структура и стиль текстов марийских заговоров. Йошкар-Ола, 1996. 112 с.

5. Информационный бюллетень по итогам работы республиканских учреждений культуры, искусства и предприятий отрасли печати в 2006 году / Мин-во культуры, печати и по делам национальностей РМЭ. Йошкар-Ола, 2007.

6. Календарные праздники и обряды марийцев: сб. статей / МарНИИЯЛИ: сост. *О.А. Калинина*; отв. ред. *Н.С. Попов*. Йошкар-Ола, 2003. 285 с.

7. *Калиев Ю.А*. Религиозные верования // Этнография марийского народа. 2001. № 2. С. 161–167.

8. *Калиев Ю.А*. Современное язычество мари: проблемы и перспективы // Марийская религия и культура: материалы науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 1998. С. 53– 59.

9. *Калиев Ю.А.* Сылнымут да тоштой. Литература и мифология: Нравственное воспитание на традициях марийского язычества. Йошкар-Ола, 1999. 266 с.

10. *Калиев Ю.А*. Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2003. 215 с.

11. *Напольских В.* Заметки на полях: Неоязычество на просторах Евразии // Вестник Евразии = Acta Eurasica. 2002. № 1. // Удмуртология. URL: http://udmurt.info/library/napolskikh/neoyaz.htm (дата обращения:01.11.2021).

12. О марийской традиционной религии // *Попов Н.С., Таныгин А.И*. «Юмын йӱла» («Основы традиционной марийской религии»). Йошкар-Ола, 2003. С. 132–140. URL: http://хранителиязыка.рф/kultura/o-marijskoj-traditsionnoj-religii/ (дата обращения: 02.11.2021).

13. *Попов Н. С.* Современное язычество финно-угорских народов России // Финно-угроведение. 2001. № 1. С. 109–115.

14. *Соловьев В.С.* О социальном статусе марийской традиционной религии // Марийский юридический вестник. 2013. Вып. 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotsialnom-statuse-mariyskoy-traditsionnoy-religii/viewer (дата обращения: 12.10.2021).

15. *Соловьев В.С*. Язычество и национальное самосознание народа // Вестник Марийского государственного университета. 2007. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotsialnom-statuse-mariyskoy-traditsionnoy-religii/viewer (дата обращения: 12.10.2021).

16. *Степанов А.Ф*. Сотворение мира (О марийском язычестве в контексте возникновения и эволюции человеческого общества). Йошкар-Ола, 2003. 110 с.

17. *Тойдыбекова Л.С.* Марийская языческая вера и этническое самосознание. Йоэнсуу, 1997. 397 с.

18. *Чуриков И.* Духовность народа мари// Ончыко. 2002. № 9. С. 26–31.

19. *Чуриков И.А*. Этнопедагогика народа мари: учеб. пособие. М.: Академический проспект, 2005. 304 с.

20. *Шишкин Марк*. Верховный карт марийцев РТ: «Раньше в деревнях на одной половине жили православные, а на другой — некрещеные» // URL: https://realnoevremya.ru/articles/61317-obschina-mariyskih-yazychnikov-vybrali-sebe-predsedatelya-cro (дата обращения: 12.11.2021).

21. *Шкалина Г.Е.* Марий илышын тошто кышаже: очерк-влак. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2006. 144 с.

22. *Шкалина Г.Е*. Мифологические аспекты в традиционном мировоззрении народа мари: монография. Saarbrücken, 2015. 95 с. URL: https: www.palmarium-publishing.ru (дата обращения: 20.10.2018).

23. *Шкалина Г.Е*. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 303 с.

24. *Шкалина Г.Е*. Традиционная культура народа мари: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2002. 160 с.

25. *Шкалина Г.Е*. Традиционная культура народа мари: монография. Изд. 2-е, доп. и перераб. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003. 208 с.

26. *Шкалина Г.Е*. Язычество народа мари// Этносфера. 2000. № 6. С. 30–35.

27. *Шкалина Г.Е.* Ценностные аспекты этиологических нарративов финно-угорских народов России // Россия в глобальном мире: культура и цивилизация: коллект. монография / КазГИК. Казань, 2018. С. 186–206.

28. Этническая культура марийцев (традиции и современность) / МарНИИЯЛИ; науч. ред. *Н.С. Попов*. Йошкар-Ола, 2002. 151 с.

29. *Юадаров К.Г.* Вера предков: язычество. Йошкар-Ола, 2007. 267 с.

30. *Ямурзин А.А*. Картина мира марийского язычества: социальные аспекты: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2007. 18 с.

31. *Ямурзин А.А*. О некоторых аспектах современного состояния язычества в Башкортостане (на примере язычества мари) // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 1. С. 113–115.

УДК 75.03

Г.Е. Шкалина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

МАРЛА МАРЫ ИЗМАИЛ ЕФИМОВ

Статья написана в форме эссе и посвящена культурологическому анализу творческой деятельности заслуженного художника Российской Федерации и Республики Марий Эл, автора гербов Республики Марий Эл Измаила Варсонофьевича Ефимова, моральным императивом которого является не тиражировать себя, а создавать настоящие художественные произведения.

Ключевые слова: *марийский художник, народное искусство, этнофутуризм, стилистика, изобразительный метод.*

Мый Мландын-Аван ӱмырашлык салтакше улам…
Валентин Колумб

Кумдан палыме марий сӱретче Измаил Ефимов – *марий сымыктыш сандалыкын ӱмырашлык салтакше*. Тудо ынде пел курым утла шке юзо чияпыстылже дене возымо сандалыкшым ӱшанлын орола да арала. Художник Юл ден Сура энгерла коклаште сылнын верланыше Порандай ялыште 1946 ий 14 ноябрьыште шочын. Ты узьмак верым Юмо сӱретлашак келыштарен, манеш Измаил Варсонофьевич. Йырваш ончалаш гын, тораштат огыл, корем гоч веле, вес лӱмлӧ курыкмарий сӱретче Александр Григорьев шочын-кушкын. Ала-молан дыр ты кундемыште илыше марий-влакым ожно «марла мары» манынат. Тидыже ала «чын марий» манмым ончыкта?

Ик тыгай чын марий ешыште кушшо Измаил лӱман йочан аваже шекланен шуктен: эргыже сӱретлаш моткоч йӧрата. Зинаида Николаевна изи икшывыжым кумыланден шога, пазарыште альбомым, тӱрлӧ чиян карандаш-влакым наледа. ХХ курым покшелне ялысе марий рвезылан тиде нимучашдыме кугу куанле пӧлек лийын. Кугурак класслаште тунеммыж годым Измаилым сай кӱкшытыштӧ сӱретлаш Иван Пландин туныктен. Тыге юзо карандаш ден альбом-влак шке «пашаштым» кӱлешынак ышташ тӱналынат. Ялысе школ деч вара марий рвезе Озаҥ оласе Художественный училищыш тунемаш толеш да Татарстанын палыме сӱретчыже Василий Тимофеевын тунемшыже лиеш. Тышечынак армийыш кая, но туштыжат мастарлыкшым шуараш йӧным муэш. Училищым пытарымеке, Измаил Москосо престиж ден темше В. Суриков лӱмеш Художественный институтыш тунемаш пура.

Кӧ ХХ курымын 60–80-ше ийлаштыже элнан рӱдӧ олаштыже тунемын, тудо пала: ойырен налме профессийлан кумылын ямдылалтме, наукышто але сымыктыш аланыште у шинчымашым погымо деч посна Москва эрыкан шӱлышым, кумда шинчаончалтышым, илышын чон кӱкшытшым палынак

ешарен. Самырык айдеме шуко театр, галерей, цирк, тоштер ден выставкылаште, концертлаште лиеда, шкеж гаяк самырык-влак дене палыме лиеш, москвич-влакым (а нуныжо такше чыла шотыштат весырак улыт), тӱрлӧ йот элла гыч толшо тунемше-влакым эскерен ила. Южгунамже туге чучеш, пуйто чыла мландыкумдыкым авалтет, шуко ужат, шижат, умылет, кӧргӧ поянлыкым чумырет, илыш горизонтым шарет, волгыдо ончыкылыклан кугу ӱшан дене илет. Чыла тиде пырляже ала-мом гынат ойыртемалтшым шымлаш, почеламутым ма але мурсемым возаш, чаплын сӱретлаш тарата. Мом ойлаш, тудо мондалтдыме пагытыште Москва ола кызытсе дечын сайынак ойыртемалтын, шуко марий рвезе ден ӱдыр-влаклан кугу илыш академий лийын. Арамлан огыл нунын кокла гыч шукынжо лӱмлӧ художник, поэт, писатель, артист, режиссёр, композитор, науко пашаеҥ лийыныт, марий нацийым виянден толыныт.

Измаил Ефимов, В. Суриков лӱмеш Художественный институтым тунем лекмеке, шочмо марий кундемышкыже пӧртылеш да кӱчык жапыште идейлан поян шуко радынам шочыкта. Тудо пагытыште сӱретчылан утларакше шочмо кырык сирже, пӱртӱсшӧ, калыкше, ойыртемалтше илыш-йӱлаже лишыл улыт. Тӱҥ шотышто тудо айдеме ден пӱртӱс коклосе ойыраш лийдыме кылым ончыкта, садлан сӱрет-влак тыматлын шӱм-чоным, шинчам куандарыше *пастель* манме тӱсан, шуко-шуко южым пуртышо, поро илышлан кумыланҥдыше улыт: «Шошо нерген шарнымаш» (1981), «Мыйын землякем-влак» (1981), «Кочамын кудыжо» (1984), «Пошкудылан у пӧрт» (1985). Ты жапысе чыла гаяк сӱрет-влак автобиографийже дене кылдалтыныт, садлан нуно шуко «каласкален» кертыт. Мутлан, «Ялысе гимнаст» (1979) – тиде спортлан шӱман Измаил шкежак.

Пеш вашке Измаил Ефимовын мастарлыкше профессионал сӱретче-влак могырым кӱкшӧ акым налеш. А теве «Фронтыш ужатат» (1979) радынаже СССР художник-влак Академийын дипломжо, ВЛКСМ ЦК-н премийже дене палемдалтын, элна мучко тӱрлӧ выставкылаште ончыкталтын. Посна палемдыман: самырык художникын творчествыже социализм идеологий негызеш шочын гын, мастарлыкше кӱчык жапыште нимогай идеологий дек пижыкташ лийдыме эрыкан *живопись* аланыште палдаралтын. Ты профессионал корныштo тудо Микеланджелом, Тицианым, Рембрандтым, В. Кандинскийым, В. Суриковым кӱкшын аклен, нунын деч кумыланҥын шоген.

Сымыктыш тӱнян салтакше-влак шукынжо шке пӱрымашышт ден гына огыт иле. Нунылан шочмо калыкыштын, мландымбалысе чыла айдеме тукымын пӱрымашышт шерге. Измаил Ефимовын творчествыже марий калыкын наций семын вияҥме пагытысе сылнылык тӱняшкыже палынак шыҥен. Шарналташ гын, кажне калыкын тыгай жапысе посна ойыртемже – тиде профессионал сымыктышын шочмыжо, вийым налын, шуаралтмыже. Калыкын ты кӱкшӧ илыш пагытыштыже сӱретче ойыртемалтынак палдырна. Тудо шочмо калыкшын эртыкшым, тоштойжым, тынжым, икманаш, тӱвыран ойыртемжым шымла, а вара, шке чон саскажым, уш саскажым тӱрлӧ *знакыш, символыш* савырен, шкешотан *изобразительный* манме йӧн-влакым кучылтын, *художественный произведенийым* шочыкта. Тыге сымыктыш кӱкшыт чоналтеш.

Жап эртыме семын И. Ефимовлан ик верыште тошкыштмыла чучаш тӱҥалын, чон ала-мом уым йодын. Саманат вашталт шоген, омса шенгелне мер илыш шошымсо вӱдшор гай шолын. Политикыште, экономикыште писын каен шогышо вашталтыш-влак шуко умылыдымашым луктыныт, марийын чонжылан тынар шерге улшо пӱртӱс локтылалтын, айдеме ден айдеме коклаште вашшогымаш тарванен. Чыла тидыже у темыш, сӱретлыме вес *стилистикыш* куснаш таратен. Тыге, чон вургыжын, лирике шӱлышан *реализм* виктыш деч торлен, «Шествие» (1991) радына возалтеш. Марлаже тудым, очыни, «Онго» манаш лиеш: кучемын енгже-влак калыкым онго кӧргыштӧ йыр коштыктат, очыни, тошто илышым пужен, рашдыме ала-мом весым чоҥаш поктылыт. Раш шижалтын: курымла дене шӱм-чонышто аралыме алал шулен толеш, айдемыжат, калыкшат кугу машинын «винтикше» семын веле ончалтыт. Тыге акыр саман мартеат илен шуаш лиеш… Але марте марий живопись тыге туран да виян пӱсӧ илыш йодышым радынаш лукташ тоштын огыл.

СССР шаланымеке, финно-угор сымыктыш аланым *этнофутуризм* толкын авалтен. Тудо эстон мландыште тӱҥалын да пеш вашкен Коми, Удмурт, Мордва, Марий кундемлаште, Скандинавий, Сибирь кумдыклаште сылнымутын, театрын, чиясӱретын мастарже-влак коклаште йӱксавышым муын. Лач тунам Измаил Ефимовын чия ден возымо сюжет-влак, *официозлан* торешланен, палынак вашталтыт. Нуныжым автор тӱнян, айдемын шочмышт нерген мифлаште, пӱртӱс илыш ден келыштаралтше пайрем йӱлаште, калык вургемыште, кудышто кучылтмо тӱрлӧ арверыште кычалын. XX ден XXI курым-влак ушнымо саманыште у сӱретлыме йӧн дене возымо кугу паша лектышым «Этносфера» лӱман радына ушен шога. Нуныжо фотографий семын пӱртӱсым, айдемым да тудын илыш радамжым, чарен шогалтен, чия гоч чапландарен ончыктымо гай огыт кой. Икмынярышт пуйто марий ӱдырамашын вуйчиемже гыч лектыныт, весышт юзо чодыра аланым, пӱчым але маскам ушештарат, южышто чоҥештылше копшаҥгын, кайыквусын, вӱдыштӧ озаланыше колын ӱжакаштым шарныктат. Нуным автор, шуко йӧным *(стильым)* кучылтын, утларакшым йошкар, кӱрен, нарынче, ужар чия дене сӱретла, танастарыме *(метафор)* «йылманым» ышта да ончышылан тыгеракын темла: акрет жапыште пӱртӱслан кумал илыше тоштыен-влак эртыкын пуракышкыже савырнен огытыл, нуно таче илыше айдемын вуй-ушыштыжо, чон-шижмаштыже илат, мутланат, кумылаҥдат, у деч у тукым-влакым, аралеи, саклат. Садлан ӱшанлын тыге каласаш лиеш: фольклорышто, калык тӱвыраште кумдан палдырныше ӱжвата, тамка але орнамент негызеш чоҥымо у сымыктыш – тиде у жапын виян мутшо, ӱжмашыже, *манифестше*. Арамлан огыл марий сӱретчын тыгай радынаже-влак Российыште гына огыл, Европыштат, Азийыштат кугу тӱткышым, умылымашым вашлийыт.

И. Ефимовын этнофутуризм сынан сымыктышыжым композиторын шым ното гыч шочыктымо симфонийже дене танастараш лиеш. «Художникын кыртмен ыштыме пашаже – тыгаяк *композиторство*», –манеш Измаил Варсонофьевич.

XXI курымыштат Измаил Ефимов шке сымыктыш корныштыжо уым кычалеш. Тудо Юмын пӱрымӧ талантшым тираж могырышкыла ынеж савырал, ремесленник ынеж лий. Илаш гын ты мландыште – лияш кӱлеш Айдеме, виян

йӱкан да пенгыде туп рӱдан. Лач тыге умылыман художник И. Ефимовын чоным туржшо Марий Элын герольдмейстер пашажым…

Умбакыже тудын чияпыстылже Йошкар-Олан вашталт толмыжым эскерыш. Тыге Какшан воктенысе вӱд спорт ден кылдалтше канде-пелганде тӱсан полат-влак радынашке куснышт, тӱрлӧ ончерлаште авторым у могырым чапландарышт.

А илыш орава пӧрдеш да пӧрдеш. Шукерте огыл Йошкар-Оласе ИЗО тоштерыште Измаил Ефимовын выставкыже эртыш. Тудо кок датым ушен: Марий автономийлан 100 ий темме да художникын 75 ияш лӱмгечыже. Ик шыже кечын ончерыш меат – Марий кугыжаныш университетын студент ден туныктышо-влак – мийышна, юбиляр дене вашлийна. Кужу чапле мутланымаш лие. Самырык тукым лӱмлӧ сӱретчын творчествыжым марий калыкын воштончышыжо семын аклыш, этнофутуризм шотышто шуко йодыш ыле, кызытсе фотосӱрет теме тарваталте.

Пытартыш жапыште марла мари сӱретче Измаил Ефимовым мӧчӧр-влак тургыжландарат. Уке, омышто огыл. Шорыкйол пайрем гычат огыл. Йырваш кажне кечын шинчаончылно пӧрдшӧ мӧчӧр-влак. Нунышт шке айдеме тӱсыштым шылтеныт, маскым чиеныт...

Тӱнямбалне – у маскарад…

Тугеже *Мландын-Аван салтакше лийман…*

Литература

1. Ефимов Измаил Варсонофьевич: биобиблиогр. указ. Йошкар-Ола, 2010. 83 с.

2. Ефимов Измаил Варсонофьевич // Марийская биографическая энциклопедия / авт.-сост. В. А. Мочаев. Йошкар-Ола: Мар. биогр. центр, 2007. С. 124.

3. Измаил Ефимов: Живопись. Графика. Монументальная живопись. Декоративно-прикладное искусство / сост. Л. А. Кувшинская. Йошкар-Ола, 1985. 40 с.

4. *Колчева Э. М.* Реки Вселенной: неомифологизм в творчестве марийских художников. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2010. 71 с.

5. *Кудрявцев В.Г.* Художественная культура марийского народа: народное творчество, деревянное зодчество, изобразительное искусство. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2017. 256 с.

6. *Прокушев, Г.И.* Этюды о художниках Марий Эл. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003. 359 с.

7. *Шкалина Г.Е.* Художественный манифест Измаила Ефимова // Ефимов И.В. Живопись. Рисунок. Геральдика. Йошкар-Ола: ГУП «Газета Марий Эл», 2007. С. 5–8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. ***Абукаева Любовь Алексеевна***, д-р филол. наук, гл. науч. сотр. ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».
2. ***Алгаева Екатерина Петровна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
3. ***Алексеева Лидия Витальевна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
4. ***Александрова Христина Геннадьевна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
5. ***Андреева Ирина Николаевна***, канд. пед. наук, и.о. зав. кафедрой педагогики начального и общего образования ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
6. ***Анисимова Татьяна Михайловна***, учитель начальных классов МОБУ «Медведевская средняя общеобразовательная школа № 2».
7. ***Арзамазов Алексей Андреевич***, д-р филол. наук, зав. лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии ФИЦ «Казанский научный центр РАН».
8. ***Артёмова Анастасия Артёмовна***, учитель начальных классов МБОУ «Средняя школа № 23 г. Йошкар-Олы».
9. ***Барцева Елена Александровна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
10. ***Барцева Людмила Ивановна***, канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
11. ***Беляева Татьяна Николаевна***, канд. филол. наук, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
12. ***Бояринова Галина Никитьевна***, канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
13. ***Быкова Дарья Ивановна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»**.**
14. ***Быкова Кристина Владимировна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
15. ***Васильева Диана Алексеевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
16. ***Виногорова Марина Святославовна***, учитель русского языка и литературы МОУ «Шелангерская средняя общеобразовательная школа» Звениговского района Республики Марий Эл.
17. ***Ведерникова Надежда Дмитриевна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
18. ***Горячева Мария Александровна***, канд. филол. наук, старш. науч. сотр. Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
19. ***Гусева Екатерина Владимировна***, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
20. ***Гусева Надежда Васильевна***, канд. филол. наук, зав. РИО ГБУ ДПО Республики Марий Эл «Марийский институт образования».
21. ***Гусева Элина Витальевна***, канд. филол. наук, и.о. зав. кафедрой финно-угорской и сравнительной филологии, зам. директора Института национальной культуры и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

22. ***Дубовникова Анастасия Юрьевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

23. ***Емельянова Екатерина Робертовна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

24. ***Ермина Наталья Ивановна,*** аспирант ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

25. ***Зайцева Татьяна Ивановна***, д-р филол. наук, зав. кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

26. ***Замброва Татьяна Леонидовна***, учитель русского языка и литературы МОУ «Шелангерская средняя общеобразовательная школа» Звениговского района Республики Марий Эл.

27. ***Иванова Ираида Геннадьевна,*** канд. филол. наук, доцент кафедры фундаментальной медицины ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

28. ***Иксанова Лидия Геннадьевна***, преподаватель ГБПОУ РМЭ «Марийский республиканский колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая», аспирант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

29. ***Ишимова Наталья Олеговна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

30. ***Карпов Игорь Петрович***, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

31. ***Киткаев Евгений Валерьевич***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

32. ***Кондрашкина Елена Алексеевна***, канд. филол. наук, старш. науч. сотр. Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

33. ***Костина Ксенья Георгиевна***, старш. науч. сотр. КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования».

34. ***Котова Анастасия Викторовна***, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков, начальник отдела аспирантуры и докторантуры ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины».

35. ***Кудрявцева Раисия Алексеевна***, доктор филол. наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

36. ***Кузнецова Маргарита Нифонтовна***, канд. филол. наук, доктор философии (PhD).

37. ***Куклина Ирина Евгеньевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

38. ***Кунцева Евгения Владимировна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

39. ***Ласточкина Елена Григорьевна***, канд. филол. наук, старш. преподаватель кафедры марийской литературы и фольклора ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

40. ***Лёвшина Анна Вячеславовна***, студент ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры».

41. ***Ложкина Виктория Валентиновна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

42. ***Любимов Николай Иванович***, аспирант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

43. ***Максимов Валерий Николаевич***, канд. филол. наук, доцент доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

44. ***Максимова Ольга Михайловна***, канд. филол. наук, зам. директора Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

45. ***Мальцева Елена Валентиновна***, канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики начального и общего образования ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

46. ***Михайлов Виталий Тимраевич***, канд. пед. наук, зав. лабораторией «Марийская школа» ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

47. ***Михайлова Кристина Евгеньевна,*** студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

48. ***Молодцова Юлия Юрьевна***, магистрант ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры».

49. ***Морозова Екатерина Николаевна,*** аспирант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

50. ***Никитина Марина Анатольевна,*** магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

51. ***Никифорова Кристина Геннадьевна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

52. ***Пантелеева Вера Григорьевна,*** канд. филол. наук, доцент кафедры художественного перевода ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А.М. Горького».

53. ***Пантелеева Евгения Владимировна***, аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

54. ***Пекшеева Эльвира Ивановна***, канд. филол. наук, старш. науч. сотр. ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

55. ***Пендельская Елена Александровна***, аспирант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

56. ***Петрова Елена Никифоровна***, аспирант ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

57. ***Пустаи Янош,*** д-р филол. наук, профессор-эмирит Будапештского университета им. Лоранда Этвеша.

58. ***Пчелкина Аида Павловна,*** магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

59. ***Рыбаков Иван Яковлевич,*** аспирант ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

60. ***Рябинина Марианна Владимировна***, канд. филол. наук, специалист НОЦ языковых технологий «Марий йылме» ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

61. ***Самсонова Елена Степановна***, магистрант ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

62. ***Сергеев Олег Арсентьевич***, канд. филол. наук, старш. науч. сотр. ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

63. ***Сергеева Анна Анатольевна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

64. ***Сибатрова Серафима Сергеевна***, канд. филол. наук, старш. науч. сотр. ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

65. ***Суворова Яна Алексеевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

66. ***Степанова Татьяна Силантьевна***, специалист отдела филологических исследований ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН».

67. ***Тимофеева Полина Арсентьевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

68. ***Фёдорова Кристина Алексеевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

69. ***Фурзикова Алена Рудольфовна***, методист ГБПОУ РМЭ «Оршанский многопрофильный колледж им. И.К. Глушкова».

70. ***Хабибуллина Флера Яхиятовна,*** канд. пед. наук, доцент кафедры фундаментальной медицины ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

71. ***Хайруллин Руслан Зинатуллович***, д-р пед. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации АНО «Российский новый университет».

72. ***Хасанов Ришат Фаукатович***, д-р филол. наук, профессор кафедры филологии Бирского филиала ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

73. ***Чурикова Юлия Александровна***, учитель начальных классов МОБУ «Новоарбанская средняя общеобразовательная школа» Медведевского района Республики Марий Эл.

74. ***Шабыков Виталий Иванович,*** канд. филос. наук, старш. науч. сотр. ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

75. ***Шеянова Светлана Васильевна***, д-р филол. наук, профессор кафедры финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

76. ***Шкалина Галина Евгеньевна***, д-р культурологии, профессор кафедры культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

77. ***Эрцикова Галина Алексеевна***, канд. филол. наук, вед. науч. сотр ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

78. ***Юсупов Айрат Фаикович***, канд. филол. наук, доцент кафедры татарского языкознания ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

79. ***Юсупова Нурфия Марсовна***, д-р филол. наук, профессор кафедры татарской литературы ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

80. ***Яковлева Наталья Ивановна***, учитель марийского языка и ИКН МОУ «Помарская средняя общеобразовательная школа» Волжского муниципального района Республики Марий Эл.

81. ***Ямбаршева Алина Алексеевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Научное издание

Проблемы марийской и сравнительной филологии

Сборник статей

Составитель
Т.Н. Беляева

Ответственный редактор
Р.А. Кудрявцева

Компьютерная обработка материалов и компьютерная верстка
Т.Н. Беляева
Р.А. Кудрявцева

Дизайн обложки
Р.А. Кудрявцева

Темплан 2021 г. № 103
Подписано в печать 13.12.2021 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 21,70.
Тираж 150. Заказ № ___

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Вертола»
424004, г. Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, д. 45.